

ЛИНКОЛЬН ЧАЙЛД

СМЕРТЕЛЬНЫЙ РАЙ

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЕР

Annotation

Вы хотите найти себе идеального спутника жизни? Обратитесь в корпорацию «Эдем» — и вам подберут его на научной основе, с помощью новейшей компьютерной программы. Льюис Торп и Линдси Торвальд — одна из многих счастливых пар, соединившихся благодаря «Эдему», и первая из шести идеальных, в которых муж и жена соответствуют друг другу на все сто процентов. И сообщение о двойном самоубийстве супругов Торп становится громом с ясного неба. Для выяснения обстоятельств этого странного дела руководство корпорации нанимает бывшего агента ФБР, психолога Кристофера Лэша. Однако его расследование быстро заходит в тупик: у Торпов не было абсолютно никаких причин расставаться с жизнью. Тем временем та же страшная история происходит со второй идеальной парой...

Впервые на русском языке! От знаменитого создателя бестселлеров «Из глубины», «Золотой город», «Граница льдов».

- [Линкольн Чайлд](#)
 - [Благодарности](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
-

Линкольн Чайлд

Смертельный рай

Веронике

Благодарности

Пока я писал эту книгу, многие поделились со мной своим опытом. Я бы хотел поблагодарить своего друга и редактора издательства «Даблдей» Джейсона Кауфмана за его помощь во многих вопросах, больших и малых. Спасибо также его коллегам, Дженни Чой и Рейчел Пейс.

Доктор Кеннет Фрейндлих предоставил мне бесценные сведения из области психологических исследований. Благодарю также докторов медицины Ли Сакно, Энтони Сифелли, Траяна Парвулеску и Дэниела Да Сильву за их опыт в области медицины и психологии. Сезар Баула и Крис Бак помогли мне в описании химических и фармацевтических подробностей. Мой двоюродный брат Грег Тир в очередной раз оказался благодарным слушателем и источником идей. Я искренне благодарен специальному агенту Дугласу Мартину за его помощь в разработке юридических аспектов книги.

Особая благодарность Дугласу Престону за его поддержку во время написания книги и разработку ключевой главы.

Мне также хотелось бы поблагодарить Брюса Свонсона, Марка Менделя и Джима Дженкинса за их советы и дружбу.

Наконец, хочу поблагодарить всех тех, без кого моих романов никогда бы не было: мою жену Лючи, мою дочь Веронику, моих родителей Билла и Нэнси и моих брата и сестру Дуга и Синтию.

Вряд ли стоит говорить, что все персонажи, организации, события, места, названия, фармацевтические продукты, психологические исследования, правительственные учреждения, вычислительные устройства и прочие составляющие данного романа полностью вымышлены или используются в целях художественного повествования. Корпорация «Эдем» в данной книге — хотя, возможно, когда-нибудь она и будет существовать — в настоящее время является плодом моего воображения.

Морин Боуман впервые услышала, как плачет ребенок соседей.

Плач привлек ее внимание не сразу — лишь минут через пять, может, через десять. Она заканчивала мыть посуду после завтрака — и вдруг замерла, держа на весу руки в желтых перчатках, с которых стекала мыльная пена. Морин поняла, что не ослышалась: плач доносился из дома Торпов.

Морин сполоснула последнюю тарелку, обернула ее влажной тряпкой и задумчиво повертела в руках. Детский крик никого бы тут не обеспокоил, будучи столь же рядовым звуком пригорода, как звяканье тележки мороженщика или лай собаки, — всего лишь фоновый шум, который не улавливало сознание.

Почему же она обратила на него внимание? Морин поставила тарелку на сушилку.

Потому что ребенок Торпов никогда не плакал. В погожие летние дни, когда окна были открыты настежь, она часто слышала, как малышка агукает, пищит или смеется, иногда под звуки классической музыки. Легкий ветерок смешивал голос девочки с запахом пиний.

Морин вытерла руки полотенцем, аккуратно сложила его и подняла взгляд. Был уже сентябрь — первый по-настоящему осенний день. Вдали, за закрытым из-за холода окном, пурпурные склоны вершин Сан-Франциско покрывал снег.

Пожав плечами, Морин отошла от раковины. Все дети время от времени плачут. Даже напротив, стоит беспокоиться, если они не делают этого. К тому же это не ее забота — у нее и так работы по горло, куда уж там лезть в жизнь соседей. Была пятница, как всегда самый суматошный день недели. Репетиция в ее хоре, балет у Кортни, тренировка по карате у Джейсона. К тому же сегодня у Джейсона день рождения, на который он пожелал фондю из говядины и шоколадный торт, что означало еще одну поездку в

новый супермаркет на Шестьдесят шестом шоссе. Вздыхнув, Морин вытащила список неотложных дел из-под магнита на дверце холодильника, взяла с подставки под телефон карандаш и начала вписывать очередные пункты.

Неожиданно она остановилась. Учитывая закрытые окна, ребенок Торпов действительно орал во все горло, раз она слышала его...

Морин попыталась не думать об этом. Наверное, малышка ушибла ножку или что-нибудь в этом роде. Может, у нее колики, вполне обычное дело в ее возрасте. Кроме того, Торпы — взрослые люди и вполне способны справиться сами. Они справятся с чем угодно.

Последняя мысль выглядела слегка ироничной, и Морин сразу же оборвала себя. У Торпов другие интересы, они вращаются в других кругах, только и всего.

Льюис и Линдси Торп переехали во Флагстафф всего год назад. Молодая привлекательная пара резко выделялась в районе, где жили главным образом одинокие люди и пенсионеры. Морин вскоре пригласила Торпов на ужин. Они оказались очаровательными гостями: дружелюбными, любящими пошутить и очень вежливыми. Разговор с ними шел легко и непринужденно. Впрочем, ответного приглашения так и не последовало. В то время Линдси была на последнем месяце беременности, и Морин хотелось верить, что причина именно в этом. А теперь, когда у нее родился ребенок и она вернулась на работу... вполне можно понять их.

Морин медленно подошла к раздвижной стеклянной двери. Отсюда дом Торпов был виден лучше. Она знала, что вчера вечером они были дома. Во второй половине дня Морин видела, как машина Льюиса проехала мимо. Сейчас, когда она смотрела на дом соседей, там царило полное спокойствие. Если не считать ребенка. Господи, у этой малышки, похоже, железные легкие...

Морин подошла ближе к двери и вытянула шею. На дорожке стояли оба автомобиля Торпов — одинаковые «Ауди А-8», черный Льюиса и серебристый Линдси.

Оба дома, в пятницу? Действительно странно. Морин прижалась носом к стеклу.

И тут же попятилась. «Ты ведешь себя как та самая сующая

повсюду свой нос соседка, какой обещала себе никогда не быть», — подумала она. Ведь причин могло быть множество. Скажем, малышка больна, и родители остались дома, чтобы ухаживать за ней. Может, собираются приехать дедушка с бабушкой. Или Торпы решили уехать на выходные. Или...

Крик ребенка стал хриплым и прерывистым. Морин, не раздумывая, отодвинула стеклянную дверь.

«Погоди, нельзя же просто так взять и пойти туда. Если ничего страшного не случилось, я лишь помешаю им, а себя выставлю идиоткой».

Она посмотрела на кухонный шкафчик. Вечером она испекла шоколадного печенья на день рождения Джейсона. Почему бы не отнести им немного? Вполне разумный добрососедский поступок.

Морин быстро схватила бумажную тарелку, но тут же сменила ее на фарфоровую, положила на нее десяток печений и прикрыла сверху пленкой. Взяв тарелку, она подошла к двери.

Вспомнив, что Линдси прекрасно умеет готовить, Морин снова заколебалась. Несколько недель назад, когда они встретились возле почтовых ящиков, та извинилась, что не может поговорить, поскольку именно сейчас занята приготовлением шоколадного крема с жженым миндалем и все уже на плите. Что они подумают о тарелке домашнего шоколадного печенья?

«Слишком много размышлений. Просто иди туда».

Что, собственно, смущало ее в Торпах? То, что они как будто не нуждались в ее дружбе? Они были хорошо образованы, но и Морин в свое время получила диплом с отличием по английской филологии. Они богаты, впрочем как и половина местных жителей. Может, то, что они казались столь совершенной, идеально подобранной парой? Просто удивительно. Во время того единственного визита Морин заметила, как они держались за руки, как один часто заканчивал фразу, начатую другим, как они постоянно обменивались короткими, но многозначительными взглядами. «Счастливы до отвращения» — так называл это муж Морин. Впрочем, сама она не видела в этом ничего дурного. Честно говоря, она обнаружила, что слегка завидует им.

Крепко держа в руках тарелку с печеньем, она подошла к двери, отодвинула ширму и вышла наружу.

Было прохладное ясное утро, в воздухе чувствовался сильный запах кедра. В кронах деревьев пели птицы, а из долины, со стороны города, слышался печальный свист поезда, въезжающего на станцию.

Снаружи детский плач был слышен намного громче.

Морин решительно пересекла газон между садовыми фонарями и перешагнула бордюр из железнодорожных шпал. Она впервые оказалась на участке Торпов, и ей отчего-то стало не по себе. Территория за домом была огорожена, но сквозь щели в заборе Морин заметила японский садик, о котором рассказывал Льюис. Японская культура была его увлечением, и он перевел несколько великих поэтов, авторов хайку. Он назвал несколько имен, которых она никогда прежде не слышала. Садик выглядел мирно и безмятежно. Во время того ужина Льюис рассказал историю о наставнике дзен, который велел ученику привести в порядок его сад. Ученик потратил на это целый день, собирая засохшую листву, подметая и чистя каменные аллеи, разравнивая граблями песок. Наконец учитель пришел взглянуть на результаты его трудов. «Хорошо?» — спросил ученик, показывая на тщательно убранный сад. Но наставник отрицательно покачал головой, затем поднял горсть камешков и разбросал их по ровному песку. «Вот теперь хорошо», сказал он. Морин вспомнила веселые искорки в глазах Льюиса, когда тот рассказывал эту историю.

Она поспешно двинулась вперед, слыша все более громкий крик ребенка. Прямо перед ней была кухонная дверь Торпов. Морин подошла к двери, предусмотрительно изобразив на лице лучезарную улыбку, и отодвинула ширму. Она постучала, но после первого толчка дверь открылась сама.

Морин шагнула в дверь.

— Эй! — крикнула она. — Линдси? Льюис?

Здесь, в доме, детский плач буквально разрывал уши. Она даже представления не имела о том, что младенец может кричать столь громко. Где бы ни были родители, они наверняка не слышали Морин. Как они могли не замечать этого шума? Может, они в душе? Или занимаются страстным сексом? Она неуверенно огляделась вокруг. Кухня была прекрасна — профессиональное оборудование, блестящие черные шкафчики. И пуста.

Дверь вела прямо в освещенную лучами утреннего солнца

столовую. Ребенок был там, в сводчатом коридоре между столовой и каким-то другим помещением, которое, судя по виду, могло быть гостиной. Девочка была крепко привязана к высокому стульчику, лицом к комнате. Личико ее посинело от плача, щеки были залиты слюной и слезами.

Морин бросилась к ней.

— Ох, бедняжка. — Неловко балансируя тарелкой с печеньем, она нашла салфетки и начала вытирать лицо малышки. — Ну все, все.

Но ребенок не переставал плакать, размахивая кулачками и безутешно глядя прямо перед собой.

Морин потребовалось некоторое время, чтобы полностью вытереть личико девочки. От крика у нее звенело в ушах. Лишь когда она убрала салфетку в карман джинсов, ей пришло в голову взглянуть туда, куда смотрела малышка, — в гостиную.

В то же мгновение плач ребенка и звон упавшей тарелки с печеньем потонули в пронзительном вопле Морин.

Кристофер Лэш вышел из такси на заполненную людьми Мэдисон-авеню. В последний раз он был в Нью-Йорке полгода назад и, похоже, успел за эти месяцы отвыкнуть от него. Он вовсе не скучал по выхлопным газам стоящих в пробках автобусов, забыл неприятный запах гари вокруг уличных ларьков с кренделями. Толпы прохожих, бормочущих что-то в мобильные телефоны, сердитый рев автомобилей и грузовиков — все это напоминало ему лихорадочную суету колонии муравьев под поднятым камнем.

Крепче сжав кожаную сумку, он вышел на тротуар и проворно смешался с толпой. Он уже давно не держал эту сумку в руках, и она казалась ему теперь тяжелой и неудобной.

Он пересек Пятьдесят седьмую улицу, позволив людскому потоку нести себя, а потом свернул на юг. Еще один квартал, и толпа несколько поредела. Он перешел через Пятьдесят шестую, после чего остановился в пустой подворотне и, осторожно поставив сумку между ног, посмотрел вверх.

На другой стороне улицы поднималось к небу высотное здание. На нем не было ни таблички с номером, ни названия, сообщающего, что там находится. Вполне хватало фирменного логотипа, который, благодаря бесчисленным хвалебным репортажам, стал почти столь же известным символом Америки, как золотые дуги «Макдоналдса»: изящный вытянутый символ бесконечности прямо над входом в здание. На половине его высоты имелся уступ, а еще выше ажурная конструкция, окружающая небоскреб, словно лента, отделяла несколько последних этажей. Впрочем, подобная простота выглядела обманчиво. Цвет здания придавал ему ощущение глубины, словно лакированное покрытие самых роскошных автомобилей. В новейших учебниках архитектуры этот небоскреб называли «обсидиановым», но определение было не вполне верным; казалось, будто он излучает теплое сияние, на фоне которого соседние постройки выглядели холодно и мрачно.

Оторвав взгляд от фасада, Лэш достал из кармана пиджака фирменный бланк. Надпись в заголовке рядом с символом бесконечности гласила: «Корпорация „Эдем“», внизу стояла печать «Курьерская доставка». Он снова перечитал короткое письмо.

«Уважаемый доктор Лэш!

Мне понравился наш сегодняшний разговор, и я рад, что вы можете безотлагательно с нами встретиться. Ждем вас в понедельник в 10.30 утра. Пожалуйста, предъявите приложенную визитку сотруднику охраны в вестибюле.

С уважением,

Эдвин Мочли, директор вспомогательной службы».

Не получив от повторного прочтения никакой новой информации, Лэш убрал письмо в карман.

Подождав, пока сменится сигнал светофора, он поднял сумку и перешел улицу. Небоскреб располагался на некотором удалении от тротуара, что создавало некий оазис спокойствия. Мраморные сатиры и нимфы в фонтане плясали вокруг какой-то сгорбленной фигуры. Лэш с любопытством посмотрел на скульптуру сквозь туман водяных брызг, но так и не смог понять, мужская это фигура или женская.

Вращающиеся двери за фонтаном постоянно пребывали в движении. Лэш снова остановился, внимательно наблюдая за людьми — почти одни входящие. Скоро половина одиннадцатого, так что это не могут быть сотрудники. Нет, наверняка это клиенты, вернее, потенциальные клиенты.

Пройдя в большой просторный вестибюль, Лэш опять остановился. Стены были из розового мрамора, рассеянный свет создавал ощущение необычного тепла. Посередине находилась стойка администратора, того же обсидианового цвета, что и само здание. У стены справа, за пропускным пунктом, располагались лифты. Мимо Лэша тянулся нескончаемый поток посетителей — толпа людей разного возраста, расы, роста, телосложения. Все выглядели полными надежды, возбужденными, слегка взволнованными. В воздухе почти физически чувствовалось напряжение. Одни клиенты направлялись в дальний конец

вестибюля, где двойные эскалаторы поднимались к широкому сводчатому проходу с неброской надписью золотыми буквами над ним: «Обслуживание кандидатов». Другие шли к ряду дверей под эскалаторами с надписью «Прием заявлений». Третьи поворачивали налево, где Лэш заметил оживление и феерию красок. Он с любопытством подошел ближе.

Во всю высоту стены, от пола до потолка, располагались бесчисленные плазменные экраны. На каждом из них человек что-то говорил в камеру. Тут были мужчины и женщины, старые и молодые. Лица настолько различались, что Лэш несколько мгновений не мог найти между ними ничего общего. Потом он понял — на всех лицах сияли безмятежные улыбки.

Он присоединился к толпе, стоящей перед стеной в немом восхищении. Слышался шум множества голосов, вероятно доносящихся из скрытых между экранами громкоговорителей. Впрочем, благодаря какому-то фокусу с воспроизведением направленного звука он мог с легкостью выделить отдельные голоса и связать их с лицами на мониторах. «Моя жизнь полностью изменилась», — говорила симпатичная молодая женщина на одном экране, будто обращаясь прямо к Лэшу. «Если бы не „Эдем“, не знаю, что бы я делал, — сказал ему мужчина на другом, загадочно улыбаясь, словно ему была известна некая тайна. — Все стало иначе». Еще на одном мониторе голубоглазый блондин с лучезарной улыбкой произнес: «Это самое лучшее из всего, что я когда-либо сделал. И точка».

Слушая, Лэш обратил внимание на другой голос — тихий, на границе слышимости, немногим громче шепота. Он шел не с какого-то из экранов, но был словно повсюду. Лэш прислушался.

«Технология, — говорил голос. — Сегодня она используется для того, чтобы сделать нашу жизнь легче, дольше, удобнее. А если бы технология была способна на нечто еще более выдающееся? Если бы она могла дать осуществление желаний?

Представь себе технологию столь совершенную, что она могла бы воспроизвести — виртуально — твою личность, сущность того, что делает тебя неповторимым: твои надежды, желания, мечты, самые тайные стремления, которых ты, возможно, даже не осознаешь. Представь себе цифровую инфраструктуру, столь сложную, что она способна вместить эту реконструкцию твоего „я“, с

его бесчисленными исключительными сторонами и чертами, а также личности множества других людей. Представь себе могучий искусственный разум, который сравнит эту реконструкцию с множеством других и за час, день или неделю найдет того единственного человека, который идеально соответствует тебе. Идеального партнера, который является самой подходящей твоей второй половиной с точки зрения черт личности, воспитания, склонностей; исполнением твоей мечты, а не просто человеком, у которого случайно оказались подобные интересы; парой, идеально подобранной для тебя во всех отношениях, настолько точно и полно, что этого невозможно ни вообразить, ни описать».

Слушая бестелесный усыпляющий голос, Лэш продолжал наблюдать за бескрайним морем человеческих лиц на экранах.

«Никаких свиданий вслепую, — продолжал голос, — никаких балов для одиноких, где твой выбор ограничен горсткой случайных кандидатов, вечеров, потраченных впустую на тех, кто не подходит тебе. Вместо этого — безупречная, отлаженная система подбора. Она уже существует в корпорации „Эдем“.

Наши услуги недешевы. Впрочем, в случае каких-либо рекламаций компания обеспечивает гарантированный возврат всех понесенных расходов. Несмотря на это, из многих тысяч пар, подобранных „Эдемом“, ни одна не воспользовалась этой гарантией. Ибо эти люди — как и те, что на экранах перед вами, — поняли, что счастье не имеет цены».

Внезапно Лэш оторвался от экранов и посмотрел на часы. Он уже опаздывал на встречу на пять минут.

Пройдя через вестибюль, он достал визитку и вручил ее охраннику в форме. Получив именной пропуск, Лэш с довольным видом направился к лифтам.

Выйдя на тридцать втором этаже, он оказался в маленькой, но изысканной приемной, где царили нейтральные цвета и тишина, не нарушаемая звуками работы офисной техники. Здесь не было каких-либо знаков, табличек или формальностей, лишь стол из светлого отполированного дерева, а за ним привлекательная женщина в деловом костюме.

— Доктор Лэш? — обворожительно улыбнулась она.

— Да.

— Доброе утро. Могу я взглянуть на ваше водительское удостоверение?

Просьба показалась Лэшу настолько странной, что ему даже не пришло в голову возразить. Достав бумажник, он нашел права.

— Спасибо.

Секретарь приложила их к сканеру, после чего с той же лучезарной улыбкой вернула документ Лэшу, встала и повела его к дверям в другом конце приемной.

Они прошли по длинному коридору, по оформлению похожему на помещение, которое они только что покинули. Лэш заметил ряд закрытых дверей без каких-либо табличек. Женщина остановилась перед одной из них.

— Входите.

Когда дверь закрылась, Лэш оглядел хорошо обставленный кабинет. На толстом ковре стоял письменный стол из темного дерева. На стенах висели картины в изящных рамах. Из-за стола навстречу посетителю поднялся человек в коричневом костюме. Лэш пожал протянутую руку, по привычке оценивая хозяина кабинета: мужчина около сорока, невысокого роста, смуглый, с темными волосами и глазами. Он был в хорошей физической форме, но не выглядел грузным — наверняка пловец или теннисист. Весь его вид говорил об уверенности в себе и рассудительности — он не из тех, кто торопится, но если уж начинает действовать, то со всей решительностью.

— Здравствуйте, доктор Лэш, — сказал человек за столом, точно так же глядя на него в ответ. — Я Эдвин Мочли. Спасибо, что пришли.

— Извините за опоздание.

— Ничего страшного. Присаживайтесь.

Лэш сел в кожаное кресло напротив стола. Мочли повернулся к компьютеру и начал стучать по клавишам.

— Одну минуту, пожалуйста. Я четыре года не проводил вступительных собеседований. За это время правила несколько изменились.

— Это что, собеседование?

— Нет, конечно. Но предварительные процедуры примерно одинаковые. — Он снова постучал по клавишам. — Так. Адрес вашего офиса в Стэмфорде — Фронт-стрит, триста пятнадцать, офис два?

— Да.

— Хорошо. Заполните, пожалуйста, этот бланк.

Лэш бросил взгляд на протянутый ему листок бумаги: дата рождения, номер соцстрахования, еще несколько подобных вопросов. Достав из кармана шариковую ручку, он начал заполнять формуляр.

— Вы когда-то проводили собеседования? — спросил он, продолжая писать.

— Помогал, когда работал в «Фармгене». Давно, до того, как «Эдем» стал независимой компанией.

— И как тут?

— В каком смысле, доктор Лэш?

— Как тут работается? — Он отдал листок хозяину кабинета. — Можно подумать, тут прямо какие-то чудеса. По крайней мере, когда слушаешь все эти хвalebные слова в вестибюле.

Мочли посмотрел на бланк.

— Вполне понимаю ваш скептицизм. — Взгляд его был искренним и вместе с тем слегка смущенным. — Как технология способна повлиять на чувства двух людей? Спросите кого-нибудь из наших сотрудников. Они видят, как работает эта система, раз за разом, изо дня в день. Да, полагаю, можно назвать это и чудесами.

Зазвонил телефон на краю стола.

— Мочли, — сказал хозяин кабинета, придерживая трубку подбородком. — Очень хорошо. До свидания. — Он положил трубку и встал. — Он ждет вас, доктор Лэш.

«Он?» — подумал Лэш, беря сумку. Выйдя из кабинета, они прошли до пересечения двух коридоров и оказались в роскошно обставленной приемной, в конце которой виднелась отполированная до блеска дверь. Мочли остановился и постучал.

— Войдите, — ответил голос за дверью.

Мочли открыл ее.

— Скоро мы с вами еще поговорим, доктор Лэш, — сказал он, пропуская гостя вперед.

Лэш вошел внутрь и остановился, когда дверь закрылась у него за спиной. Он увидел перед собой длинный овальный стол, в конце которого сидел высокий загорелый мужчина. Тот улыбнулся и кивнул. Лэш кивнул в ответ и вдруг с внезапным удивлением понял, что перед ним не кто иной, как сам Джон Леливельд, президент корпорации «Эдем».

Он ждал именно его.

Леливельд встал с кресла и улыбнулся, отчего лицо его приобрело доброжелательное, почти отеческое выражение.

— Доктор Лэш, большое вам спасибо, что приехали. Присаживайтесь. — Он показал на место за длинным столом.

Лэш сел напротив Леливельда.

— Вы прибыли на машине из Коннектикута?

— Да.

— Как движение?

— На Кросс-Бронкс застрял на полчаса, а в остальном нормально.

Президент покачал головой.

— Эта дорога — настоящая катастрофа. У меня летний дом недалеко от вас, в Роуэйтоне. Сейчас я обычно летаю туда вертолетом — одно из преимуществ моей работы. — Усмехнувшись, он открыл кожаную папку, лежащую перед ним. — Еще несколько формальностей, прежде чем мы начнем. — Достав пачку сшитых страниц, он подвинул их Лэшу и сразу же протянул ему золотую авторучку. — Не будете так любезны подписать?

Лэш посмотрел на первый лист — обязательство хранить служебную тайну. Быстро перелистав остальные, он нашел нужную строчку и расписался.

— И тут.

Лэш взял второй документ, который тоже содержал в основном гарантии неразглашения. Открыв его на последней странице, он поставил свою подпись.

— И здесь, пожалуйста.

На этот раз Лэш расписался не читая.

— Спасибо и прошу извинить. Надеюсь, вы поймете меня. — Леливельд убрал бумаги в кожаную папку, затем положил локти на стол и оперся подбородком на руки. — Доктор Лэш, полагаю, вам ясна суть оказываемых нами услуг?

Лэш кивнул. Мало кто не знал этого: история о том, как «Эдем» всего за несколько лет из исследовательского проекта выдающегося специалиста по информатике Ричарда Сильвера превратился в одну из крупнейших корпораций Америки, была любимой темой финансовых новостей.

— В таком случае вы вряд ли удивитесь, если я скажу, что корпорация «Эдем» коренным образом изменила жизнь — по последним подсчетам — девятисот двадцати четырех тысяч человек.

— Не удивлюсь.

— Почти пол миллиона пар, и с каждым днем появляются тысячи новых. После открытия наших филиалов в Беверли-Хиллз, Чикаго и Майами мы значительно увеличили ареал предоставления наших услуг, а также банк потенциальных кандидатов.

Лэш снова кивнул.

— Цена высока — двадцать пять тысяч долларов с человека, — но никто еще не потребовал возврата денег.

— Понимаю.

— Хорошо. Впрочем, не менее важно, чтобы вы поняли: наша работа не заканчивается в момент подбора пары. Три месяца спустя мы проводим обязательную беседу с одним из консультантов. А еще через шесть месяцев супруги должны принять участие в групповых семинарах с другими парами, подобранными «Эдемом». Мы тщательно контролируем базу наших клиентов — не только для их блага, но и для повышения качества предоставляемых услуг.

Леливельд слегка наклонился к Лэшу над массивным столом, словно желая поведать ему некий секрет.

— То, что я хочу сказать вам, — конфиденциальная информация, составляющая коммерческую тайну. В наших рекламных материалах мы говорим об идеальном подборе, об идеальном союзе двух людей. Наша умная компьютерная программа сравнивает около миллиона параметров каждого клиента с параметрами всех остальных в поисках подходящей кандидатуры. Вам ясно?

— Да.

— На самом деле я сильно упрощаю. Алгоритмы искусственного интеллекта — результат неустанного труда Ричарда Сильвера, а также бесчисленных человеко-часов, затраченных на исследования поведенческих и психологических факторов. Короче говоря, наши ученые установили граничное число подходящих друг к другу переменных, необходимых для определения взаимного соответствия двух кандидатов. — Он пошевелился в кресле. — Доктор Лэш, если бы вы сравнили миллион подобных факторов у средней счастливой супружеской четы, как по-вашему, насколько бы муж и жена подходили друг другу?

Лэш задумался.

— На восемьдесят, может, восемьдесят пять процентов?

— Смелая попытка, но, боюсь, неудачная. Наши исследования показали, что у средней счастливой супружеской пары в Америке данный параметр составляет всего тридцать пять процентов.

Лэш удивленно покачал головой.

— Видите ли, — продолжал Леливельд, — люди легко соблазняются первым впечатлением или физической привлекательностью, которая через несколько лет становится несущественной. Современные брачные агентства и так называемые «сайты знакомств» в Интернете — с их примитивными методами и упрощенными анкетами — лишь усугубляют ситуацию. Мы же используем суперкомпьютер для поиска идеальных партнеров — двух людей с миллионом совпадающих черт. — Он помолчал, затем добавил: — Если не слишком углубляться в технические детали, есть различные степени совершенства. Наши сотрудники установили точное значение, скажем выше девяноста пяти процентов, гарантирующее идеальное соответствие.

— Понятно.

— Тем не менее остается фактом, доктор Лэш, — и прошу прощения, что придется напомнить о доверительном характере данных сведений, — что за три года, в течение которых «Эдем» оказывает свои услуги, удалось найти очень мало идеально подходящих друг другу пар. Таких, у которых обнаружено стопроцентное совпадение всех параметров.

— Стопроцентное?

— Идеальное соответствие. Конечно, мы не сообщаем нашим клиентам, сколько в точности процентов составляет их степень соответствия друг другу. Впрочем, с начала существования нашей компании было всего шесть случаев такого статистически идеального совпадения. Мы называем их суперпарами.

До сих пор голос Леливельда звучал спокойно и уверенно, но сейчас стало ясно, что он волнуется. Хотя на его лице по-прежнему сияла добродушная улыбка, за ней виднелась грусть и даже боль.

— Я говорил вам, что мы отслеживаем судьбу всех наших клиентов... Доктор Лэш, боюсь, мне тяжело будет говорить об этом. На прошлой неделе одна из наших шести идеально подобранных пар... — Он колебался, но тут же продолжил: — Покончила с собой.

— Покончила с собой? — переспросил Лэш.

Президент заглянул в свои документы.

— Во Флагстаффе, штат Аризона. Льюис и Линдси Торп. Детали самоубийства достаточно... гм... необычны. Они оставили записку. — Леливельд поднял взгляд. — Теперь вы понимаете, почему мы хотели бы воспользоваться вашими услугами?

Лэш продолжал обдумывать услышанное.

— Может, вы сами мне скажете?

— Вы психолог, специализирующийся в вопросах семейных отношений, особенно супружеских. Книга «Согласие», которую вы опубликовали в прошлом году, — выдающееся исследование на данную тему.

— Мне бы хотелось, чтобы данное мнение разделяло большее число читателей.

— Книга получила восторженные рецензии. Так или иначе, кроме того, что Торпы оказались идеально подобранной парой, они были умными и способными людьми, вполне довольными жизнью и попросту счастливыми. Видимо, после заключения брака с ними случилась какая-то трагедия. Например, проблемы со здоровьем или смерть кого-то из близких, а может, финансовые неурядицы. — Он помолчал. — Нам нужно выяснить, что изменилось в их жизни и

почему они прибегли к столь крайнему решению. Если, что весьма маловероятно, проявились некие тайные склонности к суициду, нам нужно знать об этом, чтобы избежать подобных случаев в будущем.

— В вашей компании есть собственные врачи-психологи? — спросил Лэш. — Почему бы вам не поручить это кому-либо из них?

— По двум причинам. Во-первых, мы хотим, чтобы исследованием занимался независимый эксперт. А во-вторых, никто из наших сотрудников не обладает вашим опытом.

— О каком опыте вы говорите?

Леливельд понимающе улыбнулся.

— Я имею в виду вашу предыдущую должность. До того как открыть частную практику, вы работали судебным психологом в ФБР, в группе по исследованию человеческого поведения в Куантико.

— Откуда вы знаете?

— Послушайте, доктор Лэш, у вас, как у бывшего специального агента, наверняка до сих пор есть доступ к разным закрытым источникам, определенным людям и сведениям, и соответственно намного больше возможностей для выяснения обстоятельств этого самоубийства. Если бы нам пришлось делать это самим или потребовать официального расследования, возник бы нездоровый интерес. А мы не хотим доставлять ненужные волнения нашим клиентам — бывшим, нынешним и будущим.

Лэш пошевелился в кресле.

— У меня были причины для того, чтобы уйти из Куантико и открыть частную практику.

— В вашем досье имеется газетная статья о той трагедии. Весьма сочувствую вам. Я вовсе не удивляюсь тому, что вы так неохотно отказываетесь от спокойной работы, даже временно. — Леливельд открыл кожаную папку и достал конверт. — Потому и оплата столь высокая.

Лэш взял конверт и открыл его. Внутри оказался чек на сто тысяч долларов.

— Эта сумма должна покрыть ваши расходы, стоимость поездки и время. Если потребуется больше, сообщите. Не торопитесь, доктор

Лэш. Тщательность и тонкий подход — вот что нам нужно. Чем больше мы будем знать, тем результативнее станут наши услуги в будущем.

Президент немного помолчал, затем заговорил снова:

— Есть еще одна возможность, хотя и призрачная. А именно, что один из Торпов был неуравновешен, имел проблемы с психикой, которые каким-то образом удалось скрыть от нас. Такое действительно крайне маловероятно. Впрочем, если вам не удастся найти ответ в их супружеской жизни, то придется изучить и их прошлое.

Леливельд решительным движением закрыл папку.

— Во время расследования вы будете контактировать в основном с Эдом Мочли. Он собрал некоторые сведения, которые помогут вам приступить к делу. Конечно, мы не можем предоставить вам наши материалы по этой паре, но вы все равно не нашли бы в них ничего интересного. Разгадка кроется в личной жизни Льюиса и Линдси Торпов.

Он снова замолчал, и Лэшу на мгновение показалось, что их встреча закончена. Но президент корпорации заговорил снова, на этот раз тише. Улыбка исчезла с его лица.

— Мы очень любим всех наших клиентов, доктор Лэш. Впрочем, будем откровенны: особую симпатию мы питаем к нашим идеальным парам. Каждый раз, когда мы находим суперпару, весть об этом расходится по всей компании, несмотря на все старания сохранить тайну. Подобное случается крайне редко. И потому я уверен, что вы поймете, насколько болезненно и невыносимо для меня случившееся, особенно если учесть, что Торпы были первой четой такого рода. К счастью, в газетах не сообщалось об их смерти, так что наши сотрудники пока ничего не знают об этом печальном событии. Я буду весьма благодарен вам, если вы сумеете выяснить, что случилось в жизни этой пары.

Леливельд встал и протянул руку. На его лице вновь появилась улыбка, но на этот раз грустная.

Сутки спустя Лэш стоял в своей гостиной с чашкой кофе в руке, глядя в окно. Вдали виднелся пляж Компо-бич — длинная и узкая песчаная полоса в форме запятой, почти безлюдная этим утром посреди недели. Туристы и отдыхающие уехали несколько недель назад, но он впервые за месяц нашел время взглянуть в ту сторону. Его удивила относительная пустота на пляже, несмотря на погожее солнечное утро. По другую сторону пролива тянулась невысокая зеленая береговая линия Лонг-Айленда. На ее фоне, словно молчаливый дух, шел танкер, направляющийся в открытую Атлантику.

Лэш попытался вспомнить, все ли он предусмотрел. Он на неделю отменил индивидуальные терапевтические сеансы и консультации, групповые же передал доктору Клайну. Особых проблем это не вызвало.

Зевнув, он сделал глоток кофе и взглянул на собственное отражение в зеркале. Решение, как одеться, далось труднее. Лэш никогда не любил работать «в поле», а приближающаяся встреча слишком напоминала прошлые времена. Впрочем, он тут же напомнил себе, что она в немалой степени ускорит выполнение задачи. Нарушения психического равновесия не появляются ниоткуда, тем более серьезные, ведущие к двойному самоубийству. За два года, которые прошли со дня свадьбы Торпов, что-то случилось, и это не какая-то едва заметная перемена, вызванная мелкой житейской проблемой, или медленное погружение в глубокую депрессию. Очевидно, произошло нечто из ряда вон выходящее, и это наверняка заметили бы люди из их окружения. Возможно, еще сегодня он узнает, что в жизни этой пары пошло не так. Если повезет, то до завтра удастся закрыть дело. Никогда прежде ему не удавалось заработать сто тысяч долларов столь быстро.

Отвернувшись от окна, он обвел взглядом комнату: кресло, книжный шкаф, диван. Из-за отсутствия другой мебели комната

казалась больше, чем на самом деле. Обстановка в доме всегда была спартанской. Подобная простота стала частью защитной брони Лэша. Все-таки порой у его пациентов бывали достаточно сложные случаи.

Еще раз посмотрев в зеркало, Лэш решил, что выглядит вполне подходящим образом, и вышел из дома. Оглядевшись, он добродушно выругался, заметив, что разносчик забыл оставить «Таймс» на дорожке перед крыльцом, после чего направился к автомобилю.

После часа борьбы с движением на Девяносто пятом шоссе он добрался до Нью-Лондона и низкой серебристой дуги моста Голдстар. Съехав с шоссе к реке, он нашел парковку на боковой улице и еще раз просмотрел лежащие на пассажирском сиденье бумаги. Кроме черно-белых портретных фотоснимков пары среди них были распечатки с их биографиями на нескольких страницах. Мочли предоставил ему лишь основные данные о Торпах: адреса, даты рождения, имена и местожительство наследников. Впрочем, этих фактов и нескольких телефонных разговоров оказалось вполне достаточно.

Лэш ощущал легкие угрызения совести из-за мелкого обмана, который собирался совершить. Но он тут же напомнил себе, что благодаря этому может добыть информацию, которая способна решить исход расследования.

На заднем сиденье стояла его кожаная сумка, набитая сейчас чистыми листами бумаги. Схватив ее, он вышел из машины и, еще раз взглянув на свое отражение в ветровом стекле, направился в сторону Темзы.

Стейт-стрит дремала в мягких лучах осеннего солнца. У ее подножия, за похожим на крепость строением вокзала Олд-юнион, сверкала водная гладь порта. Лэш спустился с холма и остановился на углу Стейт-стрит и Уотер-стрит, возле старого отеля времен Наполеона с мансардой под крышей, недавно переделанного в комплекс ресторанов. В ближайшей витрине он увидел вывеску «Ростери». Заведение на берегу казалось ему самым подходящим и безопасным. В данных обстоятельствах обед выглядел не вполне уместным, к тому же последние исследования пациентов больницы имени Джона Хопкинса установили, что охваченные горем люди более восприимчивы по утрам. Так что утренний кофе был идеальным решением. Спокойная обстановка, располагающая к

откровенности. Лэш посмотрел на часы. Ровно десять двадцать.

«Ростери» внутри оказался именно таким, как и ожидал Лэш: высокий потолок, бежевые стены, негромкий шум разговоров. В воздухе витал чудесный запах свежемолотого кофе. Лэш пришел раньше, чтобы найти подходящий столик, и выбрал большой, круглый, в углу у окна. Он занял место лицом к стене — объект должен чувствовать, что владеет ситуацией.

Едва он успел сесть за столик, слышались приближающиеся шаги.

— Мистер Бергер?

Лэш обернулся.

— Да. Мистер Торвальд?

У посетителя были густые седые волосы со стальным отливом и загорелое лицо человека, любящего водный спорт. Под голубыми глазами до сих пор виднелись темные круги. И все же сходство с лицом на фотографии, которую Лэш только что видел в машине, оказалось просто потрясающим. Его собеседник был старше, мужественнее, с короткими волосами — но во всем остальном он выглядел, словно восставшая из могилы Линдси Торп.

Лэш по привычке ничем не выдал своих чувств.

— Садитесь, пожалуйста.

Торвальд занял стул в углу и без особого интереса обвел взглядом зал, после чего повернулся к Лэшу.

— Примите мои соболезнования. Спасибо, что пришли.

Торвальд пробормотал что-то себе под нос.

— Я прекрасно понимаю, что у вас сейчас крайне тяжелый период. Постараюсь быть краток...

— Нет-нет, все нормально.

Торвальд говорил короткими, отрывистыми фразами, голос его был очень низким.

К их столику подошла официантка и предложила меню.

— Вряд ли оно нам понадобится, — сказал Торвальд. — Кофе, черный, без сахара.

— Мне тоже.

Девушка кивнула и отошла. Она была весьма привлекательна, но Лэш заметил, что Торвальд даже не взглянул на нее.

— Вы страховой агент? — спросил Торвальд.

— Я аналитик консалтинговой фирмы, работаю на компанию «Американ лайф».

Одними из первых сведений, которые Лэш узнал о Торпах, были данные об их страховых полисах — каждый на три миллиона долларов, оформлены на их единственную дочь. Как и предполагалось, это оказался быстрый и относительно простой способ установить контакт с их ближайшими родственниками. Лэш позаботился о том, чтобы обзавестись фальшивыми визитными карточками фирмы, но Торвальд даже не попросил его показать визитку. Несмотря на траур, он производил впечатление человека, привыкшего отдавать короткие приказы, которые тут же немедленно исполняются. Возможно, капитан корабля или член правления крупной компании. Лэш не углублялся в такие подробности, но второй вариант представлялся ему более вероятным. Учитывая цену, которую «Эдем» назначил за свои услуги, наверняка деньги выложил отец.

Лэш откашлялся и начал разговор в самой благожелательной манере.

— Нам бы очень помогло, если бы вы смогли ответить на несколько вопросов. Я вполне пойму, если вы сочтете какой-либо из них нетактичным или захотите сделать короткий перерыв.

Вернулась официантка. Лэш отхлебнул кофе, затем открыл сумку и достал блокнот.

— Насколько вы были близки со своей дочерью в детстве, мистер Торвальд?

— Очень.

— А после того, как она покинула дом?

— Мы общались каждый день.

— Как вы коротко бы охарактеризовали состояние ее здоровья?

— Превосходное.

— Принимала ли она регулярно какие-либо лекарства?

— Витамины. Легкие антигистаминные препараты. Больше ничего.

— Из-за чего она принимала антигистамины?

— Дермографизм.

Лэш кивнул и сделал запись в блокноте. Состояние кожи, вызывающее зуд, — подобным страдал его сосед. Совершенно безвредно.

— Какие-либо необычные заболевания в детстве?

— Нет, никаких. Но все это должно быть в анкетах, которые она заполняла для «Американ лайф».

— Понимаю, мистер Торвальд. Я просто пытаюсь взглянуть на проблему с точки зрения независимого наблюдателя. У нее есть братья, сестры?

— Линдси была единственным ребенком.

— Она хорошо училась?

— Закончила с отличием колледж имени Брауна. Получила диплом по экономике в Стэнфорде.

— Вы назвали бы ее застенчивой? Общительной?

— Посторонние назвали бы ее тихоней. Но у Линдси всегда был широкий круг общения. Она из тех девушек, у кого много знакомых, но которые тщательно выбирают себе друзей.

Лэш снова отхлебнул кофе.

— Как долго ваша дочь была замужем, мистер Торвальд?

— Чуть больше двух лет.

— Как вы охарактеризовали бы ее супружескую жизнь?

— Они были самой счастливой парой из всех, что я видел на своем веку.

— Что вы можете сказать о ее муже, Льюисе Торпе?

— Интеллигентный, дружелюбный, честный. Остроумный. У него было множество увлечений.

— Ваша дочь когда-либо упоминала о проблемах в семье?

— Имеете в виду ссоры?

Лэш кивнул.

— Да, и тому подобное. Расхождения во мнениях, интересах, характерах?

— Никогда.

Лэш сделал еще глоток, заметив, что Торвальд не притронулся к своему кофе.

— Никогда? — недоверчиво переспросил он.

Торвальд схватил приманку.

— Никогда. Послушайте, мистер...

— Бергер.

— Мистер Бергер, моя дочь была... — Торвальд впервые чуть поколебался. — Моя дочь была клиентом корпорации «Эдем». Слышали о такой?

— Конечно.

— Тогда вы понимаете, что я имею в виду. Сначала я относился к этому скептически. Я считал, что это слишком большие деньги за несколько циклов работы компьютера, статистический бросок кости. Но Линдси настояла на своем. — Торвальд наклонился к Лэшу. — Поймите, она была не такая, как другие девушки. Она знала, чего хочет. А хотела она только самого лучшего. У нее было много парней, некоторые и в самом деле весьма симпатичные. Но казалось, будто она постоянно ищет чего-то, и ни один из этих союзов не продлился долго.

Торвальд выпрямился. Это была самая длинная фраза, произнесенная им до сих пор. Лэш записывал, предусмотрительно не глядя ему в глаза.

— И?

— С Льюисом было по-другому. Я понял это, едва она впервые произнесла его имя. Они влюбились друг в друга уже на первом свидании.

Воспоминание вызвало у Торвальда невольную улыбку. На

несколько мгновений его ввалившиеся глаза повеселели, а лицо просветлело.

— Они собирались на воскресный обед, а вместо этого пошли кататься на роликах. — Он потрянул головой. — Не знаю, кому пришла в голову эта сумасшедшая идея, возможно, им подсказали ее в «Эдеме». Так или иначе, не прошло и месяца, и они объявили о помолвке. А потом было все лучше и лучше. Как я уже говорил, я никогда не видел более счастливой пары. Они постоянно открывали нечто новое — в мире, в себе самих.

Блеск в его глазах угас столь же быстро, как и появился. Торвальд отодвинул чашку с кофе.

— А что с дочерью Линдси? Как она повлияла на их жизнь?

Торвальд пронзил его взглядом.

— Она завершила ее, мистер Бергер.

Лэш снова сделал запись в блокноте, на этот раз не притворяясь. Разговор пошел вовсе не так, как ожидалось. И, судя по тому, как Торвальд отодвинул чашку, похоже было, что беседа долго не продлится.

— Вам известно что-либо о том, что у вашей дочери или ее мужа в последнее время были какие-то неприятности?

— Нет.

— Никаких неожиданных трудностей? Никаких проблем?

Торвальд поерзал на стуле.

— Только если назвать проблемами выделенный Льюису грант и рождение прелестной дочурки.

— Когда вы в последний раз видели свою дочь, мистер Торвальд?

— Две недели назад.

Лэш отпил кофе, пытаясь скрыть удивление.

— Позвольте спросить, где это было?

— У них дома, во Флагстаффе. Я возвращался с регаты в Мексиканском заливе.

— Как бы вы охарактеризовали их дом?

— Как идеальный.

Лэш снова сделал запись.

— Вы заметили какие-то перемены по сравнению с прошлыми визитами? Увеличившийся аппетит или его отсутствие? Проблемы со сном? Апатию? Отсутствие интереса к прежнему хобби или намеченным целям?

— Я не заметил никаких аффективных расстройств, если вы это имеете в виду.

Лэш перестал писать.

— Вы врач, мистер Торвальд?

— Нет. Но моя покойная жена была психотерапевтом. Я могу опознать симптомы депрессии, когда увижу их.

Лэш отложил блокнот.

— Мы лишь пытаемся разобраться в случившемся, мистер Торвальд.

Неожиданно тот наклонился к самому лицу Лэша.

— Разобраться? Послушайте, я не знаю, что вы или ваша фирма надеетесь выяснить. Впрочем, я полагаю, что ответил на достаточное количество вопросов. И все дело в том, что разбираться тут не в чем. Ответа нет. Линдси не проявляла тяги к самоубийству. Льюис тоже. У них были все причины для того, чтобы жить. У них было все.

Лэш молчал. Он видел перед собой не только горе потерявшего дочь отца, но и отчаянное желание понять то, что не поддается пониманию.

— И скажу вам кое-что еще, — быстро продолжил Торвальд, все так же наклонившись к Лэшу. — Я любил свою жену. Думаю, наш союз был лучшим из всех, какой только может связывать двух людей. И тем не менее я бы не раздумывая отдал руку на отсечение, если бы это могло сделать нас столь же счастливыми, какими были моя дочь и Льюис.

С этими словами он отодвинул стул, встал из-за стола и вышел из ресторана.

Флагстафф, Аризона. Два дня спустя

Парковка была уже занята двумя «Ауди А-8», так что Лэш оставил свой взятый напрокат «таурус» у обочины и пошел по тротуару, выложенному каменной плиткой, слыша под ногами треск засохших сосновых иголок, к дому 407 по Купер-драйв — симпатичному бунгало с широкой низкой крышей и огороженным двориком позади. За оградой склон холма уходил вниз, и за ним открывалась слегка размытая в утреннем тумане панорама центра города. Еще дальше к северу поднималась пурпурно-коричневая горная цепь Сан-Франциско.

Подойдя к входной двери, Лэш сунул под мышку несколько толстых конвертов и полез в карман за ключом. С цепочки свисала белая карточка с номером удостоверения. Начальник отделения ФБР в Фениксе, его бывший сосед по мрачному серому общежитию в Куантико и товарищ по несчастью на жизненной полосе препятствий, был обязан ему кое-какими услугами. Одну из них Лэш превратил в ключ от дома Торпов.

Посмотрев вверх, он увидел под карнизом крыши камеру, установленную прежним владельцем дома и отключенную на время следствия. Поскольку после официального закрытия дела дом предполагалось выставить на продажу, сигнализация оставалась выключенной.

Еще раз посмотрев на дверь, Лэш вставил ключ в замок и открыл ее.

Внутри царила та особая тишина, с которой ему приходилось сталкиваться в домах убитых. Входная дверь вела прямо в гостиную, где были найдены тела. Лэш медленно двинулся вперед, оглядываясь по сторонам и запоминая детали обстановки. Кожаный диван орехового цвета и такие же кресла, старинный комод и

внушительных размеров телевизор с плоским экраном — Торпы явно не нуждались в деньгах. На ковровом покрытии пола лежали две шелковые циновки, на одной из которых еще виднелись следы порошка, оставленного следственной бригадой. Неожданное зрелище напомнило Лэшу последнее место преступления, и он поспешно двинулся дальше.

За гостиной через весь дом шел коридор. Справа находились столовая и кухня, слева две спальни. Лэш бросил конверты на диван и прошел в кухню, столь же прекрасно обставленную, как и гостиная. Задняя дверь кухни выходила в узкий боковой дворик, к соседнему дому.

Лэш вернулся по коридору к спальням. Он нашел детскую, всю в синей тафте и кружевах, главную спальню с ночными шкафчиками, заваленными обычным набором романов в мягких обложках и баночками с лекарствами. Тут же лежал пульт от телевизора. Третье помещение явно исполняло двойную роль — комнаты для гостей и кабинета. Здесь Лэш ненадолго остановился, с любопытством оглядываясь вокруг. На стенах висели японские гравюры, выполненные на тончайшей рисовой бумаге. На письменном столе стояли фотографии в рамках: Льюис и Линдси держатся за руки на фоне пагоды, снова Торпы, похоже, на Елисейских Полях. На каждой фотографии оба улыбались. Он редко видел подобные улыбки — самое обычное, непритворное, настоящее счастье.

Лэш подошел к противоположной стене, которую целиком занимали книжные полки. Очевидно, что Торпы были разносторонними любителями чтения. Две верхние полки были заставлены учебниками разной степени изношенности. Третью занимали профессиональные журналы. Ниже располагались несколько стеллажей с литературой.

Одна из них приковала взгляд Лэша. К этим книгам явно относились с особым почтением, с обеих концов полки стояли подпорки в виде нефритовых статуэток. Он посмотрел на заголовки: «Дзен и искусство стрельбы из лука», «Продвинутый курс японского», «Двести стихотворений времен ранней династии Тан». Полка над ней была пуста, если не считать фотографию без рамки. Линдси Торп на карусели в окружении детей, улыбаясь, протягивала руку к камере. Лэш поднял фотографию. На обороте виднелось написанное мужским почерком посвящение:

Хотел бы я быть так близко
к тебе, как мокрая юбка
девчонки-рыбачки к ее телу.
Думаю о тебе всегда. [\[1\]](#)

Аккуратно поставив фотографию на место, он вышел из кабинета и вернулся в гостиную.

Утренний туман снаружи быстро рассеивался, и на коврики падали косые лучи солнца. Лэш подошел к кожаному дивану, отодвинул конверты в сторону и сел. Ему уже не раз приходилось заниматься этим прежде как агенту вспомогательной следственной группы — осматривать дом, пытаясь почувствовать патологию его обитателей. Впрочем, тогда все было по-другому. Он составлял психологические портреты преступников, проникал в глубины извращенной личности серийных убийц, насильников, социопатов. Те люди, как и те дома, не имели ничего общего с Торпами.

Лэш приехал сюда в поисках ответа на вопрос, что пошло не так. В течение последних трех дней он занимался тем, что врачи называли психологическим вскрытием, проводя осторожные беседы с членами семьи, друзьями, врачами и даже с пастором. И то, что на первый взгляд выглядело как легко поддающийся диагностике случай, оказалось полной своей противоположностью. Не было никаких стрессовых факторов, обычно связываемых с суицидом, никаких попыток свести счеты с жизнью, никаких отклонений от нормы. Ничего, что могло бы стать причиной самоубийства, к тому же двойного. Напротив, у Торпов имелись все причины для того, чтобы жить. И тем не менее именно в этой комнате они написали прощальную записку, надели себе на головы чистые мешки для мусора и, обнявшись на ковре, задохнулись на глазах своей маленькой дочери.

Лэш пододвинул к себе один из конвертов, разорвал его и высыпал на диван содержимое — снимки, сделанные полицией Флагстаффа. Тонкая пачка глянцевой бумаги. Он просмотрел их: фотографии мертвых супругов, лежащих на роскошном ковре. Отложив снимки, он взял копию предсмертной записки. Она была короткой: «Пожалуйста, позаботьтесь о нашей дочери».

Рядом лежал более пространный документ: полицейский отчет с

места происшествия. Лэш медленно перелистал его. Ни жена, ни муж не покидали дома в течение всей ночи, предшествующей обнаружению их трупов. Записи с камер системы охраны показали, что в это время никто другой туда не входил. Тревогу подняла на следующее утро любопытная соседка. В конце отчета шел протокол ее допроса.

ПРОТОКОЛ

Собственность полицейского отделения города Флагстафф

№ документа: AR-27

Дело №: 04И-2190

Следователь: детектив Майкл Гуэррес

Допрашивал: сержант Теодор Уайт

Свидетель: Боуман, Морин А.

Дата и время: 17.09.04 14.22

Расшифровка записи допроса

*Офицер:*Присаживайтесь. Меня зовут сержант Уайт, и я буду вести допрос. Назовите, пожалуйста, ваши имя и фамилию.

*Свидетель:*Морин Боуман.

*О.:*Ваш адрес, миссис Боуман?

*С.:*Купер-драйв, 409.

*О.:*Как давно вы знали Льюиса и Линдси Торп?

*С.:*С тех пор, как они въехали в соседний дом. Не очень долго, может, года полтора.

*О.:*Вы часто видели их?

С.:В общем-то, нет. Они были очень заняты: маленький ребенок и все такое.

О.:Часто ли их посещали гости?

С.:Я не замечала. У Льюиса было несколько друзей в лаборатории, где он работал. Думаю, пару раз они приходили к ним на ужин. После рождения ребенка несколько раз приезжали их родители. Пожалуй, и все.

О.:А какими были Торпы?

С.:В каком смысле?

О.:Как соседи и супруги. Что вы можете сказать о них?

С.:Очень приятные люди.

О.:Вы замечали разногласия между ними? Ссоры, разговоры на повышенных тонах, что-то в этом роде?

С.:Нет, никогда.

О.:У них бывали какие-либо проблемы, о которых вам известно? Например, финансовые?

С.:Нет, я ничего не знаю об этом. Как я уже говорила, мы редко общались. Это были доброжелательные люди, и они выглядели счастливыми. Не думаю, что когда-либо видела более счастливую пару.

О.:Что именно заставило вас пойти в дом Торпов утром?

С.:Ребенок.

О.:Прошу прощения?

С.:Ребенок. Малышка непрерывно плакала. Раньше она никогда не плакала. Я подумала, что что-то случилось.

О.:Опишите, пожалуйста, для протокола, что вы там обнаружили.

С.:Я... подошла к дверям кухни. Ребенок был там.

О.:В кухне?

С.:Нет, в коридоре. Коридоре, ведущем в столовую.

О.:Миссис Боуман, опишите все, что вы видели и

слышали. Подробно, пожалуйста.

С.: Хорошо. Я увидела малышку в коридоре, рядом с кухней. Она плакала так, что у нее лицо покраснело от крика. Свет не горел, но утро было солнечным. Я видела все очень отчетливо. Играла какая-то опера.

О.: Где играла?

С.: На стереосистеме. Но ребенок почти заглушал ее. Я едва могла собраться с мыслями. Я подошла, чтобы успокоить девочку, и как раз тогда заглянула в гостиную. И увидела... о боже...

[Перерыв в записи]

О.: Успокойтесь, миссис Боуман. Салфетки справа от вас, на столе.

Лэш отложил протокол. Дальше читать было незачем. Он хорошо знал, что нашла Морин Боуман.

«Не думаю, что когда-либо видела более счастливую пару». Почти то же самое, слово в слово, сказал ему в ресторане в Нью-Лондоне отец Линдси Торп, с лишенными выражения ввалившимися глазами. И то же говорили все.

Что пошло не так в их браке? Что случилось?

Период жизни Лэша, когда ему приходилось иметь дело со всевозможными патологиями, делился на две части: первую, когда он служил в ФБР судебным психологом и исследовал акты насилия постфактум, и вторую, когда он имел частную практику и работал с людьми, стараясь, чтобы они никогда не совершали никаких противоправных деяний. Ему очень хотелось отделить эти два мира друг от друга, но здесь, в этом доме, он чувствовал, как оба сливаются воедино.

Он посмотрел на второй конверт, с надписью «Собственность корпорации „Эдем“, строго конфиденциально». Сорвав печать, он открыл конверт. Внутри лежали две неподписанные видеокассеты. Лэш вынул их и несколько мгновений взвешивал в руке, потом встал,

подошел к видеомагнитофону, включил его и вставил одну из кассет.

На черном экране появилась дата, а за ней длинная последовательность сменяющихся цифр. Потом вдруг показалось симпатичное мужское лицо, снятое крупным планом: каштановые волосы, пронизательные карие глаза. Это был Льюис Торп. Он улыбался.

Подавая заявление в «Эдем», любой человек должен был сесть перед камерой и ответить на два вопроса. Кроме скудных личных данных эти первые съемки Торпов стали единственным материалом, который предоставил ему Мочли.

Лэш сосредоточился на записях. Он уже неоднократно видел обе. Здесь, в доме Торпов, он собирался просмотреть их в последний раз в надежде, что в этой обстановке заметит некую связь, которая ускользала от него прежде. Это выглядело маловероятным, но идеи заканчивались, и он потратил куда больше времени, чем рассчитывал.

«Почему вы пришли к нам?» — спросил голос из-за камеры.

Улыбка Льюиса Торпа была искренней и обезоруживающей.

«Я здесь, поскольку в моей жизни чего-то не хватает», — просто ответил он.

«Опишите, что-нибудь из того, что вы делали сегодня утром, — произнес голос за кадром. — И почему вы считаете, что мы должны знать об этом».

Льюис размышлял лишь несколько мгновений.

«Я закончил перевод особо сложного хайку, — сказал он и замолчал, словно ожидая реакции. Не дождавшись, он продолжил: — Я переводил стихи Басё, японского поэта. Людям всегда кажется, будто хайку переводить легко, но на самом деле это очень, очень трудно. Они столь содержательны и в то же время весьма просты. Как передать такое богатство значений? — Он пожал плечами. — Я начал заниматься этим еще в школе. Я изучал японский язык несколько лет, и меня по-настоящему очаровала книга Басё „По тропинкам Севера“. Это история путешествия, которое он совершил четыреста лет назад по северу Японии. Конечно, он пишет в ней и о своем... В общем, это короткое произведение, пронизанное хайку. Особенно много хлопот мне доставило одно из них, очень известное. Я не мог справиться с ним. Сегодня утром, когда я ехал сюда на такси, я наконец закончил

его. Звучит забавно, поскольку в нем всего... девять слов!»

Он замолчал.

Трудно было связать это красивое лицо с полицейской фотографией: разинутый рот, широко открытые невидящие глаза, вывалившийся язык.

Изображение внезапно потемнело. Лэш вынул кассету и вставил другую.

Очередная последовательность цифр. Потом на экране появилась Линдси Торп, стройная, светловолосая и загорелая. Похоже, она волновалась чуть сильнее, чем Льюис. Облизнув губы, она откинула пальцем прядь волос со лба.

«Почему вы пришли к нам?» — снова спросил голос за кадром.

Линдси поколебалась, отвела взгляд.

«Потому что я знаю, что может быть лучше», — помолчав, ответила она.

«Опишите, что-нибудь из того, что вы делали сегодня утром. И почему вы считаете, что мы должны знать об этом».

Линдси посмотрела в объектив и на этот раз тоже улыбнулась, показав идеально ровные блестящие зубы.

«Это уже проще. Я сделала решительный шаг — взяла билет туда и обратно на самолет в Люцерн. Отправляюсь на недельную прогулку по Альпам с группой туристов. Это дорогое развлечение, и оно может показаться несколько экстравагантным, особенно после того, как я оплатила... — Улыбка ее стала слегка смущенной. — Так или иначе, я решила, что оно того стоит. Недавно закончилась моя неудачная попытка завязать отношения, и мне хотелось развеяться, может быть, взглянуть на все с другой точки зрения. — Она рассмеялась. — Так что сегодня утром я заплатила кредитной картой за билет, невозвратный. Первого числа улетаю».

Кассета закончилась. Лэш вынул ее и выключил видеомагнитофон.

Через пять месяцев после этих интервью Торпы стали мужем и женой. Вскоре они переехали сюда. Самая идеальная пара на свете.

Лэш бросил кассету в конверт и направился к двери. Открыв ее,

он остановился и обернулся, снова требуя ответа. Дом все так же молчал. Лэш аккуратно затворил за собой дверь и повернул ключ.

Летя обратно в Нью-Йорк на высоте в тридцать пять тысяч футов, Лэш вставил кредитную карту в щель в подлокотнике кресла, снял трубку телефона и несколько мгновений смотрел на нее. «Что делает эксперт, когда ему что-то непонятно? — подумал он. — Очень просто. Спрашивает другого эксперта».

Сначала он позвонил в справочную, затем по номеру в округе Патнэм, штат Нью-Йорк.

— Центр Вейзенбаума, — ответил энергичный голос.

— Доктора Гудкайнда, пожалуйста.

— Кто его спрашивает?

— Кристофер Лэш.

— Минуту.

В кругу частных психологов Центр биомедицинских исследований имени Нормана Дж. Вейзенбаума вызывал уважение и зависть благодаря качеству своих нейрохимических разработок. Ожидая ответа под звуки эфирной музыки, Лэш пытался представить себе эту организацию. Он знал, что центр находится на реке Гудзон, примерно в сорока пяти минутах езды на север от Манхэттена. Несомненно, это прекрасное здание с безупречной архитектурой. Центр был фаворитом многих больниц и фармакологических концернов и потому не мог пожаловаться на недостаточное финансирование.

— Крис! — услышал он веселый голос Гудкайнда. — Не могу поверить. От тебя не было известий... сколько, шесть лет?

— Кажется, да.

— Как там твоя частная практика?

— Лучшее время моей жизни.

— Это точно. Я все время думал, когда ты бросишь свою кавалерию и осядешь в каком-нибудь тихом местечке. У тебя практика в Фэйрфилде?

— В Стэмфорде.

— Ну да, конечно. Возле Гринвича, Саутпорт, Нью-Канаан. Наверняка множество богатых парочек, у которых что-то не в порядке с нервами. Отличный выбор.

Бывшие сокурсники по Пенсильванскому университету, к числу которых принадлежал Гудкайнд, имели разные мнения по поводу службы Лэша в ФБР. Одни, похоже, завидовали ему, другие качали головами, не в силах понять, почему он добровольно взялся за эту напряженную, изматывающую, потенциально опасную работу, если докторская диссертация гарантировала куда более легкую и лучше оплачиваемую должность. Когда он ушел из ФБР, он дал всем понять, что основной мотив — деньги, поскольку ему не хотелось рассказывать о трагедии, которая столь внезапно оборвала его карьеру в органах правопорядка и разрушила его брак.

— Есть какие-нибудь известия от Ширли? — спросил Гудкайнд.

— Нет.

— Жаль, что вы разошлись. Это ведь никак не связано с делом этого, как его, Эдмунда Уайра? Читал в газетах.

Лэш изо всех сил постарался скрыть боль, которую вызывало у него упоминание этой фамилии даже три года спустя.

— Нет, что ты.

— Страшно. Действительно страшно. Тебе наверняка пришлось тяжело.

— Легко уж точно не было.

Лэш уже начал жалеть, что позвонил. Как он мог забыть о любопытстве Гудкайнда, о его склонности совать нос в чужие дела?

— Я купил ту твою книгу, — сказал Гудкайнд. — «Согласие». Отличная работа, хотя писал ты, конечно, для неспециалистов.

— Мне хотелось продать больше десяти экземпляров.

— И?

— Продал как минимум два десятка.

Гудкайнд рассмеялся.

— А я читал твою статью, — продолжал Лэш. — В «Американском журнале нейробиологии». «Когнитивная переоценка и беспричинное самоубийство». Неплохое обоснование.

— Самое большое преимущество моей работы в Центре — возможность самому выбирать темы для исследований.

— Другие последние публикации тоже заинтересовали меня. Например, «Влияние ингибиторов на самоубийства в пожилом возрасте».

— В самом деле? — В голосе Гудкайнда слышались удивленные нотки. — Я понятия не имел, что ты столь внимательно следишь за литературой.

— Из этих статей я сделал вывод, что ты не только проводил лабораторные исследования, но и беседовал с несколькими неудачливыми самоубийцами?

— Что ж, у меня не было возможности побеседовать с более удачливыми! — Гудкайнд рассмеялся над собственной шуткой.

— Среди них были попытки двойных самоубийств?

— Конечно.

— В таком случае у меня есть кое-что, что могло бы заинтересовать тебя. Честно говоря, мне пригодился бы твой совет. Речь идет о знакомых одного моего пациента, супружеской паре. Недавно оба покончили с собой.

— Успешно?

— В этом деле есть несколько весьма странных аспектов.

— Например?

Лэш сделал вид, будто задумался.

— Может, подойдем к этому вопросу с другой стороны и ты подскажешь мне, естественно на основе своих исследований, какими мотивами они могли руководствоваться? Проведем, так сказать, посмертное психологическое обследование этой пары. Данные я тебе сообщу.

Последовала короткая пауза.

— Конечно, почему бы и нет. Сколько им было лет?

— Чуть больше тридцати.

— Работа?

— Стабильная.

— Психические заболевания? Нервные расстройства?

— Нет, ничего такого.

— Склонность к суициду?

— Нет.

— Попытки до этого?

— Ни разу.

— Употребление алкоголя, наркотиков?

— Посмертный анализ крови ничего не показал.

Снова последовала пауза.

— Это что, шутка?

— Нет. Продолжай, пожалуйста.

— Какой они были парой?

— Все указывает на то, что они души друг в друге не чаяли.

— Потеря близких?

— Нет.

— Наследственные болезни?

— Депрессия, шизофрения, прочие психические заболевания исключаются.

— Какие-либо иные стрессовые факторы? Резкие изменения в жизни?

— Нет.

— Проблемы со здоровьем?

— У обоих за последние полгода были прекрасные показатели.

— Что-нибудь еще, о чем мне следовало бы знать?

Лэш задумался.

— Недавно у них родился ребенок.

— И?

— Во всех отношениях нормальная здоровая девочка.

Наступила тишина, затем в трубке послышался смех.

— Это ведь шутка? Таких самоубийств не бывает. Ты описал мне Капитана Америку и Чудо-Женщину. [\[2\]](#)

— Таков твой диагноз?

Гудкайнд перестал смеяться.

— Да.

— Роджер, ты смотришь на суицид с особой точки зрения. Ты биохимик. Ты не только беседуешь с несостоявшимися самоубийцами, но и исследуешь их мотивации на молекулярном уровне. — Лэш пошевелился в кресле. — Существует ли некий фактор, который может вызывать у людей предрасположенность к самоубийству, сколь бы счастливыми они ни выглядели?

— Имеешь в виду некий ген суицида? Если бы все было так просто... Исследования показали, что некоторые гены, возможно — лишь возможно, — отвечают за склонность к депрессии, так же как гены чревоугодия, сексуальных предпочтений, цвета глаз или волос. Но толкающие на самоубийство? Если любишь азартные игры, не ставь на подобную возможность. Перед тобой двое, находящиеся в состоянии глубокой депрессии. Почему один покончил с собой, а другой нет? Предсказать это нельзя. Почему полицейские отчеты за прошлый месяц указывают на внезапный рост числа попыток суицида в Майами-Бич, в то время как в Миннеаполисе их число было наименьшим за всю историю? Почему в двухтысячном году в Польше число самоубийств резко возросло? Мне очень жаль, друг мой, но в конечном счете это лишь игра случая.

Лэш задумался.

— Игра случая...

— Вот тебе слова эксперта, Крис. Можешь цитировать их.

После сухого горного воздуха Флагстаффа центр Нью-Йорка казался сырым и угрюмым, и Лэш был в плаще, когда во второй раз за пять дней подошел к стойке администрации в вестибюле «Эдема».

— Кристофер Лэш к Эдвину Мочли, — сказал он высокому худому мужчине за стойкой.

Тот постучал по клавишам.

— Вам назначена встреча, сэр? — с улыбкой спросил он.

— Я оставил ему сообщение. Он будет ждать меня.

— Минуту.

Лэш огляделся вокруг. Сегодня в вестибюле что-то изменилось, но он не мог понять, что именно. Внезапно он понял, что этим утром нет посетителей. Двойные эскалаторы, ведущие к «Обслуживанию кандидатов», были пусты. Небольшая группа людей направлялась к пропускному пункту — только пары. Многие держались за руки. В отличие от взволнованных или полных надежды лиц, которые он видел во время предыдущего визита, эти посетители улыбались, смеялись и громко разговаривали. Показав охране ламинированные пропуска, пары подходили к большим дверям и исчезали из виду.

— Доктор Лэш? — спросил человек за стойкой.

Лэш обернулся.

— Да?

— Мистер Мочли ожидает вас. — Он протянул Лэшу небольшую карточку цвета слоновой кости с выдавленным фирменным логотипом «Эдема». — Покажите это на пропускном пункте. Всего хорошего.

Когда двери лифта открылись на тридцать втором этаже, Мочли уже ждал его. Кивнув Лэшу, он повел его по коридору в свой

кабинет.

«Директор вспомогательной службы, — вспомнил Лэш, идя следом за Мочли. — Что это, черт возьми, означает?» Вслух же он спросил:

— Откуда столько счастливых лиц?

— Прошу прощения?

— Внизу, в вестибюле. Все улыбались так, словно выиграла в лотерею.

— Ах, вот вы о чем. Сегодня встреча выпускников.

— Встреча выпускников?

— Так мы называем это. По условиям договора пары, подобранные «Эдемом», должны через полгода пройти проверку. Они возвращаются к нам на однодневные собеседования, индивидуальные или групповые, обычно совершенно неформальные. Полученные таким образом данные позволяют нашим аналитикам совершенствовать процесс отбора. Кроме того, мы ищем признаки неполного соответствия друг другу, какие-либо тревожные сигналы.

— И находите?

— Пока нет. — Мочли открыл дверь и пропустил Лэша внутрь. Если директор и проявлял любопытство, то по его темным глазам этого видно не было. — Выпьете чего-нибудь?

— Нет, спасибо.

Лэш вынул из-под мышки сумку и опустился в предложенное кресло. Мочли сел за стол.

— Мы не ожидали, что вы столь быстро дадите о себе знать.

— Потому что мне особо нечего сказать.

Директор вспомогательной службы поднял брови.

Лэш наклонился, открыл сумку и достал лист бумаги. Расправив края, он положил его на стол.

— Что это, доктор Лэш? — спросил Мочли.

— Мой отчет.

Директор вспомогательной службы не стал протягивать руку к

документу.

— Не могли бы вы изложить все вкратце?

Лэш глубоко вздохнул.

— Никаких самоубийственных наклонностей у Льюиса и Линдси Торпов не обнаружено. Абсолютно никаких.

Мочли ждал, скрестив на груди мускулистые руки.

— Я разговаривал с их родственниками, друзьями, врачами. Я исследовал их кредитную историю, банковские выписки, отношения на работе. Я воспользовался своими знакомствами в федеральных и местных органах правопорядка. Это был самый удачный и прочный брак из всех, какие только возможны. Торпов спокойно можно было бы показать на той стене счастливых лиц у вас в вестибюле.

— Понятно. — Мочли задумчиво выпятил губы. — А какие-то более ранние симптомы...

— Это я тоже исследовал. Я проверил школьные журналы, разговаривал с учителями и бывшими одноклассниками. Ничего. И никаких психических отклонений. Собственно говоря, только Льюис однажды лежал в больнице, когда восемь лет тому назад сломал ногу, катаясь на лыжах в Аспене.

— Так каков ваш диагноз?

— Люди не кончают с собой без всякой причины. Особенно вдвоем. Нам чего-то недостает.

— Вы полагаете...

— Я ничего не полагаю. Полицейский отчет подтверждает самоубийство. Я хочу лишь сказать, что у нас недостаточно информации для того, чтобы понять, почему они это сделали.

Директор вспомогательной службы бросил взгляд на документ.

— Похоже, вы провели всестороннюю проверку.

— То, что мне нужно, находится в этом здании. Ваши результаты психологического обследования Торпов. Именно они могут дать мне недостающую информацию.

— К сожалению, это невозможно. Данные сведения секретны, они являются коммерческой тайной.

— Я подписал обязательство о неразглашении.

— Доктор Лэш, это решаю не я. Кроме того, маловероятно, чтобы вы нашли в результатах наших тестов нечто такое, о чем не узнали сами.

— Может, да, а может, и нет. Именно потому я подготовил вот что.

Лэш достал небольшой конверт и положил его поверх пачки страниц отчета. Директор вспомогательной службы вопросительно наклонил голову.

— Это мои расходы. Время работы рассчитано по обычной ставке, составляющей триста долларов в час. Сверхурочные я не учитывал. Билеты на самолет, номера в гостиницах, наем автомобилей, питание — все тут. Чуть больше четырнадцать тысяч долларов. Если вы не возражаете, я выпишу вам чек на сумму разницы.

— Какой разницы?

— Остаток от тех ста тысяч, которые вы мне дали.

Мочли взял конверт и вынул из него сложенный пополам листок.

— Я не вполне понимаю...

— Все просто. Не получив от вас новых сведений, я не могу сказать ничего сверх того, что Льюис и Линдси Торпы были именно такой идеальной парой, какой счел их ваш компьютер. Подобное мнение не стоит ста тысяч.

Директор вспомогательной службы несколько мгновений изучал перечень расходов, затем убрал его в конверт и снова положил на стол.

— Доктор Лэш, вы не против, если я на минуту покину вас?

— Конечно.

Мочли встал и, вежливо поклонившись, вышел из кабинета, закрыв за собой дверь.

Прошло минут десять, прежде чем Лэш услышал, как дверь открывается снова. Повернувшись, он увидел Мочли, стоящего в коридоре.

— Прошу за мной, — сказал директор вспомогательной службы.

Он повел Лэша к другому лифту. Они спустились на несколько этажей, после чего оказались в пустом коридоре, стены, пол и потолок которого были выкрашены в один и тот же бледно-фиолетовый цвет. Пройдя несколько десятков шагов, Мочли остановился и открыл дверь того же оттенка, что и стены с потолком. Он кивнул Лэшу, подавая тому знак войти первым.

Длинное помещение было слабо освещено. Стены его отклонялись наружу под углом в сорок пять градусов, но на высоте трех футов неожиданно вновь становились вертикальными. Лэшу показалось, будто он смотрит в дымоход.

— Что это за место? — спросил он.

Мочли закрыл дверь и нажал кнопку на панели рядом с ними.

Раздалось тихое гудение, и Лэш машинально отступил на середину помещения. По обе стороны вдоль наклонных стен у его ног начала подниматься черная заслонка. Лэш понял, что это вовсе не стены, а окна, выходящие в две большие комнаты с левой и с правой стороны. Он стоял на помосте между двумя одинаковыми залами с большими овальными столами посередине. Вокруг каждого из них сидели по полтора десятка человек. Слышно ничего не было, но по их жестике Лэш сделал вывод, что они оживленно разговаривают.

— Что, черт возьми... — начал он.

Директор вспомогательной службы сухо рассмеялся. Желтый свет, идущий из залов, осветил снизу его улыбающееся лицо, придав ему беспокойное выражение.

— Послушайте, — сказал он, нажимая другую кнопку.

Комната неожиданно заполнилась шумом голосов. Мочли повернулся к панели, покрутил ручку, и голоса стали тише. Лэш понял, что слушает разговор людей, сидящих внизу.

В следующий момент он понял, что это пары, подобранные «Эдемом». Они шутили, обмениваясь воспоминаниями об этом событии.

— Я рассказал семи, может, восьми знакомым, — говорил чернокожий мужчина лет сорока, в темном костюме. Рядом сидела женщина, положив голову ему на плечо. — Трое уже подали

заявления. Другие собирают деньги. Один из них даже намерен поменять свой «сааб» на поддержанную «хонду», чтобы скопить необходимую сумму. Это уже настоящее отчаяние.

— Мы никому не говорили, — сказала молодая женщина по другую сторону стола. — Предпочитаем хранить все в тайне.

— И откровенно веселимся, — добавил ее муж. — Люди постоянно говорят нам, какая мы идеальная пара. Вчера вечером в спортзале ко мне подошли несколько парней. Они жаловались на то, какие стервы их жены, и удивлялись, как мне удалось найти последнюю симпатичную девушку Лонг-Айленда. — Он рассмеялся. — Разве я мог сказать им, что нас соединил «Эдем»? Приписать эту заслугу себе куда интереснее.

Слова его вызвали всеобщий хохот. Мочли снова повернул ручку, и смех смолк.

— Доктор Лэш, вероятно, вы считаете меня излишне скрытным. Это вовсе не так, и дело не в том, что мы не доверяем вам. Сохранение тайны — всего лишь способ защитить наши услуги. У нас множество конкурентов, которые пошли бы на все, чтобы выяснить методику тестирования, наши алгоритмы оценки, что угодно. И помните, что это важно не только для нас самих.

Он показал на один из залов внизу и покрутил другую ручку.

— ...если бы я знал, что меня ждет, неизвестно, хватило бы мне смелости, чтобы пройти тесты, — говорил высокий, атлетически сложенный мужчина в свитере с вырезом лодочкой. — Это был тяжелый день. Но теперь, семь месяцев спустя, я знаю, что это был самый лучший поступок в моей жизни.

— Когда-то, несколько лет назад, я воспользовался услугами обычного брачного агентства, — добавил другой. — Ничего общего с «Эдемом». Примитивно. Непрофессионально. Мне задали всего несколько вопросов. И угадайте, какой был первым: вас интересует временное знакомство или постоянные отношения? Верите? Я настолько разозлился, что тут же ушел!

— Я буду выплачивать кредит несколько лет, — сказала женщина. — Но я отдала бы и вдвое больше, если все так, как говорят те, на стене в вестибюле. Счастье не имеет цены!

— Вы когда-нибудь ссоритесь? — спросил кто-то.

— Порой у нас случаются расхождения во мнениях, — ответила седовласая женщина в конце стола. — Но у людей не бывает иначе. Таким образом мы лишь лучше узнаем друг друга и учимся уважать желания партнера.

Директор вспомогательной службы снова выключил звук.

— Видите? Это все и ради них тоже. «Эдем» предоставляет услуги, о которых никто до сих пор не решился бы даже мечтать. Для нас недопустимо ставить под угрозу их качество, даже если риск на самом деле невелик. — Он немного помолчал. — Послушайте меня. Я приглашу человека, и вы поговорите с ним. Задайте несколько вопросов. Но вы должны понять, доктор Лэш, что он ничего не знает. Моральный дух наших сотрудников крайне высок. Люди гордятся качеством наших услуг, и мы не можем подрывать их веру даже перед лицом случившейся трагедии. Понимаете?

Лэш кивнул.

Словно по этому знаку, в другом конце помещения открылась дверь, и в проеме появилась фигура в белом халате.

— А, вот и ты, Питер, — сказал Мочли. — Познакомься с доктором Лэшем. Он проводит дополнительное обследование некоторых наших клиентов, для статистических целей.

Парень подошел, несмело улыбаясь. Он был очень молод. Когда он пожал Лэшу руку, прядь огненно-рыжих волос упала ему на лоб.

— Это Питер Хэпвуд, техник, который проводил индивидуальные собеседования с Торпами, когда они вернулись к нам на встречу выпускников. — Мочли повернулся к Хэпвуду. — Помнишь Льюиса и Линдси Торп?

Хэпвуд кивнул.

— Это та суперпара.

— Именно так.

Директор вспомогательной службы жестом предложил Лэшу продолжить.

— Во время индивидуальных собеседований с Торпами что-либо привлекло ваше внимание? — спросил Лэш молодого человека.

— Нет, ничего такого не помню.

— Какое они производили впечатление?

— Счастливые, как и все, кто сюда возвращается.

— Сколько таких пар вы оценили? Я имею в виду, тех, кто приходит через полгода?

Хэпвуд задумался.

— Тысячу. Может, тысячу двести.

— И все были счастливы?

— Без исключения. Даже после столь долгого времени это кажется невероятным.

Хэпвуд бросил взгляд на Мочли, словно опасаясь, что сказал нечто неуместное.

— Торпы говорили что-то о своей жизни после того, как они познакомились?

— Дайте подумать. Нет. Впрочем, подождите. Недавно они переехали во Флагстафф в Аризоне. Помню, мистер Торп говорил, что у него проблемы с акклиматизацией на такой высоте — кажется, он занимался бегом трусцой, — но оба просто обожали те места.

— Во время разговора выяснилось что-либо еще?

— Пожалуй, нет. Я просто задал стандартный набор вопросов. Ничто не привлекло особого внимания.

— Что входит в этот стандартный набор?

— Ну, сначала мы создаем соответствующее настроение, чтобы...

— Вряд ли такие подробности необходимы, — прервал его Мочли. — Еще есть вопросы?

Лэш почувствовал, что возможность ускользает у него из рук. Впрочем, вопросов у него больше не было.

— И вы не помните, чтобы они говорили или упоминали о чем-то необычном? О чем угодно?

— Нет, — ответил Хэпвуд. — Увы.

У Лэша опустились руки.

— Спасибо.

Директор вспомогательной службы кивнул Хэпвуду, который направился к двери в конце помещения. На полдороге он остановился.

— Она ненавидела оперу.

Лэш посмотрел на него.

— Что?

— Миссис Торп. Когда они пришли на консультацию, она извинилась за опоздание. По дороге сюда она не хотела садиться в первое такси, поскольку водитель слушал оперу по громко включенному радио. Она сказала, что не смогла бы вынести этого. Прошло минут десять, прежде чем они нашли другую машину. — Он покачал головой. — Они еще смеялись над этим.

Кивнув Лэшу и Мочли, он вышел.

В лучах света, идущих из нижних помещений, Мочли походил на призрак. Директор повернулся и протянул Лэшу толстый конверт из плотной бумаги.

— Вот результаты ассоциативных исследований Торпов, проведенных во время первоначальной оценки. Это единственный тест, который не разработан нашей фирмой, и потому я могу предоставить его вам.

— Весьма любезно с вашей стороны.

Не в силах скрыть разочарование, Лэш произнес эти слова несколько резче, чем собирался.

— Вы должны понять, доктор Лэш, — мягко напомнил ему директор вспомогательной службы, — наш интерес к тому, что случилось с Торпами, носит чисто формальный характер. Это трагическое событие особенно болезненно для нас, поскольку оно произошло с суперпарой. Впрочем, это единственный случай. — Он отдал Лэшу конверт. — Посмотрите на досуге. Надеемся, что вы продолжите расследование и найдете черты личности, на которые в будущем нам следует обратить внимание при оценке кандидатов. Если вы все-таки решите отказаться, мы примем ваш отчет. В обоих случаях деньги оставьте себе. — Он показал на дверь. — А теперь, если позволите, я провожу вас до вестибюля.

Послеполуденные тени уже удлинялись, когда Лэш подъехал к Центру имени Одюбона в Гринвиче, припарковал машину и направился к озеру Мид по усыпанной сухими ветками тропинке. Он был полностью предоставлен самому себе — школьные экскурсии уехали несколькими часами раньше, а любители наблюдать за птицами и фотографировать природу должны были появиться лишь в конце недели. Сырое утро сменилось ясным солнечным днем. Лес вдали сливался в зелено-коричневую полосу. В воздухе ощущался запах мха. По мере того как Лэш удалялся от Риверсвилл-роуд, шум уличного движения начал стихать, и через несколько минут его сменило пение птиц.

Он покинул небоскреб корпорации «Эдем», собираясь поехать прямо в свой кабинет в Стэмфорде. Неделя, которую он отвел на расследование, заканчивалась, и Лэш должен был решить, что делать со встречами, назначенными на следующую неделю, — если вообще что-либо делать. Но на полпути домой он неожиданно свернул с транзитной автострады, ведущей в Новую Англию, и поехал почти без цели по тенистым дорогам Дэриена, Сильвермайна, Нью-Канаана, по местам, где прошла его молодость. Ассоциативные тесты Торпов лежали нетронутые в конверте на пассажирском сиденье. Он катил вперед, предоставив дороге вести себя. И оказался здесь, в природном заповеднике.

Место ничем не хуже любого другого.

Тропинка разветвлялась, ведя к ряду закрытых будок с видом на озеро. Выбрав наугад одну, Лэш поднялся наверх по короткой лесенке. Внутри было сухо и тепло. Длинная горизонтальная щель в задней стенке позволяла наблюдать за озером. Лэш посмотрел на водоплавающих птиц, которые ныряли и выскакивали на поверхность, не подозревая о его присутствии. Потом сел на деревянную скамейку и положил рядом с собой толстый коричневый конверт.

Впрочем, он не тронул его и достал из кармана пиджака тонкий томик Мацуо Басё — «По тропинкам Севера». Он заметил книгу на прилавке кафе «Старбакс» в аэропорту Скай-Харбор, и стечение обстоятельств показалось ему чересчур необычным для того, чтобы не купить ее. Пропустив предисловие переводчика, он пробежал взглядом первые фразы.

«Луна и солнце — лишь гости, что пройдут по сотням лет-веков, сменяющие друг друга годы — тоже странники. Тот, кто, садясь в ладью, подчиняется воле волн, равно как и тот, кто встречает старость, держась за поводья, жизнь свою превращают в странствие, странствие становится их единственным прибежищем в мире». [\[3\]](#)

Он отложил книгу. Что там говорил Торп о поэзии Басё? «Столь содержательна и в то же время весьма проста». Нечто в этом роде.

У Лэша имелось множество профессиональных принципов, но самый важный из них гласил: сохраняй дистанцию по отношению к пациентам. Этому научил его опыт, полученный в ФБР. Так почему же он позволил себе настолько увлечься Льюисом и Линдси Торпами? Неужели только из-за таинственной смерти? А может, его очаровал их идеальный супружеский союз? Ибо все доказательства, которые он успел собрать, свидетельствовали о том, что их брак действительно был безупречным, до того самого мгновения, когда они надели себе на головы мешки для мусора, обнялись и медленно умерли на глазах своей маленькой дочери.

Обычно Лэш не позволял себе заниматься самоанализом. Ни к чему хорошему это не вело, лишь отрицательно влияло на объективность. Тем не менее сюда он пришел не случайно. В этом заповеднике, на этой тропинке и даже именно в этой самой будке Ширли сказала три года назад, что не хочет больше видеть его.

«Жизнь свою превращают в странствие». Лэш подумал о том, в какое странствие отправились Торпы. Или, если на то пошло, куда отправился он сам, пытаясь раскрыть их тайну. Здравый смысл отговаривал его, а ноги сами несли вперед.

Устало потирая глаза, он взял толстый конверт и разорвал его указательным пальцем.

Внутри оказалось сто с лишним страниц — результаты

ассоциативных тестов Льюиса и Линдси Торп, проведенных в «Эдеме» в рамках предварительной оценки кандидатов.

Уже в средней школе Лэша восхищали чернильные тесты — сама мысль, сколь многое о человеке может сказать то, что он видит в обычной кляксе. В университете, когда он познакомился с применением этой психологической проверки — и сам прошел ее, что было обязанностью каждого студента-психолога, — он понял, сколь полезным диагностическим инструментом она может быть. Подобного рода исследование считалось «проекционным», поскольку, в отличие от сложных предметных письменных тестов, таких как WAIS или MMPI, ^[4] концепция «правильного» и «неправильного» была неоднозначна. Поиск образов в пятнах требовал привлечения более глубоких и сложных сторон личности.

В «Эдеме» использовался тест Хиршфельда ^[5] — выбор, который Лэш горячо одобрял. Хотя тест этот базировался на модифицированном Экснером ^[6] тесте Роршаха, ^[7] он в нескольких аспектах превосходил оригинал. Тест Роршаха состоял лишь из десяти клякс, что психологи пытались сохранить в тайне. При столь небольшом количестве вариантов кто-то легко мог запомнить «правильные» ассоциации. В тесте же Хиршфельда использовался каталог из пятисот пятен — слишком много, чтобы выучить ответы. И испытуемому показывали не десять, а тридцать пятен, получая более широкий разброс вариантов. У Роршаха половина клякс была цветной, а в тесте Хиршфельда все были черно-белые, поскольку его сторонники считали, что цвет лишь рассеивает внимание испытуемого.

Сверху лежали результаты Линдси Торп. Лэш на мгновение представил ее в кабинете — тихом, уютном, где ничто не отвлекало внимания испытуемых. Исследователи сидели за ее спиной — во время выполнения задания следовало избегать зрительного контакта. Линдси Торп не видела картинок, пока исследователь не положил их на столе перед ней.

Основные принципы, так же как и количество пятен этого теста, хранились в тайне. Каждый ответ испытуемого сравнивался со стандартным ответом. Линдси не предполагала, что все, что она скажет об этих кляксах, существенное или нет, будет записано и оценено. Она не знала, что скорость ее ответов измеряется — чем быстрее, тем лучше. Она понятия не имела, что в каждой кляксе она

должна увидеть больше одного предмета — иное предполагало наличие невроза. И она не знала — а проводивший исследование ответил бы отрицательно, если бы она спросила об этом, — что для каждого пятна имеется «обычный» ответ. Если кто-то замечал нечто оригинальное и мог обосновать это, он получал дополнительные очки за творческое мышление. Впрочем, если он видел нечто, чего не заметил никто другой, это обычно свидетельствовало о психозе.

Лэш посмотрел на первое пятно. Сотрудник, который проводил тест, подробно записал ответы Линдси.

1 из 30

Карта 142

Свободные ассоциации:

1. Похоже на тело. Белые пятна посередине напоминают легкие.
2. То, что внизу, напоминает перевернутые вверх ногами кости таза.
3. ↓ Похоже на маску. Да, маска.
4. А в самом низу маленькая летучая мышь.

Пояснения:

1. (Повтор.)
2. (Повтор.)

3. Да, маска. Два белых пятнышка наверху — глаза. Посередине — нос, а внизу рот. Страшноватая дьявольская маска.

4. В самом низу летучая мышь. Видны торчащие уши, распростертые крылья. Она как будто летит.

Просмотр каждой карты делился на два этапа: фазу свободных ассоциаций, когда испытуемый говорил, что ему напоминает данное пятно, и фазу пояснений, во время которой исследователь просил обосновать эти выводы. Увидев стрелку возле третьей ассоциации, Лэш понял, что Линдси, не спрашивая, перевернула карту вверх ногами, что свидетельствовало о независимости. Если кто-то спрашивал, можно ли перевернуть карту, он получал меньше очков. Лэш узнал это пятно. Линдси дала чаще всего повторяющиеся ответы: маска, летучая мышь. Психолог компании, несомненно, обратил внимание на упоминание дьявола, дополнительное замечание, которое необходимо было отметить.

На следующей странице была таблица результатов для первой карты.

Карта	№	Код	№ отв.	Детерминанты	Форм-фактор	Особые отметки
1	1	B S	6	H1, M+	OK	
	2	D	21	H, Ma-	OK	
	3	B S	1	I, Ffr2	OK	Откл.
	4	D	\$	Am. A-, (If)	OK	

Лэш быстро просмотрел характеристику и оценку четырех ответов Линдси. Исследователь проделал тщательную работу. Хотя прошло много лет с тех пор, как Лэш в последний раз проводил тест Хиршфельда, он тут же вспомнил сложную кодовую систему: В означало ответ, охватывающий пятно целиком, D — касающийся лишь часто замечаемой детали. Были отмечены увиденные фигуры людей и животных, анатомические и природные подробности. Во всех четырех ответах формфактор был обозначен как ОК — хороший знак. В белых частях пятен она заметила больше, чем средний испытуемый, но не настолько, чтобы это стало поводом для

беспокойства. В рубрике «Особые отметки», где психолог отмечал отклонения от нормы, Линдси получила лишь одно замечание за чересчур мрачный ответ — несомненно, за то, что охарактеризовала картинку как «дьявольскую маску» и «страшноватую».

Он перешел ко второму пятну.

Психолог «Эдема» и здесь тщательно записал ответы Линдси.

2 из 30

Карта 315

Свободные ассоциации:

- 5. Похоже на елочную игрушку.
- 6. Те отростки наверху — словно усики насекомого.
- 7. ↓ под этим углом отростки напоминают ноги краба.

Пояснения:

- 5. Ну, оно круглое, как висящие на елке украшения. Верно? А в ту часть наверху вставляется подвеска.
- 6. Да. Они покрыты волосками, будто усики некоторых насекомых.
- 7. (Повтор.)

Лэш узнал и это пятно. Все ответы Линдси находились в пределах нормы.

Он машинально посмотрел на кляксу и вдруг оцепенел. Внезапно ему в голову пришло множество ассоциаций: быстро увеличивающаяся лужа крови на белом ковре; окровавленный кухонный нож; ухмыляющаяся физиономия Эдмунда Уайра, сидящего со скованными руками и ногами перед морем потрясенных лиц.

«Черт бы побрал Роджера Гудкайнда и его любопытство», — подумал Лэш, быстро откладывая лист в сторону.

Он быстро просмотрел оставшиеся двадцать восемь страниц, не найдя никаких отклонений. Линдси характеризовалась как хорошо приспособленная к жизни, умная, творческая и достаточно амбициозная личность. Это он и так знал. Слабая надежда, только начавшая пробуждаться, снова угасла.

Остался еще один документ. Лэш взял итоговую страницу, где все данные Линдси Торп подвергались качественному и частотному анализу, а также различным математическим преобразованиям, чтобы определить преобладающие черты ее личности. Один из наборов результатов назывался «особыми показателями», и Лэш сосредоточил свое внимание именно на них.

Раздел VIII. Особые показатели (H.28)

H.28a	SZ	— (1/10)
H.28b	HVG	— (3/12)
H.28c	S-Cluster	— (0/8)
H.28d	RH-2	— (0/9)
H.28e	MRZ	— (1/15)
H.28f	N-Calc	— (2/11)
H.28a	PS-Neg	— (0/8)

Эти характеристики являлись чем-то вроде красных флажков. Большое количество ответов, относящихся к одной из данных семи категорий, указывало на отклонение от нормы — например, на шизофрению (SZ). Один из особых показателей, S-Cluster, обозначал суицидальные наклонности.

В случае Линдси Торп эта величина была отрицательной.

Точнее говоря, по шкале от нуля до восьми ее склонность к самоубийству равнялась нулю.

Вздыхнув, Лэш отложил результаты Линдси и взял страницы с данными ее мужа.

Он удостоверился, что показатель склонности к самоубийству у Льюиса Торпа был столь же низок, как и у Линдси, когда в кармане его пиджака запищал телефон. Лэш достал его.

— Да?

— Доктор Лэш? Это Эдвин Мочли.

Лэш слегка удивился. Он никому не давал номера своего мобильного и уж точно не помнил, чтобы сообщал его кому-либо из «Эдема».

— Где вы сейчас?

Голос директора вспомогательной службы звучал не так, как прежде, — резко и решительно.

— В Гринвиче. В чем дело?

— Это опять случилось.

— Что именно?

— Снова такой же случай. Очередная попытка двойного самоубийства. Суперпара.

— Как?

Удивление тут же сменилось недоверием.

— Их фамилия Уилнер. Живут в Ларчмонте. В данный момент их везут в больницу Южного Уэстчестера. Из Гринвича вы должны добраться туда за... пятнадцать минут, — после короткой паузы закончил Мочли. — На вашем месте я не терял бы времени.

И в трубке наступила тишина.

Медицинский центр округа Южный Уэстчестер представлял собой комплекс зданий из красного кирпича на окраине Рэя, сразу за административной границей Нью-Йорка. Затормозив на дорожке для машин «скорой помощи», Лэш заметил, что в отделении скорой царит необычное спокойствие. В тени за стеклянными дверями стояли только две машины: одна — «скорая», а вторая — похожий на лимузин длинный низкий автомобиль окружного судмедэксперта. Задние двери «скорой» были открыты. Санитар с ведром и щеткой мыл салон изнутри. Проходя мимо по асфальтовой дорожке, Лэш даже с расстояния в двадцать ярдов почувствовал металлический запах крови. Он остановился и посмотрел на темно-красное здание. Он уже три года не бывал в приемном покое. Затем, вспомнив требовательный голос Мочли, Лэш заставил себя идти дальше.

Внутри царило подавленное настроение. На пластиковых стульях сидело несколько человек. Одни просто смотрели по сторонам, другие заполняли какие-то бланки. В углу стояла группа тихо переговаривающихся полицейских. Лэш поспешно направился к двери с надписью «Вход в отделение», открыл ее и нашел на стене кнопку, автоматически открывающую дверь в приемный покой.

Створки разъехались, и за ними предстала совершенно другая картина. Куда-то бежали санитары, неся подносы с инструментами. Прошла медсестра с литровыми баллонами крови в руках. За ней, толкая перед собой каталку, следовала другая. Трое санитаров молча стояли у сестринского поста; у двоих на руках еще были измазанные кровью светло-зеленые перчатки.

Лэш огляделся в поисках знакомых лиц. Почти сразу же он заметил главного ординатора, Альфреда Чена, который шел ему навстречу. Обычно Чен двигался не спеша, с грацией пророка, с улыбкой на круглом, словно у Будды, лице. Сейчас же он явно торопился, лицо было серьезным. Ординатор не отрывал взгляда от папки, которую держал в руках, не замечая Лэша. Когда он проходил

мимо, Лэш протянул руку.

— Привет, Альфред. Как дела?

Чен уставился на него ничего не выражающим взглядом.

— О, Крис. Привет. — На его лице на мгновение появилась улыбка. — Могло быть и лучше. Послушай, я...

— Я приехал увидеться с Уилнерами.

— Я как раз иду к ним, — удивленно ответил Чен. — Идем со мной.

Лэш пошел следом за ординатором.

— Твои пациенты? — спросил Чен.

— Вероятно.

— Как ты так быстро узнал? Их привезли всего пять минут назад.

— Что случилось?

— По словам полиции — попытка самоубийства, причем весьма тщательная. Вены вскрыты по всей длине, от запястья до локтя.

— В ванне?

— Вот это-то как раз и странно. Их обоих нашли в кровати. Полностью одетых.

Лэш почувствовал, как невольно сжимаются его зубы.

— Кто обнаружил их?

— Кровь протекла в квартиру ниже этажом, и соседи вызвали полицию. Вероятно, они пролежали так несколько часов.

— В каком они состоянии?

— Джон Уилнер истек кровью. — Чен тяжело вздохнул. — Его нашли мертвым. Его жена жива, но состояние крайне тяжелое.

— У них были дети?

— Нет. — Чен заглянул в папку. — Но Карен Уилнер на пятом месяце беременности.

Впереди них медсестра с реанимационным комплектом скрылась за ширмой. Чен вошел за ней, Лэш следом за ним.

Здесь царила такая суматоха, что сначала Лэш даже не увидел койку. Где-то рядом с опасной частотой попискивал электрокардиограф. Множество людей говорили одновременно — спокойно, но быстро.

— Пульс сто двадцать, внесинусоидальная тахикардия, — сказала женщина.

— Систолическое давление семьдесят.

Неожиданно взвыла сирена.

— Больше плазмы! — послышался чей-то громкий требовательный голос.

Лэш переместился за спинами людей в голубых халатах в сторону изголовья. Протиснувшись между двумя стойками с медицинской аппаратурой, он наконец увидел Карен Уилнер.

Кожа ее была словно гипсовой, настолько бледной, что Лэш разглядел удивительно отчетливую сетку пустых кровеносных сосудов на шее, груди и плечах. Пациентке разрезали блузку с бюстгальтером и обмыли грудную клетку, но юбка была все еще на ней, и там белизна заканчивалась. Материя пропиталась кровью. В сгибы обеих рук были введены капельницы, через которые поступала плазма и физиологический раствор. Ниже, на предплечьях, наложили тугие повязки, и врачи пытались сшить разрезанные вены.

— Спазм сосудов, — сказала медсестра, прикладывая ладонь ко лбу пациентки.

Карен Уилнер не открывала глаз. Она вообще никак не реагировала. Лэш наклонился над неподвижным лицом.

— Миссис Уилнер, — прошептал он. — Зачем? Почему вы так поступили?

— Что вы тут делаете? — требовательно спросила медсестра. — Кто этот человек?

Писк электрокардиографа замедлился, став нерегулярным.

— Брадикардия! ^[8] — крикнул кто-то. — Давление упало до сорока пяти на двадцать.

Лэш придвинулся ближе.

— Карен, — умоляюще сказал он. — Мне нужно знать почему.

Пожалуйста.

— Кристофер, отойди, — предостерег его Чен с другой стороны койки.

Веки женщины шевельнулись, опустились и снова поднялись — сухие и еще более бледные, чем ее кожа.

— Карен, — повторил Лэш, кладя руку ей на плечо.

Оно было холодным, словно мрамор.

— Заставьте его замолчать, — скорее выдохнула, чем проговорила она.

— Кого?

— Голос, — почти беззвучно ответила Уилнер. — Тот голос у меня в голове.

Она снова закрыла глаза, и ее голова упала набок.

— Мы теряем ее! — крикнула медсестра.

— Какой голос? — наклонившись, спросил Лэш. — Карен, какой голос?

Кто-то положил руку ему на плечо и оттащил назад.

— Вы мешаете, мистер, — сказал санитар, блеснув глазами над белой маской.

Лэш отошел к стойкам с аппаратурой. Теперь электрокардиограф пищал почти непрерывно. Медсестра подкатила к койке тележку с дефибриллятором.

— Заряжен? — спросил Чен, беря электроды.

— Сто джоулей.

— Все назад! — приказал Чен.

Лэш смотрел, как тело Карен Уилнер выгибается под воздействием электрического заряда. Закачались свисающие со стоек трубки капельниц.

— Еще раз! — крикнул Чен, держа в воздухе электроды.

На мгновение его глаза встретились с глазами Лэша. Хотя взгляд этот был короток, он говорил обо всем.

В последний раз испытующе посмотрев на Карен Уилнер, Лэш повернулся и вышел.

На этот раз, когда Эдвин Мочли провел Лэша в зал заседаний «Эдема», почти все места за столом были заняты. Лэш узнал некоторые лица: Гарольда Перрина, бывшего управляющего Федеральной резервной системой, и Кэролайн Лонг из фонда Лонга. Других он раньше не видел. Впрочем, можно было не сомневаться, что перед ним все правление корпорации «Эдем». Недоставало лишь основателя фирмы, Ричарда Сильвера, ведущего затворнический образ жизни. Хотя в последние годы он редко позволял фотографировать себя, ни одно из этих лиц явно ему не принадлежало. Одни смотрели на Лэша с любопытством, во взглядах других теплилась надежда, третьи выглядели озабоченными.

Джон Леливельд сидел в том же кресле, что и во время первой встречи.

— Доктор Лэш, прошу, — показал он на единственное свободное место.

Мочли тихо закрыл дверь зала и встал перед ней, заложив руки за спину.

Президент обратился к женщине, сидящей справа:

— Будьте любезны, прошу не записывать, мисс Френч. — Он снова посмотрел на Лэша. — Хотите чего-нибудь? Кофе, чай?

— Кофе, если можно.

Лэш наблюдал за лицом Леливельда, пока тот коротко представлял присутствующих. От мягкого, почти добродушного настроения предыдущей встречи не осталось и следа. Вид у президента «Эдема» теперь был напряженный, сосредоточенный, слегка отстраненный. «Это уже не совпадение, — подумал Лэш, — и он знает об этом». Либо прямо, либо косвенно, но «Эдем» явно имел отношение к случившемуся.

Принесли кофе, и Лэш с благодарностью принял его: всю ночь

он был настолько занят, что почти не сомкнул глаз.

— Доктор Лэш, — начал Леливельд. — Думаю, будет лучше, если мы сразу перейдем к делу. Я прекрасно понимаю, что времени было мало, но не могли бы вы вкратце представить нам, что вам удалось узнать и... — Он замолчал и посмотрел на остальных. — И есть ли этому объяснение.

Лэш отхлебнул кофе.

— Я разговаривал с коронером и местной полицией. Внешне все до сих пор указывает на первоначальную концепцию двойного самоубийства.

Леливельд нахмурился. Сидящий чуть дальше мужчина, которого президент представил как исполнительного директора Грегори Майнора, беспокойно ерзал в кресле. Он был моложе Леливельда, темноволосый, с пронизательным взглядом.

— А что насчет Уилнеров? — спросил он. — Можно это как-то объяснить?

— Нет. Все точно так же, как и с Торпами. У Уилнеров было все. В приемном покое я разговаривал с врачом, который знал их. У них была хорошая работа — Джон занимал должность в банке, а Карен работала в университетской библиотеке. Она была беременна; никакой склонности к депрессии или иным заболеваниям. В финансовом и семейном плане все в порядке. Анализ крови ничего не показал. Чтобы полностью удостовериться, потребуется тщательное расследование, но пока ничто не указывает на склонность к суициду.

— Кроме трупов, — произнес Майнор.

— Обследование во время встречи выпускников тоже ничего не показало. Они выглядели столь же счастливыми, как и остальные пары. — Леливельд посмотрел на Лэша. — Вы употребили формулировку «внешне». Можно подробнее?

Лэш сделал еще глоток кофе.

— Очевидно, что самоубийства во Флагстаффе и в Ларчмонте как-то связаны друг с другом. О случайном совпадении не может быть и речи. Так что придется рассматривать эти случаи как нечто, что мы в Куантико называли сомнительной смертью.

— Сомнительная смерть? — переспросила Кэролайн Лонг,

сидящая справа от него. В искусственном свете ее волосы казались почти бесцветными. — Поясните, пожалуйста.

— Это термин, введенный ФБР двадцать лет назад. Нам известны жертвы, мы знаем, как они умерли, но предстоит выяснить, какой смертью. В данном случае это может быть двойное самоубийство, убийство и самоубийство или двойное убийство.

— Убийство? — переспросил Майнор. — Одну минуту. Вы ведь сказали, что полиция считает это суицидом.

— Знаю.

— И все, что вы выяснили, лишь подтверждает это.

— Верно. Я упомянул о сомнительной смерти, поскольку для нас это загадка. Все факты указывают на самоубийство. Но психологические данные противоречат этому. Так что мы не можем исключать никаких вариантов.

Лэш посмотрел на окружающих. Никто не ответил, и он продолжил:

— Какие это возможности? Если мы имеем дело с убийством, то его наверняка совершил тот, кто знал обе пары. Может, отвергнутый конкурент? Или кто-то, кого отсеяли в «Эдеме» на этапе проверки и он затаил обиду?

— Это невозможно, — возразил Майнор. — Наша база данных хранится в строжайшем секрете. Никто из отвергнутых кандидатов не знает ни имен, ни адресов наших клиентов.

— Они могли познакомиться в вестибюле, когда пришли подавать заявления. Или какая-то из пар могла рассказать о своем визите в «Эдем» не тому, кому стоило бы.

Леливельд медленно покачал головой.

— Не думаю. Наша охрана начинает действовать с того момента, когда клиент входит в здание. Обычно это не бросается в глаза, но ситуация, которую вы описали, исключена. Что касается второй возможности, мы предупреждаем наших клиентов, чтобы они не хвастались своим визитом в «Эдем», и проверяем это во время встречи выпускников. И Торпы, и Уилнеры сохранили в тайне то, каким образом они познакомились.

Лэш допил кофе.

— Ладно. Вернемся к самоубийству. Не исключено, в подборе суперпары кроется какая-то ошибка. Какая-то глубоко скрытая психопатология, которую не обнаруживают рутинные обследования во время ваших... как вы их называете? Встреч выпускников.

— Чушь, — бросил Майнор.

— Чушь? — Лэш поднял брови. — Природа не терпит совершенства, мистер Майнор. Чистое золото столь мягко, что не годится для обработки, из-за чего лишено цены. Только фракталы [\[9\]](#) идеальны, но даже они асимметричны по своей сути.

— Думаю, Грег хотел сказать, что, даже если бы такая возможность существовала, мы обратили бы на нее внимание, — вмешался Леливельд. — Мы проводим весьма тщательное психологическое обследование. Подобное наверняка проявилось бы на этапе оценки кандидатов.

— Это лишь теория. Так или иначе, убийство это или самоубийство, ключ ко всему — «Эдем». Это единственное, что связывает обе пары. Поэтому я должен лучше познакомиться с процессом отбора. Я хотел бы увидеть то, что видели Торпы и Уилнеры, будучи вашими клиентами. Мне нужно узнать, каким образом их подобрали на роль суперпар. И мне необходим неограниченный доступ к их досье.

На этот раз Грегори Майнор вскочил с кресла.

— Об этом не может быть и речи! — Он повернулся к Леливельду. — Ты же знаешь, Джон, что я с самого начала возражал. Пускать сюда кого-то извне опасно, это может вывести ситуацию из-под контроля. Одно дело — единичный случай, касающийся нас лишь косвенно. Но после того, что случилось прошлой ночью... Риск очень велик.

— Слишком поздно, — сказала Кэролайн Лонг. — Теперь мы рискуем много большим, нежели служебной тайной. Уж кто-кто, но ты, Грегори, должен понимать это.

— Тогда забудем на какое-то время о безопасности. Просто нет никакого смысла допускать за Стену такого, как Лэш. Вы читали в его досье о той отвратительной истории перед его уходом из ФБР. Мы нанимаем сотни психологов с безупречными рекомендациями. Подумайте, сколько времени и усилий потребуется для того, чтобы

ознакомить Лэша со всем. И ради чего? Никто не знает, почему умерли те люди. Кто может утверждать, будто у нас есть причины полагать, что это повторится?

— А вам хочется рискнуть? — гневно ответил Лэш. — Одно могу сказать наверняка: вам очень повезло. Самоубийства произошли на противоположных побережьях страны. А в случае Уилнеров — настолько близко от вас, что вам удалось замять случившееся и скрыть его от прессы. Поэтому никто не обратил внимания на сходство этих событий. Впрочем, если так же решит поступить третья пара, шансов на то, что вам удастся избежать огласки, чертовски мало.

Лэш сел, тяжело дыша. Он взял чашку с кофе, но тут же вспомнил, что она пуста, и поставил ее обратно.

— Боюсь, что доктор Лэш прав, — спокойно сказал Леливельд. — Мы должны выяснить, что происходит, и так или иначе положить этому конец — не только ради Торпов и Уилнеров, но и самого «Эдема». — Он посмотрел на Майнора. — Грег, я считаю, что беспристрастность доктора Лэша в данном случае является достоинством, а не недостатком. Правда, ему пока непонятен сам процесс отбора, но он может оценить его с новой точки зрения. Из десятка кандидатов, которых мы рассматривали, он обладает самой высокой квалификацией. У нас есть его письменное обязательство о неразглашении тайны. Полагаю, что мы должны проголосовать по вопросу его допуска к делам компании.

В наступившей тишине он отхлебнул воды из стоящего рядом стакана и поднял руку.

Медленно поднялась еще одна рука, а за ней еще и еще. Вскоре уже все держали руки поднятыми, кроме Грегори Майнора и человека в темном костюме рядом с ним.

— Решение принято, — объявил президент. — Доктор Лэш, Эдвин введет вас в курс дела.

Лэш встал. Но Леливельд еще не закончил.

— Вы получаете беспрецедентный доступ к внутренним процедурам «Эдема». Вам предоставлена возможность, которой до сих пор не имел еще никто с вашим опытом: познакомиться с процессом отбора в качестве клиента. И не забывайте старую поговорку: «Осторожнее с желаниями, ибо они могут исполниться».

Лэш кивнул и направился к выходу.

— И еще одно, доктор Лэш, — остановил его голос Леливельда.

Лэш повернулся к президенту.

— Действуйте как можно быстрее.

Когда Мочли открыл дверь, Лэш услышал, как Леливельд говорит:

— Можете снова вести протокол заседания, мисс Френч.

Кевин Коннелли шел по широкой асфальтовой парковке делового центра Стоунхэм к своей машине — серебристому «мерседесу» с низкой подвеской, который он предусмотрительно поставил вдали от других автомобилей, чтобы избежать вмятин и царапин.

Повернув ключ в замке, он открыл дверцу и опустился на черное кожаное сиденье. Коннелли любил хорошие машины, и в «мерседесе» ему доставляло радость все — тихий щелчок дверцы, мягкое облегающее сиденье, негромкое гудение двигателя. Дополнительное оборудование стоило каждого цента из тех двадцати тысяч, что он доплатил к базовой цене. В свое время, не столь давно, сама поездка домой была для него самым приятным событием вечера.

Но это время прошло.

Коннелли выехал с парковки на дорогу, ведущую к Сто двадцать восьмому шоссе, мысленно планируя маршрут. Он собирался остановиться у винного магазина в Берлингтоне и купить бутылку «Перье-Жуэ», а потом заехать в цветочную лавку неподалеку за букетом. «На этой неделе будут фуксии, — решил он. — Вряд ли она ожидает фуксий». Цветы и шампанское стали традицией его субботних вечеров с Линн, которая любила шутить, что единственная загадка для нее — цвет роз, которые он ей принесет.

Если бы кто-то сказал ему всего несколько лет назад, насколько Линн изменит его жизнь, он бы высмеял его. У него была интересная и ответственная работа директора компьютерной компании, множество друзей и более чем достаточно увлечений, чтобы заполнить свободное время. Он делал деньги и никогда не имел проблем с женщинами. Впрочем, подсознательно он, похоже, чувствовал, что ему не хватает чего-то, — иначе никогда не побывал бы в «Эдеме». Но даже после того, как он прошел утомительное обследование и внес двадцать пять тысяч долларов, он понятия не

имел, сколь законченной сделает его жизнь Линн. Как будто до тех пор он был слеп и никогда не знал, чего он лишен, пока внезапно не обрел зрение.

Выехав на шоссе, он влился в субботний поток автомобилей, наслаждаясь плавным ускорением мощной машины. Он помнил, как странно чувствовал себя в тот вечер, когда они впервые встретились. Сначала он минут пятнадцать, а может быть, и дольше думал, что это какая-то кошмарная ошибка, что в «Эдеме», возможно, перепутали его фамилию с кем-то другим. Во время последней беседы его предупредили, что подобная реакция встречается часто, но это не помогло. Первую половину свидания он лишь смотрел на сидящую с ним за столиком женщину, которая выглядела вовсе не так, как он ожидал, и размышлял, насколько быстро ему удастся вернуть те двадцать пять тысяч, которые он заплатил за эту безумную идею.

Но внезапно между ними что-то произошло. Даже сейчас, сколько бы они с Линн ни шутили по этому поводу в последующие месяцы, он не мог сказать, что это было. Что-то захватило его. За ужином он совершенно неожиданным для себя образом выяснил их общие интересы, вкусы, увлечения и антипатии. Еще более интригующими оказались их различия — оба как будто неким образом дополняли друг друга. Он всегда был слаб в иностранных языках, она же свободно владела французским и испанским. Линн объяснила ему, почему практическое применение языка намного естественнее зубрежки учебника. Всю вторую половину ужина она говорила исключительно по-французски, и к тому времени, как ему принесли крем-брюле, он удивился, сколь многое он понимает. На втором свидании он узнал, что Линн боится летать; будучи пилотом и совладельцем частного самолета, он объяснил ей, как преодолеть этот страх, и предложил попытаться сделать это, поднявшись в воздух вместе на его «сессне».

Он сменил полосу, улыбнувшись самому себе. Попытки объясниться были неуклюжими, и он прекрасно понимал это. Их личности, судя по всему, дополняли друг друга слишком замысловатым образом, чтобы это подлежало описанию. Он мог лишь сравнивать ее с другими женщинами, которых знал. Настоящее и фундаментальное различие заключалось в том, что они были вместе уже два года, и тем не менее предстоящая встреча столь возбуждала его, будто он только что влюбился.

Он вовсе не был образцом совершенства. Проведенное в «Эдеме» обследование чересчур ясно показало все его недостатки. Он бывал раздражителен, заносчив и так далее. Впрочем, рядом с Линн он во многом изменился. Он научился от нее спокойной уверенности в себе, терпению. А она что-то взяла от него. Когда они познакомились, Линн была застенчивой и слегка замкнутой, но с тех пор ее робость во многом прошла. Она и сейчас бывала молчалива — например, в последние дни, — но никто, кроме него самого, не замечал этого.

Больше всего его беспокоил секс, хотя, обращаясь в «Эдем», он никогда бы в том не признался. Он уже был далеко не юн и достаточно опытен, так что постельные марафоны уже не были для него так важны, как когда-то. Он ни в коей мере не был кандидатом на «виагру», но обнаружил, что теперь ему приходится одаривать женщину более глубокими чувствами, чтобы это действовало на него самого. Именно в том заключалась проблема с предыдущей партнершей, которая была на пятнадцать лет младше его, и ее сексуальные аппетиты, которые наверняка бы радовали его, будь он юным жеребцом, оказались несколько устрашающими.

С Линн подобных проблем не существовало. Она была такой терпеливой и любящей женщиной — а ее тело столь чудесно реагировало на его прикосновения, — что секс с ней был лучшим в его жизни. И, как все остальное в их супружестве, со временем становился еще лучше. При мысли о приближающейся годовщине свадьбы он ощутил легкую дрожь нарастающего желания. Они собирались отметить семейный праздник в Канаде, на берегу Ниагарского водопада, где провели медовый месяц. «Еще несколько дней, и все», — подумал Коннелли, сбавляя скорость перед съездом с шоссе. Если что-то и беспокоит Линн, то водяная дымка Девы Туманов быстро развеет и прогонит любые опасения.

Без пяти девять воскресным утром Кристофер Лэш вошел через вращающуюся дверь в вестибюль корпорации «Эдем», окруженный десятками полных надежд клиентов. Был прохладный осенний день, и стены из розового гранита блестели в лучах солнца. Сегодня он оставил сумку дома. Кроме бумажника и ключей от машины, в кармане Лэша лежала только полученная во время последней встречи с Мочли карточка с короткой надписью: «Обслуживание кандидата, 9.00, воскресенье».

Идя в сторону эскалатора, Лэш мысленно повторил правила поведения перед тестом, которым научился десять с лишним лет назад в академии: «Хорошенько выспись. Съешь завтрак, богатый белком, но не сахаром. Никакого алкоголя и наркотиков. Не паникуй».

«Три условия я так и не выполнил», — подумал он. Он устал, и хотя по пути выпил большую чашку кофе в «Старбаксе», ему хотелось еще. И хотя до паники было далеко, он чувствовал, что волнуется. «Это нормально, — сказал он сам себе. — Легкое нервное напряжение лишь улучшает концентрацию внимания». Тем не менее он вспомнил, что говорил тот мужчина на встрече выпускников, которую наблюдал Лэш: «Если бы я знал, что меня ждет, неизвестно, хватило бы мне смелости, чтобы пройти тесты. Это был тяжелый день».

У самого эскалатора он отбросил эти мысли. Удивительно: спрос на услуги «Эдема» настолько велик, что фирме приходится обслуживать клиентов семь дней в неделю. Шагнув на ступеньку, он с любопытством взглянул на людей, едущих наверх по соседнему эскалатору, слева. Что творилось в голове Льюиса Торпа, когда он поднимался по этой лестнице? Джона Уилнера? Были ли они возбуждены? Взволнованы? Испуганы?

На соседнем эскалаторе он заметил двоих — мужчину средних

лет и молодую женщину, которых разделяло несколько человек. Оба многозначительно посмотрели друг на друга. Незнакомец едва заметно кивнул, а женщина отвела взгляд. Лэш вспомнил слова президента о незаметной, но вездесущей охране. Неужели некоторые из клиентов на самом деле сотрудники «Эдема»?

Поднявшись наверх, Лэш прошел под широкой аркой и двинулся по коридору, увешанному плакатами с изображениями улыбающихся пар. Едва видимые линии на полу делили его на ряд широких полос, идущих вдоль коридора. В результате кандидаты — по собственной воле или незаметно направляемые — не толпились и двигались рядом друг с другом. В конце каждой дорожки находилась дверь, перед которой стоял техник в белом халате. Лэша ожидал высокий худой мужчина лет тридцати.

Он кивнул и открыл дверь.

— Прошу.

Лэш увидел, что другие техники делают то же самое, и вошел.

Внутри тянулся еще один коридор, очень узкий и нестерпимо белый. Техник закрыл дверь, после чего повел его по светлому туннелю, который после просторного вестибюля и широкого коридора казался невыносимо тесным. Следом за техником Лэш дошел до небольшого прямоугольного помещения, внутри которого не было ничего, кроме шести одинаковых дверей с маленькими считывателями для карточек вместо ручек. Одну из дверей с противоположной стороны помещения украшала табличка с обозначением туалета.

Техник повернулся к нему.

— Доктор Лэш, меня зовут Роберт Фогель. Рад приветствовать вас в «Эдеме».

— Очень приятно, — ответил Лэш, пожимая протянутую руку.

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, спасибо.

— У нас впереди длинный день. Если возникнут какие-то вопросы или сомнения, я к вашим услугам.

Лэш кивнул. Фогель достал из кармана халата компьютер-наладонник, вытащил стилус и начал писать на экране. Внезапно он

нахмурился.

— Что случилось? — поспешно спросил Лэш.

— Ничего. Просто... — Техник, похоже, был удивлен. — Просто система показывает, что вы уже допущены к окончательной оценке. Никогда прежде такого не видел. Вы не проходили предварительное собеседование?

— Нет. Если с этим какие-то проблемы...

— Нет-нет. Все в порядке. — Фогель быстро взял себя в руки. — Вы, конечно, понимаете, что не будете приняты в качестве кандидата, пока не завершится сегодняшнее обследование?

— Да.

— И что, если вам откажут, вступительный взнос в размере тысячи долларов не возвращается?

— Да.

Конечно, Лэш ничего не платил, но техника это не касалось. Лэш успокоился. Фогель явно не знал истинной цели его визита. Лэш особо отметил в разговоре с Мочли о своем желании, чтобы его воспринимали как настоящего кандидата, поскольку хотел увидеть все то, что видели Торпы и Уилнеры.

— Прежде чем мы начнем — есть какие-либо вопросы?

Лэш отрицательно покачал головой. Техник достал карту, висящую у него на шее на длинном черном шнурке. Лэш с любопытством посмотрел на нее: карточка была свинцово-серой, а ее блеск не до конца скрывал золотисто-зеленый цвет микропроцессорного чипа. На одной стороне был вытиснен фирменный логотип «Эдема». Фогель провел ею через считыватель на ближайшей двери, и та открылась с легким щелчком.

Комната за дверью казалась чуть шире, чем коридор. В ней стояла цифровая камера на штативе, а за ней нарисованный на полу крест.

— Встаньте, пожалуйста, на этот знак и смотрите в объектив. Я задам вам два вопроса. Отвечайте настолько исчерпывающе и искренне, как только можете.

Техник встал позади камеры. Почти сразу же на ее корпусе

загорелся красный светодиод.

— Почему вы пришли к нам? — спросил Фогель.

Лэш мгновение поколебался, вспомнив кассеты, которые просматривал во Флагстаффе. «Если я должен пройти через это, — подумал он, — нужно делать все как полагается. А именно — честно, избегая легких и циничных ответов».

— Я пришел, чтобы кое-что найти, — сказал он. — Найти ответ.

— Опишите что-нибудь из того, что вы делали сегодня утром, и скажите, почему вы считаете, что мы должны об этом знать.

Лэш задумался.

— Я создал пробку на дороге.

Фогель промолчал, и Лэш добавил:

— Я ехал по Девяносто пятому шоссе в сторону города. У меня электронный пропуск за передним стеклом, так что мне не нужно платить наличными за проезд по платным дорогам и туннелям. Въезжаю на мост в сторону Манхэттена, на что требуется некоторое время, поскольку одна из полос, ведущих к пункту оплаты, перекрыта. Датчик считывает мою карту, но шлагбаум почему-то не поднимается. Жду минуту, пока приходит служащая. Она говорит мне, что моя карта аннулирована, хотя та наверняка действительна и оплачена. Только на этой неделе я пользовался ею несколько раз. У них явно какой-то дефект в системе. Тем не менее та женщина требует у меня шесть долларов за проезд через мост. Я говорю — нет, выясните, в чем дело. Тем временем работает лишь одна полоса, и очередь за мной растет. Люди сигналият. Она упирается. Я тоже. Замешательство видит полицейский и направляется в нашу сторону. В конце концов женщина обзывает меня неприличным словом, поднимает шлагбаум вручную и пропускает меня. Проезжая мимо, я посылаю ей самую приятную мою улыбку.

Он замолчал, размышляя, почему ему в голову пришло именно это. Потом он понял, что подобное действительно в его характере. Если бы он пришел как настоящий клиент, то тоже рассказал бы нечто столь же прозаичное. Слезливое повествование о том, как он решил отправиться на поиски женщины своей мечты, не в его стиле.

— Похоже, я заговорил об этом, поскольку оно напомнило мне моего отца, — продолжал Лэш. — Он всегда вел себя воинственно в

подобных мелочах, словно сражался с самой жизнью. Может, я больше похож на него, чем мне казалось.

Он замолчал, и секунду спустя красный светодиод погас.

— Спасибо, доктор Лэш, — сказал Фогель, отходя от камеры. — А теперь прошу пройти со мной.

Они вернулись в маленькое центральное помещение, и Фогель провел карточкой через считыватель на соседней двери. Комната за ней выглядела больше, чем первая. В ней стояли стул и стол, а на нем пластиковый кубик с заточенными карандашами. Стены здесь тоже оказались белыми, потолок был покрыт пластиковыми плитками. Все эти комнатки, одинаково белые и пустые, каждая со своим предназначением, напомнили Лэшу несколько улучшенные помещения для допросов.

Фогель показал ему на стул.

— Наши тесты имеют временной лимит, но лишь для того, чтобы гарантировать, что вы ответите на все необходимые вопросы до конца дня. У вас в распоряжении час, и, думаю, вам вполне хватит этого. Правильных или неправильных ответов нет. Если что-нибудь понадобится, я буду снаружи.

Он положил на стол большой белый конверт и вышел, тихо закрыв за собой дверь.

В помещении не было часов, так что Лэш снял свои и положил их рядом. Взяв конверт, он высыпал на стол его содержимое. Внутри оказалась тонкая инструкция по выполнению теста и чистый бланк для ответов.

КОРПОРАЦИЯ «ЭДЕМ»

Строго конфиденциально

Лист ответов

Страница 1 — начать с этой страницы

Инструкция по обозначению ответов

Отвечайте на каждый из вопросов, зачеркивая один из пяти следующих ответов на прилагаемом листе.

☐ ☐ ☐ ☐ ☐
определенно да да не знаю нет определенно нет

Просим не пропускать ни одного вопроса и стараться четко отмечать ответы. Не делайте никаких лишних дополнительных пометок. При необходимости изменить ответ сначала тщательно сотрите предыдущий.

Неправильно: ☒

Неправильно: ①

Правильно: ●

ehk90000000049a

Лэш быстро просмотрел вопросы. Он узнал базовую структуру: объективный тест личности, один из тех, которые стали знамениты благодаря многопрофильным психологическим исследованиям в Миннесоте. Подобный выбор со стороны «Эдема» казался странным — такие опросники обычно использовались в психоаналитической диагностике и не выделяли индивидуальные склонности или антипатии, зато позволяли причислить человека к одному из многих типов. К тому же тест был весьма обширным: в то время как тест MMPI-2 состоял из пятисот шестидесяти семи вопросов, в этом их была ровно тысяча. Лэш пришел к выводу, что это, вероятно, связано с повышением достоверности результатов: подобные тесты всегда содержали некоторое количество повторяющихся вопросов, с целью проверить, насколько последовательно отвечает испытуемый. «Эдем» был крайне осторожен.

Осознав, что время уходит, он со вздохом взял карандаш из пластикового кубика и принялся за первый вопрос.

1. Я люблю смотреть шумные парады.

Лэш любил и потому заштриховал кружок в колонке «да».

2. Иногда я слышу голоса, которых не слышат другие.

Ну прямо-таки бомба. Вот уж действительно — нет ни правильных, ни неправильных ответов. Ответив утвердительно, он значительно увеличил бы вероятность того, что он шизофреник. Он заштриховал ответ «определенно нет».

3. У меня никогда не бывает вспышек гнева.

Лэш опознал тип вопроса по использованному слову «никогда». Все личностные тесты содержат так называемые проверочные вопросы на тот случай, если испытуемый лжет, преувеличивает или притворяется (например, чересчур смелым при поступлении на службу в полицию или умственно больным для получения пенсии по инвалидности). Лэш знал, что, если кто-то слишком часто утверждает, будто он никогда ничего не боится, никогда не лжет, никогда не злится, его коэффициент недоверия превышает критическую величину и тест отвергается как лишенный какой-либо ценности. Он заштриховал «нет».

4. Большинство людей считают меня общительным.

Этот вопрос должен определить экстравертные или интровертные наклонности. В таких тестах общительность является желательной чертой. Впрочем, Лэш предпочитал уединение. Он снова заштриховал «нет».

Карандаш сломался, и Лэш негромко выругался. Прошло уже пять минут. Если он собирается закончить тест, то должен сделать это как типичный клиент, инстинктивно отвечая на вопросы, а не анализируя каждый из них. Взяв другой карандаш, он снова принялся за работу.

К десяти часам он ответил на весь набор вопросов, и Фогель устроил ему пятиминутный перерыв. Потом он снова усадил его за стол, оставил ненадолго одного и вернулся с очередным белым конвертом и кофе, который попросил Лэш, — без кофеина, но другого тут не было. Открыв конверт, Лэш обнаружил, что в нем содержится набор задач на интеллект — на понимание текста, зрительно-пространственное восприятие и память. Эти тесты тоже были обширнее и подробнее всех тех, которые он знал, и когда он покончил с ними, было уже почти одиннадцать.

Очередной пятиминутный перерыв, очередная кружка кофе без кофеина и третий конверт. На этот раз тест содержал длинный список незавершенных фраз.

Я хотел бы, чтобы мой отец_____

Вторая моя любимая еда_____

Моей самой большой ошибкой было_____

Я считаю, что дети_____

Я хотел бы, чтобы другие люди_____

Я думаю, что одновременный оргазм_____

Я считаю, что красное вино_____

Я был бы очень счастлив, если бы_____

Некоторые области моего тела
весьма_____

Весенние прогулки по горам — это_____

Книга, которая произвела на меня наибольшее
впечатление_____

Наконец-то: личные, интимные вопросы, которые явно отсутствовали в первом тесте. Лэш снова оценил их количество примерно в тысячу. Когда он просматривал незаконченные фразы, ему — как человеку, так и профессионалу — инстинктивно хотелось солгать. Но он напомнил себе, что полумеры ни к чему хорошему не приведут. Если он действительно хочет понять процесс отбора, он должен пройти через него точно так же, как Уилнеры и Торпы. Взяв новый карандаш, он подумал над первой фразой и дописал: «Я хотел бы, чтобы мой отец чаще хвалил меня».

Когда Лэш заканчивал последнее предложение, близилась половина первого, и он начал ощущать головную боль, расходящуюся от висков и за глазами. Пришел Фогель с длинной узкой карточкой в руке, и на какое-то ужасающее мгновение Лэшу показалось, что это очередной тест. Но это оказалось меню. Хотя у него не было аппетита, он послушно выбрал блюда на обед и отдал карточку технику. Тот предложил ему воспользоваться туалетом и вышел, оставив дверь открытой.

Когда Лэш вернулся, Фогель уже успел принести складной стульчик и поставил его напротив. На месте кубика с карандашами теперь стояла продолговатая коробочка из черного картона.

— Как вы себя чувствуете, доктор Лэш? — спросил техник, садясь на складной стульчик.

Лэш потер глаза.

— Словно мешком по голове.

Губы Фогеля изогнулись в мимолетной улыбке.

— Знаю, это выматывает. Но наши данные показывают, что наилучшие результаты можно получить в течение одного дня интенсивного обследования. Садитесь.

Он открыл коробочку, в которой лежал набор больших карт. Увидев номер на обороте каждой карты, Лэш понял, что его ждет. Он был настолько поглощен первыми тремя опросниками, что почти забыл о том, результаты которого просматривал несколько дней назад.

— Теперь мы проведем ассоциативный тест, называемый тестом Хиршфельдта. Знакомы с таким?

— Более или менее.

— Понятно.

Фогель достал из коробочки чистую контрольную форму и сделал запись.

— Начинаем. Я буду показывать вам кляксы, одну за другой, а вы будете мне говорить, что видите. — Взяв из коробочки первую карту, он перевернул ее и положил на стол рисунком вверх. — Что это может быть?

Лэш посмотрел на картинку, пытаясь выкинуть из головы более ранние ассоциации, в особенности те страшные образы, которые неожиданно возникли у него перед глазами в Центре имени Одюбона.

— Вижу птицу, — сказал он. — На самом верху. Она похожа на ворона, а та белая часть — его клюв. Вся картинка напоминает японского воина, ниндзя или самурая. С двумя мечами в ножнах, которые торчат в стороны и вниз.

Фогель что-то записывал. Лэш знал, что тот тщательно

фиксирует его ответы.

— Очень хорошо, — сказал Фогель. — Переходим к следующему. Что это может быть?

Лэш прошел весь тест, борясь с растущей усталостью и пытаясь найти собственные ответы, а не те, которые даются чаще всего. К часу дня Фогель закончил как этап свободных ассоциаций, так и пояснений, а голова у Лэша заболела еще сильнее. Глядя, как техник убирает карты, он начал размышлять о тех клиентах, что вошли этим утром в здание. Сидели ли они сейчас на этом этаже в таких же комнатках? Утомило ли Льюиса Торпа, как и его самого, разглядывание голых белых стен?

— Вы наверняка проголодались, доктор Лэш, — сказал Фогель, закрывая коробочку. — Идемте. Ваш обед ждет.

Хотя у Лэша до сих пор не было аппетита, он пошел за техником через маленькое центральное помещение к одной из дверей в противоположной стене. Фогель провел карточкой через считыватель, и дверь открылась. За ней оказалась еще одна белая комната. На трех стенах висели фотографии — обычные снимки лесов и морского берега, без людей или животных, но после стерильной пустоты утра Лэш жадно впился в них взглядом.

Обед ждал на отглаженной льняной скатерти: жареный холодный лосось в укропном соусе, рис, хлеб и кофе — естественно, без кофеина. За едой Лэш почувствовал, как аппетит возвращается к нему, а головная боль проходит. Фогель вернулся через двадцать минут, дав ему спокойно поесть.

— Что дальше? — спросил Лэш, вытирая губы салфеткой.

Он не слишком надеялся, что получит ответ на этот вопрос, но техник удивил его.

— Осталось два пункта программы, — ответил он. — Медицинский осмотр и беседа с психологом. Если вы закончили, можем начать прямо сейчас.

Лэш отложил салфетку и встал, снова вспомнив о том, что говорил тот мужчина на встрече выпускников об обследовании. До сих пор оно было утомительным и даже раздражающим, но не более того. С медицинским осмотром он как-нибудь справится. И, будучи психологом сам, он провел столько бесед, что знал, чего ожидать.

— Ведите, — сказал он.

Фогель показал на одну из двух дверей, которые еще не открывал. Проведя карточкой через считыватель, он начал писать что-то стилусом в своем наладоннике.

— Входите, доктор Лэш. Снимите одежду и наденьте больничную рубашку, которую найдете внутри. Можете повесить свои вещи на вешалку на двери.

Лэш вошел в очередную комнату, закрыл дверь и, раздеваясь, окинул взглядом помещение. Это был врачебный кабинет — небольшой, но удивительно хорошо оборудованный. В отличие от предыдущих комнат здесь находилось множество разнообразных вещей, но большинство Лэш предпочел бы не видеть: пробирки, кюветки и шприцы, стерильные бинты. В воздухе чувствовался слабый запах дезинфицирующего средства.

Едва Лэш успел надеть рубашку, как дверь снова открылась и вошел другой человек, невысокий и смуглый, с редкими волосами и щеточкой усов. Из бокового кармана его белого халата свисал стетоскоп.

— Посмотрим, — заговорил он, глядя на листок, который держал в руке. — Доктор Лэш? Случайно, не врач?

— Нет. Доктор психологии.

— Очень хорошо, очень хорошо, — сказал вошедший, откладывая листок и надевая резиновые перчатки. — А теперь расслабьтесь, доктор Лэш. Это займет не более часа.

— Часа? — переспросил Лэш и замолчал, увидев, что врач сует палец в банку с вазелином.

«Может, сто тысяч долларов вовсе не такой уж сумасшедший гонорар», — подумал он.

Расчеты врача оказались верными. В течение последующих шестидесяти минут Лэш прошел самое сложное и утомительное медицинское обследование в своей жизни. Электрокардиограмма и энцефалограмма, эхокардиограмма, анализы мочи, кала и слизи, а также эпителия полости рта, подробный расспрос с упором на перенесенные болезни вплоть до двух поколений назад, проверка рефлексов и зрения, неврологические и психомоторные тесты, тщательный дерматологический осмотр. В какой-то момент врач дал

ему стеклянный стаканчик и, выходя из комнаты, попросил сдать анализ спермы. Когда дверь закрылась, Лэш посмотрел на охлаждающую пальцы мензурку, и ему показалось, что это сон. «Вполне логично, — произнес тихий голос у него в голове. — Бесплодие или импотенция могут стать серьезной проблемой».

Какое-то время спустя он позвал врача, который продолжил прерванное обследование.

— Остался только анализ крови, — наконец сказал доктор, оборачиваясь к стойке с не менее чем двумя десятками стеклянных пробирок, пока пустых. — Лягте на кушетку.

Лэш лег и закрыл глаза, почувствовав, как резиновый жгут стягивает его руку над локтем. Затем последовало холодное прикосновение тампона, нажатие кончика пальца и укол иглы.

— Сожмите кулак, — велел доктор.

Лэш со стоическим спокойствием дождался, пока тот возьмет у него самое меньшее двести миллилитров крови. В конце концов давление резиновой трубки прекратилось, врач вынул иглу и ловким движением наложил повязку, после чего помог Лэшу сесть.

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо.

— Отлично. Можете перейти в следующий кабинет.

— Но моя одежда...

— Она будет ждать вас здесь после завершения обследования.

Лэш недоуменно моргнул, повернулся и вышел. Фогель что-то писал в наладоннике. Его обычно бесстрастное лицо теперь приобрело выражение, которое Лэш не мог до конца понять.

— Доктор Лэш, — позвал техник, убирая наладонник в карман халата. — Сюда, пожалуйста.

Впрочем, указания не требовались — оставалась лишь одна дверь, которая до сих пор не открывалась, так что он легко догадался, где состоится последняя беседа.

Когда он направился к двери, та была притворена. А комната за ней отличалась от всех других, которые он посетил в этот день.

Лэш остановился на пороге. Перед ним было столь же небольшое, как и все остальные, просто обставленное помещение: посередине кресло с необычно длинными подлокотниками, металлический шкафчик, а у задней стены столик с ноутбуком. Впрочем, внимание тут же привлекли провода, тянущиеся от кресла к компьютеру. Лэш участвовал во многих допросах и потому сразу же узнал детектор лжи. За столиком сидел мужчина и что-то читал. Он был высок и худ, словно скелет, с коротко подстриженными седыми волосами.

— Спасибо, Роберт, — сказал он Фогелю, затем закрыл дверь и молча указал Лэшу на кресло посреди комнаты.

Лэш сел, недоверчиво глядя, как тот подключает электроды к кончикам его пальцев и надевает надувной манжет на запястье.

Мужчина на мгновение исчез, а когда снова появился, то держал в руках красный матерчатый шлем, к которому крепилась длинная лента разноцветных проводов. К ткани были пришиты десятки светлых пластиковых кружков, каждый размером с десятицентовую монету. «Ровно две дюжины», — мрачно подумал Лэш, узнав «красную шапочку», то есть головной убор, который использовался для проведения количественной электроэнцефалографии и отслеживания частоты мозговой активности. Обычно его применяли при неврологических расстройствах, расщеплении личности, травмах головы и так далее. Это вовсе не походило на беседу с психологом.

Смазав проводящим гелем все двадцать четыре электрода, мужчина надел шлем на голову Лэшу и прикрепил к его ушам провода заземления, затем вернулся к столику и подсоединил разноцветную ленту проводов к ноутбуку. Лэш наблюдал за этими приготовлениями, чувствуя неприятную тяжесть шлема на голове. Мужчина сел и начал что-то писать, потом посмотрел на экран и снова что-то записал. Он не пожал Лэшу руку, вообще никак не

приветствовал его.

Лэш замер в ожидании, чувствуя себя голым и униженным в больничной рубашке. Он знал по своему опыту, что обследование такого рода часто бывает поединком психолога и пациента. Первый пытается узнать то, что второй во многих случаях хочет скрыть. Возможно, это именно такая игра. Он молчал и ждал, пытаясь забыть об усталости.

Мужчина перевел взгляд с ноутбука на записи, лежащие на столе, потом поднял голову и посмотрел Лэшу в глаза.

— Доктор Лэш, — сказал он. — Я доктор Аликто, ваш старший диагност.

Лэш молчал.

— Как старший диагност, я имею доступ к большому количеству сведений, чем мистер Фогель. Например, о том, что на предыдущей работе вы наверняка познакомились с детектором лжи.

Лэш кивнул.

— В таком случае мы можем избежать обычных процедур, демонстрирующих его эффективность. Вы знаете, что за прибор у вас на голове?

Лэш снова кивнул.

— Вас, как специалиста, наверняка интересует его применение при нашем обследовании. Как вам известно, детекторы лжи регистрируют только пульс, давление крови, напряжение мышц и так далее. Мы обнаружили, что данные энцефалографии отлично дополняют эти сведения, позволяя нам расширить границы обычных «да» и «нет», которые фиксирует детектор.

— Понятно.

— Держите руки неподвижно на подлокотниках, спину выпрямите. Я задам вам несколько базовых вопросов. Отвечайте только «да» или «нет». Вас зовут Кристофер Лэш?

Старший диагност взял колоду карт, вынул красную и показал ему.

— Какой масти эта карта?

— Черная.

— Спасибо. — Аликто отложил колоду. — А теперь начнем. Вы отвечали на сегодняшние тесты настолько честно и исчерпывающе, насколько это возможно?

Он посмотрел на Лэша с загадочным, почти таинственным выражением на лице.

— Конечно, — ответил Лэш.

Старший диагност снова заглянул в свои записи и какое-то время молчал.

— Зачем вы пришли к нам, доктор Лэш?

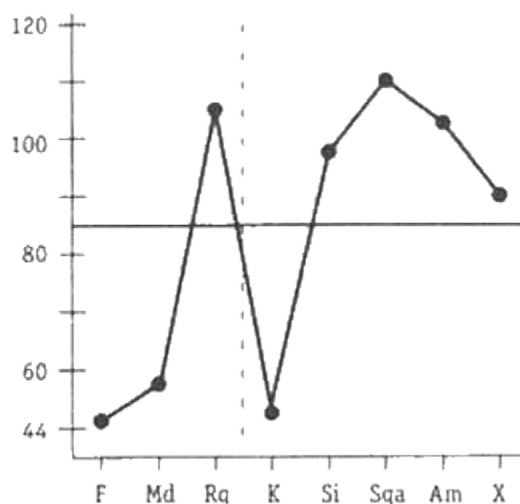
— Думаю, это очевидно.

— Честно говоря, это вовсе не очевидно. — Аликто перевернул несколько страниц. — Видите ли, я еще никогда не обследовал психолога. По какой-то причине они никогда не приходят в «Эдем». Терапевты, кардиологи, анестезиологи идут сотнями. Но не психологи и психотерапевты. В связи с этим у меня есть одна теория. Впрочем, к делу. Я просматривал ваши утренние результаты, в особенности личностный тест.

Он показал Лэшу график результатов, едва удостоив его взглядом.

ПРОФИЛЬ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ, ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Корпорация «Эдем» № 2314456 С. 1 из 3

Дополнительные графики на с. 2

Чистые и дифференциальные результаты на с. 3

— Как минимум весьма интригующе.

Аликто снова спрятал листок между страницами с записями. Обычно психолог не сообщает испытуемому подобных сведений. Лэш попытался понять, чем заслужил это особое отношение.

— Если вы хотите знать, какие мне нравятся фильмы или что я люблю больше — коньяк или виски, вам следует сосредоточиться на тесте предпочтений.

Старший диагност быстро посмотрел на него.

— Видите ли, это тоже странно, — сказал он. — В основном кандидаты охотно идут на сотрудничество, хотят помочь, весьма отзывчивы. Саркастические замечания весьма необычны и, честно говоря, дают повод для беспокойства.

Раздражение начало брать верх над усталостью.

— Иными словами, вы подавляете кандидатов, и вследствие этого они готовы услужить вам. Я понимаю, что это вполне может удовлетворить чье-то самолюбие, особенно если оно ранее несколько пострадало.

В глазах Аликто появился блеск — сердитый и, возможно, подозрительный, — но исчез столь же быстро, как и появился.

— Похоже, вы взволнованы, — сказал он. — Мои вопросы разозлили вас?

Лэш понял, что их разговор может дать Аликто ответы, которые тот искал, и сдержал свой гнев.

— Послушайте, — как можно спокойнее сказал он. — Трудно идти на сотрудничество, когда ты пристегнут к детектору лжи и на тебе только шлем с электродами и больничная рубашка.

— Большинство кандидатов одобрительно относятся к детектору лжи, после того как проходит первое потрясение. Он лишь укрепляет их во мнении, что выбранный для них партнер будет столь же честен в своих ответах.

Спокойный голос Аликто лишь подчеркивал нереальность

происходящего. Злость Лэша отступила, снова сменившись усталостью.

— Может, начнем обследование? — спросил он.

— А почему вы считаете, что это не часть обследования, доктор Лэш? В настоящий момент я оцениваю вас как реального человека, а не как анонимного клиента, прошедшего тесты сегодня утром. Ладно, вернемся к личностным характеристикам. В то время как ваша реакция на ложные и нейтральные утверждения находится в норме, реакция на попытки поправить вас неестественно сильна.

Лэш промолчал.

— Как вам известно, это свидетельствует о том, что вы скрываете негативную информацию о себе, пытаетесь произвести хорошее впечатление или минимизировать личные проблемы.

Лэш ждал, мысленно ругая за себя за то, что честно выполнил тесты.

— Некоторые ваши результаты попросту нетипичны для кандидата. Например, интровертные склонности и способность к самоконтролю. В совокупности они указывают на одиночку, вероятно побывавшего в неудачном браке. У подобного человека недостаточно мотивов, чтобы пойти на столь решительный — и дорогостоящий — шаг, каким является обращение к нам. — Он поднял взгляд от своих записей. — Как вы понимаете, доктор Лэш, обычно я не стал бы пояснять подобные технические детали кандидату. Но вам, как коллеге-психологу... что ж, это уникальный случай.

«Уникальный случай посмотреть, как я перед тобой унижаюсь», — подумал Лэш.

— Уже сами по себе эти данные внушали мне беспокойство. Впрочем, некоторые фрагменты теста... Могу я быть откровенен с вами? Судя по ним, наблюдаются серьезные отклонения от нормы. Красные флажки, если хотите. — Он снова перевернул несколько страниц. — Например, у вас необычно сильна тенденция к аморальности и самоотчуждению. Склонность к депрессии, хотя и не столь явная, выше среднего. Ваша впечатлительность, или способность реагировать на события, тоже велика, несмотря на уровень самоконтроля. Аномалия, которую я не могу объяснить. Все это похоже на опасный коктейль, доктор Лэш. Я бы советовал вам обратить внимание на эти моменты и при необходимости пройти курс

терапии.

Старший диагност решительным движением отодвинул записи и занялся ноутбуком.

— Еще только несколько вопросов, доктор Лэш. Обещаю, это ненадолго.

Лэш кивнул. Усталость постепенно брала верх.

— Как давно вы занимаетесь частной практикой?

— Почти три года.

— Ваша специализация?

— Семейные отношения. Супружеские проблемы.

— А вы сами женаты?

— Нет.

— Вдовец?

— Нет. Разведен, как вам известно.

— Это лишь еще один контрольный вопрос для детектора лжи. Ваш пульс учащается, доктор Лэш. Я бы советовал вам дышать ровнее. Когда вы развелись?

— Три года назад.

— И что изменилось?

— Я был женат. Теперь нет.

— И примерно в то же самое время вы ушли из ФБР и открыли частную практику. — Аликто оторвал взгляд от экрана. — Мне кажется, что три года назад в вашей жизни произошли огромные перемены — развод и смена работы. Вы не могли бы сказать, что привело к вашему разводу?

Лэш чувствовал, как нарастает напряжение. «Знает ли он про Уайра? Или просто тянет меня за язык?»

— Нет, — ответил он.

— Почему вам так тяжело рассказать об этом?

— Не вижу в том смысла.

— Не видите смысла? Будучи потенциальным клиентом?

— Я пришел сюда потому, что думаю о будущем, а не о прошлом.

— Первое формирует второе. Ладно. Останемся еще на минуту в прошлом. Будьте добры, расскажите подробнее, чем вы занимались в ФБР.

— Я работал в специальной следственной группе в Куантико. Изучал места преступлений, проводил посмертный психоанализ жертв и обследовал их убийц. Я искал общие черты, причины, составлял психологические портреты преступников и согласовывал данные с Национальным центром по анализу тяжких преступлений.

— Вам нравилась эта работа?

— Вполне.

— Вы были хорошим работником?

— Да.

— Тогда почему вы ушли?

Лэш чувствовал, что ему тяжело даже моргнуть.

— Я устал выяснять, что было не так с людьми, которые уже умерли. И решил, что могу оказаться более полезным, помогая живым.

— Это понятно. И вы наверняка видели много страшного.

Лэш кивнул.

— Но это никак не повлияло на вас?

— Конечно повлияло.

— Какое именно пятно оно оставило в вашей душе?

— Пятно?

Лэш пожал плечами.

— То есть это не изменило вас никаким патологическим образом. И по сути, нисколько не повлияло на вас и на вашу работу.

Лэш снова кивнул.

— Скажите, пожалуйста, вслух, доктор Лэш.

— Нет, не повлияло.

— Я спрашиваю об этом, поскольку читал несколько работ на тему синдрома «выгорания агентов». Иногда люди, которые постоянно видят страшные вещи, не реагируют на них так, как должны. Вместо этого они отрицают их, пытаются игнорировать. И какое-то время спустя начинают блуждать в потемках. Это не их вина, а специфика работы, где нет места жалости или слабости.

Лэш молчал. Аликто взглянул на экран компьютера и записал что-то на листке. Какое-то время он просматривал свои бумаги, затем снова поднял голову.

— Что склонило вас к тому, чтобы уйти? Какое-то особое задание, слишком неприятное дело? Ошибка или неверная оценка с вашей стороны? Может, нечто такое, что повлияло и на вашу личную жизнь?

Несмотря на усталость, вопрос словно прошил Лэша электрическим разрядом. «Значит, он все-таки знает». Он посмотрел на Аликто, который не сводил с него внимательного взгляда.

— Нет.

— Прошу прощения?

— Я сказал — нет.

— Понятно. — Диагност снова посмотрел на экран, сделал еще одну запись, после чего выпрямился. — На этом наш разговор закончен, доктор Лэш, — сказал он, выходя из-за стола и снимая с испытуемого шлем и электроды. — Спасибо за терпение.

Лэш встал. Мир вокруг него слегка пошатнулся, и он ухватился за кресло.

— Вы хорошо спите? — спросил Аликто. — Я заметил, что у вас очень усталый вид.

— Со мной все в порядке.

Но Аликто продолжал пристально смотреть на него, и во взгляде теперь — после окончания беседы, — казалось, ощущалась искренняя забота.

— Знаете, бессонница довольно типична при...

— Все в норме, спасибо.

Старший диагност кивнул, повернулся и взялся за ручку двери.

— И что дальше? — спросил Лэш.

— Можете одеваться. Фогель проводит вас к выходу.

Лэш не мог поверить собственному счастью. После всех тестов он был убежден, что беседа с психологом продлится несколько часов. Большинство проверок на детекторе лжи основано на избыточности: одних и тех же вопросах, повторяющихся раз за разом, лишь в несколько иной форме. А сейчас обследование заняло всего полчаса.

— Хотите сказать, что это все?

— Мне очень жаль, — сказал Аликто. — Но в свете полученных результатов я намерен отклонить вашу кандидатуру.

Лэш уставился на него.

— Нет смысла оттягивать дурные известия. Надеюсь, вы поймете. Нам приходится смотреть на всю картину в целом, ставя благо наших клиентов выше чувств отдельного посетителя. Это нелегко. Вы получите от нас соответствующие материалы. Отвергнутые кандидаты часто убеждаются в том, что знакомство с этой литературой позволит им преодолеть естественное в данных обстоятельствах разочарование. Фогель наверняка объяснил вам, что первоначальный взнос не возвращается, но никаких других расходов вы больше не понесете. Удачи вам, доктор Лэш, и помните, что я говорил вам про красные флажки.

И Аликто протянул ему руку — в первый и в последний раз.

Хотя всего три часа утра, спальню заливают резкий свет. Два окна, выходящих на террасу с бассейном, выглядят непроницаемо черными. Свет настолько ярок, что обстановка в комнате похожа на набор геометрически прямых углов: кровать, ночной столик, комод. Свет лишает помещение каких-либо цветов — деревянная обивка комода, шелковый чехол на кресле, разбитое зеркало поблекли, словно слоновая кость. Осталось лишь красное на стенах.

На жертве очень мало крови — необычно мало, учитывая обстоятельства. Обнаженная, она лежит на ковре, словно фарфоровая кукла, в кругу натриевых ламп. Пальцы рук и ног, аккуратно отрезанные у первых суставов, уложены, словно нимб, вокруг ее головы.

Слышны тихие голоса людей, осматривающих место преступления:

— Температура тела двадцать восемь и две десятых градуса. Жертва мертва приблизительно шесть часов, что подтверждает отсутствие посмертного окоченения.

— Есть какие-то микроследы?

— Только отпечатки пальцев, больше ничего.

— Система сигнализации работает от центральной станции, но телефонная линия перерезана у фундамента дома. Так же, как и в случае с Уоткинс.

— Выяснили, как он вошел и вышел?

— Мы работаем над этим.

Капитан Гарольд Мастертон, высокий и крепко сложенный, отделяется от группы полицейских из Покипси и, сунув руки в карманы, пересекает комнату, осторожно обходя расставленные лампы.

— Лэш, что-то ты плохо выглядишь.

— Все нормально.

— И что ты узнал?

— Я еще не закончил. Есть кое-какие противоречия, не вписывающиеся в общую картину.

— К черту картину. У тебя в Куантико столько помощников с компьютерами, что ты мог бы собрать футбольную команду.

— У вас уже есть частичный психологический портрет.

— Этот частичный портрет не предотвратил второе убийство.

— Я их идентифицирую, а не ловлю. Это ваша работа.

— Ну так дай мне хоть что-нибудь, чтобы я мог его найти, бога ради! Он уже дважды написал свою чертову автобиографию. Выпустил кровь двум женщинам лишь ради того, чтобы использовать ее в качестве чернил. Вот она, прямо у нас под носом. Он чуть ли не на тарелочке сам себя подает тебе, черт побери! Так когда ты мне его дашь? Или он должен третий раз написать то же самое?

Мастертон показал на стену, на которой ровными большими кроваво-красными буквами тянулась длинная, полная отчаяния мольба:

«Я хочу, чтобы меня поймали. Не позволяйте мне резать их. Мне это не нравится. Святые велят мне резать их, но я не хочу верить...»

Поднявшись с постели, Лэш подошел к двери, открыл ее и направился в гостиную. Занавески на большом окне были раздвинуты. Бледный фосфоресцирующий лунный свет за стеклом падал на пенящиеся гребни волн. Мебель стояла в полутени, словно на картинах Магритта. ^[10]Лэш сел на кожаный диван и оперся локтями о колени, задумчиво глядя на море.

Днем, когда Фогель вывел его через ряд одинаковых коридоров и боковые двери на Пятьдесят пятую улицу, Лэш ощущал в основном злость.словно в красном тумане, он шел к парковке, чувствуя, как

подсыхает на волосах проводящий гель. По пути Лэш выбросил всю литературу, которую техник с извиняющимся выражением на лице сунул ему в руки. Впрочем, к вечеру, когда он съел легкий ужин, проверил сообщения на автоответчике, поговорил с замещающим его доктором Клайном, гнев начал проходить, оставив после себя лишь пустоту. А когда Лэш наконец лег в кровать, пустота эта начала превращаться в нечто совсем иное.

Сидя на диване и глядя на море, он снова вспомнил слова доктора Аликто: «Вы видели много страшного, но оно вовсе не повлияло на вас и вашу работу».

Лэш закрыл глаза, до сих пор не в силах поверить в случившееся. Идя утром в «Эдем», он ожидал многого, но только не того, что его отвергнут. Да, он отнесся к этому просто как к некоему испытанию — бесцветный Фогель и назойливый, даже слегка пугающий доктор Аликто не знали настоящей цели его визита. Впрочем, это не смягчало боли поражения. Он вернулся из «Эдема», не узнав ничего нового об Уилнерах и Торпах. Но тихий, сладкий, словно мед, голос старшего диагноста по-прежнему звучал в ушах:

«Иногда люди, которые постоянно видят страшные вещи, не реагируют на них так, как должны. Вместо этого они отрицают их, пытаются игнорировать. И какое-то время спустя начинают блуждать в потемках...»

В течение многих лет занимаясь психоанализом и лечением, Лэш предусмотрительно избегал направлять тот же прожектор на себя самого — рассуждать о том, что движет им или сдерживает его, размышлять над собственными мотивами, сколь бы хороши или плохи они ни были. Но теперь, когда он сидел в темноте, ему в голову приходили именно такие мысли.

«Что склонило вас к тому, чтобы уйти? Какое-то особое задание, слишком неприятное дело? Какая-то ошибка или неверная оценка с вашей стороны? Может, нечто такое, что повлияло и на вашу личную жизнь?»

Лэш встал и прошел по коридору в ванную. Он зажег свет, открыл шкафчик под умывальником и присел. Там, за запасными бутылками с шампунем и упаковками бритвенных лезвий, стояла маленькая коробочка. Достав ее, он поднял крышку. Коробочка была наполовину заполнена маленькими белыми таблетками — секоналом,

который подарил ему много лет назад коллега-агент, конфисковавший его во время обыска в квартире подозреваемого в отмывании денег. Когда Лэш переехал в этот дом, он собирался спустить лекарство в унитаз, но почему-то так и не сделал этого. Снотворное осталось в темном углу под раковиной, почти забытое. Прошло три года, но Лэш был уверен, что таблетки не просрочены. Взяв горсть, он раскрыл ладонь и взглянул на них.

А потом он ссыпал таблетки обратно в коробочку и спрятал ее в шкафчик. Если бы он принял их, вернулись бы тяжелые дни: те месяцы перед тем, как он ушел из ФБР, и сразу после. Но ему не хотелось воскрешать их. Никогда.

Выпрямившись, он вымыл руки, глядя на свое отражение в зеркале.

С тех пор как он переехал сюда и открыл частную практику, он снова обрел способность нормально спать. Он мог бы завтра отказаться от всего и вернуться к своим консультациям. А сон вернулся бы к нему.

Впрочем, он почему-то знал, что не сделает этого. Ибо даже сейчас, глядя в зеркало, он видел призрачную фигуру Льюиса Торпа, который смотрел на него с зернистой видеозаписи и продолжал задавать один и тот же вопрос...

«Почему?»

Лэш вытер руки, прошел в спальню, лег и стал ждать. Не прихода сна — он понимал, что этого не будет, — а просто когда наступит утро.

На следующее утро, когда Лэш вышел из лифта на тридцать втором этаже, Мочли уже ждал его.

— Сюда, пожалуйста, — сказал он. — Что вам удалось выяснить насчет Уилнера?

«Он явно не из тех, кто тратит время на пустые предисловия», — подумал Лэш.

— За эти выходные я успел поговорить с их врачом, братом Карен Уилнер, матерью Джона Уилнера и подругой по колледжу, которая гостила у них неделю в прошлом месяце. Та же история, что и с Торпами. Они были даже слишком счастливы, если такое вообще возможно. Подруга сказала, что стала свидетельницей только одной мелкой ссоры — по поводу того, какой фильм смотреть вечером, — но и та через минуту закончилась взрывом смеха.

— Ничто не говорило о том, что они собираются покончить с собой?

— Нет.

— Гм... — Мочли провел Лэша через открытую дверь в комнату, в которой за стойкой ждал человек в белом халате. Директор вспомогательной службы взял со стойки пачку скрепленных страниц и вручил ее Лэшу. — Подпишите это.

Тот пролистал объемистый документ.

— Только не говорите, что это очередное обязательство о неразглашении тайны. Я уже подписал несколько таких.

— Тогда вы имели доступ лишь к общим сведениям. Ситуация изменилась. Этот документ просто подробнее описывает объем штрафных санкций, гражданской и уголовной ответственности и тому подобное.

Лэш бросил пачку листов на стойку.

— Не слишком-то радуется.

— Поймите, доктор Лэш, вы первый посторонний, который получит доступ к самым секретным сведениям о нашей деятельности.

Вздыхнув, Лэш взял ручку и поставил свою подпись в двух местах, выделенных желтым маркером.

— Не хотелось бы мне проходить все те проверки, которым вы подвергаете ваших сотрудников.

— Они куда серьезнее, чем в ЦРУ. Но у нас весьма высокие зарплаты и пенсии.

Лэш вручил документ Мочли, который отдал его человеку за стойкой.

— На какой руке вы носите часы, доктор Лэш?

— Что? На левой.

— В таком случае вытяните правую руку.

Лэш подчинился и с удивлением увидел, как сотрудник за стойкой надевает ему на запястье серебряный браслет, после чего зажимает его инструментом, похожим на миниатюрный гаечный ключ.

— Что это, черт побери? — Лэш вырвал руку.

— Всего лишь одна из составляющих системы безопасности. — Мочли поднял правую руку, показывая аналогичный браслет. — В нем закодирован ваш идентификатор. Пока вы носите его, сканеры могут отслеживать ваши перемещения по всему зданию.

Лэш покрутил браслет. Он был хорошо подогнан, но не слишком сильно затянут.

— Не беспокойтесь, его разрежут, когда вы закончите свою работу.

— Разрежут?

Директор вспомогательной службы, который редко улыбался, едва заметно усмехнулся.

— Если бы его легко было снять, какой смысл надевать его? Мы постарались, чтобы он как можно меньше мешал.

Лэш снова посмотрел на гладкую узкую полоску металла. Он не

любил украшений — во времена своего супружества он не хотел носить даже обручальное кольцо, — но вынужден был признать, что этот серебряный браслет по-своему красив. Особенно в качестве наручников.

— Можем идти? — спросил Мочли, после чего повел Лэша по коридору к другим лифтам.

— Куда мы едем? — поинтересовался Лэш, когда кабина двинулась вниз.

— Туда, куда вы хотели отправиться. По следам Торпов и Уилнеров. За Стену.

Несколько мгновений Лэш недоуменно смотрел на Мочли, вспоминая слова президента: «Вы получаете беспрецедентный доступ к внутренним процедурам „Эдема“. Вам предоставлена возможность, которой до сих пор не имел еще никто с вашим опытом».

— За Стену, — повторил он. — Я уже слышал это выражение на чрезвычайном заседании правления.

— Оно почти буквальное. На самом деле наш небоскреб состоит из трех зданий — не только для защиты секретов фирмы, но и из соображений безопасности. При необходимости эти три части могут быть отделены друг от друга стальными перегородками.

Лэш кивнул.

— Фронтальная часть «Эдема» — та, которую видят наши клиенты: кабинеты, приемные, конференц-залы и так далее. Настоящая работа ведется в тех помещениях, что находятся сзади. Эта часть намного больше. К ней ведут шесть охраняемых проходов. Мы направляемся к пропускному пункту номер четыре.

— Вы говорили о трех зданиях.

— Да. Верхушка небоскреба отделена от двух других. Это личные апартаменты доктора Сильвера.

Лэш с любопытством посмотрел на Мочли. О таинственном основателе фирмы, компьютерном гении, создателе системы «Эдема», было известно столь мало, что даже слова о том, что он живет здесь и, возможно, именно сейчас находится где-то неподалеку, казались откровением. Лэш задумался о том, что за человек Сильвер. Эксцентрик вроде Говарда Хьюза, [\[11\]](#)исхудававший наркоман? Безжалостный деспот, подобный Нерону? Холодный и расчетливый технократ? Отчего-то отсутствие какой бы то ни было информации лишь подстегивало любопытство.

Двери лифта открылись, и за ними показался широкий коридор.

Лэш заметил, что он заканчивается чем-то вроде стеклянной стены, над которой светилась большая римская цифра IV. Под ней стояла очередь, почти все в белых халатах.

— Большинство пропускных пунктов находятся на самых нижних этажах здания, — сказал Мочли, когда они встали в конец очереди. — Так проще быстро приступить к работе и покинуть здание в конце рабочего дня.

По мере того как они медленно продвигались вперед, Лэш мог лучше разглядеть то, что находилось за стеклянной стеной: ярко освещенный короткий коридор шестиугольного профиля, напоминающий ячейку пчелиных сот. За ним была такая же стена. Стеклянные створки раздвинулись, человек, стоящий в начале очереди, вошел внутрь, и проход закрылся снова.

— У вас нет при себе никаких электронных устройств? — спросил Мочли. — Диктофона, ноутбука, чего-нибудь такого?

— Я все оставил дома, как вы и просили.

— Хорошо. Следуйте за мной. Когда сотрудник службы безопасности проверит ваш браслет, медленно пройдите через пропускной пункт.

Они оказались в начале очереди. Перед стеклянной стеной с обеих сторон стояли двое охранников в бежевых комбинезонах. Все это — охранники, пункты контроля, идентификаторы, сама многоуровневая система безопасности — казалось здесь явно неуместным. Впрочем, Лэш тут же вспомнил о доходах, полученных фирмой в прошлом году, и о словах Мочли: «У нас множество конкурентов, которые пошли бы на все, чтобы выяснить нашу методику тестирования, наши алгоритмы оценки, что угодно».

Лэш увидел, как Мочли подставляет левую руку под установленный на стене сканер. Вспыхнул голубой огонек, и браслет замерцал. С тихим шипением стеклянная стена отодвинулась, и Мочли вошел в ярко освещенный короткий коридор. Когда он миновал шлюз, обе пары дверей закрылись, и охранники кивнули Лэшу.

Он подставил браслет под сканер и почувствовал тепло луча. Стеклянные двери раздвинулись, и он вошел в переходную камеру.

Створки за его спиной с тихим шипением закрылись. Свет в

шлюзе был таким ярким и столь резко отражался от его белой поверхности, что Лэш едва успел заметить, что помещение состоит не только из голых стен. Идя вперед, он видел выступающие по бокам странные элементы, также окрашенные в белый цвет, так что разглядеть их было трудно. Слышался тихий шум, словно гудение работающего вдали генератора. Это был не просто коридор, но проход, соединяющий два отдельных здания.

Стеклянные двери в конце открылись, и Лэш вышел из шлюза. Охранник, стоящий неподалеку, кивнул ему. Лэш ответил тем же и с любопытством огляделся вокруг. Пространство за Стеной мало чем отличалось от того «Эдема», который он уже видел. Он заметил несколько табличек: «Телефония А-Е», «Служба постоянного наблюдения», «Отдел синтеза данных». По коридорам, негромко переговариваясь, ходили люди.

Мочли стоял в стороне, дожидаясь Лэша. Когда стеклянные двери закрылись за ним, директор подошел к нему.

— Что это было? — спросил Лэш, кивая в сторону шлюза.

— Сканирующий коридор. Защита от вноса или выноса чего бы то ни было. Аппаратура, программы, информация — все, что находится здесь, должно здесь и оставаться.

— Все?

— Все, кроме несколько надежно контролируемых потоков данных.

— Значит, вся обработка происходит тут, внутри? Вам наверняка приходится выполнять огромный объем расчетов.

— Большой, чем вы можете себе представить. — Мочли указал на большую панель в нижней части стены. — Подобные каналы есть во всех помещениях за Стеной. По сути, это что-то вроде паутины, соединяющей каждую внутреннюю систему со всеми остальными.

Мочли отошел в сторону, показывая на еще одного человека, которого Лэш до этого не замечал.

— Это Тара Стэплтон, наш главный специалист по безопасности. Она будет вашим проводником во время вашего пребывания за Стеной.

Женщина шагнула вперед.

— Здравствуйте, доктор Лэш, — сказала она тихим, спокойным голосом, протягивая руку.

Лэш пожал ее. Стэплтон была высокой брюнеткой с серьезным взглядом. На вид ей еще не исполнилось тридцати.

— Наша первая остановка там, — сказал Мочли, когда они направились по одному из широких коридоров. — Таре только что во всех подробностях сообщили, почему вы здесь оказались. Естественно, никто другой не знает об этом. Официально вы составляете отчет о деятельности компании для наблюдательного совета, что необходимо для долгосрочного плана развития. Думаю, вас удивит, насколько предан и трудолюбив наш персонал.

Лэш посмотрел на Тару Стэплтон.

— Это правда?

Та кивнула.

— У нас самое лучшее оборудование, технологии, превосходящие все ожидания. Какая еще работа может в столь огромной степени влиять на жизнь других людей?

Ее восторженные слова звучали не слишком убедительно, словно заученные наизусть. Казалось, что на самом деле она думает о чем-то совсем ином.

— Помните ту встречу выпускников, которую я показывал вам? — спросил директор вспомогательной службы. — Каждый сотрудник должен наблюдать за ними дважды в год. Это напоминает нам о том, ради чего мы работаем.

Они подошли к дверям с надписью: «Сбор данных — Интернет — Галерея». Мочли подставил браслет под сканер, и двери раздвинулись. Он кивнул Лэшу.

Войдя, они оказались на балконе зала, в котором царило оживление, словно на Нью-Йоркской бирже. Но в отличие от биржи, которая всегда производила на Лэша впечатление едва управляемого хаоса, все здесь были заняты делом, словно в пчелином улье. Одни люди сидели за столами, глядя на экраны компьютеров, другие толпились у мониторов, показывая друг другу какие-то графики или разговаривая по телефону. На стенах висели огромные плазменные панели, где транслировались новости Рейтер, Си-эн-эн и других агентств, а также местные и зарубежные информационные

программы.

— Это один из наших центров сбора данных, — сказал Мочли. — В здании есть несколько других исследовательских отделов, подобных этому.

— Похоже, у вас страшно много работы, — пробормотал Лэш, глядя на зал.

— Мы говорим нашим клиентам, что день обследования — самый важный этап отбора, но на самом деле это лишь небольшая его часть. После собеседования мы отслеживаем все аспекты поведения кандидата. Это может продолжаться несколько дней или месяц, в зависимости от плотности потока данных. Анализируется все — жизненные предпочтения, любимая одежда и развлечения, расходы. Например, этот центр контролирует активность кандидата в Интернете. Мы смотрим, какие сайты он посещает, что его интересует. Потом эти сведения войдут в общее досье.

Лэш посмотрел на Мочли.

— Как такое возможно?

— Мы заключили договоры с крупнейшими кредитными компаниями, операторами стационарной и мобильной связи, провайдерами Интернета и спутникового телевидения. Они позволяют нам отслеживать их каналы, а мы взамен предоставляем данные — естественно, достаточно общие — о популярности их услуг. Постоянное присутствие компьютеров в жизни людей — один из факторов, благодаря которому существует наш бизнес, доктор Лэш.

— Мне теперь страшно будет притронуться к клавиатуре.

— Наши клиенты даже не догадываются, что мы проверяем, куда они заглядывают в Сети, за что расплачиваются кредитными картами и о чем разговаривают по телефону. Благодаря этому создается намного более полная картина, чем мы могли бы получить каким-либо иным способом. Именно это в числе прочего отличает нас от других, намного более примитивных фирм по подбору партнеров, возникших на волне нашего успеха. Вряд ли стоит говорить, что собранные нами данные не покидают этих стен. Еще одна причина, по которой мы кажемся вам столь скрытными, доктор Лэш: наша важнейшая цель — гарантия сохранения личной тайны клиента.

Он показал на зал внизу.

— Когда Торпы прошли обследование, информация была передана в подобный центр для проверки — как и данные Уилнеров, и ваши, если бы вашу кандидатуру приняли. — Он помолчал. — Кстати, весьма сожалею. Я читал отчеты Фогеля и Аликто.

— Ваш доктор Аликто, похоже, питает ко мне личную неприязнь.

— Не сомневаюсь, что вам вполне могло так показаться. Старший диагност обладает некоторой свободой в выборе способа обследования. Аликто — один из лучших наших экспертов, но и один из наименее ортодоксальных. В любом случае вряд ли можно назвать это настоящей оценкой, поскольку вы не были кандидатом. Надеюсь, это слегка смягчит ваше разочарование.

— Идемте.

Лэшу было слегка не по себе оттого, что Тара Стэплтон слушает анализ его не слишком удачного выступления.

Мочли вывел Лэша с галереи и двинулся по длинному, выкрашенному в яркий цвет коридору. Они остановились перед прочной стальной дверью с нарисованным символом биологической опасности и табличкой «Радиология и генетика, III». Мочли снова открыл дверь с помощью браслета, и они вошли в большое помещение, заполненное серыми шкафчиками. На металлических крючках висели защитные комбинезоны. Противоположная стена была из плексигласа, а на герметичной двери виднелось несколько предупреждающих надписей: «Стерильное помещение. Обязательны спеckостюмы и процедуры. Благодарим за сотрудничество».

Лэш подошел к стеклу и с любопытством заглянул за него. Он увидел фигуры в комбинезонах и перчатках, склонившиеся над аппаратурой.

— Похоже на синтезатор ДНК, — заметил он, показывая на большую консоль в углу.

Директор вспомогательной службы остановился рядом с ним.

— Именно.

— Что он тут делает?

— Он служит нам для генетических исследований.

— Не понимаю, что общего имеет генетика с вашими услугами.

— Очень многое. Это одна из важнейших областей деятельности «Эдема».

Лэш ожидал продолжения. В конце концов Мочли вздохнул.

— Как вам известно, наш процесс отбора не ограничивается психологической оценкой. Во время предварительного медицинского осмотра дисквалифицируются все кандидаты, имеющие серьезные проблемы со здоровьем или с высокой вероятностью возникновения таковых впоследствии.

— Мне это кажется жестоким.

— Вовсе нет. Вы хотели бы познакомиться с идеальной партнершей лишь затем, чтобы она умерла год спустя? Так или иначе, после медицинского обследования пробы крови кандидатов анализируются — здесь и в других лабораториях за Стеной — на предмет различных заболеваний, имеющих генетическую природу. Таким образом отвергаются те, кто имеет наследственную предрасположенность к болезни Альцгеймера, муковисцидозу, хорее Хантингтона и другим подобным болезням.

— Господи. Вы объясняете им причину?

— Нет, прямо — нет. Так мы раскрыли бы один из секретов нашей фирмы. Кроме того, отклонение кандидатуры и без того достаточно тяжелое переживание. Зачем углублять его опасениями перед тем, что может случиться через много лет, к тому же все равно неизлечимо?

«В самом деле, зачем?» — подумал Лэш.

— Но это только начало. Самое важное — применение генетики в самом процессе подбора.

Лэш оторвал взгляд от Мочли и посмотрел на сотрудников лаборатории за плексигласовой стеной, а затем снова повернулся к собеседнику.

— Вы наверняка знакомы с эволюционной психологией лучше меня, — сказал директор вспомогательной службы. — А в особенности с концепцией распространения генов.

Лэш кивнул.

— Стремление передать свои гены будущим поколениям наилучшим возможным образом. Фундаментальное побуждение.

— Именно. А «наилучший возможный образ» обычно означает высокую степень генетической изменчивости. То, что специалист мог бы назвать повышенной гетерозиготностью. Именно она обеспечивает сильное, здоровое потомство. Если один из партнеров имеет группу крови А с относительно высокой невосприимчивостью к холере, а второй — группу крови В с повышенной устойчивостью к тифу, их ребенок, имеющий группу крови АВ, наверняка будет невосприимчив к обеим болезням.

— Вот только что это имеет общего с тем, что происходит здесь?

— Мы внимательно наблюдаем за новейшими исследованиями в области молекулярной биологии. В настоящее время мы отслеживаем несколько десятков генов, имеющих значение при подборе идеального партнера.

— Вы меня удивляете, — покачал головой Лэш.

— Я не эксперт, доктор Лэш. Впрочем, могу привести один пример: HLA-антиген.

— Не знаю такого термина.

— Сокращение от «антиген лейкоцитов человека». У животных он называется МНС-антиген. Это большой ген, находящийся в длинной ветви шестой хромосомы и влияющий на восприятие запаховых раздражителей. Исследования показали, что люди испытывают самое сильное влечение к тем, чей гаплотип HLA наименее подобен их собственному.

— Наверное, мне следует внимательнее читать «Нейчур». Интересно, как это выяснили?

— В рамках одного теста контрольную группу попросили понюхать подмышки футболок, которые носили представители противоположного пола, и выстроить их по степени привлекательности. Все испытуемые предпочитали запахи людей, генотипы которых сильнее всего отличались от их собственных.

— Вы шутите.

— Вовсе нет. Животные тоже проявляют подобные

предпочтения, спариваясь с особями, обладающими МНС-генами, противоположными их собственным. Например, мыши различают их, нюхая мочу потенциальных партнеров.

Наступила короткая пауза.

— Я лично выбрала бы футболку, — сказала Тара.

Она заговорила впервые за несколько минут, и Лэш повернулся к ней. Она не улыбалась, и он не был уверен в том, что Тара шутит.

Мочли пожал плечами.

— Так или иначе, генетические предпочтения Уилнеров и Торпов были сопоставлены с другой информацией, которую собрали о них, — данными мониторинга, результатами обследований и так далее.

Лэш смотрел на сотрудников в комбинезонах с другой стороны стекла.

— Удивительно. Мне хотелось бы увидеть результаты этих исследований. Впрочем, самый главный вопрос состоит в том, как именно были подобраны эти пары?

— Это наша следующая остановка.

Директор вспомогательной службы снова вывел его в коридор.

Долгое путешествие по лабиринту пересекающихся коридоров, очередная поездка на лифте вверх, и Лэш оказался перед очередной дверью с табличкой «Испытательная камера».

— Что это за место?

— Это Аквариум, — ответил Мочли. — Идите первым.

Лэш вошел в большое помещение, которому низкий потолок и рассеянный свет придавали странно интимную атмосферу. Стены по обеим сторонам были от пола до потолка заставлены мониторами и аппаратурой. Но внимание Лэша привлекла противоположная стена, почти полностью закрытая чем-то вроде стекла. Он остановился.

— Подойдите ближе, посмотрите, — предложил Мочли.

Приблизившись, Лэш понял, что смотрит на большой прозрачный куб, вделанный в стену. Перед ним стояла группа работников. Одни записывали что-то в свои наладонники, другие

просто наблюдали. Внутри куба беспрестанно перемещались во все стороны призрачные формы, меняя цвет и на мгновение вспыхивая при столкновении с другими фантомами. Слабое освещение и полупрозрачные силуэты создавали впечатление огромной глубины.

— Теперь вы понимаете, почему мы называем его Аквариумом? — спросил Мочли.

Лэш машинально кивнул. Это действительно был своего рода аквариум, электромеханический аквариум. Впрочем, подобное название казалось слишком прозаическим для чего-то столь по-неземному прекрасного.

— Что это? — тихо спросил Лэш.

— Это графическое представление процесса подбора, осуществляющееся в реальном времени. Оно дает нам наглядные данные, которые было бы значительно сложнее анализировать, если бы нам приходилось просматривать, например, пачки распечаток. Каждый из этих движущихся в Аквариуме объектов — аватар.

— Аватар?

— Имитация личности нашего кандидата, созданная на основе обследования и данных мониторинга. Тара сможет объяснить это лучше, чем я.

До сих пор Тара держалась в стороне. Теперь пришел ее черед.

— Мы взяли концепцию сбора и анализа данных, а потом поставили ее с ног на голову. После завершения процесса мониторинга наши компьютеры на основе первичных сведений о кандидате — полтерабайта информации — создают то, что мы называем аватаром. Затем его помещают в искусственную среду, где он взаимодействует с себе подобными.

Лэш все еще не отводил взгляда от Аквариума.

— Взаимодействует, — повторил он.

— Проще всего представить их как невероятно большие пакеты данных, наделенные искусственной жизнью и выпущенные в виртуальное пространство.

Лэшу стало несколько не по себе при мысли о том, что каждая из этих бесчисленных призрачных форм, трепещущих в пустоте перед ним, представляет собой полную и уникальную личность: надежды и

желания, стремления и мечты, настроения и склонности, образуемые проходящими через кремниевую матрицу данными. Он снова посмотрел на Тару. В отраженном свете ее глаза поблескивали голубым, по лицу перемещались странные тени. Вид у нее был полностью отсутствующий — казалось, ее тоже зачаровало это зрелище.

— Прекрасно, — сказал Лэш. — И в то же время пугающе.

Задумчивое выражение внезапно исчезло с лица Тары.

— Пугающе? Это потрясающе. Аватары содержат в себе слишком большой объем данных для того, чтобы можно было сличать их с помощью обычных компьютерных алгоритмов. Мы решили эту проблему, наделив их искусственной жизнью и дав им возможность сравнивать себя друг с другом самостоятельно. Их вводят в виртуальное пространство, а затем возбуждают, подобно атомам. Благодаря этому аватары могут двигаться и взаимодействовать. Мы называем это контактами. Если два аватара уже встречались в Аквариуме, то это старый контакт. Если это первое взаимодействие между двумя аватарами, это новый контакт. При каждом новом контакте происходит передача огромного объема данных, который, по сути, определяет общие черты двух личностей.

— То есть то, что мы сейчас видим, — все клиенты «Эдема» на данный момент?

— Верно.

— Сколько их тут?

— Их число меняется, но одновременно здесь бывает до десяти тысяч аватаров. Постоянно появляются новые. Тут может оказаться в буквальном смысле любой. Президенты, рок-звезды, поэты. Единственные... — Она поколебалась. — Единственные, кто не попадает сюда, — сотрудники «Эдема».

— Почему?

Тара не ответила.

— Требуется около восемнадцати часов для того, чтобы аватар в Аквариуме вступил в контакт со всеми остальными. Мы называем это циклом. Тысячи аватаров взаимодействуют друг с другом, высвобождая гигантские потоки данных, — можете себе представить, какие огромные вычислительные мощности требуются для

обработки.

Лэш кивнул. За его спиной послышался электронный писк. Обернувшись, он увидел, что Мочли подносит к уху мобильный телефон.

— В любом случае, — продолжала Тара, — когда подбор завершен, оба аватара удаляют из Аквариума. В девяти случаях из десяти они находят друг друга с первого раза. В противном случае аватар остается в Аквариуме на следующий цикл, а потом еще на один. Если аватар в течение пяти циклов не нашел никого подходящего, его убирают из Аквариума и кандидат дисквалифицируется. Впрочем, до сих пор такое случалось всего несколько раз.

«Несколько раз», — подумал Лэш. Он посмотрел на Мочли, но тот все еще говорил по телефону.

— Но если бы вы хотели, то могли бы взять один из этих аватаров, через год поместить его в Аквариум, и он выбрал бы другую пару?

— Это весьма деликатный вопрос. Мы говорим нашим клиентам, что нашли им идеальную спутницу или спутника, и это правда. Тем не менее это вовсе не означает, что мы не могли бы найти для них столь же подходящего человека завтра или через месяц. За исключением, естественно, суперпар — те по-настоящему идеальны. Впрочем, мы не сообщаем нашим клиентам степени подобного совершенства, поскольку это могло бы вызвать неудовольствие. Мы находим соответствие, и все. Конец. Аватары удаляются из Аквариума.

— А потом?

— Мы сообщаем обоим кандидатам, что подбор состоялся. И обговариваем встречу.

Взгляд ее снова стал отсутствующим. Лэш повернулся к Аквариуму, глядя на тысячи движущихся в нем фантомов, бестелесных и чужих.

— Вы упоминали об огромных вычислительных мощностях, — пробормотал он. — Похоже, вы чего-то недоговариваете. Не знаю, существует ли компьютер, который смог бы справиться с этим.

— Забавно, что вы заговорили об этом, — сказал Мочли, убирая

телефон в карман пиджака. — Ибо один человек в этом здании знает на эту тему больше, чем кто-либо другой. И он только что попросил о встрече с вами.

Пять минут спустя они поднялись на тридцатый этаж и оказались в просторном холле, с рядами лифтов слева и справа. В одном его конце располагался кафетерий. Десятки сотрудников ели и разговаривали.

— У нас тут десять таких кафе, — сказал Мочли. — Мы не хотим, чтобы люди покидали здание на время обеда или ужина, а прекрасная еда помогает нам в этом.

— Обеда или ужина?

— Или завтрака, если уж на то пошло. Наши специалисты работают в три смены, особенно в отделах сбора данных.

Мочли подошел к лифту в конце ближайшей секции. Тот располагался чуть дальше от остальных, и перед ним стоял охранник в бежевом комбинезоне, который отступил в сторону, увидев их.

Директор вспомогательной службы обратился к Таре:

— У тебя самый последний код. Прошу. — Он показал на панель рядом с лифтом.

— Куда едем? — спросила Тара.

— В апартаменты на крыше.

На мгновение у нее перехватило дыхание, но она тут же взяла себя в руки. Она нажала на клавиши, и двери открылись.

Входя в лифт, Лэш сразу же заметил, что кабина выглядит несколько иначе. Отличия не касались стен, сделанных из отполированного дерева, как и в других лифтах в этом здании, пола, освещения или дверей. Внезапно он догадался, в чем дело. Здесь не было маленькой камеры, и только три кнопки, все без подписей. Мочли нажал самую верхнюю и подставил браслет под сканер.

Казалось, будто лифт поднимается целую вечность. Наконец

двери открылись, и за ними показалось ярко освещенное помещение. Свет был не искусственный, какой Лэш до сих пор видел во всех помещениях «Эдема», а солнечный, он падал из трех огромных окон. Лэш шагнул на толстое синее ковровое покрытие, восхищенно оглядываясь по сторонам. За стеклом, под безоблачным небом, простиралась панорама центра Манхэттена. Слева и справа в двух высоких окнах открывался широкий вид на Лонг-Айленд и Нью-Джерси. Вместо ламп дневного света, стоящих повсюду в помещениях внизу, здесь под потолком висели хрустальные люстры, совершенно ненужные в этом океане солнца.

Лэш вспомнил ажурную конструкцию последних этажей, которую видел с улицы, и слова Мочли: «На самом деле наш небоскреб состоит из трех зданий. Верхняя часть отделена от двух других». Эти помещения могли быть лишь одним — обителью таинственного основателя компании, Ричарда Сильвера.

Четвертую стену, в которой находились двери лифта, от пола до потолка занимали книжные полки из черного дерева. Но на них стояли не тома в кожаных переплетах, какие можно было бы ожидать в таком окружении, а дешевые издания научной фантастики, пожелтевшие и потрепанные, специализированные журналы, носящие следы частого чтения, толстые справочники по компьютерным операционным системам и языкам программирования.

Тара Стэплтон пересекла обширный холл и посмотрела на конструкцию перед одним из трех окон. Когда глаза привыкли к яркому свету, Лэш заметил десятки больших и маленьких предметов, стоящих перед огромными стеклянными панелями. Заинтересовавшись, он подошел ближе и остановился перед устройством величиной с телефонную будку. На деревянной подставке крепилась сложная система роторов, расположенных горизонтально на металлических стержнях. За роторами располагалось множество зубчатых колес, втулок и рычагов.

Он подошел к следующему окну, где на деревянном постаменте лежало нечто похожее на металлические внутренности огромного музыкального автомата. Рядом стояло чудовищное устройство, напоминающее гибрид старой печатной машины и напольных часов. С одной его стороны виднелась большая металлическая рукоятка, а переднюю стенку покрывали разной величины диски из

полированного металла. На деревянном подносе между ножками устройства лежали толстые рулоны бумаги.

Мочли куда-то исчез, но к ним уже подходил высокий молодой человек с гривой рыжих волос, падающих на лоб. Он улыбался, а его голубые глаза, смотрящие на них из-за очков в металлической оправе, дружелюбно блестели. На незнакомце была рубашка цвета хаки поверх поношенных джинсов. Хотя Лэш никогда раньше не видел его, он сразу же узнал Ричарда Сильвера, гениального создателя «Эдема» и компьютера, давшего такую возможность.

— Вы, надо полагать, доктор Лэш, — сказал он, протягивая руку. — Я Ричард Сильвер.

— Называйте меня Кристофер, — ответил Лэш.

Сильвер повернулся к Таре, которая молча смотрела на него.

— А вы — Тара Стэплтон? Эдвин мне многое рассказывал о вас.

— Встреча с вами — большая честь для меня, доктор Сильвер.

Лэш удивленно слушал их обмен репликами. «Она главный специалист по безопасности, но никогда раньше не встречалась с ним?» Сильвер снова повернулся к Лэшу.

— Кажется, я уже слышал вашу фамилию, Кристофер, но не могу вспомнить где.

Лэш промолчал, и создатель «Эдема» пожал плечами.

— Ладно, может, вспомню. В любом случае мне интересно, какое теоретическое направление вы представляете. Учитывая вашу предыдущую работу, могу предположить, что это школа когнитивного бихевиоризма?

Это было последнее, что Лэш ожидал услышать.

— Примерно так. У меня достаточно эклектичные взгляды, опирающиеся на отдельные элементы разных школ.

— Понимаю. Бихевиорист? Гуманист?

— Скорее последнее, доктор Сильвер.

— Ричард. — Создатель «Эдема» снова улыбнулся. — Вы правы, выбрав элементы разных теорий. Меня всегда увлекала когнитивная психология поведения, поскольку это основа преобразования

информации. Но с другой стороны, ортодоксальные бихевиористы считают, что любое поведение — результат обучения?

Лэш удивленно кивнул. Сильвер не вписывался в его представления о гениальном одиночке.

— У вас тут весьма необычная коллекция, — заметил Лэш.

— Мой маленький музей. Эти устройства — одна из моих слабостей. Такие, например, как то чудо, которое вы только что разглядывали, — спроектированный Кельвином прибор для вычисления периодов приливов. Он мог определить время приливов и отливов в любой день в будущем. И обратите внимание на те рулоны бумаги в подставке: это наверняка первая в истории компьютерная распечатка. Или вот это устройство на цоколе рядом — сконструированное триста пятьдесят с лишним лет назад, оно до сих пор может складывать, вычитать, умножать и делить, как нынешние калькуляторы. Оно было построено по образцу так называемого арифмометра Лейбница, явившегося прототипом вычислительных машин.

Сильвер прошелся вдоль окна, указывая на разные механизмы и с энтузиазмом объясняя их историческое значение. Он попросил Тару сопровождать его, после чего похвалил ее работу и спросил, устраивает ли ее нынешняя должность в фирме. Несмотря на короткое знакомство, Лэш начал проникаться симпатией к этому человеку, который выглядел дружелюбно и вовсе не высокомерно.

Сильвер остановился перед большой машиной, которая сразу бросилась в глаза Лэшу.

— Это, — почти благоговейно произнес он, — аналитическая машина Бэббиджа, его самое выдающееся творение, которое он не успел завершить до смерти. Прототип всех настоящих компьютеров, таких как «Марк I», «Колоссус» или ЭНИАК. [\[12\]](#)

Он ласково погладил стальной бок.

Все эти древние устройства казались неуместными в этом элегантном помещении, на фоне захватывающей дух панорамы Центрального Манхэттена. Внезапно Лэша осенило.

— Это все вычислительные машины, — сказал он. — Созданные для того, чтобы заменять человека при выполнении расчетов.

Создатель «Эдема» кивнул.

— Именно. Некоторые из них вызывают у меня почтение. — Он показал на аналитическую машину Бэббиджа. — Другие пробуждают надежду. — Он показал на значительно более современный компьютер «Макинтош», стоящий на мраморном постаменте в другом конце холла. — А третьи позволяют взглянуть на все объективно. — Он ткнул пальцем в сторону большого деревянного ящика с встроенной в переднюю стенку шахматной доской.

— Что это? — спросила Тара.

— Шахматная машина, сконструированная во Франции в конце эпохи Возрождения. Оказалось, что этим «компьютером» на самом деле управлял хорошо игравший в шахматы карлик, который прятался внутри.

Сильвер подошел к низкому столику, окруженному кожаными креслами. На нем лежали груды периодики: «Таймс», «Уолл-стрит джорнал», экземпляры «Компьютер уорлд» и «Джорнал оф авансед сайкокомпьютинг».

Когда они сели, улыбка Сильвера слегка угасла.

— Мне в самом деле очень приятно познакомиться с вами, Кристофер. Впрочем, я предпочел бы встретиться при более приятных обстоятельствах.

Он наклонился вперед, опустив голову и сплел пальцы.

— Для нас это было страшным потрясением. Для правления и для меня лично.

Когда Сильвер поднял голову, Лэш заметил в его взгляде беспокойство. «Для него это ужасно, — подумал он. — Созданная им корпорация и вся ее работа оказались в смертельной опасности».

— Когда я вспоминаю об этих парах, о Торпах и Уилнерах... мне просто не хватает слов. Просто в голове не уместается.

Лэш понял, что ошибся. Сильвер имел в виду не свою фирму, а четырех погибших и жестокую иронию судьбы, каковой стала их внезапная смерть.

— Вы должны понять, Кристофер, — сказал создатель «Эдема», снова опустив глаза. — Наша фирма не только оказывает услуги. Она несет ответственность, такую же, как хирург, подходящий к пациенту на операционном столе. Вот только в нашем случае эта

ответственность продолжается до конца жизни наших клиентов. Они доверяют нам свое счастье. Когда мне пришла в голову идея, ставшая основой «Эдема», я не отдавал себе в этом отчета. И потому теперь наша обязанность — выяснить, что произошло и... сыграли ли мы какую-то роль в этой трагедии.

Лэш снова удивился. Подобной откровенности он не встречал ни у кого из правления «Эдема», возможно, за исключением Леливельда.

— Я знаю, что Уилнеры умерли всего несколько дней назад. Но может быть, вы уже обнаружили что-то существенное?

Сильвер почти умоляюще посмотрел на него.

— Все именно так, как я сказал Мочли. За месяцы, предшествующие их смерти, абсолютно ничто не указывало на то, что они собираются покончить с собой.

Сильвер несколько мгновений смотрел ему в глаза, а потом отвел взгляд. Лэш вдруг испугался, что компьютерный гений сейчас разрыдается.

— Надеюсь, что скоро получу доступ к результатам их психологического обследования, проведенного в «Эдеме», — поспешно сказал Лэш, словно желая утешить его. — Может, тогда удастся узнать больше.

— Я хочу, чтобы для выяснения этого вопроса были использованы все ресурсы «Эдема», — ответил Сильвер. — Скажите Эдвину, что я так решил. Если я или Лиза можем хоть чем-то помочь — дайте мне знать.

«Лиза? — слегка удивленно подумал Лэш. — В смысле — Тара? Тара Стэплтон?»

— У вас уже есть какая-то теория? — тихо спросил создатель фирмы.

Лэш помедлил. Ему не хотелось приносить очередную дурную весть.

— Пока это только версия. Если мы не имеем дело с каким-то эмоциональным или физиологическим фактором, есть все больше оснований полагать, что это убийство.

— Убийство? — быстро переспросил Сильвер. — Как такое может быть?

— Как я сказал, пока это только теория. Есть некоторая вероятность, что в этом замешан кто-то из фирмы — один из ваших действующих или бывших сотрудников. Но скорее всего, исполнителем может оказаться кто-то, отвергнутый в процессе подбора.

Лицо Сильвера стало похоже на лицо несправедливо наказанного ребенка — вид оскорбленной невинности.

— Не верю, — пробормотал он. — У нас очень надежные меры безопасности. Тара может подтвердить. Меня заверяли, что... — Он не договорил.

— Как я сказал, пока это только теория.

За столом снова наступила тишина, на этот раз более продолжительная. Потом Сильвер встал.

— Прошу прощения. Похоже, я отрываю вас от более важных дел.

Когда Сильвер протягивал им руку, теплая улыбка вновь вернулась на его лицо. Словно из-под земли, появился Мочли и повел Тару и Лэша к лифту.

— Кристофер! — услышал Лэш голос создателя фирмы.

Обернувшись, он увидел, что тот стоит возле машины Бэббиджа.

— Да?

— Спасибо, что пришли. Рад, что вы с нами. Уверен, скоро мы встретимся снова.

Когда открылись двери лифта, Сильвер повернулся и снова задумчиво погладил металлический бок старинного компьютера.

Когда Лэш подъехал к своему дому, было уже половина восьмого вечера и на побережье Коннектикута опустилась ночь. Заглушив двигатель, мужчина какое-то время сидел, прислушиваясь к потрескиванию остывающего металла, потом вышел из машины и устало направился в сторону дома. Он чувствовал себя полностью выжатым, словно множество увиденных сегодня технологических чудес временно лишило его возможности думать.

В доме еще оставался запах дыма из камина. Лэш зажег свет и пошел в кабинет, находящийся рядом со спальней. Он до сих пор чувствовал себя неуютно с браслетом на запястье. Подняв трубку телефона, он набрал номер и, обнаружив, что ему оставили пятнадцать сообщений, вооружился терпением, чтобы прослушать их все.

Но это заняло удивительно мало времени. Четыре рекламных звонка и шесть несостоявшихся соединений. Лишь одно сообщение требовало немедленного ответа. Взяв телефонную книжку, Лэш набрал домашний номер Оскара Клайна, психолога, который замещал его.

— Клайн слушает.

— Оскар, это Кристофер.

— Привет, Крис. Как дела?

— Кое-как.

— Все в порядке? У тебя усталый голос.

— Я и в самом деле устал.

— Могу поспорить, ты всю ночь не спал и работал над тем исследовательским проектом, о котором не хочешь говорить.

— Что-то в этом роде.

— Зачем ты мучаешь себя? Сам знаешь, после публикации той книги славы тебе искать ни к чему. И в деньгах ты не нуждаешься. Живешь как монах в своей келье.

— Стоит раз начать — и уже тяжело бросить. Сам знаешь, как это бывает.

— Что ж, мне приходит в голову одна хорошая причина — твоя практика. В конце концов, сейчас не август, и пациенты ждут, что мы будем к их услугам. Отменишь один сеанс — ладно. Но два? Люди начинают беспокоиться. Сегодня на групповом сеансе двое вслух выразили свое недовольство.

— Дай угадаю. Стинсон.

— Да, Стинсон. И Брамс. Если пропустишь следующую встречу, могут быть проблемы.

— Знаю. Постараюсь все закончить, прежде чем дойдет до этого.

— Хорошо. Ибо в противном случае мне придется передать некоторых пациентов Куперу. А это понравится не всем.

— Ты прав. Буду на связи, Оскар. Спасибо за все.

Лэш положил трубку и собирался отойти, когда телефон зазвонил снова. Повернувшись, он снял трубку.

— Алло?

Послышался громкий щелчок прерванного соединения.

Лэш снова повернулся, зевая и пытаясь думать об ужине. Он прошел в кухню и открыл холодильник, надеясь, что, возможно, в нем появилась какая-то еда. Увы, тот был пуст. Падая с ног от усталости, он выбрал простейший выход — заказать что-нибудь в китайском ресторане на Пост-роуд.

Когда он подходил к телефону, тот снова зазвонил.

Лэш снял трубку.

— Алло?

На этот раз в трубке царил напряженная тишина.

— Алло?

Снова щелчок заверщенного соединения.

Медленно положив трубку, Лэш задумчиво посмотрел на нее. События в «Эдеме» настолько поглотили его, что он не обращал внимания на мелкие проблемы, вновь начавшие усложнять ему жизнь. А может, он и замечал их, но просто не хотел принимать к сведению. Газета, не доставленная три раза из четырех, отсутствие почты в ящике, восемь прерванных звонков за сегодня.

Он хорошо знал, что это означает и как нужно поступить, чтобы покончить с этим.

Мысль об этом лишь привела его в еще большее уныние.

Путь до Ист-Норуолка занял менее десяти минут. По этой дороге Лэш ехал во второй раз, но хорошо знал Норуолк и местные ориентиры. Район этот власти иносказательно называли «промежуточным» — неподалеку от нового Приморского центра и вместе с тем достаточно близко к беднейшим кварталам, из-за чего приходилось ставить решетки на окна и двери.

Лэш поставил машину у обочины и дважды проверил адрес: улица Джефферсона, 9148. Обычный дом, каких было много в округе: небольшой деревянный коттедж с четырьмя комнатами, оштукатуренным фасадом и отдельным гаражом позади. Газон, пожалуй, казался менее ухоженным, чем перед другими домами, но в безжалостном свете уличных фонарей все они выглядели несколько запущенными.

Он посмотрел на коттедж. Вопрос можно было решить двумя способами: проявив сочувствие или решительность. Мэри Инглиш не слишком хорошо воспринимала первое. Лэш сочувствовал ей весь прошлый год, во время терапевтических сеансов для супругов. Мэри ухватилась за это и без памяти влюбилась в него, что в итоге привело к ее разводу — то есть именно к тому, чего Лэш пытался не допустить. Она постоянно изводила его — звонила по телефону и молчала, воровала или просматривала почту, устраивала слезливые вечерние засады под окном его кабинета, что удалось прекратить лишь судебным запретом.

Лэш посидел еще немного, собираясь с силами, потом вышел из машины и направился в сторону дома.

Звонок в пустых комнатах отдался глухим эхом. Когда он смолк, на мгновение снова наступила тишина, затем ее нарушил звук шагов

на лестнице. Зажегся свет на крыльце, отодвинулась заслонка дверного глазка. Еще через секунду лязгнул засов, открылась дверь, и на пороге появилась Мэри Инглиш, щурясь в свете фонаря.

На ней была уличная одежда, но он явно прервал ее туалет: она уже успела стереть помаду, но не остальной макияж. Хотя со времени последнего сеанса с ней и ее мужем прошел всего год, сейчас она выглядела значительно старше сорока лет. Косметика не могла скрыть темные круги под глазами и мелкие морщинки в уголках рта. Мэри широко раскрыла глаза, и Лэш прочитал в них смешанные чувства: удивление, радость, надежду и страх.

— Доктор Лэш? — спросила она, затаив дыхание. — Не... не верю своим глазам. Что случилось?

Лэш глубоко вздохнул.

— Думаю, ты знаешь что, Мэри.

— Нет, не знаю. Что случилось? Хотите войти? Выпьете кофе?

Она открыла дверь шире.

Лэш остался на крыльце, стараясь сохранять спокойствие.

— Мэри, прошу тебя. От этого будет только хуже.

Она непонимающе смотрела на него.

Лэш колебался, потом вспомнил, как все было в первый раз, когда он пытался убедить ее на этом же самом крыльце.

— Отрицать что-либо бесполезно, Мэри. Ты снова меня преследуешь — звонишь мне, просматриваешь мою почту. Я хочу, чтобы ты прекратила это, и немедленно.

Мэри молчала, глядя на него. Она будто постарела еще на несколько лет. Затем медленно отвела взгляд и сгорбилась.

— Я просто не могу этого вынести, Мэри. Не сейчас. И потому прошу тебя прекратить, пока снова не стало хуже. Пообещай мне, скажи, что перестанешь. Пожалуйста, не вынуждай меня...

Она снова посмотрела на него, и он увидел в ее глазах гнев.

— Это что, какая-то жестокая шутка? — бросила она. — Посмотри на меня. Посмотри на мой дом. В нем почти нет мебели. Я лишилась права на опеку над ребенком. Мне приходится бороться за

то, чтобы видеться с ним через выходные. О боже...

Гнев ее угас столь же быстро, как и возник. Слезы оставляли на щеках размазанные полосы туши.

— Я подчинилась судебному распоряжению. Я сделала все, что ты хотел.

— Тогда почему я опять не получаю почту, Мэри? Откуда эти молчаливые телефонные звонки?

— Думаешь, это я? Думаешь, я могла бы продолжать после всего, что случилось... после того, что твой судья сделал с моей жизнью, с моим...

Слова прервались рыданиями.

Лэш колебался, не зная, что сказать. Ее гнев и горе выглядели совершенно неподдельными. Но такие пациенты, как Мэри Инглиш, действительно испытывали гнев, печаль и отчаяние — только неверно направленные. И прекрасно умели использовать их, обращая против тебя, делая виноватым во всем тебя, а не их...

— Как ты посмел прийти и издеваться надо мной? — рыдала она. — Ты психолог, ты должен помогать людям...

Лэш стоял на пороге, чувствуя себя все больше сбитым с толку и дожидаясь, когда женщина возьмет себя в руки. Наконец она перестала плакать и выпрямилась.

— Как я могла так ошибиться? — тихо спросила она. — Раньше я считала тебя человеком, которого тревожит судьба других, даже в чем-то слегка таинственным. — Она быстрым движением смахнула слезу. — Но знаешь, что я поняла, лежа без сна в пустом доме? Твоя тайна — это тайна человека, который скрывает свою духовную пустоту. Человека, которому нечего дать другим.

Протянув руку, она нашла стоящую на столике коробочку с салфетками и выругалась, обнаружив, что та пуста.

— Убирайся, — тихо сказала она, избегая его взгляда. — Уходи, прошу тебя. Оставь меня в покое.

Лэш продолжал смотреть на нее. По профессиональной привычке ему в голову пришло несколько типичных ответов, но ни один из них не выглядел подходящим. Он лишь кивнул, повернулся и ушел.

Он завел двигатель, развернулся и поехал обратно по улице, но, еще не доехав до перекрестка, снова остановился у обочины. В зеркале заднего вида он заметил, что свет на крыльце дома 9148 погас.

Что говорил Ричард Сильвер в просторном холле на высоте в тридцать этажей над Манхэттеном? «Рад, что вы с нами?» Сейчас, глядя в темноту, Лэш уже не был в этом настолько уверен.

На следующее утро, выйдя из многоярусной автостоянки на Манхэттене, Лэш остановился перед магазинчиком прессы на первом этаже большого каменного дома, погруженного в тень соседних зданий. Войдя внутрь, он быстро просмотрел заголовки местных и общенациональных газет — «Канзас-Сити стар», «Даллас морнинг ньюс», «Провиденс джорнал» и «Вашингтон пост» — и облегченно вздохнул, не обнаружив никаких сообщений о двойных самоубийствах счастливых супружеских пар. Выйдя из магазина, он свернул на Мэдисон-авеню, направляясь к зданию «Эдема». «Теперь я знаю, что чувствовал Людовик Шестнадцатый, — подумал он. — Просыпаться каждое утро в тени топора палача, не зная, не станет ли новый день последним».

Хотя он до сих пор ощущал усталость, он уже спокойнее думал о событиях последнего вечера. Такие пациенты, как Мэри Инглиш, являются превосходными лжецами и актерами. Он поступил вполне справедливо. Придется внимательнее следить за очередными признаками ее домогательств.

В вестибюле он оказался чуть раньше обычного, но Тара Стэплтон ждала его. На ней были темные свитер и юбка. Лэш заметил отсутствие украшений. Она улыбнулась, и они обменялись несколькими вежливыми фразами о погоде. Впрочем, казалось, что Тара еще более задумчива, чем накануне.

Ведя его через пост охраны и по широкому коридору без каких-либо обозначений, она коротко объясняла правила входа во внутреннюю часть здания и выхода оттуда. Хотя на контрольном пункте номер один имелось два прохода, утром из-за большого количества сотрудников приходилось стоять в пятиминутной очереди. Тара была немногословна, и Лэш незаметно прислушивался к разговорам вокруг. Оживленно обсуждалось недавнее сообщение о тридцатипроцентном росте численности кандидатов, и лишь относительно немногие болтали о вчерашнем футбольном матче или

уличных пробках. Все было так, как рассказывал Мочли, — эти люди действительно любили свою работу. Когда они прошли через контрольный пункт, Тара провела Лэша в отведенный ему кабинет на шестнадцатом этаже. Замка на двери не было, она открывалась после проведения браслетом под объективом сканера. В кабинете отсутствовали окна, но он был ярко освещен и просторен. Тут стояли письменный стол и стулья, большой книжный шкаф и компьютер со сканером. В одну из стен была вделана небольшая панель, обеспечивающая доступ к вездесущей внутренней сети компании.

— Я договорилась, чтобы вам предоставили все результаты Торпов и Уилнеров, — сказала Тара. — Еще сегодня мы подключим терминал к сети, и вам покажут, как получить доступ к нужным данным. Перед входом в систему нужно просканировать свой браслет. Вот мой номер телефона, служебного и мобильного, если вам потребуется связаться со мной. — Она положила на стол визитку. — Потом вернусь и отведу вас на обед.

Лэш спрятал визитку в карман.

— Спасибо. А где тут можно найти кофе?

— Дальше по коридору есть кафетерий для персонала. И туалеты. Еще что-нибудь?

Лэш поставил свою сумку на один из стульев.

— Найдется здесь доска для записей?

— Скажу, чтобы вам принесли ее.

Кивнув, она грациозно повернулась и вышла.

Какое-то время Лэш задумчиво оглядывался вокруг, потом убрал сумку в ящик стола и пошел в кафетерий, где симпатичная женщина с милой улыбкой приготовила ему большой эспрессо. С благодарностью приняв чашку, он сделал глоток и обнаружил, что напиток просто превосходен.

Едва он успел вернуться в кабинет и удобно расположиться в кресле, в открытую дверь постучал техник.

— Доктор Лэш?

— Да?

Техник вкатил нечто вроде черного шкафчика на металлической

тележке.

— Вот все документы, которые вы просили. Когда закончите знакомиться с ними, позвоните по обозначенному на папках номеру, и кто-нибудь придет за ними.

Лэш поднял тяжелый ящик и поставил на стол. Он был запечатан белой лентой с надписью «Совершенно секретно. Из здания не выносить».

Закрыв дверь кабинета, он разрезал ленту и поднял крышку. Внутри лежали четыре папки с металлическими зажимами, каждая с фамилией и номером.

Торп, Льюис А. 000451823

Торвальд, Линдси Э. 000462196

Шварц, Карен Л. 000527710

Уилнер, Джон Л. 000491003

Все папки были заклеены белой полосой бумаги с одинаковой надписью.

КОРПОРАЦИЯ «ЭДЕМ»

*Конфиденциально, только для внутреннего
пользования Уровень допуска L-3*

Примечание: твердая копия, доступно также в
цифровом виде

Запрос: АТ-4849

Лэш взял папку Льюиса Торпа, но, поколебавшись, решил оставить ее напоследок. Вместо него он распечатал досье Линдси Торп и высыпал его содержимое на стол. Из папки выпала пачка бумаг, в основном бланки тестов и ответы на них. Среди них оказался также пакет переплетенных листов с довольно невнятным описанием.

КОДОВАЯ СТРАНИЦА

Примечание: только суммарный итог

Заголовок

данные телефонии — квантование

период сбора: с 27.08.02 до 09.09.02

поток данных: номинальный

гомогенизация: оптимальная

местоположение данных: 2342400494234

первый сектор доступа 3024-а

алгоритм распределения: установлен

главный оператор: Павар, Гупта

упаковка: Комголд, Стерлинг

контроль сбора данных: Роуз, Лоуренс

шестнадцатеричные данные:

234B	3A32	5923	9F43	5032	5225	60D2	6522	6A1D	5934
59C9	322D	4034	25C5	2344	5982	3F40	2354	0C81	2119
2B92	C598	0423	58A0	8981	2099	0901	4309	5852	19B5
5931	0904	88F9	0123	550D	0492	4E90	0499	0982	1258
5AB8	293F	5014	0E94	4C0F	1039	0589	3E09	5915	03E1
2903	854A	4910	C252	3414	0539	932E	3210	54AA	4913
2234	590C	2340	0D82	7899	3981	777F	3291	0948	A972
4933	0D81	4802	29E1	0913	5A0B	1501	08D1	4848	9083

Все это было похоже на представленную в машинном коде запись телефонных звонков Линдси за период наблюдения. Даже будь эта информация понятной, она не имела отношения к тому, что интересовало его. Отложив распечатку в сторону, Лэш взял бланки тестов. Они выглядели в точности так же, как и те, что он заполнял несколько дней назад, и при их виде у него вновь возникло неприятное чувство. Отхлебнув кофе, он перелистал страницы, глядя на трудолюбиво зачеркнутые Линдси Торп черные кружочки. Ее

ответы, похоже, не отклонялись от нормы, и быстрый взгляд на результаты подтвердил это. Наконец Лэш взглянул на итоговый вывод старшего психолога.

Линдси Торвальд демонстрирует все признаки социально адаптированной личности. Внешний вид, настрой и поведение во время выполнения тестов и между ними в пределах нормы. Способность к концентрации внимания, восприятию, формулировке мыслей и устному их выражению в пределах верхнего десятого процентиля. Тесты показывают небольшой разброс и отклонение, фактор валидности весьма высок. Кандидатка ведет себя чрезвычайно искренне и открыто. Ассоциативный тест демонстрирует творческое и живое воображение, с небольшой тенденцией к мрачным ассоциациям. Личностный профиль показывает небольшие интровертные наклонности, но в приемлемых границах, особенно следует отметить высокий показатель уверенности в себе. Интеллект испытуемой также достаточно высок, особенно в области вербального восприятия и памяти; математические способности несколько слабее, но, несмотря на это, полученный кандидаткой результат соответствует коэффициенту интеллекта 138 (в соответствии с модифицированным WAIS-III).

Вкратце все количественные показатели указывают на то, что мисс Торвальд является превосходным кандидатом для «Эдема».

Д-р Р. Дж. Стедман

21.08.2002

Из коридора за дверью донесся звук колес, и техник вкатил в кабинет белую доску. Лэш поблагодарил и подождал, пока тот уйдет, затем открыл отчет и снова взялся за бланки тестов.

До полудня он просмотрел результаты обследования трех кандидатов. Ничего сенсационного, никаких признаков какой-либо патологии. Никто из них не проявлял симптомов депрессии или склонности к самоубийству. Лэш убрал бумаги в папки, встал, потянулся и пошел в кафетерий за очередной кружкой кофе.

Возвращался он в свой временный кабинет медленнее, чем выходил из него. Осталась только одна папка — Льюиса Торпа, специалиста по биологии беспозвоночных, который для собственного удовольствия переводил стихи Басё. Лэш потратил несколько вечеров на чтение «По тропинкам Севера», пытаясь поставить себя на место Льюиса, ощутить то же, что чувствовал он во время обследования и в той солнечной комнате во Флагстаффе, где он умер на глазах своей маленькой дочери.

Поспешно, но осторожно Лэш разорвал ленту на четвертой папке. Ему потребовалось меньше получаса, чтобы понять — его опасения подтвердились. Результаты обследования Льюиса Торпа свидетельствовали о том, что он был так же нормален и социально адаптирован, как и остальные. Он показал себя умным и честолюбивым человеком, с богатым воображением и трезвой самооценкой. У него не выявили ни склонности к депрессии, ни мании самоубийства.

Лэш вытянул ноги и выпустил отчет старшего психолога из рук. Те результаты, с которыми он так хотел ознакомиться, нисколько не приблизили его к разгадке.

В дверь постучали. Он поднял голову и увидел сосредоточенное лицо Тары Стэплтон в окружении каштановых волос.

— На обед? — спросила она.

Лэш собрал бумаги Льюиса Торпа и убрал их в папку.

— Само собой.

В кафетерии в глубине коридора он уже чувствовал себя как дома. В ярко освещенном помещении теперь было больше народа, чем во время двух предыдущих его визитов. Встав в очередь к стойке, Лэш взял очередной кофе и сэндвич, после чего пошел следом за Тарой к пустому столику у задней стены. Тара взяла только тарелку супа и чашку чая. Он заметил, что она разорвала упаковку искусственного подсластителя и высыпала его в чашку. Тара продолжала сосредоточенно молчать, но сейчас это вполне устраивало его — Лэшу совершенно не хотелось отвечать на вопросы о том, как движется расследование.

— Как давно вы работаете в «Эдеме»? — после некоторой паузы спросил он.

— Три года. Почти с самого образования компании.

— И работа действительно настолько хороша, как утверждает Мочли?

— До сих пор — да.

Лэш подождал, пока Тара размешает чай, не вполне понимая, что она хотела этим сказать.

— Расскажите мне о Сильвере.

— А что вы хотите знать?

— Ну, какой он? Он показался мне не таким, как я ожидал.

— Мне тоже.

— Как я понимаю, вы впервые встретились с ним лицом к лицу.

— Как-то раз я видела его на приеме по случаю первой годовщины основания фирмы. Он очень скрытен. Насколько я знаю, он никогда не покидает своих апартаментов и общается по мобильному телефону или через интерком. Он живет там один. Только с Лизой.

Лиза. Сильвер тоже упоминал это имя. Тогда Лэш решил, что тот оговорился.

— С Лизой?

— Это компьютер. Дело всей жизни Сильвера. «Эдем» существует благодаря ей. Лиза — единственная его настоящая любовь. Выглядит слегка забавно, учитывая оказываемые нами услуги. Сильвер обычно общается с руководством и персоналом через посредство Мочли.

Лэш удивился.

— Вот как?

— Мочли — его правая рука.

Лэш заметил, что кто-то смотрит на них с другого конца кафетерия. Юношеское лицо и копна светлых волос показались ему знакомыми. Внезапно Лэш вспомнил, кто это: Питер Хэпвуд, техник, которого Мочли представил ему во время встречи выпускников. Хэпвуд улыбнулся и помахал ему. Лэш ответил тем же. Он снова взглянул на Тару, которая снова помешивала ложкой суп.

— Расскажите мне о Лизе, — попросил он.

— Это гибридный суперкомпьютер. Другого такого на свете нет.

— Почему?

— Это единственный большой компьютер, полностью основанный на искусственном интеллекте.

— Каким образом Сильвер создал его?

— Ходят разные слухи. Целые легенды. Не знаю, соответствует ли хоть какая-то из них действительности. Одни говорят, будто у Сильвера было тяжелое одинокое детство. Другие утверждают, что он был вундеркиндом и мог решать дифференциальные уравнения в возрасте восьми лет. Сам он никогда не рассказывал об этом. Точно известно лишь, что еще до того, как пойти в колледж, он занимался исследованиями в области ИИ. Выдающиеся, попросту гениальные разработки. Свою дипломную работу он посвятил самообучающемуся компьютеру. Он наделил его личностью, ввел крайне сложные алгоритмы решения задач. В конце концов он доказал, что самообучающийся компьютер способен решать значительно более сложные задачи, чем любой компьютер, программируемый вручную. Позже, чтобы финансировать дальнейшие разработки, он продавал процессорное время Лизы таким организациям, как «Лаборатория реактивного движения», или проекту «Геном человека».

— А потом ему пришла в голову гениальная идея. Он создал «Эдем», с Лизой в качестве вычислительного центра. — Лэш отхлебнул кофе. — И как работает с Лизой?

Последовала пауза.

— У нас нет непосредственного допуска к ее базовым процедурам и интеллекту. Лиза находится в апартаментах Сильвера, и только он имеет такой доступ. Все остальные — ученые, специалисты и даже программисты — используют локальную информационную сеть и абстрактный слой данных Лизы.

— Что?

— Оболочку, образующую виртуальные машины в памяти суперкомпьютера.

Тара снова замолчала. Паузы между ее фразами становились все

длиннее. Неожиданно она встала.

— Прошу прощения, — сказала она. — Мы можем поговорить об этом в другой раз? Мне пора.

Не говоря больше ни слова, она повернулась и вышла.

Когда Мочли около четырех вошел в кабинет, Лэш стоял у доски. Директор двигался столь тихо, что Лэш заметил его лишь тогда, когда тот оказался рядом с ним.

— Господи! — подпрыгнул он, выронив маркер.

— Прощу прощения. Мне нужно было постучать. — Мочли посмотрел на таблицу, изображенную на доске. — Раса, возраст, тип, личность, работа, место жительства, жертвы. Что это такое?

— Пытаюсь определить убийцу. Составить профиль.

Мочли бросил на него недоуменный взгляд.

— Мы до сих пор не знаем, существует ли вообще какой-либо убийца.

— Я просмотрел все ваши данные. С психологической точки зрения Торпы и Уилнеры были безупречны, никаких клинических проявлений склонности к самоубийству. Дальнейшие исследования в этом направлении — лишь трата времени. А вы слышали, что сказал Леливельд в зале для совещаний: времени у нас нет.

— Но нет и никаких доказательств, что это убийство. Например, камера системы охраны у Торпов не зарегистрировала никого входящего или выходящего.

— Значительно легче замести следы убийства, чем самоубийства. Можно отключить камеры, обойти сигнализацию.

Мочли задумался, затем снова посмотрел на таблицу на доске.

— Откуда вы знаете, что убийце около тридцати или чуть больше?

— Я этого не знаю. Это обычный возраст серийных убийц. Нужно начинать с типичного портрета, а потом дорабатывать его.

— А как насчет того, что у него есть хорошая работа или доступ

к деньгам?

— В течение недели он совершил два двойных убийства на противоположных побережьях. Бродяги или автостопщики так себя не ведут, они обычно совершают убийства не в столь отдаленных друг от друга местах.

— Понятно. А это?

Мочли показал на слова на доске: «Тип: неизвестен».

— Это самая большая проблема. Обычно мы делим убийц на организованных и неорганизованных. Первые следят за местом преступления и своими жертвами. Они умны, социально адаптированы, обладают сексуальным опытом. В качестве целей они выбирают посторонних людей, скрывают трупы. Вторые же знают свою жертву, действуют внезапно и спонтанно. Совершая преступление, они не испытывают никакого стресса, обычно имеют низкую профессиональную квалификацию и бросают тела на месте убийства.

— И?

— Так вот, если кто-то убил Торпов и Уилнеров, у него есть черты как организованного, так и неорганизованного убийцы. О стечении обстоятельств не может быть и речи, он наверняка знал погибших. Несмотря на это, он оставил тела на месте преступления, как неорганизованный убийца. И при этом на месте убийства идеальный порядок. Подобная непоследовательность бывает крайне редко.

— Насколько?

— Я никогда не встречал подобных серийных убийц.

«Не считая одного», — произнес голос у него в голове.

Лэш поспешно приказал ему замолчать.

— Если мы сумеем установить личностный профиль преступника, — продолжал Лэш, — мы сможем сравнить его с базой данных по убийствам, поискать сходство. А тем временем не подумали ли вы о том, чтобы взять под контроль оставшиеся четыре суперпары?

— По очевидным причинам непосредственное наблюдение мы вести не можем. И не будем способны обеспечить им надлежащую

защиту, пока не узнаем, что, собственно, происходит. Но мы уже послали своих людей.

— Где находятся остальные?

— В разных частях страны. Ближе всего живут супруги Коннелли, к северу от Бостона. Я скажу Таре, чтобы она передала вам краткие отчеты о них.

Лэш медленно кивнул.

— Вы действительно уверены, что она подходящий человек для работы со мной?

— Почему вы спрашиваете?

— Мне кажется, я не нравлюсь ей. Или она занята другими делами, которые ее отвлекают.

— У Тары сейчас тяжелые времена. Но она самая лучшая. Не только потому, что она главный специалист по безопасности — что дает ей доступ ко всем системам, — но и потому, что она единственная в этом отделе, кто раньше занимался разработкой программного обеспечения для фирмы.

— Если так...

Зазвонил мобильный телефон директора. Тот поспешно поднес аппарат к уху.

— Мочли. — Он послушал ответ. — Да, конечно. Прямо сейчас. Он убрал трубку.

— Звонил Сильвер. Он хочет с нами встретиться, и немедленно.

День стал угрюмым и пасмурным, так что за дверями лифта предстала совершенно другая картина по сравнению с той, что Лэш видел накануне. Лишь несколько хрустальных люстр рассеивали полосами света царящий в холле мрак. За окнами простирался серый бетонный пейзаж. Перед ними стояла музейная коллекция думающих машин — темные силуэты на фоне пасмурного неба.

Ричард Сильвер стоял у окна, заложив руки за спину. Услышав звонок, извещающий о прибытии лифта, он обернулся.

— Кристофер, — сказал он, пожимая руку Лэшу. — Рад снова видеть вас. Хотите чего-нибудь выпить?

— С удовольствием выпил бы кофе.

— Сейчас сделаю, — сказал Мочли, направляясь к встроенному в один из книжных шкафов бару.

Создатель «Эдема» показал Лэшу на место за тем же столом, за которым они сидели днем раньше. Журналы и газеты исчезли. Сильвер подождал, пока Лэш сядет, а потом расположился напротив него. На нем были вельветовые брюки и черный кашемировый свитер с закатанными по локоть рукавами.

— Я много думал о том, что вы говорили вчера, — сказал он. — Вы считаете, что эти смерти не самоубийства. Мне не хочется верить в это, но, полагаю, вы правы.

— Другой возможности я не вижу.

— Нет, я не это имел в виду. Речь о ваших словах насчет того, что так или иначе в этом замешан «Эдем». — Сильвер с тревогой посмотрел куда-то вдаль. — Я заперся в этой своей башне из слоновой кости, слишком занятый своими исследованиями. Меня всегда больше интересовала чистая наука, нежели ее практическое применение. Попытаться сконструировать машину, которая может самостоятельно мыслить, учиться и решать задачи, — вот что для

меня всегда было важнее всего. Род этих заданий меня интересовал намного меньше, чем сама способность к их выполнению. Лишь когда возникла идея создать «Эдем», я лично включился в эту работу. Наконец-то появилась достойная Лизы задача — приносить людям счастье. И тем не менее я не вмешивался в повседневный ход событий. А теперь вижу, что это было моей ошибкой.

Сильвер замолчал и снова посмотрел на Лэша.

— Сам не знаю, зачем я вам рассказываю об этом.

— Говорят, что мое лицо располагает к откровенности.

Создатель «Эдема» негромко рассмеялся.

— Так или иначе, в конце концов я решил, что если в чем-то и не участвовал в прошлом, то могу сделать это сейчас.

— В смысле?

Вернулся Мочли с кофе, и Сильвер встал.

— Пойдемте со мной.

Он повел его в дальний угол холла, где стеклянные окна, занимающие три стены, встречались с заполненными книгами шкафами четвертой. Здесь Сильвер собрал музыкальные экспонаты своей коллекции: органолу «фарфиса-комбо», меллотрон и модульный синтезатор Муга с множеством проводов и низкочастотных фильтров.

Сильвер повернулся к Лэшу.

— Вы говорили, что убийца, вероятнее всего, один из отвергнутых кандидатов.

— На это указывает его профиль. Шизоидная личность, которая не в силах примириться с отказом. Значительно меньше вероятность того, что убийца выбыл из программы, после того как был принят. Или был одним из клиентов, не нашедших партнера за пять циклов.

Создатель «Эдема» кивнул.

— Я поручил Лизе просмотреть все доступные данные кандидатов и найти аномалии.

— Аномалии?

— Это довольно трудно объяснить. Представьте себе, что вы

создаете виртуальную топологию в трех измерениях, а потом заполняете ее информацией о кандидатах. Затем проводите компрессию данных и сличаете их, примерно так же, как то сравнение аватаров, которым Лиза занимается постоянно, только наоборот. Видите ли, наши соискатели прошли психологическое обследование, поэтому все они должны уместаться в четко обозначенных рамках. Я искал кандидатов, поведение или личность которых выходят за пределы этой нормы.

— Девиантов, — подсказал Лэш.

— Да. — Лицо Сильвера приобрело страдальческое выражение. — Или людей, поведение которых не совпадало с проведенной оценкой.

— Как вам удалось столь быстро проделать все это?

— Не мне. Я только объяснил Лизе суть задачи, а она сама разработала метод ее решения.

— Используя результаты обследования соискателей?

— Не только. Лиза собрала также все возможные данные об отвергнутых кандидатах или тех, кто добровольно отказался за месяцы или годы, прошедшие с подачи заявления.

Лэш потрясенно уставился на него.

— Хотите сказать, что она собрала данные после того, как они перестали быть потенциальными клиентами? Как такое может быть?

— Это мониторинг активности. Его используют многие крупные компании, и правительство тоже. Мы опережаем всех на несколько лет. Мочли наверняка показывал вам некоторые из его элементарных применений. — Сильвер одернул свитер. — Так или иначе, Лиза отметила три фамилии.

— Отметила? Как, уже?

Создатель «Эдема» кивнул.

— Ведь это гигантский объем данных...

— Приблизительно полмиллиона петабайт. «Крэй»
[\[13\]](#) обрабатывал бы их в течение года. У Лизы это заняло несколько часов.

Он показал на что-то у стены.

Лэш удивленно посмотрел на устройство, которое он счел очередной древностью из коллекции Сильвера. На столике расположились стандартная клавиатура и старомодный монохромный монитор. Рядом стоял принтер.

— Это она? — недоверчиво спросил Лэш. — Это Лиза?

— А чего вы ожидали?

— Только не этого.

— Сама Лиза, вернее, ее вычислительные модули занимают несколько этажей под нами. Но зачем чересчур сложный интерфейс? Вы удивились бы, узнав, что можно сделать с его помощью.

Лэш представил себе объем выполняемых Лизой расчетов.

— Нет, не удивился бы.

Создатель «Эдема» помолчал.

— Кристофер, вы упоминали о другой возможности. О том, что убийцей может быть кто-то из наших сотрудников. Поэтому я дал Лизе задание найти все аномалии внутри фирмы. — Он поморщился, словно от зубной боли. — Она отметила одну фамилию.

Сильвер отвернулся от столика, взял два листа и сунул их в руку Лэшу.

— Желаю удачи, если в данном случае это подходящее слово.

Лэш кивнул и повернулся, собираясь уходить.

— Кристофер? Еще одно.

Лэш обернулся.

— Уверен, вы понимаете, почему я дал этой задаче наивысший приоритет.

— Понимаю. И спасибо вам.

Он прошел с Мочли до лифта, обдумывая последние слова Сильвера. Ему это тоже пришло в голову. Торпы умерли в пятницу, одиннадцать дней назад. Уилнеры — в пятницу неделю спустя. Серийные убийцы действуют последовательно и систематически.

До очередной пятницы осталось три дня.

— Четыре фамилии, — сказал Мочли, глядя на стол в кабинете Лэша, где лежали два полученных от Сильвера листа бумаги.

— Есть какие-нибудь мысли насчет того, почему Лиза отметила именно этих четверых? — спросила Тара, сидящая напротив.

Директор вспомогательной службы взял листок, на котором была только одна фамилия.

— Гэри Хандерлинг. Мне это ничего не говорит.

— Он из отдела упаковки.

— Какого отдела? — удивился Лэш.

— Упаковки. Они отвечают за архивацию данных.

Мочли посмотрел на нее.

— Ты уже занялась выяснением, кто он и чем занимался?

— Часов за двенадцать закончу.

— Высшая степень секретности?

— Естественно.

— Тогда я займусь остальными тремя. — Мочли взял второй листок. — Поручу Рамсону из отдела селективного сбора данных выяснить все необходимое.

— Что ты скажешь ему? — спросила Тара.

— Что мы проводим анализ ряда случайных отбросов. Очередная проверка системы.

«Отбросы, — подумал Лэш. — Так они на своем жаргоне называют отвергнутых кандидатов. Я, видимо, тоже принадлежу к ним».

— Доктор Лэш, результаты будут известны самое позднее завтра

в первой половине дня. Тогда мы встретимся и сравним их с разработанным вами психологическим портретом. — Директор вспомогательной службы посмотрел на часы. — Скоро пять. Может, отправитесь по домам? Завтра нас ждет долгий день. Тара, не будешь ли ты так любезна проводить доктора Лэша до контрольного пункта, чтобы он не заблудился?

Когда они вышли через вращающиеся двери на улицу, была четверть шестого. Лэш остановился у фонтана, чтобы застегнуть плащ. Словно в отместку за все, вернулся шум Манхэттена, почти забытый в тихих помещениях небоскреба «Эдема».

— Не знаю, как можно к этому привыкнуть, — сказал Лэш. — Я имею виду, к проходу через контрольные посты.

— Привыкнуть можно ко всему, — ответила Тара, вешая сумочку на плечо. — До завтра.

— Погодите! — догнал ее Лэш. — Вам куда?

— На Центральный вокзал. Я живу в Нью-Рошеле.

— Вот как? А я в Уэстпорте. Могу подвезти.

— Не нужно, спасибо.

— Ну тогда позвольте хотя бы угостить вас, прежде чем вы поедете домой.

Тара остановилась и посмотрела на него.

— Зачем?

— А почему бы и нет? Вполне обычное дело для коллег по работе. По крайней мере, в цивилизованных странах.

Тара колебалась.

— Ну, пожалуйста.

Она кивнула.

— Ладно. Но пошли в «Себастьян». Хочу успеть на поезд не позднее чем в шесть ноль две.

Заведение «У Себастьяна» находилось на втором этаже

Центрального вокзала, с видом на главный терминал. Просторное помещение, отреставрированное за последние годы, выглядело куда лучше, чем помнил его Лэш: кремовые стены, уходящие к арочному потолку, белые скатерти, зеленые ниши и вездесущая мозаика. Голоса бесчисленных пассажиров и объявления о прибытии и отправлении поездов сливались в странно приятный для уха фон.

Их посадили за столик у самой балюстрады. Вскоре подбежал официант.

— Что будем заказывать?

— Мне «Бомбей-мартини», сухой, с лаймом, — сказала Тара.

— А мне «Гибсон-водку», пожалуйста. — Лэш посмотрел вслед лавирующему между столиками официанту, а потом взглянул на Тару. — Спасибо.

— За что?

— За то, что вы не заказали одно из этих ужасных «мартини дня». На прошлой неделе я ужинал с одним коллегой, и он заказал яблочный мартини. Яблочный! Какая мерзость.

— Не знаю, — пожала плечами Тара.

Лэш посмотрел через балюстраду на поток пассажиров. Тара молчала, сворачивая салфетку пальцами одной руки. Он снова взглянул на нее. Косая полоса рассеянного света упала на ее каштановые волосы. Глаза над высокими скулами серьезно смотрели на него.

— Может, все-таки расскажете, что происходит?

— Что происходит? И с чем?

— С вами.

Она обмотала салфеткой палец и сильно затянула ее.

— Я согласилась на то, чтобы выпить с вами, а не на встречу с психиатром.

— Я не психиатр, а просто хочу с вашей помощью выполнить свою работу. Вот только вы не особо стремитесь помочь мне.

Несколько мгновений она смотрела на него, потом снова занялась салфеткой.

— Такое впечатление, что вы слишком поглощены собственными мыслями, ко всему безучастны. А это не на пользу нашему сотрудничеству.

— Нашему временному сотрудничеству.

— Именно. И чем лучше оно будет складываться, тем более временным станет.

Она бросила салфетку на стол.

— Вы ошибаетесь. Я вовсе не безучастна. Просто... последние дни были очень тяжелыми для меня.

— Почему бы вам не рассказать мне об этом?

Тара вздохнула, блуждая взглядом по высокому потолку.

— Я угощаю. Хоть это-то вы можете для меня сделать?

Официант принес им коктейли, и какое-то время они молча пили.

— Ладно, — сказала Тара. — Наверное, нет никаких причин скрывать это от вас. — Она сделала еще глоток. — Я узнала об этом только вчера, когда Мочли вызвал меня и сообщил, что я буду вашим сопровождающим на время вашего пребывания за Стеной. Именно тогда он рассказал, в чем дело.

Лэш молча слушал.

— В общем, все дело в том, что в эту субботу «Эдем» дал мне зеленый свет.

— Зеленый свет?

— Так мы называем извещение о том, что для кого-то найден идеальный партнер.

— Партнер? Хотите сказать, что вы... — Он не договорил.

— Да. Я была кандидатом.

Лэш удивленно посмотрел на нее.

— Я думал, что сотрудники «Эдема» не могут быть соискателями.

— Всегда так и было. Но несколько месяцев назад началась пилотная программа для кандидатов из числа персонала, основанная

на заслугах и стаже работы. Она охватывает только сотрудников фирмы, не клиентов.

Лэш отхлебнул коктейля.

— Не понимаю, зачем вообще вводились такие ограничения.

— Психологи фирмы порекомендовали их с самого начала. Это называлось «эффектом Оз».

— В смысле — не обращать внимания на человека за ширмой? [\[14\]](#)

— Именно. Они сочли, что сотрудники будут нежелательными кандидатами. Понимаете, мы слишком много знаем о том, что и как происходит за кулисами. Они считали, что мы будем слишком циничны. — Неожиданно она наклонилась к нему. Он никогда не видел на ее лице столь напряженного выражения. — Вы понятия не имеете, каково это. День за днем соединять людские судьбы. Сидеть в темноте за односторонним зеркалом и слушать рассказы пар во время встречи выпускников о том, как все стало чудесно. Как «Эдем» изменил их жизнь, сделал ее полной. Знаете, если у тебя кто-то уже есть и ты счастлив, возможно, ты в состоянии принять это. Но если нет...

Незаконченная фраза повисла в воздухе.

— Вы правы, — сказал Лэш. — Я понятия не имею, каково это.

— Я носила это извещение с собой все выходные, перечитала его, наверное, раз сто. Моим идеальным партнером стал Мэтт Болан из нашего отдела биохимии. Я никогда не встречалась с ним, но фамилию слышала. Для нас зарезервировали столик на ближайшую пятницу. В ресторане «Одна, если сушей, а морем две». [\[15\]](#)

— Это в Уэст-Виллидже, отличное место.

— Особенно в это время года. — Лицо Тары на мгновение прояснилось, но тут же снова помрачнело. — А потом вчера утром позвонил Мочли и рассказал о суперпарах, об этих двойных самоубийствах. И что я буду сопровождать вас.

— И что?

— Перед самой встречей с вами я отправила электронное письмо в комиссию по отбору с просьбой исключить меня из числа кандидатов.

— Что?

Глаза Тары гневно вспыхнули.

— Как я могла поступить иначе, учитывая то, что знаю теперь? И что еще хуже — о том, чего я не знаю?

— Что вы хотите этим сказать? Вы считаете, что в процессе рассмотрения кандидатур произошла ошибка?

— Сама не знаю, что об этом думать! — резко бросила она. — Не понимаете? Этот процесс безошибочен, я наблюдаю его каждый день, раз за разом видя, как он творит чудеса. Вот только что случилось с теми двумя парами?

Злость Тары прошла столь же быстро, как и появилась.

— В любом случае как могла бы я теперь так поступить? Если «Эдем» соединяет пары, то на всю жизнь. Как я могла бы создать союз, основанный на тайне, которую я никогда не сумела бы понять?

Вопрос повис в воздухе. Тара подняла бокал.

— Теперь вам известен, — сухо усмехнулась она, — ход моих мыслей. Довольны?

— Доволен? Вряд ли.

— Только, пожалуйста, не касайтесь больше этой темы. Ничего со мной не будет.

Снова появился официант.

— Еще по одному?

— Нет, спасибо, — ответил Лэш.

Похоже, он зря пил коктейль; он чувствовал себя настолько усталым, что боялся заснуть за рулем на полпути к дому.

— Я тоже нет, — сказала Тара. — Мне нужно успеть на поезд.

— Счет, пожалуйста, — попросил Лэш.

Тара посмотрела вслед официанту, скрывшемуся за стойкой, а потом снова повернулась к Лэшу.

— Ладно. Ваша очередь. Я слышала, как вы говорили доктору Сильверу, что ваша специальность — когнитивный бихевиоризм.

— Вы тоже были тогда у него в первый раз. И вы никогда не

говорили мне, как вам понравилось в его апартаментах.

— Сейчас мы говорим о вас, а не обо мне.

— Как хотите. — Вернулся официант со счетом. Лэш достал бумажник и вложил кредитную карточку в кожаную папку. — Когнитивный бихевиоризм, верно.

Тара подождала, пока официант отойдет.

— Похоже, я проспала лекции по психологии. Что означает этот термин?

— Он означает, что я не сосредотачиваюсь на подсознательных конфликтах, на том, насколько часто мать обнимала кого-то в двухлетнем возрасте. Меня интересует то, о чем данный человек думает, каков его набор правил.

— Набор правил?

— Каждый живет в соответствии с собственным комплексом принципов, даже если сам этого не подозревает. Если знать их, можно понять и предвидеть его поведение.

— Предвидеть. Наверняка именно этим вы и занимались в ФБР.

Лэш допил коктейль.

— Что-то в этом роде.

— А если... если окажется, что это дело рук убийцы, вы сможете предвидеть, как он станет действовать теперь?

— Будем надеяться. Вот только в том личностном профиле, что мы имеем на данный момент, масса противоречий. Что ж, может, он и не потребуется. Узнаем завтра утром.

Лэш вдруг заметил, что официант стоит рядом с ним.

— Да?

— Мне очень жаль, сэр, — сказал официант, — но эта карта заблокирована.

— Как? Проведите еще раз через считыватель.

— Я уже дважды пытался, сэр.

— Не может быть, ведь на прошлой неделе я послал чек...

Лэш открыл бумажник. Все было именно так, как он и опасался:

у него оказалась одна кредитная карточка. Пошарив в кармане, он нашел только два доллара. «Я настолько устал, что забыл сходить к проклятому банкомату», — подумал он.

Спрятав кошелек, он с глупым видом посмотрел на Тару.

— Сможете одолжить мне? — спросил он. Тара взглянула на него. — Завтра отдам.

Неожиданно на ее лице появилась широкая улыбка.

— Забудьте, — сказала она, бросая на стол двадцатку. — Стоит заплатить хотя бы за то, чтобы увидеть, как вы выходите из роли самодовольного психоаналитика.

Она рассмеялась — коротко, но достаточно громко, чтобы привлечь внимание половины посетителей заведения.

Когда Лэш в среду утром добрался до вестибюля «Эдема», прошел через несколько постов охраны и поднялся на шестнадцатый этаж, было около половины десятого. Он направился по бледно-фиолетовому коридору мимо своего кабинета прямо к кафетерии.

— Большой эспresso? — спросила бармен Маргарет, которая, похоже, заранее знала, кто что закажет.

— Маргарет, твой кофе самый лучший в трех ближайших штатах. Я мечтал о нем все время, пока ехал сюда.

— Золотце, при том количестве кофеина, что ты поглощаешь, можно приделать тебе колеса, и машина была бы тебе не нужна.

Он сделал глоток, потом еще один. Горячая жидкость разогрела уставшие руки и ноги, ускорила сердцебиение. Лэш улыбнулся Маргарет и пошел обратно по коридору.

Он с трудом приходил в себя, чувствуя апатию, имеющую мало общего с усталостью. Как ни странно, отчаянная спешка, которой сопровождалась поиски, действовала на него усыпляюще. А опыт, приобретенный в ФБР, подсказывал, что это неправильный подход к делу. Нет смысла сидеть в кабинете над распечатками. Понятно, что они могут помочь при классификации и составлении психологического портрета. Но при охоте на возможного преступника, который готов снова нанести удар, нужно кружить по городу, искать следы, беседовать с родственниками и свидетелями. Ожидание в этом небоскребе и собирание данных, вдали от трупов и мест совершенных убийств, казались ему идиотизмом.

Но несравненные возможности «Эдема» в области обработки информации были всем, чем они располагали.

Идя к своему кабинету, Лэш увидел через стеклянную дверь, что коробки с документами целиком закрывают одну стену. Едва он успел войти и поставить кружку на стол, как появился Мочли, а с ним

Тара.

— А, вы уже здесь, доктор Лэш, — сказал директор вспомогательной службы. — Как видите, процесс сбора данных завершился раньше, чем мы предполагали.

Улыбнувшись Лэшу, Тара подошла к компьютеру и просканировала свой браслет. Мочли закрыл дверь и опустил жалюзи.

— Начнем с тех трех отбросов.

— А если мы не найдем нашего убийцу?

— Тогда займемся сотрудником «Эдема», Хандерлингом. Хотя это маловероятно.

— Как скажете.

Лэш прекрасно разбирался в людях, но Мочли оставался для него загадкой. Он казался тусклой личностью, неспособной к быстрым сменам настроения и даже к проявлению чувств.

— Начнем, — сказала Тара.

Лэш впервые увидел ее деловой и энергичной. Если при одной лишь мысли об ожидающей их работе Лэш ощущал тоску, Таре подобная перспектива, похоже, придавала сил.

Они заняли места за столом. Лэш отхлебнул кофе. Директор открыл первую папку и извлек ее содержимое.

— Грант Атчисон, — прочитал Мочли с первой страницы. — Прошел вступительное собеседование двадцать первого июля две тысячи третьего года. Двадцать три года, белый, окончил Университет Рутгерса со степенью бакалавра по экономике, проживает на Оберн-стрит, 3143, Перт-Эмбой, Нью-Джерси.

— Это его собственный дом или родителей? — спросил Лэш.

Тара взяла несколько листков и просмотрела их.

— Родителей.

— Хорошо.

— Работает на фабрике химических красителей в Линдене. — Мочли перевернул страницу. — Прошел наше вступительное собеседование, обследован в июле. Кандидатура отклонена старшим

психологом доктором Аликто.

Лэш ожидал, что Мочли посмотрит на него, но тот не отводил взгляда от документов.

— Причина? — спросила Тара.

— Прежде всего — масса неверных ответов во время тестов. Показатель валидности намного ниже нормы, — читал Мочли. — Трудности с самоконтролем, эмоциональная неустойчивость, отсутствие чувства удовольствия и так далее.

— Он был в Аризоне в то же время, когда умерли Торпы, — сказала Тара.

— Откуда вы знаете? — спросил Лэш.

— Из нескольких источников. Человек покупает билет через Интернет, и с этого момента он в реестре авиакомпании. Он платит кредитной картой и фигурирует в базе данных банка. Берет напрокат автомобиль в Фениксе и попадает в списки прокатной конторы.

Она пожала плечами, словно подобное должно было быть известно каждому.

— Да, но тут у нас проблема. — Мочли посмотрел на последнюю страницу. — Здесь результаты его последнего медицинского осмотра, образцы крови, отправленные на анализ, сведения из страховой компании. — Он посмотрел на Тару. — Можешь копнуть чуть глубже?

— Само собой. — Тара подошла к компьютеру на столе Лэша и начала стучать по клавишам. — Две с половиной недели назад он попал в окружную больницу Мидлсекса. Проблемы с почками. Одну пришлось удалить.

— Как долго он там лежал?

Стук клавиш.

— Он еще там. Послеоперационные осложнения.

— Ну вот и все с мистером Атчисоном. — Мочли собрал бумаги, сложил их в папку, а потом открыл следующую. — Второй отброс — Кэтрин Барроу. Подала заявление двадцатого декабря две тысячи третьего года. Сорок шесть лет, белая, заочный диплом о высшем образовании, проживает в Йорке, Пенсильвания. В графе «религия»

написала «друид». Владелица магазина под названием «Женская магия» в округе Ланкастер. Продает свечи, благовония, травы.

— Что написано в результатах обследования? — спросила Тара, снова подходя к столу.

— Она не дошла до него. Сразу же после того, как она заполнила бланк заявления, случился неприятный инцидент. Она бродила по вестибюлю, пыталась заигрывать с некоторыми кандидатами. Вмешалась охрана, и ее выдворили из здания.

— Ну-ну, — сказала Тара.

Директор вспомогательной службы перелистал документы.

— Судя по банковским выпискам и данным из гостиницы, в день смерти Торпов она была в Седоне, штат Аризона. Там проходил семинар по магическим кристаллам. — Он отложил бумаги и посмотрел на Лэша. — Как часто женщины совершают серийные убийства?

— Чаше, чем думают многие. В конце восьмидесятых Доротея Пуэнте расправилась с двадцатью жильцами своего пансионата. Мэри Энн Коттон оставила за собой кровавый след в виде нескольких убитых детей и мужей. Свыше девяноста процентов женщин-убийц — белые. Часто это сиделки по уходу за больными или иного рода «черные вдовы», тайно убивающие в течение многих лет. Сорок шесть лет — вполне подходящий возраст. У нее есть семья?

Мочли заглянул в бумаги.

— Нет.

— Поищите признаки уединенного существования, наличия судимости, возможно, жестокого обращения со стороны мужа или строгого воспитания в детстве.

— Она никогда не была замужем, — сказал Мочли. — В магазине работает одна — не вижу никаких упоминаний о наемных работниках в базе Министерства труда. Не судима.

Лэш лишь покачал головой. Он уже видел собственными глазами невероятное количество собранных «Эдемом» сведений о клиентах. Но тот факт, что корпорация способна столь глубоко проникать в жизнь человека, отвергнутого несколько лет назад, внушал ему беспокойство.

— Похоже на совпадение номер два, — сообщила Тара. — Возможно, она и не судима, но есть сведения из медицинской карты об употреблении наркотиков. За последние полгода несколько раз проходила курс лечения. — Взяв несколько страниц, она вернулась к компьютеру. — Утром в субботу Барроу пришла в реабилитационную клинику в Нью-Хоупе.

— Уилнеры умерли ночью в пятницу, — напомнил Мочли. — От Йорка до Ларчмонта всего два часа езды.

Тара снова застучала по клавишам.

— Во время приема у нее обнаружили критический уровень фентанила в крови. Дежурный врач записал, что она потеряла сознание в приемной и проспала много часов.

— Человек, накачавшийся фентанилом, не сможет совершить два убийства, — сказал Лэш.

Тара вздохнула.

Какое-то время все молчали. Затем директор сложил бумаги и открыл третью, последнюю папку.

— Джеймс Альберт Гройш, — начал он. — Тридцать один год, белый, не принадлежит к какой-либо религии, два курса колледжа. Проживает в Масспекве, штат Нью-Йорк. Работник почты. Прошел вступительное собеседование. Вернулся на обследование, кандидатура отклонена старшим психологом.

— По причине? — спросил Лэш.

— Из-за тревожных результатов тестов. Личностный анализ демонстрирует отсутствие социальной адаптации, неспособность вступать в близкие отношения, потенциальные проблемы сексуального характера, склонность к женоненавистничеству.

— Женоненавистничеству? Зачем такому услуги «Эдема»?

— Всякое бывает, доктор Лэш. Не все приходят к нам по разумным причинам, и именно это в числе прочего должно установить наше обследование. — Мочли заглянул в отчет. — Психолог пишет, что после того, как Гройшу сообщили, что его кандидатура отклонена, он начал угрожать, выкрикивал оскорбления в адрес «Эдема», заявляя... посмотрим... о «мнимом совершенстве» и «искусственном счастье». Он утверждал, что это заговор

правительства, которое хочет проникнуть в личную жизнь граждан и вербует женщин, чтобы они шпионили за мужчинами. Пришлось вызвать охрану, а сотрудник, который проводил вступительное собеседование с Гройшем, получил взыскание.

— Перед смертью Торпов Гройш путешествовал по Большому каньону, — сказала Тара, заглянув в бумаги. — Он провел две ночи на Фантом-ранчо, полетел из Флагстаффа в Феникс, а потом обратно в Ла Гуардиа, на следующий день после того, как были найдены их тела.

«Значит, все трое были во Флагстаффе или неподалеку», — подумал Лэш. Несомненно, это был один из фильтров, который использовала Лиза, составляя список.

— Есть еще кое-что, — сказала Тара. — Гройш проходил обследование второго августа две тысячи второго года.

— И что? — спросил Лэш.

— В тот же день проходила обследование Карен Уилнер.

В кабинете повеяло холодом.

— Отсутствие социальной адаптации, — пробормотал Лэш. — Проблемы сексуального характера.

Он повернулся к Мочли.

— Есть еще что-нибудь? Нечто такое, что помогло бы исключить его?

Мочли снова посмотрел в документы, а потом отдал их Таре. Она тоже перелистала отчет и отрицательно покачала головой.

Лэш почувствовал, как по спине его пробежала легкая дрожь. Усталость словно рукой сняло. Он взял цветную фотографию Гройша, лежащую среди бумаг. Дородный мужчина с коротко подстриженными светлыми волосами и обвислыми усами смерил его гневным взглядом.

— Берем лопаты и кирки, — сказала Тара. — Пора покопаться в данных.

Директор вспомогательной службы молча встал и подошел к противоположной стене, где стояли коробки с документами. Он принес три, поставил на стол и сломал печати. Внутри находились

банковские справки, расшифровки телефонных переговоров и какие-то списки, похоже адреса чаще всего посещаемых интернет-сайтов.

— Тара, можешь связаться с группой видеонаблюдения? — попросил Мочли. — Пусть запустят идентификационные алгоритмы в Массапекве, Ларчмонте, Флагстаффе. И посмотри, кто сегодня следит за спутниковой связью. Пусть и они проверят свои архивы, так, на всякий случай.

— Конечно.

Тара встала и сняла трубку телефона. Мочли достал из открытой коробки две толстые пачки бумаг и начал просматривать их.

— Как видно, за предшествующие смерти этих четырех человек недели мистер Гройш множество раз звонил матери. Нужно будет внимательнее приглядеться ко всем разговорам, которые он вел в течение двух дней до событий, — может, удастся хоть как-то продвинуться вперед. Гм... кроме того, за последние несколько месяцев он пользовался услугами примитивных интернет-бюро знакомств. В каждом из них он по-разному заполнял анкету, давая ложные данные о возрасте, местожительстве и интересах. И еще, в последнее время он явно посетил несколько не слишком обычных сайтов: сайт с описанием приготовления ядов и еще один, специализирующийся на шокирующих фотографиях убийств и самоубийств. — Он поднял взгляд. — Это вписывается в разработанный вами портрет, доктор Лэш?

Количество подробностей, которое без всякого труда мог собрать «Эдем», просто ошеломяло.

— Как вы это делаете? — спросил Лэш.

Мочли снова посмотрел на него.

— Что — это?

— Как вы собираете все эти данные? Я имею в виду, что эти люди даже не были вашими клиентами.

Мочли изобразил на лице подобие улыбки.

— Доктор Лэш, соединение двух людей в идеальную пару — лишь половина нашей задачи. Другая половина заключается... скажем так, в информационной готовности. Без этой второй части первая была бы невозможна.

— Знаю. Но я никогда не видел ничего подобного, даже в ФБР. Такое впечатление, словно вы способны реконструировать всю жизнь данного человека.

— Люди считают, что их повседневные действия остаются незамеченными, — сказала Тара. — Ничего подобного. Всякий раз, когда ты бродишь по Сети, программные куки [\[16\]](#)отслеживают, где ты был, и регистрируют каждый щелчок мышью во время твоего пребывания на сайте. Любое электронное письмо проходит через несколько серверов, прежде чем дойдет до адресата. Ты проводишь день в большом городе, и твой образ регистрируют сотни камер видеонаблюдения. Не хватает лишь достаточно развитой инфраструктуры, которая охватывала бы все это. Мы берем ее роль на себя, делись информацией с коммерческими базами данных, избранными правительственными агентствами, интернет-провайдерами, спамерами...

— Спамерами? — удивленно переспросил Лэш.

— Программы рассылки спама основаны на весьма замысловатых алгоритмах. Они работают вовсе не наугад, как думает большинство. То же самое касается телемаркетинговых фирм. Так или иначе, сведения о конкретном человеке суммируются, накапливаются и сохраняются навсегда. Наша проблема вовсе не в том, чтобы собрать достаточное количество данных. Обычно у нас их даже чересчур много.

— Вы прямо как Старший Брат.

— Может, так и кажется, — ответил Мочли. — Впрочем, благодаря нашей помощи сотни тысяч клиентов обрели свое счастье. А теперь, надеюсь, нам удастся предотвратить убийство.

Кто-то постучал в дверь, и Тара встала, чтобы открыть. Человек в белом халате вручил ей конверт цвета слоновой кости. Тара поблагодарила, закрыла дверь и вскрыла конверт. Несколько мгновений она изучала его содержимое.

— Черт, — пробормотала она.

— Что такое? — спросил директор вспомогательной службы.

Она молча протянула ему конверт. Мочли тоже какое-то время рассматривал бумаги, затем повернулся к Лэшу.

— Наша группа провела поиск в архиве изображений с камер

видеонаблюдения, — сказал он. — Мы уже знали, что Гройш был в окрестностях Флагстаффа, когда умерли Торпы, так что Тара сузила поиски до его действий в ту ночь, когда умерли Уилнеры. Программа распознавания лиц нашла эти изображения.

Он протянул Лэшу несколько фотографий.

— Вот он возле банкомата в 15.12. А здесь проезжает через перекресток в 16.05. Тут покупает сигареты в 16.49. А в 17.45 выбирает джинсы.

Лэш посмотрел на снимки. Они были размером с открытку, на глянцевой бумаге, как и те фото из дома Торпов, которые он получил из ФБР. Резкость их была вполне достаточной, и не оставалось никаких сомнений, что светловолосый мужчина с густыми усами не кто иной, как Джеймс Гройш.

Чувствуя нарастающее волнение, он вернул фотографии Мочли.

— Ну и?

Мочли показал на штамп на конверте: «Массапеква, Внутреннее кольцо, 24.09.04».

Возбуждение прошло столь же быстро, как и появилось.

— Значит, он был в Массапекве, когда Уилнеры истекали кровью в Ларчмонте, — сказал Лэш.

Мочли кивнул.

Лэш тяжело вздохнул. Он посмотрел на часы: ровно половина одиннадцатого.

— И что теперь? — спросил он.

Впрочем, он уже знал ответ. Пришла пора для их последнего подозреваемого, Гэри Хандерлинга. Сотрудника «Эдема».

— Вряд ли нам потребуется много времени на Хандерлинга, — сказал Мочли. — наших потенциальных служащих мы проверяем еще тщательнее, чем клиентов. Я даже слегка удивлен, что Лиза отметила его.

В кабинете царило почти осязаемое чувство разочарования.

— В чем состоит процедура? — спросил Лэш.

Он отхлебнул кофе, обнаружив, что тот успел остыть.

— На каждой рабочей станции и у каждого компьютера стоят пассивные устройства слежения, которые регистрируют нажатия на клавиши и тому подобное. Это не тайна, скорее превентивная мера. — Мочли открыл тонкую папку из плотной бумаги, содержащую лишь несколько листов. — Гэри Джозеф Хандерлинг. Тридцать три года, ранее работал в банке в Покипси. В настоящее время живет в Йонкерсе. Разведен, детей нет. Проверка ничего не показала, кроме нескольких визитов к школьному психологу после разрыва с первой девушкой.

Тара хихикнула.

— Никаких отклонений от нормы в психологическом плане. Склонность к лидерству, повышенное корыстолюбие. Поступил на работу в «Эдем» в июне две тысячи первого, проходил стажировку в нескольких подразделениях: начал в системном, где проработал полгода, в январе две тысячи второго переведен в отдел сбора данных. После завершения стажировки в августе работает в отделе упаковки. Везде характеризовался положительно. Отмечается высокий уровень мотивации и желание больше узнать о фирме.

«Чертов орел-бойскаут», — подумал Лэш.

— В феврале этого года стал руководителем отдела. Имеет право на дальнейшее повышение, но, похоже, нынешняя должность вполне устраивает его. — Мочли посмотрел на Лэша. — Соответствует

вашим предположениям?

В голосе его прозвучала едва заметная ирония. Лэш почувствовал себя побежденным.

— Пожалуй, нет. Некоторые психопаты умеют очень хорошо маскироваться. Например, Тед Банди. Его возраст, раса и семейное положение соответствовали портрету серийного убийцы, но наличие постоянного места работы в этот профиль не вписывалось. Впрочем, в нашем случае ничто нельзя назвать типичным. — Он немного подумал. — Платит ли он вовремя по кредитам? Организованные серийные убийцы порой стремятся строго соблюдать сроки выплаты, не желая бросаться в глаза.

Мочли снова заглянул в папку.

— Тара, можешь посмотреть его банковские выписки?

— Конечно. Какой его номер соцстрахования?

— Двести шестьдесят шесть двадцать девять восемьдесят четыре.

— Минуту. — Тара постучала по клавишам. — Все тип-топ. Никаких долгов за последние полтора года, кредит за автомобиль выплачивается регулярно.

Директор кивнул.

— К тому же он хороший водитель. Всего два штрафных пункта.

— За что он получил их? — спросил Лэш, скорее по привычке, чем из любопытства.

— Наверняка за превышение скорости. Сейчас проверю.

В кабинете наступила тишина, прерываемая лишь стуком клавиш.

— Есть, — наконец сказала Тара. — Езда с превышенной скоростью в черте города. Недавно — двадцать четвертого сентября.

— Двадцать четвертого сентября, — повторил Лэш. — В тот день, когда...

— В Ларчмонте, — прервала его Тара.

«Ларчмонт?»

— В тот день, когда умерли Уилнеры, — закончил Лэш.

Несколько мгновений все трое смотрели друг на друга, затем заговорил директор.

— Тара, — очень тихо сказал он. — Можешь включить защиту на этом терминале? Не хочу, чтобы кто-то заглядывал нам через плечо.

Тара снова повернулась к компьютеру и ввела несколько команд.

— Готово.

— Начнем с данных по расчетам кредитной картой, — сказал Мочли. — Посмотрим, не посещал ли он в прошлом месяце какие-нибудь интересные места.

Голос его звучал неторопливо, почти сонно.

— Сейчас. — Стук клавиш. — Весьма занятой парень, надо сказать. Множество счетов из ресторанов, в основном в центре и Уэстчестере. Странно — есть счета из мотелей. Один в Пелеме, другой в Нью-Рошеле. — Она подняла голову. — Зачем платить за номер в мотеле, находящемся всего в пятнадцати минутах езды от дома?

— Ищи дальше, — сказал Мочли.

— Недавно куплен билет на самолет авиакомпании «Эйр нортерн». Счет за прокат автомобиля на сто с лишним баксов. Оплачен номер в гостинице «Дью дроп-инн». Билет на поезд. И еще что-то, похожее на аванс за бронирование номера в мотеле на ближайшие выходные.

— Где?

— Минуту. Берлингейм, Массачусетс.

— Зайди в транспортную базу данных. Проверим, куда он брал билеты.

— Сейчас. — Тара подождала, пока обновится экран. — Билет на самолет до Феникса и обратно. Вылетел из аэропорта Ла Гуардиа пятнадцатого сентября, вернулся семнадцатого.

— Торпы умерли семнадцатого сентября, — напомнил Мочли. — Ты упоминала гостиницу «Дью дроп-инн». Где она находится?

Громкий стук клавиш.

— Флагстафф, Аризона.

Лэш почувствовал, как его охватывает дрожь.

Мочли медленно поднялся и вышел из-за стола.

— Можешь собрать данные с клавиатуры терминала Хандерлинга за... скажем, последние три недели?

Лэш встал и следом за Мочли подошел к монитору.

— Есть, — сказала Тара.

Лэш увидел бесконечные строчки бегущих по экрану знаков — все клавиши, нажатые Хандерлингом в течение последних пятнадцати рабочих дней.

— Пропусти через сниффер. — Мочли бросил взгляд на Лэша. — Прогоним данные через интеллектуальный фильтр и посмотрим, нет ли чего подозрительного.

— Примерно так же, как правительство проверяет электронную почту и телефонные разговоры для поиска террористов?

— Оно купило лицензию у нас.

— Ничего особенного, — сказала несколько секунд спустя Тара. — Сниффер ничего не показывает.

— Чем занимается этот человек? — спросил Лэш.

— Отдел упаковки отвечает за безопасное архивирование данных о клиентах по завершении процесса.

— То есть после подбора партнера.

— Верно.

— И вы говорили, что он руководит этой службой. У него есть доступ к личным данным соискателей?

— Мы распределяем сведения о клиентах по нескольким отделам упаковки, чтобы минимизировать риск. Теоретически это возможно. Впрочем, если бы он попробовал сунуть нос туда, куда не положено, данные с клавиатуры показали бы это.

— Он мог получить доступ к информации с другого терминала?

— Они требуют ввода идентификационного кода с браслета. Если бы он воспользовался другим терминалом, мы бы знали об этом.

Наступила тишина. Мочли смотрел на экран, скрестив руки на груди.

— Тара, — сказал он, — проведи частотный анализ нажатий на клавиши. Посмотрим, нет ли каких-либо отклонений.

— Минуту.

Экран обновился, и на нем появился ряд параллельных колонок: дата, время и какие-то таинственные сокращения, которые ничего не говорили Лэшу.

— Никаких отклонений от нормы, — сказала Тара. — Все вполне типично.

Лэш вдруг понял, что не дышит. Неужели опять все повторится и то, что казалось удачей, вновь окажется очередным тупиком?

— Даже чересчур типично, — добавила Тара.

— То есть? — удивился Мочли.

— Вот, посмотрите. Ежедневно, ровно с 14.30 до 14.45, повторяются в точности одни и те же команды.

— И что в том необычного? Это может быть какое-то рутинное действие, например обновление архива.

— Даже в таких случаях есть небольшие отличия — новые файлы или другое место размещения резервной копии. А здесь все одинаково, вплоть до названий.

Мочли несколько секунд смотрел на экран.

— Ты права. Ежедневно в течение пятнадцати минут нажимались одни и те же клавиши.

— К тому же ровно в одно и то же время. — Тара показала на экран. — С точностью до секунды. Какова вероятность подобного события?

— Так что же это означает? — спросил Лэш.

Мочли взглянул на него.

— Наши сотрудники знают, что их работа контролируется. Хандерлингу известно, что если он попытается сделать нечто очевидное — например, отключить регистрацию ввода с клавиатуры, — то тут же привлечет к себе внимание. Похоже, он

нашел некий способ обмануть следящую программу. Наверняка он вводит макрокоманду, состоящую из невинных инструкций, а в это время занимается чем-то другим.

— Возможно, он обнаружил слабое место системы, — сказала Тара. — Какую-то недоработку программы, которую он использует.

— А есть способ посмотреть, что он на самом деле делает эти пятнадцать минут? — спросил Лэш.

— Нет, — ответил Мочли.

— Да, — сказала Тара.

Оба посмотрели на нее.

— Возможно. У нас ведь используются камеры, которые делают снимки экранов всех компьютеров руководства. Это происходит в определенные моменты времени, случайным образом. Но может быть, нам повезет.

Она быстро ввела новый набор команд и замерла.

— Похоже, что в этот пятнадцатиминутный отрезок был сделан только один снимок с экрана терминала Хандерлинга. Тринадцатого сентября.

— Можно распечатать? — попросил Мочли.

Тара ввела несколько команд, и принтер на столе тихо загудел. Мочли схватил страницу, едва она упала в податчик, и все трое посмотрели на нерезкую картинку.

КОРПОРАЦИЯ «ЭДЕМ»

Конфиденциальная информация

Результаты запроса SQL-запроса к набору данных А
\$4719

Оператор: неизвестен Время: 14:38:02.98 13.09.04

Процессорных циклов: 23054

Торп, Л. — Флагстафф, Аризона
Уилнер, Дж. — Ларчмонт, Нью-Йорк
Коннелли, К. — Берлингем, Массачусетс
Гупта, П. — Мэдисон, Вайоминг
Ревир, М. — Джупитер, Флорида
Имперіоле, М. — Александрия, Виргиния

КОНЕЦ ПОИСКА

— О господи, — выдохнула Тара.

— Остальные фамилии — это суперпары? — спросил Лэш.

Мочли кивнул.

— Все шесть.

Но Лэш почти не слышал его, лихорадочно сопоставляя факты.
«У серийных убийц есть свои привычки...»

Глядя на список, он вдруг кое-что вспомнил, и его бросило в дрожь.

— Вы упоминали про железнодорожный билет, — сказал он Таре. — И аванс за бронирование номера в мотеле.

Тара внезапно широко раскрыла глаза.

— Билет на «Асела-экспресс» до Бостона. На утро пятницы.

— А где находится гостиница?

— В Берлингейме, штат Массачусетс.

Директор отошел от терминала. Все его безразличие куда-то пропало.

— Тара, мне нужны записи телефонных переговоров Хандерлинга. Как с работы, так и из дома. Сделаешь?

Тара кивнула и подняла трубку.

— Спасибо. — Мочли направился к двери, но на полпути остановился и обернулся. — А теперь, доктор Лэш, прошу меня извинить. У меня есть кое-какие дела.

Картина убийства во многом напоминала остальные: беспорядок в комнате, разбитые зеркала, широко раздвинутые занавеси в спальне, словно приглашающие ночь в свидетели преступления. Но кое в чем она выглядела полностью иначе. Женщина лежала в луже крови, жуткой короной окружающей ее изуродованное тело. Стены в безжалостном свете прожекторов сияли пустотой — на них не было никаких надписей.

Капитан Мастертон отвел взгляд от жертвы. У него было измученное лицо полицейского, на которого давят со всех сторон.

— Я все думал, когда ты сюда доберешься, Лэш. Познакомься с жертвой номер три. Хелен Мартин, тридцать два года.

Мастертон смотрел на Лэша, и казалось, что сейчас он выдаст очередное едкое замечание насчет пригодности составленного Лэшем психологического портрета. Но он лишь с отвращением покачал головой.

— Господи, Лэш, ты словно зомби. Каждый раз, когда я тебя вижу, ты выглядишь все хуже.

— Поговорим об этом в другой раз. Как давно наступила смерть?

— Меньше часа назад.

— Следы насилия?

— Судмедэксперт уже едет сюда, но похоже, что ее не насиловали. Нет также признаков того, что она стала жертвой взломщика, застигнутого врасплох. Все как и в прошлый раз. Но теперь у нас кое-что есть. Соседка сообщила, что слышала шум мотора. Марка машины неизвестна, но мы поставили контрольные посты на главных перекрестках и выездах на автостраду. Может, нам повезет.

Преступление случилось столь недавно, что местные полицейские лишь приступали к работе: делали снимки, распыляли дактилоскопический порошок, обрисовывали мелом контуры тела. Лэш стоял, глядя на труп. У него снова возникло раздражающее ощущение неправильности, словно он видел головоломку с неподходящими элементами. Ничто не состыковывалось, а если даже и так, то картина выглядела не лучшим образом. Лэш знал об этом, поскольку уже много дней мысленно менял местами кусочки этой головоломки. Она была подобна огню, который пожирал все другие мысли, не давая заснуть.

Тело было изуродовано, явно в припадке безумия, что указывало на отсутствие у убийцы социальной адаптации. Дом стоял уединенно, на краю леса, так что преступление было не случайным. Кроме того, разбитые зеркала обычно указывали на психологический дискомфорт, испытываемый убийцей после совершения подобного преступления. Вот только такие преступники закрывали тела своих жертв, по крайней мере их лица. А эта женщина была обнажена, причем поза ее выглядела вызывающей. Но ведь это не было убийством на сексуальной почве, как и убийством с целью ограбления. И на этот раз нет даже ритуального нимба из отрезанных пальцев рук и ног, придающего убийству маниакальный оттенок.

Чтобы, составить портрет преступника, нужно войти в его мысли, задать себе ряд вопросов. Что произошло в этой комнате? Почему это случилось именно таким образом? Даже у серийных убийц есть своя извращенная логика. Впрочем, здесь отсутствовало какое-либо логическое объяснение.

Он огляделся. В местах двух предыдущих убийств стены спальни покрывали неразборчивые каракули, написанные кровью, сплошная мешанина противоречий.

На этот раз стены были пусты.

Почему?

Он задержал взгляд на большом окне, выходящем на лес за домом. Как и в прошлый раз, занавеси были раздвинуты, и в черном прямоугольнике отражался свет натриевых ламп. В их ослепительном блеске трудно было разглядеть что-либо, но Лэшу казалось, будто он замечает какие-то неясные пятна на стекле,

черные на фоне черной ночи.

— Мастертон, можешь сказать им, чтобы не светили прожекторами в окна?

Только что приехал судмедэксперт, и капитан пошел ему навстречу. Он обернулся через плечо.

— Что ты сказал, Лэш?

— Те лампы, у окна. Поверните их.

Мастертон пожал плечами и что-то сказал Эйхерну, своему заместителю.

Когда свет ламп упал на него, окно погрузилось в тень. Лэш направился к окну, Мастертон за ним. Высоко на стекле кто-то окровавленным пальцем вывел крупные буквы:

«Я получил то, что хотел. Спасибо».

— Черт побери, — пробормотал Лэш.

— Все, — сказал Мастертон, подходя к нему вместе с детективом Эйхерном. — Слава богу, Лэш. Все закончилось.

— Нет, — возразил Лэш. — Вовсе нет. Все только начинается...

Лэш сел на постели, полностью проснувшись, подождал, когда уйдут воспоминания. Он посмотрел на часы: половина второго. Потом встал, но тут же передумал и присел на край кровати.

За четыре ночи подряд он спал самое большее несколько часов. Но он не мог позволить себе появиться в «Эдеме» полусонным, тем более завтра.

Он снова поднялся, быстро прошел в ванную, достал коробочку с секоналом, проглотил несколько таблеток и запил их водой из-под крана. Вернувшись в кровать, он аккуратно расправил простыни и медленно провалился в сон.

Его разбудил звон церковных колоколов — его свадебных колоколов, доносящийся из-за побелевших от времени стен кармелитской миссии. Вот только колокола эти били слишком громко и никак не хотели смолкать.

С трудом подняв веки, Лэш понял, что звонит телефон. Он сел, и

комната закружилась вокруг него. Закрыв глаза, он снова лег и на ощупь потянулся к трубке.

— Да? — хрипло сказал он.

— Доктор Кристофер Лэш?

— Да.

— Это Кен Тротвуд из кредитного бюро «Нью-Олимпия».

Лэш снова сумел открыть глаза и посмотрел на часы.

— Вы знаете, который...

— Да, я знаю, что время раннее, доктор Лэш. Мне очень жаль, но мы никак иначе не могли связаться с вами. Вы не отвечали на наши письма и сообщения.

— О чем вы?

— О вашей ипотеке на дом. Вы не платите по кредиту, доктор Лэш, и мы вынуждены потребовать немедленного погашения задолженности со штрафными процентами.

Лэш пытался собраться с мыслями.

— Это, видимо, какая-то ошибка.

— Вряд ли. Речь идет о доме по адресу: Шип-Боттом-роуд, семнадцать, Уэстпорт, Коннектикут.

— Это мой адрес, но...

— Судя по тому, что я вижу на экране, сэр, мы отправили вам три письма и несколько раз звонили, но безуспешно.

— Этого не может быть. Я не получал никаких извещений. Кроме того, мои взносы по ипотеке оплачиваются автоматически с моего банковского счета.

— Значит, возможно, какие-то проблемы с банком, поскольку, по нашим данным, вы не платите уже больше пяти месяцев. Вынужден сообщить, что, если вы немедленно не погасите задолженность, нам придется...

— Вовсе незачем угрожать мне. Сегодня же все проверю.

— Спасибо. Всего доброго.

В трубке наступила тишина.

«Всего доброго». Лэш устало сел и посмотрел в окно, где первые проблески зари начинали рассеивать безжалостную ночную тьму.

— Что сделал этот человек? — спросил сидящий за рулем агент ФБР.

— Он подозревается в четырех убийствах, — ответил Лэш.

Дождь стучал по крыше, широкими струями стекая по стеклам. Лэш допил кофе, подумал, не заскочить ли в ближайшую закусочную еще за одним, посмотрел на часы и отказался от этой мысли. Уже десять минут шестого, а из данных отдела кадров следовало, что Гэри Хандерлинг почти всегда пунктуально уходит с работы.

Он посмотрел на лежащую рядом на сиденье глянцевую фотографию Хандерлинга, сделанную сегодня утром камерой на пропускном пункте номер один, затем взглянул через Мэдисон-авеню на небоскреб «Эдема». Хандерлинга несложно будет заметить — высокий и худощавый, не считая небольшого животика, с редкими светлыми волосами и в желтой безрукавке, он выделялся в толпе. Даже если бы Лэш проглядел его, наверняка его заметит кто-то другой.

Лэш снова посмотрел на фотографию. Хандерлинг не был похож на серийного убийцу. Впрочем, мало кто из них выглядит подозрительно.

Открылась правая передняя дверца, и внутрь протиснулся крепкий мужчина в мокром синем костюме. Когда тот обернулся, Лэш почувствовал сильный запах одеколона «Олд спайс». Он знал, что с ними поедет еще один агент ФБР, но удивился, увидев Джона Ковена, своего коллегу, с которым работал по нескольким делам в начале своей карьеры.

— Лэш? — сказал Ковен, вид которого был не менее удивленный. — Ты?

Лэш кивнул.

— Как дела, Джон?

— Особо не жалуюсь. До сих пор держусь на плаву. Еще пять лет, и осяду в Маратоне. Буду ловить рыбу, а не преступников.

— Неплохо.

Как и многие агенты, Ковен постоянно считал годы до отставки. Он с любопытством посмотрел на Лэша.

— Я слышал, ты отошел от дел. Вроде как занялся частной практикой и сам себе хозяин.

Ковен, естественно, прекрасно знал об уходе Лэша из ФБР и его причинах. Он просто был тактичным человеком.

— Верно, — ответил Лэш. — Здесь я так, подрабатываю. Хочется каких-то перемен.

Ковен кивнул.

— А тебе подобная работа не кажется несколько странной? — спросил Лэш, вежливо уводя разговор в сторону.

Ковен пожал плечами.

— Теперь уже нет. Сейчас все перемешалось. После этих перетрясок и реорганизаций все, так сказать, спят со всеми. Никогда не знаешь, с кем придется работать — с Наркоконтролем, ЦРУ, АНБ, местной полицией или скаутами.

«Но только не с частной корпорацией», — подумал Лэш.

Использование ФБР в качестве наемной рабочей силы было для него в новинку.

— Странно лишь то, что приказ я получил непосредственно от шефа, — сказал Ковен. — Минуя обычные каналы.

Лэш кивнул, вспомнив слова директора вспомогательной службы: «Мы делимся информацией с избранными правительственными агентствами». Сотрудничество явно было двусторонним.

В течение всего дня он почти не виделся с Мочли и Тарой Стэплтон. Он приехал поздно, потратив большую часть утра на разгадку замысловатой головоломки из бюрократических препон, банковских выписок, отчетов кредитного агентства и прочих бумаг, чтобы выяснить проблему с ипотекой и активировать заблокированные кредитные карты. Мочли заглянул к нему в кабинет

перед самым обедом, с большой папкой под мышкой. По его словам, Хандерлинг забрал в кассе свой билет на поезд на завтрашний вечер. Судя по телефонному разговору, который тот вел сегодня утром из своего кабинета, после работы он собирался встретиться с какой-то женщиной. Было решено установить за ним слежку, и Лэш должен был принять участие в ней. Накануне вечером Мочли мягко, но решительно отверг предложение Лэша немедленно сообщить в полицию. «Он не представляет непосредственной опасности, — сказал директор вспомогательной службы. — Нужно собрать больше доказательств. Не беспокойтесь, он под надежным контролем. — Мочли положил на стол Лэша папку с документами Хандерлинга — заявлением о приеме в „Эдем“, характеристиками, выданными руководителями фирмы и рекомендациями с предыдущих мест работы. — Нужно проверить, вписывается ли он в ваш психологический портрет. Если да, то составьте для нас краткий анализ его личности. Это может очень пригодиться».

Весь день Лэш изучал досье Хандерлинга. Человек этот был весьма хитер: Лэш заметил следы того, что тот умело лгал во время психологического обследования. На все потенциально опасные вопросы он отвечал нейтрально. Показатель достоверности всех тестов был в необходимой степени высоким — причем одинаково высоким, из чего можно было предположить, что Хандерлинг опознал вопросы с целью обнаружения лжи и отвечал на все одним и тем же образом.

Подобный интеллект и тщательное планирование были типичны для организованного убийцы. В сущности, Хандерлинг не мог быть никем иным, если ему удавалось изображать из себя образцового сотрудника «Эдема». Лэш пришел к выводу, что отсутствие видимого плана преступлений можно объяснить необычностью выбранных жертв. Вне всякого сомнения, эти шесть суперпар были в «Эдеме» почти объектом культа. Впрочем, у человека, полного разочарования или гнева — такого, у которого были, например, тяжелое детство или неудачи в отношениях с женщинами, — они могли вызывать зависть и даже неуправляемую ярость.

Хандерлинг не знал Торпов и Уилнеров лично, но был знаком с их историей благодаря своей работе в «Эдеме». И это был весьма интересный факт, означающий появление новой, до сих пор неизвестной разновидности серийного убийцы — побочного продукта информационной эры, преступника, обшаривающего базы

данных в поисках идеальных жертв. Это могло бы стать материалом для выдающейся статьи в «Американском журнале нейропсихиатрии», статьи, которая привела бы в восхищение старого приятеля Лэша, Роджера Гудкайнда.

Спереди послышался писк рации.

— Семьсот девятый, на месте.

Ковен взял микрофон, держа его так, чтобы не было видно снаружи.

— Принято. — Он повернулся к Лэшу. — Нам мало что сказали. Какова обстановка?

— Этот Хандерлинг должен после работы встретиться с какой-то женщиной. Больше нам почти ничего не известно.

— На чем он поедет?

— Не знаю. Может, пешком, может, на метро или автобусе. И... — Лэш неожиданно замолчал. — Вот он. Как раз выходит из дверей.

Ковен включил рацию.

— Говорит семьсот седьмой. Всем постам, подозреваемый выходит из здания. Белый, рост около шести футов, в желтой безрукавке. Приготовиться.

Хандерлинг остановился, обвел взглядом Мэдисон-авеню и раскрыл над головой большой зонт. Лэш удержался от желания взглянуть ему в лицо. Прошло несколько лет с тех пор, как он в последний раз следил за кем-то, и теперь он чувствовал неприятное сердцебиение.

— Вот наш человек, — сказал Ковен, кивая в сторону газетного киоска на углу.

— Тот с красным зонтиком и мобильным телефоном?

— Да. Не поверишь, насколько мобильники облегчают наблюдение. В наше время человек, идущий по улице с телефоном в руке, — обычное дело. А в аппаратах «Некстел» есть встроенная функция рации, так что можно поддерживать связь со всей группой.

— Есть другие пешие наблюдатели?

— У входа в метро и вон на той автобусной остановке.

— Говорит семьсот девятый, — слышался голос по радио. — Подозреваемый перемещается. Похоже, собирается поймать машину.

Лэш бросил взгляд через боковое стекло. Хандерлинг размашистой походкой направился в сторону проезжей части. Он вытянул руку, и у тротуара послушно остановилось такси.

Ковен схватил микрофон.

— Говорит семьсот седьмой. Вижу его. Семьсот второй, семьсот пятый, поехали.

— Принято, — ответил хор голосов.

Водитель коричневого седана двинулся следом за такси на расстоянии в несколько машин.

— Подозреваемый направляется на восток по Пятьдесят седьмой, — сказал Ковен, все еще держа микрофон в руке.

— Сколько у нас автомобилей? — спросил Лэш.

— Еще два. Едем за ним, меняемся через квартал.

Такси ехало медленно, сражаясь с дождем и уличным движением. Одним колесом оно въехало в глубокую выбоину, облив тротуар фонтаном грязи. На Лексингтон-авеню оно свернуло снова, неуклюже обогнав микроавтобус.

— Он сворачивает на юг по Лекс-авеню, — сказал Ковен. — Скорость двадцать пять миль в час. Прекращаю преследование, кто продолжит?

— Говорит семьсот пятый, — отозвался другой агент. — Вижу его.

Посмотрев в заднее стекло, Лэш увидел зеленый джип, едущий по соседней полосе. Сквозь струи дождя он заметил Мочли, сидящего рядом с водителем.

Шофер Ковена прибавил газу, ловко обогнав такси, и поехал дальше по Лексингтон-авеню. Лэш знал, что это стандартная процедура: наблюдение следует вести с использованием как можно большего количества машин, чтобы подозреваемый не догадался, что за ним следят. Проехав несколько перекрестков, они вернутся обратно и займут место в конце очереди.

— Семьсот пятый, принято. — Ковен обернулся. — Ну, так как твоя частная практика, Лэш?

— Уже не удастся отвертеться от штрафов за слишком быструю езду.

Ковен улыбнулся и велел водителю свернуть на Третью авеню.

— Не скучаешь по Бюро?

— По зарплате точно не скучаю.

— Само собой.

Пискнула рация.

— Говорит семьсот пятый. Подозреваемый сворачивает на восток по Сорок четвертой. Такси останавливается. Я проеду мимо, кто берет его на себя?

— Это семьсот второй. Стоим на ближайшем углу. Видим его.

Водитель Ковена прибавил скорость, продираясь сначала через один, а затем другой перекресток.

— Говорит семьсот второй, — слышался голос по рации. — Подозреваемый вышел из машины. Входит в бар «Стрингерс».

— Это семьсот седьмой, — ответил Ковен. — Вас понял. Наблюдай за входом. Семьсот четырнадцатый, ты нам нужен в баре «Стрингерс». Сорок четвертая между Лекс-авеню и Третьей.

— Принято.

Несколько минут спустя их седан остановился на Сорок четвертой улице, в запрещенном для парковки месте. Лэш посмотрел через стекло. Судя по цветастому навесу над входом и толпе молодежи снаружи, «Стрингерс» был местом, где молодые профессионалы охотились на юных девиц.

— Идут, — сказал Ковен.

Лэш увидел пару, которая шла по улице, держась за руки, под одним зонтиком.

— Это наши?

Ковен кивнул.

Парочка скрылась внутри бара. Несколько секунд спустя

зазвонил мобильный телефон Ковена.

— Семьсот седьмой слушает.

Лэш отчетливо слышал доносящийся из динамика телефона голос.

— Мы у стойки. Подозреваемый сидит за столиком сзади. С ним белая женщина крепкого телосложения, рост пять с половиной футов, в белом свитере и черных джинсах.

— Принято. Поддерживайте связь.

Ковен убрал телефон и, посмотрев назад, увидел пустой стаканчик из-под кофе Лэша.

— Еще? — спросил он. — Я плачу.

За полчаса Лэш узнал все свежие сплетни ФБР: Лотарио крутит шашни с женой шефа, из Вашингтона пришли новые идиотские указания, на высших уровнях иерархии сидят одни неудачники, а новички из последнего набора совершенно зеленые. Время от времени поступали сообщения от агентов, наблюдающих за Хандерлингом в баре.

Разговор в конце концов начал увядать, и Ковен посмотрел на часы.

— Эй, Пит, может, принесешь нам еще кофе?

Лэш посмотрел вслед агенту, который вылез из машины и поспешил к ближайшей закусочной.

— Дождь мог бы уже и закончиться, — буркнул Ковен.

Лэш кивнул и посмотрел в зеркало. На другой стороне улицы через пол квартала он заметил джип Мочли.

Ковен ерзал на переднем сиденье.

— Расскажи мне все-таки, Крис, — помолчав, сказал он. — Та фирма, для которой ты подрабатываешь, «Эдем», — что она из себя представляет?

— Вполне достойная компания, — осторожно ответил Лэш.

Если Ковена удивляла его работа и он хотел узнать о ней больше, следовало следить за своим языком.

— Я имел в виду — у них действительно это получается? Настолько хорошо, как все говорят?

— У них впечатляющий список достижений.

Ковен медленно кивнул.

— В нашей команде игроков в гольф есть один тип, дантист, старый холостяк. Мы постоянно пытались сосватать его, но он всегда ненавидел вечеринки для одиноких. Мы вечно шутили над ним. Около года назад он подал заявление в «Эдем». Сейчас ты не узнал бы его, это совершенно другой человек. Женился на очень приятной и красивой женщине. Он мало говорит об этом, но даже идиот бы заметил, насколько он счастлив. Даже в гольф стал играть лучше.

Лэш молча слушал.

— Ну и еще начальник оперативного отдела. Гарри Кример, помнишь такого? Его жена несколько лет назад погибла в автокатастрофе. Хороший мужик. Так вот, он снова женился. Никогда не видел человека счастливее его. Ходят слухи, что он тоже пришел в «Эдем».

Ковен повернулся, и Лэш увидел в его взгляде нечто вроде отчаяния.

— Буду с тобой откровенен, Крис. У нас с Анеттой дела складываются не лучшим образом. Мы отдаляемся друг от друга с тех пор, как выяснилось, что она не может иметь детей. Я смотрю на своего товарища по гольфу, вижу Гарри Кримера и склоняюсь к тому, что двадцать пять тысяч долларов не такая уж большая сумма. Почему бы не жить полноценной жизнью? Если упустить шанс, другого у тебя не будет. — Поколебавшись, он добавил: — Я подумал, может, ты знаешь...

Зазвонил мобильный телефон.

— Семьсот седьмой, говорит семьсот четырнадцатый, слышишь меня?

Ковен вновь мгновенно превратился в хладнокровного профессионала.

— Семьсот седьмой на приеме, говори.

— Подозреваемый явно поссорился с женщиной. Они направляются к выходу.

— Говорит семьсот седьмой, принято, конец связи.

В то же мгновение дверь бара открылась, и оттуда быстрым шагом вышла женщина, на ходу надевая плащ. Почти сразу появился Хандерлинг и последовал за ней.

— Всем постам, подозреваемый идет по улице, — бросил в микрофон Ковен, слегка опуская боковое стекло.

Женщина что-то кричала через плечо Хандерлингу. Лэш успел услышать «чертов гнусный шпион», прежде чем остальное заглушил шум проезжающих машин.

Хандерлинг протянул руку, пытаясь остановить подругу, но та стряхнула ее со своего плеча. Он попробовал снова, но женщина обернулась и попыталась дать ему пощечину. Хандерлинг уклонился и оттолкнул ее.

— Берем его, — сказал Ковен.

Лэш быстро выбрался из машины и пошел за Ковеном. Краем глаза он заметил, что агент по имени Пит выходит из магазина, держа в руках стаканчики с кофе. Увидев Ковена, он бросил стаканчики в урну и присоединился к остальным.

В течение нескольких секунд Хандерлинга окружили.

— ФБР, — рявкнул Ковен, показывая жетон. — Отойдите, мистер. Руки за спину.

Гнев на лице женщины сменился испугом. Она попятилась, после чего повернулась и убежала.

— Хотите, чтобы мы проследили за ней? — спросил Пит.

— Нет, — ответил за Ковена директор вспомогательной службы. Он стоял неподалеку под дождем, а Тара Стэплтон рядом с ним. — Мистер Хандерлинг, я Эдвин Мочли из «Эдема». Будьте любезны проехать с нами.

Хандерлинг побледнел и беззвучно пошевелил губами, бросая по сторонам отчаянные взгляды. Еще несколько человек в костюмах бежали в их сторону. Лэш не знал, кто они — агенты ФБР или сотрудники охраны «Эдема».

— Мистер Хандерлинг, — повторил Мочли. — Будьте любезны проехать с нами.

Хандерлинг выпрямился. На мгновение показалось, будто он пытается бежать, и окружающие люди теснее обступили его.

Потом он неожиданно обмяк. Плечи его опустились, он кивнул и позволил Мочли отвести себя в джип.

Если бы не тот факт, что помещение находилось за Стеной, оно с тем же успехом могло бы быть одним из конференц-залов «Эдема», в которых проходили встречи выпускников. Стулья с одной стороны овального стола убрали, оставив только один, посередине. Несколько кресел поставили по другую сторону и еще больше — в углах комнаты.

Хандерлинг сидел на том единственном стуле, все еще в мокрой безрукавке, с плохо скрываемым беспокойством оглядываясь по сторонам. Место напротив него занял Мочли, а рядом с ним — Тара Стэплтон и двое незнакомых Лэшу мужчин. На одном из них был белый медицинский халат. У дверей стояли несколько охранников, другие заняли посты в коридоре. Наблюдающего за всем этим со стороны Лэша удивила столь многочисленная охрана. Причем это были не дружелюбные симпатичные парни из вестибюля, а мрачные мужчины, смотрящие прямо перед собой, с квадратными челюстями и тонкими проводками, идущими от ушей к воротникам. Когда один из них расстегнул пиджак, чтобы ответить на телефонный звонок, Лэш заметил блеск оружия.

На большой треноге стояла камера, которую обслуживал один из сотрудников службы безопасности. Посреди стола лежал диктофон. Мочли кивнул человеку у камеры и включил запись.

— Мистер Хандерлинг, вы знаете, почему вы здесь? — спросил он. — И почему мы разговариваем именно с вами?

Хандерлинг посмотрел на него через стол.

— Нет.

Лэш наблюдал за подозреваемым. Когда Хандерлинга окружили, сначала он выглядел испуганным и сбитым с толку, но за время, когда заполнялись бумаги, сопровождающие его передачу от ФБР охране «Эдема», да и на обратном пути к зданию фирмы, в лабиринте узких коридоров, которыми его сюда вели, он успел собраться с

мыслями. Если он был таким же, как и другие известные Лэшу преступники, то наверняка продумал некий план.

Допрос часто можно сравнить с соблазнением. Один человек хочет чего-то от другого, а тот часто не желает давать этого. «Интересно, — подумал Лэш, — каким соблазнителем окажется Мочли?» При одной мысли об этом у него сильнее забилося сердце.

Директор вспомогательной службы с непроницаемым лицом разглядывал Хандерлинга. Пауза затягивалась. Наконец он снова заговорил:

— В самом деле не знаете? Не догадываетесь?

— Нет. И сомневаюсь, что у вас есть право держать меня здесь и задавать такие вопросы, — резко бросил пленник.

Мочли ответил не сразу, поправляя лежащую на столе пачку бумаг.

— Мистер Хандерлинг, прежде чем мы начнем, позвольте представить вам присутствующих. Рядом со мной сидят Тара Стэплтон из службы информационной безопасности и доктор Дебни из медицинского отдела. Мистера Гаррисона вы, конечно, знаете. Для чего вы встречались с той женщиной?

При столь неожиданной смене темы Хандерлинг заморгал.

— Вряд ли вас это касается. Я знаю свои права и требую...

— Ваши права, — Мочли особенно подчеркнул последнее слово, что привлекло внимание всех присутствующих, — содержатся в документе, который вы подписали, поступая на работу в «Эдем». — Директор вспомогательной службы взял несколько скрепленных страниц, лежащих на самом верху пачки, и подвинул их на середину стола. — Узнаете?

Хандерлинг несколько мгновений сидел неподвижно, затем наклонился и кивнул.

— В рамках этого юридически обязательного договора вы согласились, в числе прочего, не использовать вашу должность в «Эдеме» с целью несанкционированного применения наших технологий. Вы обязались хранить в тайне данные клиентов, а также соблюдать те нормы высокоморального поведения, которые мы требуем от своих сотрудников. Все это было подробно разъяснено

вам во время вступительного собеседования, что вы подтвердили собственноручной подписью.

Мочли говорил почти скучающим тоном. Но его слова, несомненно, произвели впечатление на Хандерлинга, который смотрел на Мочли с подозрительным блеском в глазах.

— И потому спрашиваю еще раз: для чего вы встречались с той женщиной?

— У нас было свидание. Закон не запрещает этого.

Лэш видел, что пленник пытается сохранить выражение оскорбленной невинности.

— В зависимости от обстоятельств.

— Каких?

Вместо ответа Мочли посмотрел на лежащие перед ним бумаги.

— Когда мы подошли к вам перед баром, эта женщина — имя которой, Сара Луиза Хант, мы уже установили на основе ваших телефонных переговоров — назвала вас... сейчас... «чертовым гнусным шпионом». К чему относились эти слова, мистер Хандерлинг?

— Понятия не имею.

— Так уж получается, что, по-моему, имеете. И притом более чем.

Лэш заметил, что Тара записывает что-то в блокнот, а директор смотрит на сидящего по другую сторону стола Хандерлинга. Стандартная процедура: один ведет записи, в то время как второй наблюдает за подозреваемым, за его нервными жестами, морганием и тому подобным. Впрочем, большинство предпочитают следить за изменениями выражения лица допрашиваемого, засыпая его градом вопросов. Мочли же, напротив, обращал молчание и неуверенность себе на пользу. Наконец он продолжил:

— Я не только считаю, что вам прекрасно известно, о чем она говорила. Более того, еще несколько женщин имеют о вас такое же мнение. — Он снова заглянул в бумаги. — Например, Хелен Мальволиа, Карен Коннорс, Марджори Силквуд и полдюжины других.

Лицо пленника стало пепельно-серым.

— Что общего между ними, мистер Хандерлинг? Все они подали заявления в «Эдем» и были отвергнуты после психологического обследования по одним и тем же причинам — низкая самооценка. Все из неполных семей, проявляют пассивное отношение к действительности. Иными словами, такие легко могут стать жертвами.

Мочли говорил теперь столь тихо, что Лэш едва слышал его.

— Этих женщин связывает кое-что еще. В течение последнего полугодия они встречались с вами. В некоторых случаях все заканчивалось совместным обедом или коктейлем. В других же... гм... дело зашло значительно дальше.

Внезапно директор вспомогательной службы схватил пачку бумаг и с треском ударил ими о стол. Хандерлинг буквально подпрыгнул на стуле от неожиданности.

Впрочем, когда Мочли продолжил, голос его звучал совершенно спокойно.

— У нас здесь все. Записи телефонных разговоров из дома и с работы, счета, оплаченные кредитной картой в ресторанах, барах и отелях, а также конфиденциальные данные «Эдема», которые вы просматривали со своего терминала. Кстати, мы уже заделали ту дыру в системе, которая позволила вам обойти защиту и получить доступ к информации о наших клиентах. — Мочли откинулся на спинку стула. — В свете вышесказанного, может быть, пересмотрите свой ответ?

Хандерлинг с трудом сглотнул. На лбу его выступили капли пота, он машинально сжимал и разжимал кулаки.

— Я требую адвоката.

— В подписанном вами документе вы отказываетесь от данной привилегии на время внутреннего расследования по вопросу нарушения ваших должностных обязанностей. Факт тот, мистер Хандерлинг, что вы поставили под угрозу безопасность нашей фирмы. Вы совершили и нечто намного худшее — не только не оправдали доверие «Эдема» и наших клиентов, но и сделали это самым худшим, достойным всяческого презрения способом. Подумать только, что вы специально выискивали самые легкие

жертвы — просматривая результаты обследований, во время которых они проявляли свои самые тайные надежды и мечты, — а потом безжалостно использовали их для удовлетворения своей похоти... Это почти непостижимо.

В помещении наступила глухая тишина. Хандерлинг облизнул губы.

— Я... — начал он и замолчал.

— Когда мы закончим допрос, вы будете переданы, вместе сотягчающими вашу вину доказательствами, в руки властей.

— Полиции? — резко бросил задержанный.

Мочли отрицательно покачал головой.

— Нет, мистер Хандерлинг. Федеральных властей.

Злость на лице пленника сменилась изумлением.

— «Эдем» заключил договоры об обмене информацией с несколькими правительственными агентствами. Вы знаете об этом. Некоторые из этих сведений совершенно секретны. Тайно проникнув в наши базы данных, вы совершили преступление, которое можно квалифицировать как измену.

— Измену? — сдавленно переспросил Хандерлинг.

— Вы будете переданы в распоряжение федерального суда, что избавит фирму и наших клиентов от ненужного шума в прессе. Кстати, если вы не знали, в федеральных тюрьмах нет условно-досрочного освобождения, мистер Хандерлинг.

Пленник перестал блуждать взглядом по стенам и посмотрел на Мочли. Вид у него был, словно у загнанного зверя.

— Хорошо, — сказал он. — Все было так, как вы говорили. Я встречался с теми женщинами. Но я не причинял им никакого вреда.

— А что вы пытались сделать с Сарой Хант, пока вас не окружили?

— Я только хотел, чтобы она перестала кричать. Я ничего бы не сделал ей. Я не совершил ничего плохого!

— Ничего плохого? Вы домогались женщин, нарушали и использовали служебную тайну, обманывали — это ничего плохого?

— Так стало не сразу! — Хандерлинг в отчаянии водил взглядом по лицам, словно ища сочувствия. — Послушайте, все получилось случайно. Я понял, что, как руководитель отдела упаковки данных, могу использовать дыру в защите, которую я обнаружил, и собрать достаточно сведений о клиентах, чтобы получить цельную картину. Я занимался этим из любопытства, из чистого любопытства...

Казалось, будто рухнула плотина. Хандерлинг рассказал обо всем: как он случайно нашел слабое место системы, о первых робких попытках, какими методами он избегал раскрытия, о встречах с женщинами. Мочли отлично справился с ним. Он бросил в качестве приманки несколько вопросов о более мелких преступлениях, и Хандерлинг проглотил наживку. А теперь, когда он начал говорить, ему трудно было сдержаться, директор, выведя свою жертву из равновесия, готовил последний удар.

Именно в это мгновение он решительно поднял руку. Хандерлинг замолк на полуслове, и незавершенная фраза повисла в воздухе.

— Все это очень интересно, — тихо сказал Мочли. — И в свое время мы обязательно все выслушаем. Но сейчас перейдем к истинной причине, по которой вы оказались здесь.

Хандерлинг потер рукой глаза.

— Истинной причине?

— К вашим куда более серьезным преступлениям.

Хандерлинг ошеломленно смотрел на него.

— Не могли бы вы сказать, где вы были утром семнадцатого сентября?

— Семнадцатого сентября?

— Или во второй половине дня двадцать четвертого сентября?

— Я... я забыл.

— Тогда я вам напомню. Семнадцатого сентября вы были во Флагстаффе, в Аризоне. А двадцать четвертого сентября — в Ларчмонте, штат Нью-Йорк. На завтрашнюю ночь у вас зарезервирован номер в мотеле в Берлингеме, Массачусетс. Вам известно, что общего между этими тремя адресами, мистер Хандерлинг?

Хандерлинг стиснул край стола так, что побелели костяшки пальцев.

— Суперпары.

— Совершенно верно. Это адреса людей, которые составляют идеально подобранные нами супружеские пары. Вернее, в первых двух случаях составляли.

— Составляли?

— Да. Поскольку как Торпов, так и Уилнеров нет в живых.

— Торпов? — с трудом выдавил Хандерлинг. — И Уилнеров? Нет в живых?

— Хватит, мистер Хандерлинг. Не будем терять времени. Какие у вас были планы на ближайшие выходные?

Хандерлинг не ответил. Его глаза закатились, и Лэшу вдруг показалось, что он сейчас лишится чувств.

— Если не хотите говорить, я вам скажу, что вы собирались сделать. То, что вы совершили уже дважды. Вы хотели расправиться с супругами Коннелли. Весьма тщательно, так же как и в прошлые разы. Имитировать двойное самоубийство.

В помещении слышалось лишь громкое дыхание Хандерлинга.

— Вы по очереди убили две первые пары, — сказал Мочли. — А теперь вы собирались застать врасплох и уничтожить третью.

Хандерлинг продолжал молчать.

— Естественно, мы подвергнем вас повторному обследованию. Мы уже составили теоретический психологический портрет. В конечном счете ваши поступки говорят сами за себя. — Мочли заглянул в бумаги на столе. — Они свидетельствуют о вашей боязни быть отвергнутым и о низкой самооценке. Вооружившись сведениями, украденными из наших архивов, вы поняли, как найти подход к тем женщинам и как манипулировать ими. Любопытно, что, даже имея столь подавляющий перевес, несколько раз вы ничего не добились. — Мочли невесело улыбнулся. — Впрочем, если эти встречи и избавили вас от страха перед женщинами, они не смягчили вашего гнева, злости из-за того, что другие смогли найти счастье, которое вам не дано. Вы всегда завидовали им. Наши суперпары были для вас воплощением этого счастья. Они навлекли на себя ваш

гнев, который, в сущности, был ненавистью к самому себе, настолько извращенной, что...

— Нет! — пронзительно завопил пленник.

— Спокойно, мистер Хандерлинг. Не возбуждайтесь.

— Я не убивал их! — Из глаз его хлынули слезы. — Да, я ездил в Аризону. У меня родственники в Седоне, я был у них на свадьбе. Флагстафф недалеко оттуда. А Ларчмонт всего в часе езды от моего дома.

Директор слушал его, скрестив руки на груди.

— Я хотел знать. Я хотел понять. Понимаете, в файлах этого нет. Не объясняется, как кто-то может быть настолько счастлив. И потому я подумал, что, может быть, если я увижу их, понаблюдаю немного за ними с безопасного расстояния, то узнаю... Поверьте, я никого не убивал! Я только хотел... хотел быть счастливым, как они... о господи...

Хандерлинг обмяк, сотрясаясь от рыданий и с грохотом ударяясь головой о крышку стола.

— Вовсе незачем так драматизировать, — сказал Мочли. — Мы можем во всем разобраться либо с вашей помощью, либо без нее. И вы убедитесь, что первый вариант куда менее неприятен.

Хандерлинг никак не реагировал. Директор вспомогательной службы наклонился к врачу и что-то прошептал ему на ухо.

Впрочем, в глазах Лэша все происходящее вдруг обрело совершенно другой смысл. Постепенно он перестал слышать рыдания Хандерлинга и тихий голос Мочли, и его обдало холодом. «Эдем» мог сколько угодно допрашивать и обследовать этого человека, но Лэш в глубине души уже знал, что Хандерлинг непричастен. Не полностью — наверняка он виновен в использовании конфиденциальных сведений в собственных корыстных целях. Он шпионил за суперпарами. Но, несмотря на это, он не был убийцей. Лэш видел достаточно подозреваемых на допросах, чтобы разобраться, когда кто-то лжет и способен ли кто-то на совершение убийства.

Хуже всего было то, что ему следовало понять это раньше. Таблица, которую он нарисовал на доске, и составленный им психологический портрет, который Мочли принес сюда, вдруг

показались ему столь же тусклыми, как гравюры на рисовой бумаге в кабинете Льюиса Торпа. Они были полны противоречий и ошибочных предположений. Ему слишком хотелось разгадать эту жуткую загадку, прежде чем снова погибнут люди. И вот результат.

В голове у него, заглушая всхлипывания Хандерлинга, до сих пор крутилось стихотворение Басё:

Расстаемся с весной.
Плачут птицы, и даже у рыб
Слезы из глаз. [\[17\]](#)

Когда он подъехал к Шип-Боттом-роуд, уже близилась полночь. Выключив двигатель, он вышел из машины и медленно, задумчиво подошел к почтовому ящику. С тех пор как он покинул здание «Эдема», что-то беспокоило его, нечто не имеющее никакого отношения к Хандерлингу. Но он упрямо не хотел обращать внимание на то, что подсказывало ему подсознание. Никогда еще в жизни он так не уставал.

Открыв ящик, в первый момент он почувствовал облегчение — в нем лежала почта, никто не украл ее. Внезапно он понял, что корреспонденции чересчур много — по крайней мере десяток иллюстрированных изданий, груда листовок и каталогов, журналы для геев, для садомазохистов, фетишистов и несколько других. На всех этикетках виднелись его фамилия и адрес. Среди прочего оказался десяток напоминаний об оплате счетов.

Кто-то подписался на эти журналы от его имени.

Лэш направился к дому, остановившись по дороге, чтобы выбросить в мусорный бак все, кроме квитанций. Видимо, Мэри Инглиш сменила тактику. Жаль, но, похоже, все же придется позвонить в полицию Уэстпорта.

Подойдя к двери, он вставил ключ в скважину и замер. Под дверью лежала курьерская посылка со штампом «Экспресс — Заказное» и напечатанным логотипом «Эдема». «Наверное, очередное обязательство хранить служебную тайну», — мрачно подумал Лэш. Наклонившись, он поднял конверт и разорвал с одной стороны. В свете луны он увидел единственный лист бумаги с приколотой к нему маленькой брошкой. Он достал листок.

«Кристофер Лэш

Шип-Боттом-роуд, 17

Уэстпорт, Коннектикут 06880

Уважаемый доктор Лэш!

Наша задача в „Эдеме“ — творить чудеса. Тем не менее мне всегда доставляет немалое удовольствие извещать о них. И потому сообщаю Вам, что период подбора, начатый после подачи Вами заявления и прохождения обследования, успешно завершен. Вашу избранницу зовут Диана Миррен, и в ближайшее время у Вас будет возможность познакомиться друг с другом ближе. На ваши фамилии зарезервирован столик в „Таверне на лужайке“ на восемь часов вечера в ближайшую субботу.

Вы узнаете друг друга по прилагаемым брошкам, которые следует приколоть к лацкану при входе в ресторан. Впоследствии Вы можете выбросить их, хотя большинство наших клиентов оставляет их на память.

Еще раз поздравляем с завершением этого этапа вашего путешествия и желаем всего наилучшего в начале нового пути. Уверен, что в ближайшие месяцы и годы вы убедитесь, что соединение Вас двоих было скорее началом, чем концом наших услуг.

Всего наилучшего,

*Джон Леливельд, президент корпорации
„Эдем“.*

Когда на следующее утро двери лифта открылись в апартаментах на вершине небоскреба «Эдема», Ричард Сильвер уже ждал его.

— Привет, Кристофер, — сказал он. — Как поживаете?

— Спасибо, что смогли столь быстро принять меня. — Лэш пожал протянутую руку.

— Не за что. Я с нетерпением ждал случая снова встретиться с вами.

Сильвер усадил гостя в кресло. Подчеркивая каждую деталь безмолвного парада думающих машин и золотя гладкие поверхности просторного помещения, в окна падали косые лучи солнца.

— Я также рад, что имею возможность лично извиниться перед вами, — сказал Сильвер, когда они сели. — Мочли рассказал мне про то письмо, в котором вам дали зеленый свет. Подобной ошибки никогда не случалось, и мы до сих пор пытаемся выяснить, как это могло произойти. Хотя объяснения не сделают ее менее унижительной, как для вас, так и для нас.

Лэш посмотрел на Сильвера, и его снова потрясла прямолинейность этого человека. Создатель «Эдема», похоже, искренне переживал из-за того, что чувствовал Лэш, когда его заявление сначала отвергли, а потом по ошибке сообщили, что ему подобрали идеальное соответствие. Возможно, здесь, в своей поднебесной обители, поглощенный постоянной работой, Сильвер оставался свободным от лишающей всего человеческого корпоративной погони за прибылью.

Сильвер заметил взгляд Лэша.

— Естественно, я велел Мочли повторно провести подбор, связаться с той женщиной — простите, не помню ее имени — и сообщить ей, что мы найдем ей другого партнера.

— Ее зовут Диана Миррен, — сказал Лэш. — Впрочем, я хотел увидеться с вами не из-за этого.

Создатель «Эдема» удивленно взглянул на него.

— В самом деле? Тогда прошу меня извинить. Для чего вы хотели со мной встретиться?

Лэш помедлил. То, в чем он был уверен вчера ночью, теперь казалось зыбким под воздействием усталости и снотворного.

— Я хотел сказать вам об этом лично. Вряд ли я смогу дальше этим заниматься.

— Чем?

— Вести расследование.

Сильвер нахмурился.

— Если вопрос в деньгах, то...

— Нет. Мне и так заплатили слишком много.

Создатель «Эдема» внимательно слушал.

— Я уже две недели не общаюсь со своими пациентами. В психиатрии это целая эпоха. Но проблема не только в этом.

Он снова заколебался. В чем-то подобном он обычно никогда не признался бы даже самому себе и уж наверняка ни с кем не стал бы обсуждать это. Но в Сильвере было нечто такое — некая непринужденная искренность, полное отсутствие высокомерия, — что способствовало откровенности.

— Вряд ли я могу помочь вам чем-то еще, — продолжал Лэш. — Сначала я считал, что мне хватит доступа к вашим досье. Я думал, что найду какой-то очевидный ответ в данных оценки Торпов. А после смерти Уилнеров я уже был уверен, что это убийства, а не самоубийства. Мне приходилось ловить серийных убийц, и я не сомневался, что смогу поймать и этого. Но я зашел в тупик. Составленный мной психологический портрет полон противоречий, от него нет никакой пользы. С вашей помощью я проверил всех потенциальных преступников — отвергнутых кандидатов и сотрудников «Эдема», тех, кто мог знать обе пары. Других вариантов нет. По крайней мере, таких, где я мог бы помочь вам в расследовании. — Он вздохнул. — Есть еще кое-что, чем я вовсе не

горжусь. Это дело мне слишком близко. Примерно так же было в ФБР под конец моей карьеры. Она слишком поглотила меня. Теперь снова то же самое. Это дело влияет на мою личную жизнь, я думаю о нем день и ночь. И посмотрите, каков результат.

— Каков?

— Хандерлинг. Я устал, был слишком раздражен. Неверно оценил ситуацию.

— Если вы вините себя за допрос Хандерлинга, то это вовсе ни к чему. Этот человек не убийца — наши тесты подтверждают это. Впрочем, он чудовищно злоупотребил своими должностными полномочиями и совершил серьезные преступления. Информация, попавшая не в те руки, может стать опасным оружием. Мы благодарны вам за помощь в его раскрытии.

— Я мало что сделал, доктор Сильвер.

— Разве я не просил называть меня Ричардом? Вы слишком низко себя оцениваете.

Лэш покачал головой.

— Я мог бы предложить вам обратиться в полицию, но не уверен, сумели бы мы их убедить, что совершено преступление. — Он встал. — Впрочем, если это дело рук серийного убийцы, наверняка он вскоре нанесет удар снова. Может, даже сегодня. А я не хочу, чтобы это случилось в моем присутствии. Не могу сидеть и бессильно ждать.

Сильвер посмотрел на него, и неожиданно на его лице появилась беззаботная улыбка.

— Не настолько уж мы бессильны, — сказал он. — Как вам наверняка известно, Мочли и Тара отправили группы, которые должны издали наблюдать за остальными суперпарами.

— Это может не удержать готового на все убийцу.

— Именно потому я тоже предпринял соответствующие меры.

— Какие?

Создатель «Эдема» поднялся с кресла.

— Идемте со мной.

Он подвел его к небольшой двери, искусно встроенной в книжные полки. Лэш до сих пор не замечал ее. Дверь бесшумно открылась, и за ней оказалась узкая лестница, покрытая все тем же толстым ковром.

— Идите первым, — сказал Сильвер.

Лэш преодолел как минимум тридцать ступенек, которые вывели его в коридор. После огромного холла длинный и узкий коридор казался тесным. Не было никакого ощущения, что он на вершине небоскреба, с тем же успехом он мог находиться глубоко под землей. Впрочем, оформлен он был так же изысканно: стены и потолок выложены темным полированным деревом, а изящные светильники из бронзы и ракушек отбрасывали приглушенный свет.

Сильвер показал Лэшу дорогу. Лэш с любопытством разглядывал помещения, мимо которых они проходили. Он заметил большой спортзал, оборудованный гимнастической скамьей, тренажерами и беговой дорожкой, затем по-спартански обставленную столовую. В конце коридора находилась черная дверь и сканер на стене рядом с ней. Сильвер приложил к нему запястье, и только теперь Лэш заметил, что глава корпорации тоже носит браслет с идентификационным кодом. Дверь открылась.

Помещение за ней было таким же темным, как и коридор, но здесь единственными источниками света были мерцающие светодиоды и десятки дисплеев. Со всех сторон слышался тихий гул — звук бесчисленных вентиляторов, работающих одновременно. У боковых стен находились стойки с разнообразным оборудованием — маршрутизаторами, дисковыми массивами, устройствами для обработки видео и бесчисленной аппаратурой неизвестного назначения. Напротив двери, на длинном деревянном столе расположились в ряд терминалы с клавиатурами, а перед ними — единственный стул. Еще один предмет мебели находился в углу напротив: длинное, странного вида кресло, похожее на зубо врачебное, стояло за перегородкой из плексигласа. От него к стойке с диагностической аппаратурой тянулись несколько проводов. К креслу пластиковым зажимом был прикреплен микрофон.

— Извините, что тут негде присесть, — сказал Сильвер. — Сюда нет доступа ни у кого, кроме меня.

— Что это? — спросил Лэш, оглядываясь вокруг.

— Лиза.

Лэш быстро взглянул на него.

— Ведь я уже однажды видел Лизу. Тот маленький терминал, который вы показывали.

— Это тоже Лиза. Она тут повсюду. Кое-что я делаю с того терминала, который вы видели. Этот же — для более сложных задач, когда мне нужен непосредственный доступ.

Лэш вспомнил, что говорила ему Тара Стэплтон за обедом в кафетерии: «У нас нет непосредственного доступа к ее базовым процедурам и интеллекту. Лиза находится в апартаментах Сильвера, и только он имеет такой доступ. Все остальные — ученые, специалисты и даже программисты — используют локальную информационную сеть и абстрактный слой данных». Он посмотрел на окружающие их электронные устройства.

— Расскажите о Лизе подробнее.

— А что вам хотелось бы знать?

— Можно начать с имени.

— Хорошо. — Сильвер на мгновение замолчал. — Кстати, раз уж речь зашла об этом, я наконец вспомнил, откуда я знаю вашу фамилию.

Лэш вопросительно поднял брови.

— Из «Таймс», несколько лет назад. Вы один из тех, кого собирался убить...

— Да. — Лэш тут же понял, что прервал его чересчур быстро. — У вас удивительно хорошая память.

Наступила короткая пауза.

— Что же касается имени Лизы... Это сокращение от Элизы, знаменитой программы начала шестидесятых годов. Элиза имитировала диалог между человеком и компьютером, используя слова, которые тот вводил с клавиатуры. «Как ты себя чувствуешь?» — начинал разговор компьютер. На что в ответ вы могли бы написать: «Чувствую себя паршиво». «Почему ты чувствуешь себя паршиво?» — спросила бы Элиза. «Потому что мой отец болен», — ответили бы вы. «Почему ты так считаешь?» — продолжила бы она.

Программа была крайне примитивной и часто давала забавные ответы, но она позволила мне понять, что следует делать.

— Что?

— Добиться того, что Элиза могла лишь симитировать. Создать программу — хотя «программа» тут неподходящее слово, — суперсистему, которая могла бы идеально взаимодействовать с человеком. Способную до определенной степени мыслить.

— И всего-то? — спросил Лэш.

Он сказал это в шутку, но Сильвер отнесся к его словам серьезно.

— Я еще не закончил работу. Наверняка я посвящу всю оставшуюся жизнь совершенствованию этой системы. Но как только модели интеллекта стали полностью функциональными в компьютерном гиперпространстве...

— Где, простите?

Сильвер смущенно улыбнулся.

— Извините. На первых этапах развития искусственного интеллекта все считали, что создание самостоятельно мыслящих машин — лишь вопрос времени. Но оказалось, что самые мелкие детали труднее всего реализовать. Как запрограммировать компьютер так, чтобы он понимал, что чувствует человек? И тогда, еще в аспирантуре, я предложил двойное решение. Дать компьютеру доступ к по-настоящему огромным объемам информации — к базе данных — и инструменты для интеллектуального поиска в них. Кроме того, создать реалистичную модель личности, насколько это возможно на уровне микросхем и двоичного кода, так как для использования всей этой информации потребуется человеческое любопытство. Я чувствовал, что если сумею соединить обе эти составляющие, то создам компьютер, способный обучаться самостоятельно. А тогда он сумеет реагировать по-человечески. Не чувствовать по-человечески, конечно, но понимать, что такое чувства.

Сильвер говорил тихо, но в его голосе слышалась глубокая убежденность странствующего проповедника.

— Поскольку сейчас мы стоим здесь, на вершине небоскреба, догадываюсь, что вам это удалось, — сказал Лэш.

Создатель «Эдема» снова улыбнулся.

— Я пытался добиться своей цели много лет. Мне казалось, что я могу научить машину мыслить лишь до определенной степени, и не более того. Я был чересчур нетерпелив. Программа училась, но сначала очень медленно. Кроме того, мне требовались большие вычислительные мощности, чем обеспечивали рабочие станции, которые я мог себе тогда позволить. Но компьютеры подешевели, а потом появилась сеть Арпанет. ^[18] Именно тогда Лиза начала учиться намного быстрее. — Он покачал головой. — Никогда не забуду, как смотрел на ее первые самостоятельные путешествия по Сети в поисках решения поставленной мной задачи. Думаю, она гордилась этим не меньше, чем я.

— Гордилась, — повторил Лэш. — Хотите сказать, что у нее есть сознание? Чувства?

— Сознание у нее определенно есть. Что же касается чувств — это философская проблема, к обсуждению которой я не готов.

— Но у нее есть сознание. А что именно она осознает? Она понимает, что она — компьютер, что она не такая, как другие. Верно?

Сильвер покачал головой.

— Я никогда не добавлял ей программных модулей, которые отвечали бы за это.

— Что? — удивился Лэш.

— Почему она должна считать, что отличается от нас?

— Я просто предположил...

— Разве ребенок, как бы хорошо он ни был развит, когда-либо сомневается в собственном существовании? Или вы сами?

Лэш покачал головой.

— Мы сейчас говорим о программном и аппаратном обеспечении. Мне это кажется неким ложным умозаключением.

— С точки зрения искусственного интеллекта ничего подобного не существует. Кто в состоянии отличить, где заканчивается работа программы и начинается сознание? Один знаменитый ученый когда-то назвал людей «живыми машинами». Мы что, из-за этого чем-то лучше? Кроме того, ни один тест не покажет, что вы не блуждающая

в киберпространстве программа. Как вы можете доказать это?

В голосе Сильвера звучала страсть, о которой Лэш прежде не подозревал. Неожиданно создатель «Эдема» замолчал.

— Прошу прощения, — смущенно улыбнулся он. — Похоже, я размышляю на эти темы значительно чаще, чем говорю о них. Что ж, вернемся к архитектуре Лизы. Она использует весьма сложную разновидность нейронной компьютерной сети, с системой, основанной на работе человеческого мозга. Обычные компьютеры ограничены в своих действиях двумя измерениями. Нейронная сеть представляет собой три концентрических кольца, благодаря чему данные могут перемещаться в бесконечном множестве направлений, а не только в пределах одного контура. — Сильвер прервался и тут же заговорил снова. — Естественно, все это намного сложнее. Чтобы решить проблему ее обучения, я использовал принцип коллективного разума. Большие функции я поделил на маленькие, благодаря чему Лиза способна столь быстро решать сложные задачи.

— Она знает, что мы здесь?

Сильвер кивнул в сторону видеомонитора, расположенного высоко на стене.

— Да. Но ее внимание сейчас не сосредоточено на нас.

— Раньше вы говорили, что для более сложных задач требуется непосредственный доступ к Лизе. Для каких?

— Разных. Например, она создает сценарии, мониторингом которых я занимаюсь.

— Какого рода сценарии?

— Всякого. Ролевые игры, игры на выживание, задачи, требующие творческого мышления. — Сильвер поколебался. — Я пользуюсь непосредственным доступом также при решении куда более трудных частных вопросов, таких как обновление программного кода. Впрочем, наверняка легче будет просто все показать.

Пройдя через помещение, он отодвинул плексигласовую перегородку и сел в странное кресло. Лэш смотрел, как он прикрепляет электроды к вискам. В один из подлокотников кресла была встроена вспомогательная клавиатура и стилус, в другой — выключатель. Протянув руку, Сильвер опустил плоский монитор на

телескопической штанге и пальцами левой руки начал стучать по клавишам.

— Что вы делаете? — спросил Лэш.

— Привлекаю ее внимание.

Сильвер снял руку с клавиатуры и закрепил микрофон на воротнике рубашки. В то же мгновение Лэш услышал голос.

— Ричард.

Голос был женский, глубокий, без следа акцента. Казалось, он исходит отовсюду и ниоткуда, будто говорит вся комната.

— Лиза, — сказал Сильвер. — Каково твоё текущее состояние?

— На девяносто восемь целых семьсот двадцать семь тысячных процента исправна. Текущие процессы занимают восемьдесят одну целую четыре десятых процента процессорного времени. Спасибо за вопрос.

Голос звучал спокойно, почти мягко, с небольшими следами электронных помех. У Лэша возникло странное ощущение дежавю, словно он когда-то и где-то уже слышал его. Может, в собственных сновидениях.

— Кто там с тобой? — спросила Лиза.

Лэш заметил, что слова произнесены с правильной интонацией, с легким нажимом вначале. Ему показалось, будто в реплике машины даже прозвучало любопытство. Он беспокойно взглянул вверх, на видеокамеру.

— Это Кристофер Лэш.

— Кристофер, — повторил голос, словно смакуя имя.

— Лиза, у меня есть особое задание, которое я хотел бы дать тебе.

Лэш мысленно отметил, что Сильвер, обращаясь к компьютеру, говорит медленно и отчетливо, избегая каких-либо двусмысленностей.

— Хорошо, Ричард.

— Ты помнишь ту проверочную программу, которую я поручил тебе выполнить сорок восемь часов назад?

— Если ты имеешь в виду проверку статистического отклонения, то мой набор данных не поврежден.

Создатель «Эдема» закрыл рукой микрофон и повернулся к Лэшу.

— Она неверно поняла вопрос «помнишь?». Даже сейчас я порой забываю, насколько буквально она все воспринимает.

Он снова повернулся к панели.

— Мне нужно, чтобы ты провела такую же проверку внешних факторов. Параметры те же: совпадение данных с четырьмя объектами.

— Объект: Шварц, объект: Торп, объект: Торвальд, объект: Уилнер.

— Верно.

— Какова область поиска?

— Граждане Соединенных Штатов, возраст от пятнадцати до семидесяти лет, имели доступ к обоим адресам в указанные даты.

— Параметры сбора данных?

— Все доступные источники.

— Приоритет процесса?

— Наивысший, за исключением критических ситуаций. Мы должны найти решение.

— Хорошо, Ричард.

— Можешь сообщить приблизительное время поиска?

— С точностью до одиннадцати процентов — семьдесят четыре часа пятьдесят три минуты девять секунд. Приблизительно восемьсот триллионов пятьсот миллиардов вычислительных циклов.

— Спасибо, Лиза.

— Еще что-нибудь?

— Нет.

— Начинаю расширенный поиск. Спасибо за беседу, Ричард.

Когда Сильвер отстегнул микрофон и опять коснулся клавиш,

снова слышался бестелесный голос:

— Приятно было познакомиться, Кристофер Лэш.

— Мне тоже.

Голос Лизы и вид общающегося с компьютером Сильвера одновременно внушали и восхищение, и легкое беспокойство.

Создатель «Эдема» снял с висков электроды и встал с кресла.

— Вы говорили, что обратились бы в полицию, если бы считали, что это чем-то поможет. Я нашел лучшее решение — проинструктировал Лизу, чтобы она проверила всех жителей Соединенных Штатов в поисках подозреваемого.

— Всех жителей? Это возможно?

— Для «Эдема» — да. — Сильвер пошатнулся, но тут же выпрямился. — Извините. Сеансы с Лизой, даже короткие, порой бывают утомительны.

— То есть?

Сильвер улыбнулся.

— В фильмах люди говорят с компьютерами, а те послушно отвечают. Может, лет через десять так и будет. Пока же это тяжкий труд, изматывающий как умственно, так и физически.

— Те датчики на висках?

— Биологическая обратная связь. Частота и амплитуда бета- и тета-волн могут говорить куда отчетливее, нежели слова. Вначале, когда у нее были проблемы с восприятием вербальных команд, я использовал электроэнцефалографию. Это требовало огромного сосредоточения, зато не было путаницы с пониманием двойных значений, омонимов и разных прочих нюансов. А теперь это слишком глубоко зашито в ее коде, чтобы можно было изменить его.

— Значит, только вы можете общаться с ней непосредственно?

— Теоретически кто-то другой тоже мог бы, после соответствующей тренировки. Но в этом пока нет необходимости.

— Возможно, и нет, — сказал Лэш. — Но если бы я создал нечто столь выдающееся, мне хотелось бы поделиться этим с другими людьми. С учеными-единомышленниками, которые могли бы развить

то, чему вы проложили путь.

— Это дело будущего. Я до сих пор занят многочисленными усовершенствованиями, а это нелегкая задача. Можем поговорить об этом в другой раз, если у вас будет желание.

Шагнув вперед, он положил руку на плечо Лэша.

— Я знаю, насколько все это тяжело для вас. Мне тоже было нелегко. Впрочем, мы уже достаточно далеко зашли и многое сделали. Я бы хотел, чтобы вы продержались еще немного. Может, это все-таки чудовищное стечение обстоятельств, два двойных самоубийства. Надеюсь, выходные пройдут спокойно. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что мы ничего не знаем. Но сейчас мы должны довериться Лизе. Хорошо?

Лэш помолчал.

— Та кандидатка, которую подобрал мне «Эдем», — она действительно подходит мне? Это не ошибка?

— Единственная ошибка — то, что ваш аватар поместили в Аквариум. Сам процесс отбора проходил точно так же, как и для всех. Та женщина подошла бы вам во всех отношениях.

Полумрак и тихий шум вентиляторов придавали помещению сонный, почти призрачный облик. Лэш мысленно увидел ряд быстро меняющихся картин. Выражение лица бывшей жены, в тот день в Центре имени Одюбона, когда они расстались. Тара Стэплтон в баре на Центральном вокзале рассказывает ему о своей дилемме. Льюис Торп, смотрящий на него с экрана телевизора во Флагстаффе.

Он вздохнул.

— Хорошо. Останусь еще на несколько дней. При одном условии.

— Каком?

— Не отменяйте мою встречу с Дианой Миррен.

Сильвер хлопнул Лэша по плечу.

— Хороший вы человек.

На его лице вновь промелькнула улыбка, но когда она погасла, создатель Лизы выглядел таким же усталым, как и Лэш.

— Семьдесят пять часов, — сказала Тара. — Это означает, что мы не получим ответа от Лизы раньше вечера понедельника.

Лэш кивнул. Он вкратце изложил ей свой разговор с Сильвером и описал, каким образом тот общался с Лизой. Тара зачарованно слушала, пока не узнала, как долго продлится поиск.

— А нам что делать все это время? — спросила она.

— Не знаю.

— Зато я знаю. Ждать. — Тара возвела глаза к небу. — Черт!

Лэш огляделся. Кабинет Тары Стэплтон на тридцать пятом этаже мало отличался от его временного кабинета. Такой же письменный стол, второй столик меньшего размера и полки. Помещение украшали несколько явно женских мелочей: несколько растений, которым подходило искусственное освещение, висящий на красной ленточке на настольной лампе мешочек с безделушками. Позади стола стояли три одинаковые рабочие станции. Но больше всего бросалась в глаза большая доска для серфинга из стекловолокна, основательно побитая и помятая. Краска на ней поблекла от морской соли и солнца. На стене позади виднелись наклейки с надписями: «Жизнь во имя серфинга, серфинг во имя жизни», «Лови волну!» Вдоль верхнего края полки висели открытки с разных знаменитых пляжей для серфинга: Леннокс-хед в Австралии, Пайплайн на Гавайях, Потовил-пойнт в Шри-Ланке.

— Наверняка вам пришлось чертовски потрудиться, чтобы втащить ее сюда, — сказал Лэш, кивая в сторону доски.

Тара улыбнулась, что бывало нечасто.

— Первые месяцы я работала вне Стены, проверяя процедуры безопасности. Я взяла с собой старую доску, чтобы помнить, что существует еще какой-то мир за пределами Нью-Йорка. Она помогает мне не забывать, чем мне хотелось бы заниматься. Когда я завершила

проверку, меня повысили и перевели за Стену. И не позволили взять с собой доску. Я была просто вне себя. — Она тряхнула головой, вспоминая. — А потом однажды доска появилась в дверях моего кабинета с наилучшими пожеланиями от Эдвина Мочли и «Эдема» по случаю первой годовщины работы.

— Зная Мочли, наверняка ее сначала просканировали, просветили и обследовали всеми возможными способами.

— Конечно.

Лэш посмотрел на набор изумрудно-зеленых открыток, мысленно формулируя вопрос, на который Тара, вероятно, могла бы ответить лучше, чем кто-либо другой.

Он склонился над столом.

— Тара, послушайте. Помните, как мы сидели в баре «У Себастьяна»? И то, что вы мне говорили про зеленый свет?

Он тут же почувствовал, как она напряглась.

— Я должен вас кое о чем спросить. Может ли быть такое, что кандидат, отвергнутый «Эдемом» после вступительного обследования, все же пройдет этап сбора данных, мониторинга, обработки и окажется в Аквариуме? Получит зеленый свет?

— Вы имеете в виду — возможна ли какая-то ошибка? Могут ли отсеянные каким-то образом пройти дальше? Это невозможно.

— Почему?

— Процедуры контроля избыточны, как и все в системе. Мы не можем подвергать даже несостоявшегося клиента какому-либо риску, связанному с неумелой обработкой данных.

— Вы уверены?

— Подобного никогда не случалось.

— До вчерашнего дня.

В ответ на недоверчивый взгляд Тары он вручил ей письмо, которое нашел у себя под дверью. Она прочитала его и явно побледнела.

— «Таверна на лужайке».

— Меня отвергли. Окончательно и бесповоротно. Так как такое

может быть?

— Понятия не имею.

— Кто-нибудь в «Эдеме» мог подделать мои документы? И они прошли через контроль, вместо того чтобы оказаться в грудe отклоненных заявлений?

— Тут никто ничего не делает без того, чтобы за ним не наблюдали полдесятка других.

— Никто?

Услышав тон его голоса, Тара пристально посмотрела на него.

— Разве что кто-то из руководства, имеющий высший уровень допуска. Например, я. Или негодяй вроде Хандерлинга, который вломился в систему. — Она помолчала. — Но зачем кому-то делать это?

— Именно этот вопрос я собирался задать следующим.

Наступила тишина. Тара сложила письмо и отдала его Лэшу.

— Не знаю, как такое получилось. Но мне действительно очень жаль, доктор Лэш. Естественно, мы сразу же проверим это.

— Вам жаль, Сильверу тоже. Почему всем так жаль?

Тара удивленно посмотрела на него.

— Вы хотите сказать?..

— Именно. Завтра вечером я пойду туда.

— Не понимаю...

Она не договорила.

«Знаю, что не понимаешь», — подумал Лэш. Он сам не мог разобраться в себе. Будь он сотрудником «Эдема», как Тара, и оказался бы под воздействием того, что они называли «эффектом Оз», возможно, он порвал бы письмо.

Но не сделал этого. Взгляд за кулисы и восторженные отзывы клиентов фирмы пробудили у него живой интерес, прежде чем он сам успел осознать это. А теперь еще сообщили, что нашли ему идеальную подругу — ему, Кристоферу Лэшу, который столь профессионально анализировал чужие семейные отношения и столь скверно справлялся с собственными. Искушение было чересчур

сильным, чтобы противостоять ему. Даже зная, из-за чего он оказался здесь, он не мог преодолеть желание встретиться с женщиной, которая, возможно, могла бы стать для него идеальной парой.

Впрочем, встреча должна состояться только завтра. На сегодня хватало и других дел.

— Это не случайность, — сказал он.

— Гм?

— То, что мое заявление прошло обработку. Может, это и ошибка, но не случайная. Так же как не случайна смерть тех двух суперпар.

Тара нахмурилась.

— Что вы, собственно, хотите этим сказать?

— Не знаю точно. Но во всем этом есть какая-то закономерность, которую мы не замечаем.

Лэш мысленно вернулся к своей вечерней поездке домой, когда не хотел слушать голос своего подсознания. Теперь он пытался вспомнить, что же говорил ему этот голос.

«Вы по очереди убили две первые пары, — сказал Мочли Хандерлингу во время допроса. — А теперь вы собирались застать врасплох и убить третью».

«По очереди...»

— Можно на минуту? — спросил он, беря со стола блокнот.

Достав ручку, он написал две цифры: 17.09.04 и 24.09.04. Даты смерти Торпов и Уилнеров.

— Тара, — спросил Лэш, — можете сказать мне точно, когда Торпы и Уилнеры подали заявления?

— Конечно.

Повернувшись к одному из терминалов, она постучала по клавишам. Почти сразу же принтер выдал ответ.

Торп, Льюис А. — 000451823 — 30.07.02

Торвальд, Линдси Э. — 000462196 — 21.08.02

Шварц, Карен Л. — 000527710 — 02.08.02

Ничего.

— Можете расширить область поиска? Мне нужна распечатка всех существенных дат для этих двух пар. Когда их обследовали, когда они впервые встретились, когда поженились и так далее.

Тара несколько мгновений задумчиво смотрела на него, затем снова начала стучать по клавишам.

Второй список состоял почти из десятка страниц. Лэш просмотрел их одну за другой, устало водя взглядом по строчкам. Неожиданно он замер.

— Господи, — пробормотал он.

— Что такое?

— Вот эти колонки с заголовком «номинальное удаление аватара» — что они означают?

— Дата, когда аватары выводятся из Аквариума.

— Иначе говоря, когда пары подобраны.

— Совершенно верно.

Лэш протянул ей листок.

— Взгляните на дни удаления аватаров Торпов и Уилнеров.

Тара посмотрела на распечатку.

— Боже мой. Семнадцатое сентября две тысячи второго и двадцать четвертое сентября две тысячи второго.

— Именно. Торпы и Уилнеры не только были первыми подобранными суперпарами. Они умерли ровно два года спустя — с точностью до дня.

Тара уронила листок на стол.

— Как по-вашему, что это означает?

— То, что мы пошли по ложному следу. Я рылся в психологических тестах и результатах обследования, предполагая, что вы просмотрели у них какие-то психические отклонения. Возможно, вместо того чтобы изучать людей, мне следует изучить сам процесс.

— Процесс? А что с поисками подозреваемого? С тем анализом, который проводит Лиза?

— Она все равно не закончит его до понедельника. Я не собираюсь сидеть без дела последующие трое суток. — Он встал и направился к двери. — Спасибо за помощь.

Открывая дверь, он услышал звук отодвигаемого стула.

— Минуту, — сказала Тара.

Он обернулся.

— Куда вы сейчас?

— К себе в кабинет. Нужно просмотреть множество документов.

Тара, не колеблясь, вышла из-за стола.

— Я с вами.

— Не видела мой несессер, крошка? — крикнул Кевин Коннелли.

— Под туалетным столиком, вторая полка слева.

Коннелли босиком прошел мимо кровати, сквозь падающие в окна желтые лучи солнца и присел перед умывальником. Ну конечно же, на второй полке, у самой стены. До этого он потратил полчаса, перетряхивая всю спальню в поисках несессера. Линн, похоже, с фотографической точностью помнила, где что находится, причем не только свои вещи, но и его тоже. У нее это получалось подсознательно, как бы само собой — возможно, именно поэтому она знала столько иностранных языков.

— Ты настоящее сокровище, — сказал он.

— Уверена, ты говоришь это всем девушкам.

Сидя на корточках перед туалетным столиком, он обернулся и посмотрел на нее. Линн стояла перед открытым шкафом, глядя на вешалку с платьями. Взяв одно, она покрутила его в руках, повесила обратно и выбрала другое. В ее движениях, легких и изящных, было нечто такое, от чего даже теперь у него сильнее забилося сердце. В свое время он обиделся, когда его мать назвала ее «симпатичной». Симпатичная? Это была самая красивая женщина из всех, кого он видел в своей жизни.

Отойдя от шкафа, она направилась с платьем в руках к кровати, на которой лежал большой открытый холщовый чемодан. Сложив платье, она бросила его туда.

Он взял отгул на полдня, чтобы помочь жене собраться перед поездкой на Ниагарский водопад. В этом было нечто вроде греховного удовольствия, в котором он отчего-то никому бы никогда не признался. Обычно они упаковывали вещи за несколько дней до отъезда, словно продлевая таким образом отпуск. Он всегда

собирался раньше и по той же самой причине любил заранее приезжать в аэропорт. Впрочем, ещё с холостяцких времен вещи он складывал в спешке и неаккуратно. Линн показала ему, что сборы в дорогу — настоящее искусство и торопиться тут нельзя. А теперь это превратилось в один из тех интимных маленьких ритуалов, из которых состояла их супружеская жизнь.

Встав, он подошел и обнял ее сзади.

— Только представь, — сказал он, потираясь носом о ее ухо. — Еще несколько дней, и мы будем сидеть перед горящим камином в «Пиллар-энд-пост-инн».

— Да.

— Будем завтракать в постели. А может, и обедать. Как тебе это нравится? А если будешь хорошо себя вести, может, получишь и десерт.

В ответ она утомленно опустила голову ему на плечо. Кевин Коннелли чувствовал настроение своей жены не хуже, чем собственное, и тут же отпустил ее.

— Что с тобой, крошка? — спросил он. — Мигрень?

— Может, начинается, — сказала она. — Надеюсь, что нет.

Повернув супругу лицом к себе, Коннелли нежно поцеловал ее сначала в один, потом в другой висок.

— Тоже мне идеальная жена, да? — сказала она, подставляя губы.

— Ты в самом деле идеальная жена. Моя идеальная жена.

Улыбнувшись, она снова опустила голову ему на плечо.

Раздался звонок в дверь.

Мягко высвободившись из ее объятий, Кевин миновал коридор и спустился по лестнице. За спиной он слышал тихие шаги Линн, идущей намного медленнее.

Перед входной дверью ждал человек с большим пакетом.

— Мистер Коннелли? — спросил он. — Распишитесь здесь.

Коннелли расписался в указанном месте и взял пакет.

— Что это? — спросила Линн, когда он поблагодарил и закрыл

дверь.

— Не знаю. Хочешь открыть?

Коннелли отдал ей пакет и с улыбкой стал наблюдать, как она срывает упаковку. Появился целлофан, затем широкая красная лента и наконец бледно-желтая плетеная солома.

— Что там? — спросил он. — Корзина с фруктами?

— Это еще мягко сказано, — удивленно ответила Линн. — Взгляни на этикетку. Красные груши из Эквадора! Ты хоть представляешь, какие они дорогие?

Коннелли улыбнулся, увидев выражение ее лица. Линн обожала экзотические фрукты.

— Кто мог прислать их? — спросила она. — Я не вижу открытки.

— Она тут, совсем маленькая, воткнута сзади. — Коннелли извлек из соломенного плетения карточку и вслух прочитал: — «Поздравляем с приближающейся годовщиной свадьбы. Желаем всего наилучшего».

Линн прижалась к нему, забыв о головной боли.

— От кого это?

Коннелли отдал ей открытку. На ней не было имени, лишь выдавленный фирменный логотип «Эдема». Линн широко раскрыла глаза.

— Красные груши! Откуда они могли знать?

— Они знают все.

Линн тряхнула головой и начала срывать целлофан с корзинки.

— Не так быстро, — с притворным возмущением сказал Коннелли. — Мы еще не закончили кое-какие дела в спальне.

Теперь и ее лицо озарила улыбка. Отложив корзинку, она пошла следом за мужем наверх.

Лэш быстро и без особого интереса взглянул на часы. Потом еще раз — уже с недоверием. Без пятнадцати шесть. Ему казалось, что прошло всего несколько минут с тех пор, как Тара, сославшись на запланированный визит к врачу, ушла из его кабинета, хотя тогда было примерно четыре.

Он вытянулся в кресле, глядя на заваленный бумагами стол. Неужели он в самом деле жаловался на недостаток информации? Теперь ее было столько, что хватило бы на целую армию.

Тот факт, что Торпы и Уилнеры умерли ровно через два года после подбора пары, стал крайне существенным элементом головоломки — нужно было лишь подогнать его к остальному. Впрочем, Лэш понимал, что при таком объеме данных сегодня ему вряд ли удастся сделать это.

Он снова посмотрел на стол, и взгляд его упал на папку с надписью: «Торп, Льюис. Описание процесса». Лэш уже просмотрел содержимое — похоже, это был автоматически сгенерированный перечень всех систем «Эдема», с которыми контактировал Торп. Он начал перетрашивать бумаги, пока не нашел такую же папку Линдси. Потом, подойдя к коробкам у противоположной стены, он принялся искать там, пока не обнаружил аналогичные описи для Уилнеров.

Не исключено, что Сильвер был прав и за эти выходные ничего не случится. Если и в самом деле где-то бродит убийца — возможно, охрана Эдема схватит его, прежде чем он успеет нанести удар. Впрочем, это вовсе не означало, что Лэш собирался сидеть сложа руки. Сравнение данных из этих четырех папок могло добавить новые фрагменты головоломки.

Сунув документы в кожаную сумку, он потянулся, после чего направился в кафетерий в конце коридора. Маргарет ушла, но ее сменщица с удовольствием приготовила ему двойной кофе-эспрессо. Несмотря на позднее время, в кафетерии былолюдно, и Лэш сел за

столик в углу, радуясь, что в «Эдеме» работали в три смены.

Допив кофе, Лэш вернулся в свой кабинет, взял плащ и сумку и пошел к ближайшему лифту. Хотя он до сих пор слабо ориентировался в здании «Эдема», сейчас он, по крайней мере, знал, как добраться до вестибюля.

Стоя в очереди к пропускному пункту номер три, он вернулся к мыслям о суперпарах. Тара Стэплтон обнаружила, что третья из них — супруги Коннелли — была подобрана шестого октября две тысячи второго года. Если открытая им закономерность верна, это означает, что трагедия Коннелли — самоубийство или убийство — случится в ближайшую среду. С одной стороны, это давало чуть больше времени, а с другой — означало нерушимый предельный срок.

Среда. До ее наступления нужно было найти все недостающие фрагменты головоломки.

Оказавшись в начале очереди, он подождал, пока раздвинутся стеклянные двери, а потом вошел в овальную камеру. Привычка — удивительная вещь. Можно привыкнуть почти ко всему, сколь бы невероятным оно ни было. В лаборатории он наблюдал этот эффект на собаках, мышах, шимпанзе. Он использовал его в терапевтических целях. А теперь он сам стоял здесь, пример практического применения данного утверждения в...

Внезапно он осознал, что слышит вдали какой-то звон. Свет в камере, и без того яркий, стал еще ярче. Впереди, за вторыми дверями, он увидел бегущих людей. Что случилось — пожарная тревога? Какие-то учения?

Неожиданно по другую сторону стеклянных дверей перед ним возникли двое вооруженных сотрудников службы безопасности. Они встали, широко расставив ноги, преградив ему дорогу.

Он обернулся, ничего не понимая. Перед первыми дверями тоже стояли двое охранников. К ним уже бежали новые.

Послышался прерывистый электронный писк, и двери, через которые он только что прошел, раздвинулись снова. Охранники цепью шли на него. Лэш заметил, что один из них держит в руке парализатор.

— Что... — начал он.

Двое мужчин быстро и решительно выволокли его за двери.

Остальные окружили их плотным кордоном. Лэш запомнил лишь ряд отрывочных картин: расступающихся удивленных людей из очереди, стены коридора, поворот — и пустую комнату без окон.

Его посадили на деревянный стул. Несколько мгновений казалось, будто никто не обращает на него внимания. Слышались переговоры по рации, кто-то звонил по телефону.

— Вызовите сюда Шелдрейка, — раздался голос.

Хлопнула дверь. Затем один из охранников повернулся к Лэшу.

— Куда вы с этим собирались? — спросил мужчина, держа в руке четыре папки.

В суматохе Лэш даже не заметил, что у него отобрали сумку.

— Домой, — сказал он. — Хотел почитать в выходные.

Господи, как он мог забыть о предупреждениях Мочли?

«Из-за Стены нельзя ничего выносить». Но откуда...

— Вы знаете правила, мистер?.. — спросил охранник, кладя папки в нечто неприятно напоминающее пластиковый пакет для улик.

— Доктор Лэш. Кристофер Лэш.

При этих словах один из сотрудников службы безопасности подошел к компьютеру и начал стучать по клавишам.

— Вы знаете правила, доктор Лэш?

Лэш кивнул.

— В таком случае вы понимаете, насколько серьезный проступок совершили?

Лэш снова в замешательстве кивнул. Тара, которая строго придерживалась протокола, никогда бы не позволила ему взять эти папки. Он надеялся, что не создал ей проблем; в конце концов, Мочли именно ее сделал ответственной за...

— Мы задержим вас, пока не проверим ваше досье. Если вы уже получали предупреждение, боюсь, придется поставить вопрос о вашем увольнении.

Человек у компьютера отвел взгляд от экрана.

— В базе данных сотрудников нет никакого Кристофера Лэша.

— Мы правильно расслышали фамилию? — спросил охранник с пакетом.

— Да, но...

— Я вижу только Кристофера С. Лэша, потенциального клиента, — сказал мужчина за компьютером, снова набирая что-то на клавиатуре. — Прошел обследование в прошлое воскресенье, двадцать шестого сентября. — Он перестал печатать. — Заявление отклонено.

— Это вы? — спросил первый охранник.

— Да, но...

Атмосфера в комнате тут же переменилась. Мужчина подошел к Лэшу, несколько других, в том числе и тот, что с парализатором, встали позади него.

«Господи, — подумал Лэш, — это уже не смешно».

— Послушайте, — снова начал он. — Вы не понимаете...

— Помолчите, сэр, — сказал первый охранник. — Вопросы буду задавать я.

Дверь открылась, и вошел еще один человек — высокий блондин с такими широкими плечами, что голова на них казалась маленькой. Он шагал почти как на параде, и остальные почтительно расступались перед ним. На нем был черный деловой костюм, а глаза у него были необычного темно-зеленого цвета. Он выглядел странно знакомым, но Лэш не сразу вспомнил, что видел его в коридоре во время допроса Хандерлинга.

— Что тут у вас? — коротко спросил вошедший.

— Этот человек пытался пронести через пропускной пункт конфиденциальные документы.

— Отдел, должность?

— Он не наш сотрудник, мистер Шелдрейк. Это отвергнутый клиент.

Шелдрейк поднял брови.

— Вот как?

— Да, только что признался.

Шелдрейк подошел ближе, скрестив мускулистые руки на груди, и с интересом взглянул на Лэша, но явно не узнал — скорее всего, просто не видел его в зале во время допроса. Снова опустив руки, он откинул полы пиджака. Лэш увидел широкий кожаный пояс с кобурой, наручниками и рацией. Отстегнув от ремня телескопическую дубинку, Шелдрейк раздвинул ее на всю длину.

— Крэндолл, — буркнул он. — Посмотри-ка.

Шарообразным концом дубинки он приподнял рукав пиджака Лэша, открыв браслет.

Первый охранник — тот самый Крэндолл — удивленно нахмурился.

— Откуда это у вас? И что вы делали в охраняемой зоне?

— Я временный консультант.

— Вы только что признались, что вы отвергнутый клиент.

Лэш мысленно проклял тайну, которая окружала его миссию.

— Да, знаю. Но часть моего задания заключалась в том, чтобы пройти процедуру подачи заявления. Послушайте, просто обратитесь к Эдвину Мочли. Это он нанял меня.

Снова слышались переговоры по рации. Один из охранников перетряхивал его сумку.

— «Эдем» не берет на работу временных консультантов. И уж точно не впускает их за Стену. — Шелдрейк повернулся к одному из своих людей. — Приведи контрольные посты в состояние готовности. Переходим на уровень Бета. Принеси анализатор, проверим, не поддельный ли браслет.

— Слушаюсь, мистер Шелдрейк.

«Странно. Почему у них нет более поздних данных, например об удачном подборе пары?»

— Послушайте, — сказал Лэш, вставая. — Я же говорил вам, чтобы вы связались с Мочли...

— Сидеть! — Крэндолл резко толкнул его обратно на стул.

Другой охранник, с парализатором, подошел ближе. Еще один

открыл металлический шкаф и достал какую-то длинную палку с петлей на конце. Лэш в свое время часто видел этот инструмент, который использовали для обездвиживания буйных пациентов.

Он облизал губы. Ситуация, которая сначала приводила его в замешательство, а затем вызывала лишь раздражение, теперь становилась опасной.

— Послушайте, — как можно спокойнее сказал он. — Как я уже говорил, я консультант. Работаю вместе с Тарой Стэплтон.

— Над чем? — спросил Шелдрейк.

— Это конфиденциальная информация.

— Если вам так хочется разыграть нас... — Шелдрейк обернулся. — Узнайте, кто из врачей сейчас дежурит, вызовите его сюда. И позвоните в отдел охраны, сообщите начальнику смены.

— Я говорю правду, — сказал Лэш. — Если мне не верите, можете спросить Сильвера. Он про это знает.

Губы Шелдрейка изогнулись в едва заметной улыбке.

— Ричарда Сильвера?

— Ну конечно же, — передразнил Крэндолл. — Никто уже целый год не видел его, но он про это знает.

— Я сам поговорю с ним.

Лэш снова попытался встать.

Крэндолл опять толкнул его на стул. Подскочил еще один охранник, и они вдвоем удержали Лэша.

— Приготовьте наручники, — бесстрастно проговорил Шелдрейк. — Стемпер, оглуши его. Этого парня нужно успокоить.

Мужчина с парализатором подошел ближе.

— По моему сигналу — назад, — бросил Крэндолл охраннику, стоящему позади стула.

В это мгновение открылась дверь, и появился директор вспомогательной службы.

— Что здесь происходит?

Шелдрейк обернулся и замер.

— Этот человек утверждает, что знает вас, мистер Мочли.

— Да, знает. — Мочли подошел ближе. Лэш попытался встать, но директор решительным движением удержал его. — Что случилось?

— Он пытался пройти через пропускной пункт с документами.

Шелдрейк кивнул Крэндоллу, который протянул Мочли пакет с папками.

Директор открыл его и прочитал надписи на обложках.

— Я заберу их.

— Хорошо, сэр, — сказал Крэндолл.

— Доктор Лэш пойдет со мной.

— Вы уверены, что это хорошая мысль? — спросил Шелдрейк.

— Да, мистер Шелдрейк.

— Тогда передаю его вам. — Он повернулся к Крэндоллу. — Отметь это в журнале.

Мочли взял сумку и кивнул задержанному.

— Идемте, доктор Лэш, — сказал он. — Туда.

Когда они выходили из комнаты, Лэш услышал, как Шелдрейк приказывает по телефону отменить тревогу и перейти с уровня Бета на уровень Альфа.

Когда они вышли в коридор, Мочли закрыл за собой дверь и повернулся к Лэшу.

— О чем вы думали, доктор Лэш?

— Похоже, вообще ни о чем. Я просто устал. Извините.

Директор вспомогательной службы внимательно посмотрел на Лэша, затем кивнул.

— Я распоряжусь, чтобы их отнесли к вам в кабинет, — сказал он, показывая на папки. — Они будут ждать вас в понедельник утром.

— Спасибо. Что это за уровень Бета, про который говорили

охранники?

— В этом здании действуют четыре уровня тревоги: Альфа, Бета, Дельта и Гамма. Уровень Альфа — это обычная ситуация. Бета означает повышенную готовность. Уровень Дельта объявляется при эвакуации в случае пожара или чего-то подобного.

— А уровень Гамма?

— Только в случае какой-нибудь катастрофы. Естественно, он еще ни разу не объявлялся.

— Конечно же.

Поняв, что сказал глупость, Лэш пожелал Мочли приятных выходов и повернулся, собираясь уходить.

— Доктор Лэш, — спокойно позвал директор вспомогательной службы.

Лэш обернулся и увидел, что Мочли протягивает ему сумку.

— Вам лучше пройти через контрольный пункт номер один на третьем этаже, — сказал он. — Здешние охранники какое-то время будут слегка... гм... возбуждены.

Помощник окружного прокурора Фрэнк Пистон мрачно ерзал на деревянном стуле. Он пришел к выводу, что отдал бы все, лишь бы заполучить в свои руки того садиста, который закупал мебель для верховного суда округа Салливан. Хватило бы десяти минут, даже пяти, чтобы дать тому понять, что он думает о его выборе. Он бывал в десятках залов судебных слушаний, в кабинетах и комнатах для допросов в этом пятиэтажном здании. Повсюду были одни и те же деревянные стулья с плоскими тюремными сиденьями и спинками, усеянными выпуклостями в самых неподходящих местах. Этот стул в зале заседаний комиссии по условно-досрочному освобождению ничем не отличался от остальных.

Посмотрев на часы, он печально вздохнул. Ровно шесть. Наверняка его дело будет рассматриваться последним. А ведь оно должно стоять первым в списке. В конце концов, на то, чтобы отклонить прошение, вряд ли потребуется больше нескольких минут, после чего Эдмунд Уайр вернется гнить за решеткой на очередные десять лет. Но нет, он вынужден сидеть здесь в течение десятка других слушаний, каждое из которых скучнее предыдущего. Невероятно, с каким только дерьмом не приходится иметь дело помощнику прокурора. Все давно дома, а он должен сидеть здесь, чувствуя, как онемевает все его тело от спины и ниже. Неужели ради этого он четыре года проторчал на юридическом факультете и отдал почти сто тысяч?

На какое-то жуткое мгновение — полчаса назад, когда рассматривалось прошение серийного насильника, — ему показалось, что комиссия перенесет остаток работы на другой срок и ему придется снова прийти сюда через неделю, на очередной раунд подобных пыток. Но нет, они решили выслушать остальных. Естественно, кассационную жалобу насильника отклонили, как и всех прочих. Комиссия была сурова. Ему подумалось, что, если ему когда-нибудь захочется совершить преступление, лучше делать это в

другом округе.

Прошение пьяного водителя, сбившего старушку и получившего двадцать лет за убийство при отягчающих обстоятельствах, тоже было отклонено. Наконец подошла его очередь. Уолт Корсо, председатель комиссии с постоянно кислой физиономией, откашлялся и, бросив взгляд на лежащий перед ним на столе блокнот, объявил:

— Комиссия по условно-досрочному освобождению рассматривает прошение Эдмунда Уайра.

Сидящие по другую сторону судейского стола зашевелились. Пистон заметил, что присутствуют все двенадцать членов комиссии, что было необходимо при рассмотрении заявления убийцы. Теперь, когда вышли опечаленные родственники пьяницы водителя, зал почти опустел. В нем осталась только комиссия, судебный пристав, секретарь, несколько представителей администрации штата и он. Не было даже журналистов. Уайр никоим образом не мог выйти на свободу, и все знали об этом. Пистон не понимал, как этому типу удалось так быстро подать прошение об условно-досрочном освобождении. Нельзя же убить шесть человек, а потом...

Двери справа от него распахнулись. В них появился Эдмунд Уайр в наручниках, которого вели тюремные охранники.

Пистон выпрямился на стуле. Это уже было необычно. Неужели Уайр не нанял адвоката? Почему, черт побери, он появился здесь собственной персоной?

Тем временем членов комиссии это, похоже, несколько не удивило. Они молча смотрели, как перед ними проводят заключенного.

Корсо все с той же кислой миной снова заглянул в блокнот и что-то в нем нацарапал.

— Как я понимаю, мистер Уайр, вы желали присутствовать на этом заседании, но не воспользовались услугами адвоката или консультанта, предпочтя представлять свои интересы лично?

Уайр кивнул.

— Именно так, сэр, — почтительно проговорил он.

— Очень хорошо. — Корсо окинул взглядом зал. — Кто его

куратор?

Один из сидящих позади встал.

— Я, сэр.

— Форстер?

— Да, сэр.

— Подойдите сюда.

Человек по имени Форстер двинулся по проходу. Уайр посмотрел на него и кивнул.

Корсо оперся локтями о стол и наклонился к куратору.

— Должен вам сказать, Форстер, что нас удивило обоснование для прошения от этого человека.

«Не только тебя», — подумал Пистон.

— Тюремные сроки мистера Уайра не складывались, сэр, — сказал Форстер. — Он должен отбыть их единовременно.

— Мне это известно.

Уайр откашлялся и посмотрел на листок, который держал в руке.

— Сэр, — начал он, — ввиду состояния здоровья я намеревался просить об условном освобождении в связи с крайней необходимостью...

Это было уже слишком. Уайр выглядел образцовым здоровяком. Пистон вскочил со стула, который громко ударился о деревянный пол. Корсо, нахмурившись, посмотрел на него.

— Хотите что-то добавить, мистер?..

— Пистон. Фрэнк Пистон. Помощник окружного прокурора.

— Ах да, молодой Пистон. Говорите.

— Могу я напомнить, что виновные в преступлениях при отягчающих обстоятельствах не вправе ходатайствовать об освобождении в связи с крайней необходимостью?

— Комиссия в курсе, спасибо. Мистер Уайр, можете продолжать.

— Как я уже сказал, сэр, я намеревался просить об

освобождении в связи с крайней необходимостью. Впрочем, потом я узнал, что это не обязательно.

— Так написано в кратком изложении дела. — Корсо посмотрел на куратора. — Мистер Форстер, будьте любезны объяснить?

— Мистер Уайр набрал немало поощрительных пунктов за хорошее поведение. Максимальное количество.

Пистон наклонился вперед. Что еще за чушь? Он не раз слышал о проблемах, которые Уайр создавал в тюрьме. Он был одним из худших преступников, хладнокровным убийцей, хитрым как лис. Он натравлял одних заключенных на других, устраивал драки и скандалы, постоянно вступал в конфликты с охраной, не говоря уже о нескольких необъясненных убийствах. Невозможно получить поощрение за хорошее поведение, расправляясь с сокамерниками, даже если ничего не доказано.

— Хорошее поведение и заслуги мистера Уайра перед тюремным сообществом, участие в работах для города и встречах реабилитационных групп дают ему право ходатайствовать об условно-досрочном освобождении — естественно, под надзором судебного куратора — начиная с двадцать девятого сентября сего года.

Эти слова потрясли Пистона. Он снова вскочил. Двадцать девятое сентября было два дня назад. Уайр имеет право на условно-досрочное освобождение? Уже? Не может быть.

Корсо посмотрел на него.

— Хотите еще что-то добавить, мистер Пистон?

— Нет. Вернее, да. Освобождение за примерное поведение — это привилегия, а не право. Она нисколько не отменяет того факта, что Уайр лишил жизни шестерых человек, в том числе двоих офицеров полиции.

— Вы забыли, мистер Пистон, что мистер Уайр был обвинен и осужден за убийство одного человека?

Пистон мысленно выругался. Да, в самом деле, Уайра осудили только за убийство его последней жертвы. Дело было в каких-то юридических формальностях, не соблюденных в процессе сбора улик. Хотя сейчас это выглядело полнейшей глупостью, окружной прокурор предпочел ограничиться безупречным обвинением в одном

убийстве, нежели рисковать тем, что Уайр будет оправдан из-за процедурных ошибок. Тогда пресса подняла страшный шум. Неужели эти клоуны не помнят об этом?

Вслух же он сказал:

— Не забыл, сэр. Прошу лишь учесть обстоятельства тех убийств и род совершенных Уайром преступлений при рассмотрении...

— Мистер Пистон, вы будете учить комиссию по вопросам условно-досрочного освобождения, как ей выполнять свою работу?

Пистон сглотнул.

— Нет, сэр.

Корсо встряхнул пачкой бумаг.

— Вам известны все факты? У вас есть материалы дела?

— Нет, сэр.

— Тогда сядьте и держите язык за зубами, молодой человек, если вам нечего добавить по существу.

Уайр взглянул на Пистона. Это длилось всего мгновение, но помощника прокурора обдало холодом. Так кот смотрит на канарейку. Затем заключенный повернулся и снова улыбнулся комиссии.

Пистон, потрясенный ходатайством об освобождении и слегка напуганный взглядом Уайра, пытался собраться с мыслями. Следовало помнить, с кем он имеет дело. Все знали, что Уайр убил двоих полицейских, подстроив им ловушку, и намеревался также расправиться с агентом ФБР. Старик Корсо наверняка не забыл этого, а он имел репутацию настолько сурового судьи, каким только может быть председатель комиссии по вопросам освобождения. Кроме того, нужно будет преодолеть все детали ходатайства. Уж тут-то Уайр точно на чем-нибудь попадетсЯ.

Корсо словно прочитал его мысли.

— Хорошо, мистер Форстер, переходим к вашему ходатайству. Все члены комиссии имели возможность ознакомиться с ним. Должен признаться, что все мы были несколько удивлены, не только я.

— Вполне это понимаю, сэр. Впрочем, готов защищать как свое

мнение, так и достоверность сведений.

— Я ничего не оспариваю, мистер Форстер. Вы всегда весьма тщательно подходили к подготовке ходатайств. Мы лишь... слегка удивлены, вот и все. — Корсо перелистал ходатайство. — Все эти социологические анализы, результаты психологического обследования, вся история исправления Уайра. Никогда еще не видел столь высоких показателей.

— Я тоже, сэр, — сказал Форстер.

Глаза стоявшего рядом с куратором Уайра блеснули.

— Свидетельства, которые вы приводите, не менее поразительны.

— Все это было в базе данных, сэр.

— Гм... — Корсо перелистал последние страницы документа и отложил его в сторону. — Хотя я сам не знаю, из-за чего мы столь удивлены. В конце концов, мы здесь потому, что верим в действенность нашей системы исполнения наказаний. Мы стараемся обеспечить нашим заключенным возможность вернуться к нормальной жизни. Почему же нас так удивляет пример того, что эта система реально работает?

«Боже мой», — подумал Пистон. Лишь одно могло сделать Корсо столь снисходительным — морковка успеха перед носом. Корсо, председатель комиссии по вопросам условно-досрочного освобождения, претендовал также на место в законодательном собрании штата. А преобразование Эдмунда Уайра из убийцы-садиста в перевоспитавшегося заключенного могло стать семимильным шагом в сторону сенаторского кресла...

Нет, такого просто не могло быть. Уайр был настоящим подонком, убийцей-психопатом. В чем же дело? Как можно было получить подобные результаты тестов?

— Сэр, — сказал Уайр, смиренно глядя на Корсо, — в свете всего вышесказанного я бы хотел просить комиссию о согласии на мое условно-досрочное освобождение, назначении даты выхода на свободу и составлении плана судебного надзора.

Пистон с растущим недоверием смотрел, как Уайр заглядывает в листок, который держит в руке. Комиссия в полной его власти. Кто-то хорошо научил его, проинструктировал, что читать и говорить.

Кто?

Помощник прокурора снова вскочил.

— Мистер Корсо! — воскликнул он.

Старик, нахмурившись, посмотрел на него.

— Что еще?

Пистон пошевелил губами, но не смог произнести ни звука. Уайр безразлично оглянулся через плечо. Перехватив взгляд Пистона, он прищурился и облизал губы, медленно и многозначительно, сначала верхнюю, а потом нижнюю.

Пистон сел. Когда в зале возобновились прерванные дебаты, он полез в карман, достал мобильный и позвонил в офис. Как он и ожидал, включился автоответчик. Он начал было набирать номер шефа, но передумал. Окружной прокурор был сейчас на поле для гольфа, и, как обычно, телефон его был выключен.

Пистон медленно, почти задумчиво убрал телефон в карман и посмотрел на комиссию. Ему казалось, будто это сон, одно из тех кошмарных сновидений, в которых человек становится свидетелем каких-то жутких событий — наверняка ведущих к трагедии, катастрофе, — но при этом он парализован и не может ничего сделать, ничего изменить...

На этом подобие заканчивалось. Пистон знал, что от кошмарных снов всегда просыпаются. Но сейчас пробуждения не будет.

— Планы меняются, — сказал Лэш, наклонившись к водителю. — Высадите меня здесь.

Он подождал, пока такси съедет с Коламбус-серкл и остановится у тротуара, расплатился и вышел. Посмотрев, как такси исчезает в море таких же желтых машин, он сунул руки в карманы плаща и медленно пошел по Сентрал-Парк-Уэст.

Он сам не знал, почему решил выйти за несколько улиц до ресторана. Возможно, ему не хотелось наткнуться на ту женщину у входа. Что это, собственно, означало? Наверняка здесь было что-то общее с желанием владеть ситуацией; он хотел увидеть ее первым, занять свое личное пространство до того, как они встретятся. Явный симптом волнения.

В ином настроении он, возможно, и посмеялся бы над подобным самоанализом. Впрочем, учащенное дыхание и пульс говорили сами за себя. Он, Кристофер Лэш, известный психолог, видевший сотни мест убийств, волнуется, словно подросток на первом свидании.

Все началось постепенно, еще утром, когда он машинально снял трубку, чтобы позвонить в «Таверну на лужайке». «Эдем» уже зарезервировал для них столик, но Лэш хотел сам выбрать зал. Он повесил трубку столь же поспешно, как и снял. Какой зал лучше? Хрустальный, с множеством мерцающих люстр, или Деревянный, с лесным интерьером?

На принятие решения ему потребовалось десять минут, а пятнадцать последующих он провел у телефона, диктуя фамилии и уговаривая девушку-администратора, чтобы она зарезервировала ему лучший столик.

Это было совершенно не похоже на него. Он редко ужинал вне дома, и даже тогда ему было все равно, где сидеть. Столь же необычным было то, что он остановился возле автобусной остановки и посмотрел в стекло, а также беспокойство по поводу того, что

выбранный им галстук немодный или слишком яркий, а может, и то и другое вместе.

В «Эдеме» наверняка предвидели подобную реакцию. Вероятно, в обычных обстоятельствах его подготовили бы и наговорили ободряющих банальностей. Но сейчас все было иначе. Неизвестно, как так получилось, но фирма, никогда не допускающая ошибок, только что совершила одну. Так что Лэш шел по Сентрал-Парк-Уэст, было ровно восемь вечера, и впервые за несколько дней его мысли не занимала смерть Торпов и Уилнеров.

Впереди, в том месте, где Западная Шестьдесят седьмая подходила к Центральному парку, он заметил бесчисленные белые огоньки, мерцающие среди деревьев. Пробравшись среди множества лимузинов, он вошел в ресторан и поправил пиджак, посмотрев, на месте ли присланная из «Эдема» брошка. Даже над этой мелочью он размышлял несколько минут, меняя ее положение на лацкане и проверяя, что она хорошо видна, но не слишком выделяется. У него пересохло в горле, ладони вспотели. Разозлившись, он вытер их о брюки и решительно направился в сторону бара.

«Все сводится именно к этому», — подумал он. Забавно: все то время, пока он проходил обследование, изучал «Эдем» и те две суперпары, он ни разу не задумывался, каково это, когда стоишь и гадаешь, как будет выглядеть выбранный для тебя человек. Вплоть до сегодняшнего дня. Теперь он не мог думать ни о чем другом. По собственному печальному опыту он знал, какой не должна быть его идеальная спутница. Наверняка не такой, как Ширли, его бывшая жена, не способная простить человеческую слабость, примириться с трагедией. Будет ли его идеальная женщина смесью его прежних подруг, созданной в его подсознании комбинацией? Сочетанием черт актрис, которыми он больше всего восхищался, — с изящными формами Мирны Лой и красивым личиком Клодетт Кольбер?

Он остановился у входа в бар, оглядываясь по сторонам. За столиками, оживленно разговаривая, располагались компании из двух-трех человек. Остальные одиноко сидели возле стойки...

Она была там. По крайней мере, ему показалось, что это должна быть она, поскольку к ее платью была приколотая точно такая же брошка. Женщина посмотрела прямо на него, встала и с улыбкой пошла ему навстречу.

И все же это не могла быть она, ибо выглядела незнакомка совершенно иначе, чем он ожидал. Высокая и черноволосая, она ничем не напоминала изящную хрупкую шатенку в стиле Мирны Лой. Лет тридцать с небольшим, шаловливый блеск в карих глазах. Лэш не помнил, чтобы когда-либо договаривался о свидании с женщиной на голову выше его.

— Кристофер? — спросила она, пожимая ему руку и кивая в сторону его брошки. — Узнаю бижутерию.

— Да, — ответил он. — А вы Диана.

— Диана Миррен.

Голос ее тоже оказался необычным — певучее контральто с явным южным акцентом.

— Зайдем? — спросил он.

Диана забросила сумочку на плечо, и они вместе подошли к администратору.

— Лэш и Миррен, на восемь часов, — сказал Лэш.

Женщина за столиком заглянула в большую книгу.

— Да, на террасе. Сюда, пожалуйста.

Лэш выбрал террасу, поскольку она казалась ему наиболее интимной, с резным потолком и высокими окнами, выходящими в небольшой сад. Официант усадил их за столик, наполнил стаканы водой и положил перед ними два меню, после чего, поклонившись, удалился.

Какое-то время оба молчали. Лэш посмотрел на женщину и заметил, что она тоже разглядывает его. Неожиданно Диана рассмеялась.

— Что такое? — спросил он.

Тряхнув головой, она потянулась к стакану с водой.

— Сама не знаю. Вы... вы не такой, как я ожидала.

— Наверное, старше, более худощавый и бледный.

Она снова улыбнулась и чуть покраснела.

— Извините, — сказал он.

— Что ж, нам говорили, чтобы мы не настраивались заранее.

Лэш, которому никто ничего не говорил, лишь кивнул. Появился сомелье с висящей на шее маленькой серебряной чашечкой.

— Что-нибудь из вина, сэр?

Лэш взглянул на Диану, которая энергично кивнула.

— Заказывайте вы. Обожаю французские вина, но практически ничего не знаю о них.

— Бордо пойдет?

— Naturellement. [\[19\]](#)

Лэш взял винную карту.

— Пожалуйста, «Пишон-Лонгвиль».

— «Пишон-Лонгвиль»? — спросила Диана, когда сомелье отошел. — Второе по качеству из Пойяка? Оно должно быть фантастическим.

— Второе?

— Ну, знаете, все достоинства «Премьер-крю» при разумной цене.

Лэш положил карту.

— Я думал, вы не разбираетесь в винах.

Диана снова отпила воды.

— Что ж, я действительно не знаю столько, сколько следовало бы.

— То есть?

— В прошлом году я ездила на полуторамесячную экскурсию по Франции. Мы провели целую неделю в краю вин.

Лэш присвистнул.

— Вот только мне стыдно признаться, что осталось у меня в памяти, а что нет. Например, я помню, что Шато-Бейшевель — самый красивый из замков. Но спросите меня о лучших годах урожая, и я ничего не смогу сказать.

— Пожалуй, вам стоит провести за этим столом официальную

дегустацию.

— Ничего не имею против, — снова рассмеялась Диана.

Обычно Лэш не любил людей, которые смеялись часто. Нередко это служило заменой знаков препинания или чего-то, что можно было лучше выразить словами. Впрочем, смех Дианы оказался заразителен, и Лэш поймал себя на том, что тоже улыбается, когда слышит его.

Когда вернулся сомелье с бутылкой, Лэш перепоручил его Диане. Бросив взгляд на этикетку, она с притворной серьезностью повертела бокал в руке и поднесла его ко рту. Пришел официант и перечислил длинный список вечерних фирменных блюд. Сомелье разлил вино и удалился. Диана подняла свой бокал и посмотрела на Лэша.

— За что выпьем? — спросил он.

«Наверняка она скажет: „За нас“, — подумал он. — Обычно всегда так говорят».

— Может, за трансвеститов? — как ни в чем не бывало ответила Диана.

Лэш едва не выронил бокал.

— А?

— Хотите сказать, что не заглядывали туда?

— Куда?

— В фонтан. Ну, знаете, та античная скульптура перед зданием «Эдема», в окружении птиц и ангелов? Когда я в первый раз увидела ее, она показалась мне самым странным созданием на свете. Я не смогла бы определить, мужчина это или женщина.

Лэш молча покачал головой.

— Что ж, хорошо, что хоть один из нас посмотрел. Это Тирезий.

— Кто?

— Персонаж из греческой мифологии. Видите ли, Тирезий был мужчиной, который стал женщиной. А потом снова мужчиной.

— Что? Почему?

— Почему? Не спрашивайте. Это было в Фивах. Тогда всякое бывало. В общем, Зевс и Гера спорили, кто получает больше радости

от секса — мужчины или женщины. Поскольку Тирезий был единственным, кто познал и то и другое, его позвали, чтобы он рассудил их.

— Продолжайте.

— Гере не понравилось то, что он сказал. Она ослепила его.

— Вполне типично.

— Зевсу стало совестно, и он наделил его даром ясновидения.

— Весьма мило с его стороны. Но вы кое-что пропустили.

— Что?

— Что именно сказал Тирезий такого, что так прогневало Геру.

— Он сказал, что женщины получают больше радости от секса, чем мужчины.

— В самом деле?

— В самом деле. В девять раз больше.

«Вернемся к этому позже», — подумал Лэш, поднимая бокал.

— Почему бы нам не выпить за гермафродитов?

Диана немного подумала.

— Вы правы. Значит, за гермафродитов.

Они чокнулись. Лэш глотнул вина и счел его превосходным. Он решил: хорошо, что Диана не выглядит как Клодетт Кольбер. Подобное внушало ему страх.

— Где вы набрались таких знаний? — спросил он.

— Собственно, я всегда об этом знала.

— Дайте догадаюсь. Вычитали «Мифологию» Балфинча во время экскурсии по Франции.

— Неплохая попытка, но мимо. Можно сказать, что это часть моей работы.

— Вот как? А кем вы работаете?

— Преподаю английскую литературу в Колумбийском университете.

Лэш кивнул. Это произвело на него впечатление.

— Прекрасное учебное заведение.

— Я обычный преподаватель, но с видами на повышение.

— Какая ваша специальность?

— Пожалуй, романтизм. Лирическая поэзия.

Лэш ощутил странную дрожь, словно что-то внутри его внезапно нашло свое место. В колледже он любил романтическую поэзию, но психология и требования учебы отодвинули эти интересы на задний план.

— Очень интересно. Так уж вышло, что в последнее время я читал Басё. Конечно, это не романтик в точном смысле этого слова.

— Ну, по-своему — более чем. Величайший поэт японских хайку.

— Об этом я не знал. Но его стихи запомнились мне.

— С хайку всегда так. Они затягивают — сначала кажутся такими простыми, а потом атакуют тебя со всех сторон.

Лэш вспомнил Льюиса Торпа. Он сделал еще глоток вина и процитировал:

О, благодать!
Сквозь нежную зелень, первую зелень —
Солнечный свет. [\[20\]](#)

При этих словах улыбка на ее губах погасла, лицо приобрело сосредоточенное выражение.

— Еще раз, — тихо попросила она.

Лэш повторил. Когда он закончил, за столиком наступила тишина. Но это вовсе не было неловкое молчание — они просто сидели, наслаждаясь мгновением раздумий. Лэш смотрел на соседние столики, на глубокие закатные цвета в парке за окнами. Он даже не заметил, как забыл о волнении, которое ощущал, входя в ресторан.

— Прекрасно, — сказала наконец Диана. — У меня бывали такие моменты. — Она на мгновение замолчала. — Оно напоминает мне

другое хайку, которое написал Кобаяси Исса ^[21] почти на сто лет позже.

Теперь уже она процитировала:

Цикады на ветке,
плывущей вниз по реке,
до сих пор поют.

Снова появился официант.

— Вы уже решили, что будете заказывать?

— Мы даже еще не успели открыть меню, — ответил Лэш.

— Хорошо. — Официант поклонился и отошел.

Лэш повернулся к Диане.

— Все дело в том, что хотя они и прекрасны, я совершенно не понимаю их.

— Совсем?

— Разве что очень поверхностно. Тем временем они словно загадки, в них есть некий более глубокий смысл, который ускользает от меня.

— Именно в этом и состоит проблема. Я до сих пор слышу подобное от студентов.

— Просветите меня.

— Вы воспринимаете их как эпиграммы. Хайку не загадки, которые нужно разгадать. На мой взгляд, как раз наоборот. Они на многое намекают, многое оставляют воображению, больше подразумевают, чем говорят. Не ищите ответа. Вместо этого думайте о том, как открыть дверь.

— Открыть дверь? — переспросил Лэш.

— Вы упоминали о Басё. Знаете, что он написал самое знаменитое хайку «Сто лягушек»? В нем, как и во всех классических хайку, всего семнадцать слогов. И знаете что? Существует свыше пятидесяти вариантов его английского перевода, причем каждый полностью отличается от других.

Лэш покачал головой.

— Потрясающе.

На лице Дианы снова появилась улыбка.

— Именно это я и имела в виду, говоря про открытие двери.

Снова наступила тишина. Появился официант и долил Лэшу вина.

— Знаете, это забавно, — сказал Лэш, когда официант отошел.

— Что забавно?

— Мы разговариваем о французских винах, греческой мифологии и японской поэзии, а вы до сих пор не спросили, чем я занимаюсь.

— Да, не спросила.

Его в очередной раз удивила ее непосредственность.

— Гм... разве обычно это не первая тема для разговора? Ну, знаете, на первом свидании?

Диана наклонилась к нему.

— Именно. И как раз это делает его особенным.

Лэш задумался над ее словами. Потом он неожиданно понял — не было никакой необходимости задавать подобные вопросы. Об этом позаботился «Эдем». Утомительное знакомство, осторожные маневры, которыми сопровождалось свидания вслепую, здесь не требовались. Вместо этого их ждало путешествие, полное открытий.

До сих пор он не отдавал себе в этом отчета. Теперь же он испытал лишь ни с чем не сравнимое облегчение.

Вернулся официант, заметил нетронутое меню, снова поклонился и отошел.

— Бедный парень, — сказала Диана. — Надеюсь, следующие посетители окажутся лучше.

— Знаете что? — отозвался Лэш. — Думаю, этот столик зарезервирован на весь вечер.

Диана с улыбкой подняла пустую руку, изображая тост.

— В таком случае за наш вечер.

Лэш кивнул, а потом сделал то, чего сам не ожидал, — взял пальцы Дианы в свои и мягко поцеловал, увидев легкое удивление в ее глазах и еще более широкую улыбку.

Отпустив ее руку, он ощутил едва уловимый запах. Не мыла или духов, но самой Дианы — словно смесь корицы, меди и чего-то еще, не поддающегося идентификации. Аромат слегка пьянил. Лэш вспомнил, что говорил в генетической лаборатории «Эдема» Мочли о мышах и их довольно необычном способе поиска по запаху наиболее различающихся наборов генов у потенциальных партнеров, и неожиданно рассмеялся.

Диана промолчала, лишь вопросительно подняла брови.

В ответ Лэш поднял руку, на этот раз держа в ней бокал с вином.

— За вселенную разнообразия.

Воскресенье было пасмурным и холодным, и солнце в небе, казалось, скорее охлаждало, чем согревало землю. К вечеру волны бухты Лонг-Айленд приобрели свинцовый цвет, а вода почернела. Зима не за горами.

Лэш сидел за компьютером в своем домашнем кабинете, держа в руках чашку травяного чая. Каким-то чудом — учитывая насыщенную атмосферу ужина и поздний час, когда они расстались с Дианой, — он сумел проспать шесть часов и встал довольно бодрым. Его мучила лишь одна проблема: не имея возможности вынести какие-либо документы из «Эдема», без доступа к каким-либо файлам или базам данных, он никак не мог продвинуться вперед в своем расследовании. Несмотря на это, инстинкт подсказывал ему, что он близко, может быть, даже очень близко к разгадке. Какое-то время он бродил по дому, погруженный в размышления, пока в конце концов не начал искать в Интернете информацию о фирме.

Как обычно, нашлось множество мусора: объявления какого-то мошенника, утверждающего, будто он разгадал тайну «Эдема», и предлагающего поделиться ею на видео за девятнадцать долларов девяносто пять центов; сайты сторонников теории заговора, которые в самых черных красках описывали зловещий союз, заключенный «Эдемом» с силовыми структурами. Впрочем, в этих горах мусора иногда мерцали бриллианты. Лэш вывел на принтер несколько выбранных наугад статей, после чего пошел с распечатками в гостиную и сел на диван.

Издали доносились жалобные крики чаек. Положив ноги на стол, он начал не спеша просматривать материалы. Он нашел чрезвычайно сложную статью об искусственной личности и коллективном разуме, написанную Сильвером почти десять лет назад и наверняка размещенную в Сети без согласия автора. Сайт для финансистов дал ему трезвый анализ бизнес-модели «Эдема», по крайней мере той ее части, что была общеизвестна, и короткую историю финансирования

начала деятельности фирмы со стороны фармацевтического гиганта, каковым являлся «Фармген».

На другом сайте нашлась биография Ричарда Сильвера — успешного человека, который из ничего создал предприятие мирового класса. Лэш прочитал ее внимательнее, чем две предыдущие публикации, удивляясь тому, каким образом Сильвер столь педантично и изобретательно воплотил в жизнь свою мечту, не позволив, чтобы первоначальные неудачи помешали ему. Он был одним из представителей редкой разновидности людей, гением, который, казалось, с самых юных лет знал, какой дар он должен преподнести миру.

Были и другие материалы, не столь хвалебные: отвратительная заметка из таблоида, обещавшая раскрыть «шокирующую и чудовищную» правду о «чокнутом гении» Сильвере. Первый абзац текста выглядел так. «Вопрос: Что ты делаешь, если не можешь найти себе девушку? Ответ: Программируешь ее для себя». Впрочем, автору статьи больше сказать было нечего, так что Лэш отложил распечатку, встал и подошел к окну.

Действительно, существовало множество других задач, которые Сильвер мог поручить Лизе, причем они принесли бы ему значительно большую прибыль, дав возможность вести дальнейшие разработки. В некотором отношении его выбор выглядел несколько странно. Сильвер — во всех отношениях робкий и замкнутый в себе человек — сделал состояние на самом пылком из чувств, на любви. Казалось иронией судьбы, что он не сумел помочь самому себе.

Когда Лэш смотрел в окно, неожиданно ему невероятно отчетливо вспомнилось хайку, которое цитировала прошлым вечером Диана Миррен.

Цикады на ветке,
плывущей вниз по реке,
до сих пор поют.

Он улыбнулся, вспомнив вчерашний ужин. Когда они в конце концов сделали заказ, их разговор уже шел легко и свободно. Лэш без каких-либо колебаний избавился от своей обычной сдержанности. Она начала заканчивать фразы за него, а он за нее, словно они знали друг друга с детства. И тем не менее это было странное знакомство,

полное бесчисленных сюрпризов. Около часа ночи они расстались на Сентрал-Парк-Уэст, предварительно обменявшись номерами телефонов. О новой встрече они не договаривались — в этом не было необходимости. Лэш знал, что снова увидится с ней, причем скоро. Честно говоря, ему хотелось позвонить ей прямо сейчас и пригласить к себе на ужин.

Что она говорила? Хайку не загадки, как раз наоборот. Не ищи ответа. Думай о том, как открыть дверь.

Открыть дверь. Так как же интерпретировать те стихи, что она читала?

Они состояли не более чем из десятка слов. Лэш мысленно увидел, как зеленая ветка вербы, которую несет ленивое течение, движется в сторону далекого водопада. «До сих пор поют». Пели ли цикады потому, что не знали, что их ждет, — или как раз поэтому?

Уилнеры и Торпы были как те цикады из хайку. Невыносимо, до упоения счастливые... вплоть до последнего непостижимого мгновения.

Тишину нарушил телефонный звонок.

Лэш встал и пошел в кухню. Может быть, это Диана, тогда придется отыскать свой рецепт лосося в кляре.

Он снял трубку.

— Лэш слушает.

— Крис? — послышался голос. — Это Джон.

— Джон?

— Джон Ковен.

Лэш узнал голос агента ФБР, который арестовал Хандерлинга, и слегка упал духом. Ковен наверняка звонит, поскольку лично заинтересован в «Эдеме». Может, он считает, что Лэш может устроить ему скидку или еще что-нибудь.

— Как дела, Джон?

— Хорошо, спасибо. Послушай, ты не согласишься.

— Говори.

— Уайр выходит условно-досрочно.

Лэш оцепенел.

— Можешь повторить?

— Эдмунд Уайр получил согласие на условно-досрочное освобождение. В пятницу вечером.

Лэш сглотнул.

— Ничего не слышал об этом.

— Никто не слышал. Я сам узнал десять минут назад. Увидел в новостях.

— Этого не может быть. Он убил шесть человек.

— Ты это мне говоришь?

— Наверняка какая-то ошибка.

— Никакой ошибки. Комиссия единогласно удовлетворила ходатайство, основываясь на письменном отчете куратора.

— Каковы условия освобождения?

— Как обычно при подобных обстоятельствах. Строгий надзор. Что для такого, как Уайр, ничего не значит.

Лэш почувствовал пронзительную боль в правой руке и понял, что судорожно сжимает трубку.

— И когда это произойдет? Через несколько недель? Месяцев?

— Даже раньше. Похоже, они очень торопятся, видимо, хотят сделать из Уайра образцовый пример процесса перевоспитания. Сейчас для него подбирают жилье и готовят сертификат об освобождении. Через день-два он будет на свободе.

— Господи.

Лэш замолчал, не в силах осознать услышанное.

— Кристофер?

Лэш не отвечал.

— Крис? Ты там?

— Да, — машинально ответил Лэш.

— Послушай, у тебя остался табельный пистолет?

— Нет.

— Плохо. Что бы там ни думала комиссия по вопросам освобождения, мы оба знаем, что эта сволочь захочет довершить начатое. На твоём месте я бы позаботился об оружии. И помнил бы о том, чему нас учили в академии. Ты стреляешь не затем, чтобы убить. Ты стреляешь, чтобы жить.

Лэш снова не ответил.

— Если тебе что-то потребуется, дай знать. А пока — береги себя.

И в трубке наступила тишина.

Он ехал домой. Так все это начиналось: ясным и солнечным днем он в очередной раз возвращался из Покипси. Была пятница. За несколько последних шестидесятимильных путешествий до Уэстпорта он настолько устал, что боялся заснуть за рулем. Впрочем, сейчас сна не было ни в одном глазу.

«Я получил то, что хотел, — написал убийца кровью на окне. — Спасибо».

Достав телефон, он набрал номер.

— Квартира семьи Лэш, — послышался голос Карла Бродена, брата его жены.

— Карл?

— Привет, Крис. Ты где?

— Еду домой. Буду примерно через час. Ширли дома?

— Поехала по делам.

— Ладно. До встречи.

— Хорошо. Слушай, может, мне разжечь гриль и замариновать те креветки, что мы вчера наловили?

— Неплохая идея. И поставь для меня пару банок пива в холодильник.

— Сделаем.

Он подумал о своем шурине. Карл был совершенно не похож на сестру — беззаботный и веселый, полная противоположность интеллектуалу. Каждый раз, когда Карл гостил у них, напряжение в доме спадало. На этот раз он неожиданно приехал накануне, будто знал, что в его присутствии отчаянно нуждаются.

Мысли Лэша снова вернулись в Покипси, к мрачной сцене последнего убийства.

«Я получил то, что хотел. Спасибо».

Полицейские из Покипси все то утро чуть ли не радовались, добродушно толкая друг друга локтями и обмениваясь грубыми шутками возле кулера. Хотя преступнику удалось уйти, несмотря на выставленные посты, их радовало то, что убийствам, похоже, пришел конец. Лэш подобного облегчения не испытывал. Для него это известие было первым подходящим фрагментом головоломки, единственным оставленным убийцей посланием, которое имело смысл. А его лаконичность и уверенность в себе внушали беспокойство.

Что же он получил? Что ему было нужно?

Может, смерть тех четырех женщин удовлетворила какую-то его болезненную потребность, заполнила некую пустоту? Но серийные убийцы так не поступали. Они убивали в силу чудовищной жажды, утолить которую никогда не могли.

Кроме того, множество противоречий. Первые два преступления, несмотря на внешнюю похожесть — надписи кровью на стенах, поза трупа, — не соответствовали ни одному из известных профилей.

Чем отличалось то последнее убийство?

Лэш размышлял над этим всю дорогу, пока ехал через округа Датчесс и Патнэм в Коннектикут. Он был убежден, что убийца впервые показал свое истинное обличье.

Поскольку он уже получил то, что хотел.

Так почему же он оставил только одну надпись, а не сто? Причем на стекле, а не на стене? На окне, на фоне ночной тьмы, ее невероятно трудно было заметить...

Неожиданно, почти сам того не сознавая, он взглянул на место преступления с совершенно иной точки зрения. Он уже не видел лужу крови в спальне. Угол зрения сменился, словно у камеры на штативе. Он смотрел в сторону дома из леса, из темноты, на большое освещенное окно. Он видел силуэты капитана полиции, детектива из отдела убийств, психолога из ФБР. Трех, присутствовавших на местах предыдущих преступлений.

Те три убийства имели одну общую черту. Все они совершены ночью в спальнях с большими окнами. А занавеси на этих окнах

всегда были раздвинуты...

Он лихорадочно схватил телефон.

— Полиция Покипси, отдел убийств, — послышался голос. — Кравиц слушает.

— Это Кристофер Лэш. Мне нужно немедленно поговорить с Мастертоном.

— Мне очень жаль, агент Лэш, но капитан ушел полчаса назад.

— Тогда соедините меня с детективом отдела убийств, как его... Эйхерном.

— Он ушел вместе с капитаном.

— Не знаете куда?

— Сегодня вечер пятницы. Капитан и детектив Эйхерн в пятницу вечером всегда перед тем, как поехать домой, идут выпить пива.

— В какой бар?

— Не знаю, сэр. Может быть один из полудюжины.

Лэш лихорадочно размышлял. Кравиц, дежурный полицейский, казался человеком неглупым и сообразительным.

— Кравиц, выслушайте меня внимательно.

— Да, агент Лэш.

Он на мгновение прижал телефон подбородком, въезжая на Согатак-авеню и продираясь через пятничные пробки.

— Вы должны позвонить в каждый из этих баров. Слышите? Пусть другие полицейские помогут вам.

— Да?

В голосе Кравица звучало сомнение.

— Это очень важно, Кравиц. Очень важно.

— Да, сэр.

— Когда найдете Мастертона, скажете ему, что мы ошибались насчет убийств. Это не серийный убийца.

— Нет? — недоверчиво переспросил Кравиц.

— Вы не поняли. Конечно, это убийца. Но не серийный. Это тип фанатика.

Такое определение использовали судебные психологи. Иногда подобные фанатики убивали случайные жертвы, стреляя с водонапорных башен, или выбирали известных людей, как поступил Марк Дэвид Чепмен. ^[22] У них была лишь одна общая черта — мучительная, бесполезная жизнь, единственный смысл которой они видели в актах насилия.

На мгновение на другом конце линии наступила тишина.

— У меня нет времени объяснять, сержант. Это один из характерных типов убийц. Им руководит исключительно желание доминирования, власти, мести. Этот человек ненавидит полицейских. Вероятно, мы имеем дело с навязчивой идеей, основанной на любви и смерти. Может, его отец был полицейским и жестоким родителем, не знаю. Но это фанатик. Вот единственное объяснение.

— Не понимаю.

— Вы были на местах трех первых преступлений. Между ними нет ничего общего. Бессмысленные каракули на стенах, различия в общей картине. Ничто не сходилось. Дело в том, что преступник имитировал поведение серийного убийцы. Потому ничего и не совпадало — это была хитрость. Вы заметили те большие окна с широко раздвинутыми занавесками в каждой из комнат, где совершались убийства? Наш подозреваемый был рядом — он каждый раз находился неподалеку. Он охотился на полицейских, выбирал мишени. Женщины оказались лишь приманкой.

— Сэр?

Он свернул на Грин-Фармс-роуд. Через минуту или две, когда доберется до дома, он сам начнет звонить. Пока же приходилось рассчитывать на Кравица. Дорога была каждая секунда.

— Делайте то, что я говорю, сержант. Найдите Мастертона и повторите ему все то, что я сказал вам. Он и Эйхерн каждый раз были у окон, так что им следует поостеречься. Передайте ему, чтобы искал белого мужчину, вероятно, в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Одинокого, но умеющего растворяться в толпе. Вероятно, ездит на спортивном автомобиле, чтобы

компенсировать собственную низкую самооценку. Расспросите коллег, не крутился ли возле них в барах и ресторанах, где они бывают, некто, мечтающий о том, чтобы стать полицейским.

В трубке снова наступила тишина.

— Кравиц, черт побери, вы меня слышали?

— Да, сэр.

— Так принимайтесь за дело.

Еще минута, и он будет дома. Здесь уличное движение было не столь оживленным. Когда он проезжал через перекресток, с его улицы вывернул какой-то автомобиль и помчался по Компо — красный «понтиак-файерберд».

Лэш поехал дальше, едва обратив на него внимание. Он вспомнил, что и он сам является мишенью. Его тоже было видно в окне. Придется уговорить Карла и Ширли уехать из его дома — причем она, как всегда, будет язвительно высказываться о том, насколько опасна его работа, — а потом подумать, что делать дальше...

Неожиданно он вздрогнул. «Понтиак-файерберд», красный, последняя модель...

Сбросив скорость, он посмотрел в зеркало.

Автомобиль исчез.

До упора вдавив педаль газа, он свернул, взвизгнув шинами, одновременно достал из кобуры пистолет, но еще до того, как его дом показался в поле зрения, Лэш замер от ужаса.

Он уже догадывался, нет, знал, что обнаружит внутри.

Лэш откинул назад голову и посмотрел в потолок. Даже там, казалось, перемещались колонки чисел, фамилий и дат.

— Господи, — простонал он, закрывая глаза. — Слишком я заработался с этими бумагами.

Послышался шелест переворачиваемых страниц.

— Есть что-нибудь? — спросил он у потолка.

— Вообще ничего, — ответил ему голос Тары Стэплтон.

Лэш открыл глаза и потянулся. Несмотря на мучившие его ночью дурные сны и воспоминания, он проснулся полным энергии. Выходные прошли без каких-либо ужасных известий. По дороге он позвонил по мобильному Диане Миррен и при одном лишь звуке ее голоса, словно подросток, ощутил пробежавшую по телу дрожь возбуждения. Разговор их был коротким, но оживленным, и она согласилась поужинать с ним в следующую пятницу. Он был настолько поглощен мыслями об этой встрече, что не вспомнил о своих приключениях на контрольном пункте номер три, пока не оказался там снова. Но на посту стояли не те охранники, что в прошлую пятницу, и он миновал его без каких-либо осложнений.

Сейчас — ближе к одиннадцати часам утра — возбуждение потонуло в нескончаемом потоке данных. Материала оказалось слишком много, чтобы просеять его. Работа напоминала перетряхивание стога сена без какой-либо уверенности в том, есть ли в нем вообще игла.

Снова вздохнув, он пододвинул к себе папку с досье Линдси Торп и начал почти бездумно перелистывать его.

— Что известно о той третьей паре? О Коннелли?

— Завтра они уезжают на Ниагарский водопад.

— Ниагарский водопад?

— Они провели там медовый месяц.

«Ниагарский водопад, — подумал Лэш. — Прекрасное место для убийства. Или самоубийства, если уж на то пошло».

— На канадской стороне мы мало что можем сделать, — добавила Тара. — Большую часть субботы я пыталась обеспечить там скрытое наблюдение. Остается лишь ждать и надеяться на лучшее.

— По крайней мере, у вас было какое-то занятие на выходные.

Тара хитро улыбнулась.

— Ну, вы тоже вряд ли можете пожаловаться на скуку.

— Вы о моем свидании?

— И как оно?

— Она выглядела совершенно не так, как я ожидал. И говорила иначе. Но знаете, через десять минут это не имело никакого значения.

— Судя по нашим исследованиям, мы часто испытываем влечение к неподходящим людям по неподходящим причинам. Может, потому и случается столько неудачных браков.

Она замолчала.

— Послушайте, — сказал наконец Лэш. — Почему бы вам не встретиться с тем парнем, которого вам подобрали? Еще не поздно. Поговорите с Мочли, пусть снова зарезервирует для вас столик.

— Я уже говорила. Как я могла бы пойти на это, зная то, что я знаю?

— Я встретился с Дианой Миррен, зная то, что я знаю. И собираюсь повторить это в пятницу.

— Вот только я — сотрудница «Эдема». Я же вам говорила, что...

— Знаю. «Эффект Оз». Вот что я вам скажу: ерунда все это.

— Это ваше мнение как специалиста, доктор?

— Да, именно так. — Он наклонился над столом. — Послушайте, Тара, «Эдем» умеет подбирать пары. И притом идеально. Но после того, как вы познакомились, «Эдема» больше не существует. Есть только вы двое. Если все будет хорошо, вы почувствуете это.

Тара молча смотрела на него.

— Вопрос так или иначе решится. И тогда это перестанет иметь значение, оставшись лишь воспоминанием. Любые отношения предполагают, что к прошлому не стоит относиться всерьез. Вы что, будете упрекать его за тех девиц, с которыми он встречался в колледже? Это ваш шанс, Тара. Послушайте совета того, кто сам два дня назад был в таком же ресторане.

Лэш тут же подумал, что и так сказал достаточно. «Вернемся к работе», — мысленно вздохнул он.

Отложив досье Линдси Торп, он начал листать данные ее медицинского осмотра и неожиданно остановился.

— Тара?

Она осторожно взглянула на него.

— Насчет той повторной проверки миссис Торп...

— Вы про встречу выпускников?

— Нет, про обследование. Ваши врачи часто предписывают...

— У нас такого не бывает.

Лэш на мгновение растерялся.

— Что вы сказали?

— Я сказала, что мы не проводим повторных медицинских осмотров.

— А это что?

Лэш подвинул ей отчет. Тара взяла бумаги и молча просмотрела их.

— Я видела такое всего пару раз.

— Что именно?

— Помните, как во время вашего первого визита за Стену Мочли говорил о подробных обследованиях, которым мы подвергаем наших кандидатов? О проверке генетической предрасположенности к наследственным заболеваниям, факторов риска и так далее?

— Да.

— В случае серьезных дефектов мы отклоняем заявление. Но

если это какая-то мелочь или болезнь, способная проявиться спустя очень долгое время, мы допускаем кандидата, а позднее проводим повторный осмотр.

— Делая вид, будто это стандартная процедура.

— Да, так.

— Нет смысла отвергать клиента, который готов платить. — Лэш снова перелистал страницы. — У Линдси Торп не было подобных заболеваний, тем не менее ей назначили повторное обследование за полгода до смерти. — Он перевернул еще несколько страниц. — По его данным, миссис Торп прописали сколипан, по одному миллиграмму ежедневно. Не знаю такого лекарства.

— Я тоже.

— С ней работал доктор Моффетт. Вы могли бы связаться с ним и спросить, из-за чего проводилось повторное обследование и почему было прописано это лекарство?

— Конечно.

Тара встала и подошла к телефону.

Лэш наблюдал за ней. Он был уверен, что это очередная улика, новый фрагмент головоломки.

— Доктор Моффетт работает с двенадцати, — сказала Тара, кладя трубку. — Я перезвоню ему.

— Не могли бы вы сделать еще кое-что? Просмотрите медицинские отчеты Льюиса Торпа, Уилнеров и той третьей пары, Коннелли. Проверьте, не проходили ли и они повторную проверку.

Лэш подождал, пока смолкнет стук клавиш.

— Ничего, — сказала Тара. — Никто из пятерых не проходил никаких дополнительных осмотров.

— Никто?

Тара покачала головой.

— Льюису Торпу не казалось странным, что его жена прошла обследование, а он нет?

— Вы же знаете, какой тайной окружены все процедуры «Эдема». Наши клиенты научились не задавать лишних вопросов.

Лэш бессильно откинулся на спинку кресла. Наперекор всему его мысли вернулись к встрече с Дианой Миррен и тому, что она говорила про хайку.

«Они на многое намекают, многое оставляют воображению, больше подразумевают, чем говорят. Не ищите ответа. Вместо этого думайте о том, как открыть дверь».

Что подразумевалось в данном случае? Какие стечения обстоятельств имели место в последнее время? И о чем они свидетельствовали?

Эдмунд Уайр, убийца, который ненавидел полицейских, вышел по условно-досрочному освобождению. Он убил трех женщин, двух офицеров и шурина Лэша. В итоге Лэша бросила жена, а сам он, полный сомнений и чувства вины, ушел из ФБР, желая положить конец бессонным ночам.

По справедливости Уайр никогда не должен был выйти на свободу. Лэш не питал иллюзий. Что бы ни думали те из комиссии по вопросам условно-досрочного освобождения, Уайр будет охотиться на него. Ему не удалось убить только Лэша.

Было ли это стечением обстоятельств?

К тому же еще и его аватар, помещенный в Аквариум. Тара говорила, что подобная ошибка невозможна. Если так, то кто-то сделал это преднамеренно. «Разве что кто-то из руководства, имеющий высший уровень допуска. Например, я. Или негодяй вроде Хандерлинга, который вломился в систему».

Он посмотрел на Тару, которая вернулась к столу и складывала бумаги.

«Думай о том, как открыть дверь...»

И внезапно дверь распахнулась.

Лэш резко выдохнул, словно от удара в живот, и притворился, будто зевает. Это казалось невозможным. Тем не менее другого решения не существовало.

Были еще два вопроса, на которые следовало получить ответ, чтобы удостовериться окончательно. Тара могла дать ему один из них. Но придется сохранять спокойствие — по крайней мере, пока он не получит все доказательства.

— Тара, — преувеличенно устало попросил он. — Можете сделать еще кое-что?

Она кивнула.

— Не могли бы вы составить список всех аватаров, которые были в Аквариуме во время процесса подбора пары Торпов?

— Зачем?

— Потому что я прошу.

Она снова подошла к компьютеру. Лэш последовал за ней.

— Покажите мне, как это делается, — попросил он.

— Сначала нужно получить доступ к базе данных. — Она ввела код доступа, и на экране тотчас же появились ряды девятизначных чисел. — Это все аватары.

— Все?

— Всех наших клиентов. Почти два миллиона. — Она ввела несколько дополнительных команд. — Так. Я составила SQL-запрос, который можно прогнать через этот набор данных. Вводишь идентификационный код аватара и получаешь все остальные, которые были в Аквариуме в период подбора.

— Покажите мне, пожалуйста, этот список.

Она взяла листок бумаги.

— Вот распечатка, которую мы сделали в пятницу, с датами, когда Торпы и Уилнеры подали заявления.

Торп, Льюис А. — 000451823 — 30.07.02

Торвальд, Линдси Э. — 000462196 — 21.08.02

Шварц, Карен Л. — 000527710 — 02.08.02

Уилнер, Джон Л. — 000491003 — 06.09.02

— Идентификационный код Льюиса Торпа — 000451823. Вводим его в поле запроса.

Она набрала цифры, и экран снова обновился.

— Здесь расположены в возрастающем порядке все аватары, которые были в Аквариуме, когда Льюиса сопоставили с Линдси.

Тара быстро прокрутила список до конца.

000481032

000481883

000481907

000482035

000482110

000482722

000483814

000483992

000484398

000485006

Конец запроса: 11:05:42.82 04.10.04

Дискретных единиц: 58812

>?

Тара показала на последнюю строчку.

— В данный период в Аквариуме находилось почти двадцать три тысячи аватаров.

— Но это всего лишь колонка цифр.

— Эта клавиша позволяет переключаться между идентификационными кодами и именами.

Тара нажала ее, и вместо номеров появились фамилии и имена.

Фаллон, Юджин

Уайт, Джером

Уондерли, Хелен

Гарсия, Констанс

Лу, Вэнь

Гелбман, Марк

Йосида, Айко

Хорст, Маркус

Грин-Карсон, Марго

Баньери, Антонио

«Черт, — подумал Лэш. — Они все равно отсортированы по номерам, а не по фамилиям». Он хотел было попросить Тару, чтобы она расположила их в алфавитном порядке, но передумал. Он еще не был готов к тому, чтобы все объяснить. Лэш начал просматривать имена, перелистывая страницы на экране.

— Что вы ищете? — спросила Тара, с любопытством заглядывая ему через плечо.

— Так, просто смотрю. Послушайте, можете сделать кое-что еще?

— Кое-что еще, потом еще кое-что. Жаль, что у меня не сдельная оплата.

— Мне кажется, мы совершили ошибку, проверяя только данные суперпар.

— Почему?

— Смотрите, что мы узнали о Линдси Торп и ее неожиданном повторном обследовании. Кто знает, что еще мы могли бы обнаружить, проверив несколько случайно выбранных обычных пар?

— Разумно. — Тара поколебалась. — Сейчас принесу документы.

— Возвращайтесь скорее.

Он посмотрел ей вслед. Хотя результат поиска был ему по-настоящему интересен, в этот момент важнее было внимательнее взглянуть на экран без свидетелей. Он снова начал перелистывать фамилии.

Просмотр всех данных занял больше времени, чем он предполагал, и когда он добрался до конца списка, была уже почти половина двенадцатого. Лэш разочарованно откинулся на спинку кресла. Наверное, если бы он сразу нашел фамилию, которую искал, все оказалось бы слишком просто. Возможно, сама идея была дурацкой. Ему стало не по себе при мысли, что придется продираться через очередной огромный список имен. Впрочем, раз уж он зашел

так далеко, надо попробовать и с Уилнерами.

Он нажал на клавишу, которую показала ему Тара. Экран тотчас же обновился, показывая аватары в порядке их числовых кодов.

Начало поиска

000000000

000448401

000448916

000448954

000449010

000449029

000449174

000449204

000449248

000449286

Лэш выпрямился. Что тут делает тот первый номер, 000000000?

Он нажал функциональную клавишу, но этому идентификационному коду не соответствовала никакая фамилия. Поле осталось пустым.

Пожав плечами, Лэш взял листок, оставленный Тарой на столе, и ввел в поле запроса номер Джона Уилнера — 000491003.

Когда экран обновился, сверху списка снова оказался код 000000000. Фамилии не было.

Лэш поскреб затылок. Что это значит? Маркер начала массива?

Еще одна попытка. Встав с кресла, он начал рыться в разбросанных на столе бумагах, пока не нашел листок с идентификационным номером Кевина Коннелли. Вернувшись к компьютеру, он ввел код и увидел новый ряд цифр.

— Господи, — выдохнул он.

Открылась дверь, и появилась Тара с пачкой отчетов.

— Я выбрала десяток случайных фамилий, — сказала она. — Я

подумала, что хватит основных...

— Подойдите сюда, пожалуйста, — прервал ее Лэш.

Бросив папки на стол, она приблизилась к монитору.

Лэш посмотрел на нее, больше не пытаясь скрыть волнение.

— Составьте, пожалуйста, еще один список. Покажите мне, кто сейчас в Аквариуме.

Она нахмурилась.

— Что происходит? Что вы хотите сделать?

— Тара, пожалуйста.

Несколько мгновений она внимательно смотрела на него, затем склонилась над клавиатурой и ввела еще один запрос.

Экран обновился. Взглянув на него, Лэш кивнул, словно подтверждая некое невысказанное подозрение. Потом он неожиданно выключил компьютер. Монитор погас.

— В чем дело, черт возьми? — спросила Тара.

Не ответив, Лэш схватил трубку телефона, придержал ее подбородком и набрал междугородный номер.

— Капитана Цоси, пожалуйста, — сказал он и немного подождал. — Джо? Это Крис Лэш. Джо, в доме Торпов до сих пор формально ведется следствие? Слава богу. Слушай, я хотел бы, чтобы ты немедленно послал туда кого-нибудь из сотрудников. У тебя остался номер моего мобильного? Дай его агенту, пусть позвонит мне, как только окажется там. Да, это очень важно. Спасибо.

Он положил трубку и посмотрел на Тару.

— У меня срочное дело. Сейчас не могу ничего объяснить. Скоро увидимся.

Схватив плащ, он направился к двери. Неожиданно он обернулся. Тара сидела за столом, глядя на него со странным выражением на лице.

— Поговорите с тем врачом, — сказал он. — С доктором Моффеттом.

Тара кивнула. Лэш повернул дверную ручку и исчез.

В застекленных апартаментах высоко над Мэдисон-авеню пробудился к жизни лазерный принтер — сначала тихо загудел вентилятор, потом замигал зеленый светодиод. Вскоре листок бумаги с шорохом выпал в лоток.

При этом звуке Ричард Сильвер, сидящий за столиком из атласного дерева посреди помещения, поднял голову. На плечи его было накинуто махровое полотенце. Он работал почти двадцать часов, создавая псевдокод для новейшей программы, которая должна была настолько усовершенствовать общение с Лизой, чтобы подключение электроэнцефалографа больше не требовалось бы. Лэш был прав — уже пора.

Кроме того, работа отвлекала его внимание от печальных событий, в суть которых ему не хотелось углубляться.

Он посмотрел в сторону принтера, словно в транс. Программирование на машинном языке — особое состояние ума; может потребоваться немало времени, чтобы погрузиться в работу. Сильвер достаточно глубоко ушел в нее и не хотел отрываться. Но лежащая в лотке распечатка могла означать лишь одно: Лиза закончила выполнение задачи, и даже раньше, чем предполагалось.

Он встал и взглянул на часы. Двадцать пять минут двенадцатого. Подойдя к принтеру, Сильвер неохотно взял лист.

Неожиданно создатель «Эдема» замер.

Он долго стоял неподвижно, глядя на отчет.

В освещенной солнцем галерее царила тишина. Наконец Сильвер опустил руку с распечаткой. Пальцы слегка дрожали.

Сунув листок в карман тренировочных брюк, он пересек комнату, открыл замаскированную дверь и поднялся по лестнице на следующий этаж.

Когда открылась черная дверь в конце коридора, Сильвер сразу же подошел к креслу с проводами, прицепил к футболке микрофон и начал закреплять электроды на висках. Обычно эти действия доставляли ему удовольствие, почти приводя в транс, — подготовка к контакту со значительно более совершенной версией собственной личности, какой он сам никогда не смог бы стать.

Но сегодня он не чувствовал ничего, кроме тупого онемения.

— Ричард, — произнес тихий чистый голос из всех углов помещения.

— Лиза, каково твоё текущее состояние?

— На девяносто девять целых семьсот шестьдесят две тысячных процента исправна. Текущие процессы занимают восемьдесят шесть целых две десятых процента процессорного времени. Стандартным процедурам снова доступны сто процентов полосы пропускания. Спасибо за вопрос.

— Пожалуйста.

— Я не ожидала разговора с тобой в такое время. Хочешь проверить какой-то сценарий? Я закончила вариант игры-катастрофы в Рифт-Вэлли, которая могла бы заинтересовать тебя. Или ты хочешь поговорить со мной на тему последней прочитанной книги? Я проанализировала двадцатую главу.

— Не сейчас. Вот результаты твоего поиска. Ты получила их даже раньше.

— Да. Я ошиблась в расчетах на семьдесят один миллиард процессорных циклов.

— Лиза, у меня только один вопрос. Насколько ты уверена в результатах?

Разговаривая с людьми, всегда можно ожидать паузы, вызванной неожиданным замечанием. В случае Лизы никакой паузы не последовало.

— Не понимаю вопроса.

— Ты уверена, что результат поиска верен?

— Он получен после отброса всех недостоверных данных. Никаких статистических отклонений не выявлено.

— Я не сомневаюсь в тебе, Лиза. Я просто хотел удостовериться.

— Твое беспокойство понятно. Перед началом процесса ты говорил, что поиск решения крайне важен для тебя. Надеюсь, эти результаты тебя удовлетворят.

— Спасибо, Лиза.

— Пожалуйста, Ричард. Поговорим еще?

— Чуть позже. Сейчас мне нужно кое-что сделать.

— Спасибо за беседу.

Сильвер набрал на клавиатуре команду завершения сеанса, сорвал с висков электроды и встал с кресла. Он немного подождал, прислушиваясь к собственному дыханию, потом вытер лицо полотенцем и направился к двери. Выйдя в коридор, он достал мобильный телефон и набрал номер.

— Мочли слушает, — раздался голос в трубке.

— Эдвин, это Сильвер.

— Да, доктор Сильвер?

— Эдвин, ты мне нужен здесь, наверху. Немедленно.

Центр биохимических исследований имени Нормана Дж. Вейзенбаума стоял на мысе, выступающем в воды реки Гудзон к югу от Колд-Спрингс. Заехав на парковку для гостей, Лэш выбрался на покрытую щебнем площадку и посмотрел на длинное приземистое здание из стекла и камня на склоне холма. Оно выглядело вовсе не так, как он его себе представлял, когда звонил сюда неделю назад, возвращаясь из Феникса. Здание было очень современным, но тем не менее вовсе не казалось неуместным в этом краю голландских фасадов. Насыщенные цвета отполированного мрамора сливались с дубами и сикоморами на их фоне. В небе кружили и щебетали птицы.

Внутри, в приемной, сидели три женщины. Лэш подошел к одной из них и показал свою визитку.

— Доктор Лэш к доктору Гудкайнду.

— Подождите минуту. — Женщина взглянула на встроенный в стол монитор и прижала к уху наманикюренный палец, прислушиваясь к голосу из невидимого наушника, затем снова посмотрела на Лэша. — Присядьте, будьте добры, сейчас он выйдет.

Лэш едва успел расположиться в одном из сверкающих хромом и кожей кресел, когда увидел Роджера Гудкайнда. Со времени их последней встречи тот прибавил в весе несколько фунтов, а светлые волосы на висках основательно поредели.

Впрочем, со студенческих времен остались хитрая полуулыбка и подпрыгивающая походка.

— Крис! — Гудкайнд пожал Лэшу руку. — Ты, как всегда, точен.

— Комплекс тревоги. Проявляется в виде навязчивой пунктуальности.

Биохимик рассмеялся.

— Если бы тебе так просто можно было поставить диагноз... — Он повел Лэша к лифту. — Это в самом деле ты? И мы разговариваем уже во второй раз за две недели? Готов пасть ниц перед тобой от благодарности.

— Я рад был бы сказать, что это только дружеский визит, — ответил Лэш, когда открылись двери лифта, — но мне требуется твоя помощь.

Гудкайнд кивнул.

— Все, что угодно.

Лаборатория Гудкайнда была больше, чем ожидал Лэш. Кроме обязательных столов для опытов и химической аппаратуры, в ней также стояли глубокие кожаные кресла, письменный стол и книжный шкаф с профессиональными журналами. Из окна открывался роскошный вид на реку. Лэш восхищенно присвистнул.

— Центр был милостив ко мне, — усмехнулся Гудкайнд.

Со времени их последней встречи у него появилась новая привычка: он расчесывал пальцами редеющие волосы, а потом хватал несколько прядей и слегка тянул за них, словно подбадривая, чтобы они лучше росли.

— Вижу.

— Садись. Хочешь диетколы или чего-нибудь в этом роде?

Лэш расположился в одном из кресел.

— Нет, спасибо.

Гудкайнд сел напротив него.

— Что случилось?

— Помнишь, из-за чего я звонил тебе на прошлой неделе?

— Конечно. Всякие безумные вопросы о самоубийствах идеально счастливых людей.

— Я как раз работаю над кое-чем таким, о чем мало что могу рассказать, Роджер. Надеюсь, все останется между нами?

— В чем дело, Крис? Это как-то связано с Бюро?

— В некотором смысле.

Лэш увидел, как расширились глаза Гудкайнда. Если он будет считать, что дело связано с ФБР, то охотнее пойдет на сотрудничество.

Гудкайнд поерзал в кресле.

— Сделаю все, что смогу.

— Ты ведешь множество токсикологических исследований. Побочное действие лекарств, их влияние на другие препараты и тому подобное.

— Это не моя область, но да, все в Центре так или иначе имеют дело с токсикологией.

— Тогда скажи, какие шаги предпринял бы биохимик, чтобы получить новое лекарство.

Гудкайнд провел рукой по редющим волосам.

— Новое лекарство? С самого начала? — Он потянул за прядь. — С исторической точки зрения разработка новых препаратов всегда велась наугад. Молекулы и соединения изучают, пытаются найти то, что предположительно может оказаться полезным людям. Естественно, сегодня благодаря компьютерным программам можно имитировать результаты реакций в...

— Нет, я не имею в виду начальные стадии процесса. Предположим, ты открыл новое лекарство или то, что считаешь таковым. Какими будут последующие шаги?

Гудкайнд на мгновение задумался.

— Ну, в общем, проводятся испытания на устойчивость, проверяется, какой способ применения лучше всего — таблетки, капсулы, раствор. Затем исследуется поведение молекулы препарата в различных условиях — при изменении влажности, под ультрафиолетовым излучением, при воздействии кислорода, температуры — для проверки, не распадается ли оно на вредные соединения. — Он улыбнулся. — Люди всегда хранят медикаменты в ваннах, а ты сам знаешь, что это худшее из возможных мест. Тепло и влага могут вызывать самые разные химические реакции.

— Продолжай.

— Проводятся токсикологические исследования, проверяются продукты распада. Выясняется, что приемлемо, а что нет. Потом приходит время для ПАТР.

— Для чего?

— ПАТР. Процедура анализа токсикологического риска. По крайней мере, так это называется здесь, в Центре. Проверяется присутствие функциональных групп — то есть различных элементов молекулы химического соединения — в базе данных существующих химических веществ и фармацевтических средств. В основном ищутся нежелательные реакции, во время которых могут возникать другие, значительно более опасные функциональные группы. Токсический потенциал. Канцерогенное, нейротоксичное и тому подобное воздействие.

— А если они обнаруживаются?

— Это называется структурной опасностью. Каждый такой сигнал отмечается и исследуется отдельно.

— Понятно. А если препарат успешно пройдет этот этап?

— Он подвергается клиническим испытаниям, обычно сначала на животных, а потом на людях.

— Насчет этой самой структурной опасности — может лекарство представлять такую угрозу и тем не менее использоваться в фармацевтике?

— Конечно. Это одна из причин, по которой на упаковках помещают предупреждения: «Не принимать после употребления алкоголя» и тому подобное.

— Эти структурные опасности где-то перечисляются, в какой-нибудь книге? Может, в «Настольном справочнике врача»?

Гудкайнд покачал головой.

— Структурные опасности довольно редки и имеют слишком специализированную химическую природу, чтобы помещать их в справочник.

— То есть информация о них закрыта? Их хранят в тайне отдельные исследователи или фармацевтические концерны?

— Вовсе нет. Все они имеются в центральной базе данных. Так

требуют правила.

Лэш медленно наклонился вперед.

— У кого есть доступ к ней?

— Управление по контролю за продуктами и лекарствами, фармацевтические компании.

— Биохимические лаборатории?

У Гудкайнда на мгновение перехватило дыхание, когда он понял, к чему клонит Лэш. Затем он кивнул.

— Имеющие соответствующую аккредитацию.

— Центр Вейзенбаума?

Гудкайнд снова кивнул.

— В научной библиотеке. Двумя этажами выше.

— Отведешь меня туда?

Гудкайнд облизнул губы.

— Крис, не знаю. Доступ к этой базе данных требует правительственного разрешения. Ты точно действуешь официально?

— Это вопрос крайней важности.

Гудкайнд все еще медлил. Лэш встал.

— Помнишь, что ты сказал мне по телефону? Ты говорил, что невозможно предвидеть самоубийство, что это лишь игра судьбы? И что, например, никто не знает, почему в двухтысячном году в Польше число попыток суицида было значительно выше обычного.

— Помню.

— Может, ты забыл кое о чем, что пришло мне в голову, пока я ехал сюда. Польша — страна, в которой из-за низкой стоимости исследований в двухтысячном году испытывалось большинство новых лекарств.

Гудкайнд задумался.

— Ты хочешь сказать?..

— Что ты должен показать мне эту токсикологическую базу данных. Немедленно.

Еще мгновение поколебавшись, Гудкайнд тоже встал.

Научная библиотека Центра совершенно не походила на библиотеку в общепринятом смысле этого слова. В низком помещении было невыносимо жарко. У стен выстроились кабинки из светлого дерева. В каждой находились стул, стол и терминал. Единственным человеком здесь была библиотекарь, которая оторвала взгляд от компьютера и подозрительно посмотрела на Лэша.

Гудкайнд выбрал место в дальнем углу.

— Где книги? — спросил полусшепотом Лэш, придвигая себе стул из соседней кабинки.

— На стеллажах в подвале. — Биохимик подвинул к себе клавиатуру. — Нужные книги приносит миссис Гастес. Но почти все, что нам требуется, есть в Сети.

Лэш смотрел, как Гудкайнд вводит свою фамилию. Появилось меню, и биохимик выбрал соответствующую опцию. Экран обновился.

Управление по контролю за продуктами и лекарствами

Отдел R

БТСФБП

***База токсических свойств фармацевтических и
биомедицинских препаратов***

Версия 120.11

Последнее обновление: 01.10.04

Конфиденциальная информация

Несанкционированный доступ является федеральным преступлением

Идентификатор:

Пароль:

Гудкайнд посмотрел на Лэша, который ободряюще кивнул. Пожав плечами, он ввел необходимые данные. Появился новый экран.

УКПЛ/R — БТСФБП 120.11/00012

04.10.04

Поиск по:

1. Химическим соединениям
2. Фирменным наименованиям
3. Общий

Для вывода индекса нажмите F1

Гудкайнд снова посмотрел на Лэша.

— Как называется тот препарат, который тебя интересует?

— Сколипан.

— Никогда о таком не слышал. — Гудкайнд постучал по клавишам, и экран заполнился текстом. — Есть.

Лэш начал внимательно читать.

УКПЛ/R — БТСФБП 120.11/09817

04.10.04

СКОЛИПАН

Гидоксен,2-(6-(p-метилопарапина) фенилохлорид)

алкалоид)-, натриевая соль

Пр: ФГ

Ф: $C_{23}H_5N_3 \cdot Na$

Применение: (первичное) М. Р., (вторичное) см. с. 20

Мутагенность: нет данных

Влияние на репродуктивность: с. 15

Синонимы: с. 28

Дозировка: с. 10

С. 1 из 30

ДАННЫЕ О ТОКСИЧНОСТИ

Способ введения	Доза	Действие
Внутрикишечный (мышь)	Летальная (ЛД-50) 340 мг/кг	Мышечная слабость Атаксия
Подкожный (мышь)	Летальная (ЛД-50) 190 мг/кг	Атаксия Подавление дыхательной системы
Внутримышечный (мышь)	Летальная (ЛД-50) 240 мг/кг	Некроз клеток Изменения в поведении
Пероральный (мышь)	Летальная (ЛД-50) >10 г/кг	Нет данных
Пероральный (собака)	Летальная (ЛД-50) >12500 мг/кг	Собачья мания См. стр. 20
Пероральный (человек)	Токсичная (минимальная известная) 700 мг/кг	См. стр. 20

— В университете по биохимии у меня были самые худшие оценки. — Лэш оторвал взгляд от экрана. — Может, пояснишь хоть что-нибудь?

Гудкайнд прочитал текст на экране.

— Сколипан применяется в основном как мышечный релаксант.

— Мышечный релаксант?

— Это относительно новое соединение, ему лет пять.

— Дозировка?

— Один миллиграмм. Совсем чуть-чуть.

У Лэша опустились руки. Теория, которая казалась столь многообещающей, снова начинала разваливаться.

Он мрачно посмотрел на верх экрана. Между химическим названием и формулой соединения находилась ничего не говорившая ему строка.

— Что означает сокращение «Пр»?

— Производитель. Все они имеют кодовые названия. Ну, знаешь, как аэропорты. Например, этот — ФГ. Это сокращение от «Фармген».

Лэш едва не вскочил.

«Фармген».

Он начал внимательнее всматриваться в данные. Таблица токсичности выглядела вполне типично для подобных баз. Обычно в ней указывалась ЛД-50, то есть величина дозы, при которой погибала половина исследуемой популяции. Он пробежался взглядом по колонкам.

— Собачья мания, — вслух прочитал он. — Что это, черт возьми?

— Чтобы узнать больше, нужно заглянуть на двадцатую страницу.

— И посмотри сюда: тут написано, что на двадцатой странице есть сведения о последствиях передозировки у людей. — Лэш взглянул на Гудкайнда. — Ты говорил, что в основном он используется как мышечный релаксант?

— Именно.

— Но взгляни-ка, у него есть и другое применение. — Он показал на экран.

— Опять двадцатая страница, — пробормотал Гудкайнд. — Похоже, мы найдем там много интересного.

— Так давай заглянем туда.

Гудкайнд быстро двигал мышью, перелистывая документ, пока не дошел до нужного места. Оба наклонились, чтобы прочитать написанный мелким шрифтом текст.

— Господи! — выдохнул Гудкайнд.

Лэш промолчал. Но внезапно в этом жарком помещении ему стало холодно.

Тара Стэплтон неподвижно сидела за столом. Она медленно обвела кабинет взглядом, задерживаясь то на одном, то на другом предмете. Растения были политы и тщательно подрезаны, старая доска для серфинга, как обычно, стояла у стены, плакаты, наклейки и прочие мелочи на своих местах. Офисные часы на противоположной стене показывали без десяти четыре. Все было как всегда, и тем не менее казалось незнакомым, словно этот кабинет вдруг стал ей чужим.

Она медленно откинулась на спинку кресла, чувствуя, как учащается ее дыхание.

Внезапно тишину нарушил резкий телефонный звонок. Тара замерла.

Телефон зазвонил снова, два раза — кто-то извне.

Тара медленно сняла трубку.

— Стэплтон.

— Тара? — послышался запыхавшийся голос. — Тара? Это Кристофер Лэш.

В трубке слышался уличный шум: гудение автомобилей, звуки сигналов.

— Кристофер? — спокойно спросила Тара.

— Мне нужно поговорить с вами. Немедленно. Это очень важно.

— Почему бы вам просто не прийти ко мне в кабинет?

— Нет. Только не в здании. Я не могу рисковать.

Тара заколебалась.

— Тара, прошу вас, — почти умоляюще заговорил Лэш. — Нужна ваша помощь. Мне нужно сказать вам кое о чем, чего никто другой не должен слышать.

Она молчала.

— Тара, умрет следующая суперпара.

— За углом есть кафе, — сказала она. — «Рио», на Пятьдесят четвертой, между Мэдисон и Парк-авеню.

— Буду ждать вас там. Поторопитесь, пожалуйста.

Лэш отключился.

Но Тара не встала, даже не пошевелилась, лишь положила трубку и посмотрела на нее, словно борясь с глубокими сомнениями.

Лэш вошел в «Рио» в начале пятого. Стены заведения были покрыты позолоченными обоями, а зажженные бра и банкетки с желтой обивкой наполняли его мягким золотистым светом. Лэш почувствовал себя, словно муха в янтаре.

Сначала ему показалось, что он пришел первым. Впрочем, он тут же заметил Тару, сидящую за столиком в конце зала. Подойдя, он сел напротив.

Появилась официантка. Лэш заказал кофе и подождал, пока та отойдет, затем повернулся к Таре.

— Спасибо, что пришли.

Тара кивнула.

— Вы разговаривали с тем врачом? С Моффеттом?

Она снова кивнула.

— Что он сказал?

— Он следовал внутренним инструкциям.

— Что это значит?

— Лечебный режим, основанный на результатах предыдущих обследований.

— Иными словами, он выполнял указания какого-то другого врача фирмы.

— Да.

— Он сказал чьи?

— Я не спрашивала его.

— Легко подделать подобные документы?

Тара поколебалась.

— Прошу прощения?

— В «Эдеме» все делается автоматически. Ты получаешь листок с распоряжениями. Кто-нибудь мог ввести фальшивые медицинские рекомендации в медицинскую систему?

Тара не ответила. Лэш наклонился к ней.

— Я еще не знаю всех ответов, но мне известно достаточно, чтобы не сомневаться — опасность грозит не только суперпарам. Нам тоже.

— Почему?

— Потому что кто-то... кто-то из «Эдема»... устроил так, что те женщины убили своих мужей, а потом покончили с собой.

Тара хотела что-то сказать, но Лэш поднял руку.

— Нет. Сначала позвольте мне кое-что рассказать. Вы все равно не поверите, пока я не объясню.

Тара слегка успокоилась, но посмотрела на него с удивлением, даже со страхом. Лэш взглянул в зеркало неподалеку и увидел свое отражение — человек в помятой одежде, растрепанный, с нервным блеском в глазах, с кругами под ними. На ее месте он тоже встревожился бы.

Вернулась официантка с кофе, и Лэш отпил глоток.

— Помните лекарство, которое прописали Линдси Торп? Один миллиграмм сколипана? Вот тот ключ к разгадке, который мне требовался. Весь день я шел по этому следу. Доктор Моффетт говорил вам, для чего обычно прописывают это средство?

Тара отрицательно покачала головой.

— Это мышечный релаксант. Он воздействует на ту часть мозга, которая контролирует сокращения мышц. В спортивной медицине его применяют в случае судорог. Вы говорите, что доктор Моффетт пользовался рекомендациями, основанными на результатах предыдущего медосмотра. Но какое обследование могло предсказать, что у Линдси Торп случится судорога?

— Значит, сколипан должен применяться и для лечения какого-то другого заболевания.

— Вы ближе к истине, чем вам кажется. Этот препарат

изначально предназначался для других целей. Впрочем, это хранилось в строгой тайне, в базе данных лекарственных разработок.

Он помолчал.

— Видели когда-нибудь по телевизору рекламу средства, которое кажется панацеей? Например, излечивает любую аллергию, или молниеносно снижает уровень холестерина. А потом по экрану идет список разных побочных эффектов, достаточный, чтобы навсегда отбить желание принимать какие бы то ни было лекарства. А ведь это препараты, которые прошли клинические испытания. Многим другим это не удается.

Он посмотрел на Тару, но лицо ее оставалось непроницаемым.

— Ладно. Вернемся к сути. Большинство черт личности — результат генетического воздействия на нейротрансмиттеры в мозгу. Это касается также нежелательных склонностей, таких как тревога или депрессия. Поэтому мы ищем средства, устраняющие подобные реакции, — например, SSNRI-антидепрессанты, блокирующие обратный захват серотонина. Впрочем, в мозгу есть множество рецепторов серотонина. Как сделать так, чтобы данное лекарство подействовало на все сразу?

Он отхлебнул еще кофе.

— Фармацевтические фирмы искали другие решения — препараты, воздействующие на химию мозга с лучшим результатом. Иногда они забирались глубоко на неизведанные территории, как в случае нейропептида, известного как П-вещество.

— П-вещество? — переспросила Тара.

— Я тоже слышал о нем только сегодня днем. Это немалая загадка — никто не знает, каким образом оно образуется в мозгу и для чего. Впрочем, нам известны факторы, вызывающие его выделение. Сильная боль. Сильный стресс. Оно неразрывно связано с состояниями депрессии и внезапными самоубийствами.

Он наклонился к Таре.

— По крайней мере одна фармацевтическая фирма заинтересовалась П-веществом. Они пришли к выводу, что если им удастся открыть средство, воздействующее на П-вещество, блокирующее его рецепторы, то, возможно, они сумеют осчастливить множество погруженных в депрессию людей. Эта фирма —

«Фармген». Материнская компания «Эдема».

— Уже нет. «Эдем» теперь независимая корпорация.

— «Фармген» открыл новый антидепрессант, воздействующий на П-вещество. Начало было трудным. На первом этапе токсикологических исследований появились тревожные сигналы, но структура соединения была модифицирована. Наконец, четыре года назад, приступили к клиническим испытаниям. Их проводили в Польше, что тогда бывало часто. В тестировании участвовало около десяти тысяч человек, с их согласия. В девяноста девяти случаях из ста лекарство действовало превосходно, не только в случаях депрессии, но и при других психических расстройствах, таких как шизофрения или маниакально-депрессивный психоз.

Он отхлебнул кофе.

— Но оставалась единственная проблема — тот самый один процент. Если лекарство принимал кто-либо, не имеющий психических расстройств, а в особенности человек с высоким содержанием ионов меди в крови, побочные эффекты оказывались ужасающими. Депрессия, паранойя, приступы безумия. Результатом стали самоубийства, столь многочисленные, что они повлияли на годовую статистику целой страны.

Лэш взглянул на Тару, ожидая реакции. Но лицо ее по-прежнему оставалось непроницаемым.

— Испытания лекарства прекратили. Но год спустя оно появилось на рынке в значительно меньших дозах и с иным назначением — как мышечный релаксант.

Тара снова недоверчиво посмотрела на него.

— Сколипан?

— Таблетки по одному миллиграмму. Изначальные, по пятьдесят миллиграммов, тоже доступны, но их прописывают в крайне редких случаях, требующих строгого врачебного контроля. — Он отодвинул чашку. — Помните, как я звонил по телефону, прежде чем уйти из вашего кабинета? Я говорил с приятелем из отделения ФБР в Фениксе и попросил его, чтобы он послал кого-нибудь в дом Торпов и проверил их аптечку. Рецепт Линдси на сколипан лежал на ночном столике у ее кровати. Доза была увеличена с одного до пятидесяти миллиграммов. Поскольку Линдси принимала лекарство в

виде капсул, она не заметила разницы.

Тара нахмурилась.

— Кто-то изменил ей дозировку. Кто-то, кому было известно побочное действие сколипана в его изначальной дозе. Кто-то, знавший, что сколипан не вызовет никаких подозрений, даже если его обнаружат во время посмертного анализа крови. Тот, кому было известно — наверняка из ее анкеты кандидата, — что Линдси Торп принимала антигистаминные средства.

— О чем вы говорите?

— Когда я начал расследование, то поговорил с отцом Линдси. Он упоминал, что она страдала дермографизмом. Это доброкачественное, но раздражающее поражение кожи, вызывающее зуд. В таких случаях рекомендуют принимать антигистамины. Со временем длительное употребление подобных средств может привести к гистапении, повышенному содержанию меди в крови — пониженный уровень гистамина вызывает накопление меди.

Лэша все больше беспокоило, что Тара до сих пор не верит ему.

— Не понимаете? Во время клинических испытаний сколипана люди, которые принимали его в больших дозах и одновременно имели повышенное содержание ионов меди в крови, кончали с собой. Линдси Торп тоже принимала большие дозы сколипана. Только представьте, какие душевные мучения она испытывала, учитывая то, что они были внезапны и необъяснимы. Ее донимали чужие голоса, которые она слышала. Она странно вела себя, например включала музыку, которой терпеть не могла. Вы знаете, что Линдси Торп не выносила оперу, но она слушала ее перед смертью. И все это сопровождалось глубоким отчаянием, вызывающим мысли об убийстве и самоубийстве... — Помолчав, он добавил: — Она очень любила своего мужа, но не могла сдержаться. Но я полагаю, она постаралась, чтобы оба ушли в мир иной настолько достойно и безболезненно, насколько это вообще возможно.

Тара ничего не ответила. Лэш продолжал:

— Знаю, о чем вы думаете. Почему она убила мужа? Она не хотела делать этого, но не могла поступить иначе. И даже на грани безумия она не переставала любить Льюиса Торпа. А как убить того, кого любишь? Безболезненно. И уйти вместе с ним. Именно поэтому самоубийства случились ночью — Линдси могла сначала надеть

мешок на голову спящему мужу, а потом себе. Вероятно, она дождалась, пока он задремлет перед телевизором. То же самое было и с Карен Уилнер. Работая в библиотеке, она наверняка имела доступ к инструментам в переплетной мастерской. Новый скальпель настолько остр, что даже не почувствуешь, как он вскрывает тебе вену, — по крайней мере, во сне. Впрочем, я уверен, что перерезать вены себе она решилась не сразу и потому умерла позже.

— А что с ребенком? — пробормотала Тара. — С девочкой Торпов?

— Вы спрашиваете, почему она осталась жива? Я недостаточно хорошо знаком с действием П-вещества, чтобы рассуждать на эту тему. Возможно, связь между матерью и ребенком слишком примитивна, слишком изначальна, чтобы можно было разорвать ее таким образом.

Протянув руку, он положил ее на ладонь Тары.

— Возможно, Линдси убила себя и мужа. Но суть не в этом. Мы имеем дело с умышленным убийством при отягчающих обстоятельствах, поскольку кто-то из «Эдема» хорошо знал, как довести Линдси Торп до самоубийства. Он читал результаты ее обследования, ему было известно о действии сколипана и о том, как получить убийственную смесь химических веществ в крови жертвы. Этот неизвестный смог подделать медицинскую документацию и даже рецепт. Вы сами говорили, что это должен быть кто-то, имеющий очень высокий уровень доступа к вашей компьютерной системе.

Он сжал пальцами ее ладонь.

— Думаю, вы понимаете, что все это означает. Это единственное возможное объяснение. Вам придется быть сильной, поскольку этого человека нужно остановить. Точно таким же образом он добрался до Карен Уилнер. Он берет на прицел женщин и доводит их до самоубийства. Через два дня третья пара...

Он не договорил. Тара уже не слушала Лэша. Она отвела взгляд и смотрела куда-то за его спину. Он обернулся. К ним приближался Эдвин Мочли. Его сопровождало несколько человек, которых Лэш не знал, но тут же понял, что это охранники «Эдема». Тара поспешно убрала руку. Ошеломленный Лэш не успел среагировать. В следующее мгновение его окружили, выход заблокировали.

— Доктор Лэш, — сказал Мочли. — Не будете ли так любезны пройти с нами?

Внезапно Лэш все понял и машинально вскочил. Один из охранников положил руку ему на плечо и мягко, но решительно усадил на место.

— Для вас будет лучше, если вы не станете оказывать сопротивления.

Прошло несколько томительно долгих секунд. Лэш обвел взглядом зал. Несколько голов повернулись в их сторону, с любопытством глядя на него. Потом он посмотрел на окружающих его людей, кивнул и медленно встал. Охранники взяли его в плотное кольцо и повели к выходу.

Директор вспомогательной службы был уже далеко впереди, у самых дверей. Одной рукой он обнимал Тару за плечи.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось пройти через это, — услышал его голос Лэш, — но все уже закончилось, тебе ничто не угрожает.

Потом двери закрылись за ними, и оба скрылись в сгущающемся мраке Пятьдесят четвертой улицы. Тара даже не оглянулась.

Ричард Сильвер осторожно сошел с беговой дорожки и немного постоял, тяжело дыша, пока движущаяся лента замедляла ход. Выключив тренажер, он взял полотенце и вытер лоб. Это было одно из самых сложных упражнений — сорок пять минут со скоростью шесть миль в час при восьмипроцентном наклоне. Впрочем, Сильвер не смог забыть о мучившей его тревоге.

Бросив полотенце в брезентовую корзину, он вышел из спортзала и прошел по коридору в кухню, где налил себе стакан воды из-под крана. Что бы он ни делал, ему не удавалось избавиться от гнетущего чувства, которое испытывал с утра — когда получил распечатку, в которой был указан Лэш как единственный возможный убийца.

Безучастно сделав несколько глотков, он поставил стакан в раковину. Какое-то время он замер, глядя перед собой невидящим взглядом. Потом наклонился, опершись локтями о стол, и ударил кулаком в лоб — раз, другой, третий...

Следовало покончить с этим, заняться другими делами. Это необходимо. Поддерживать видимость нормальности — единственный способ пережить ненормальное время.

Он выпрямился. Пятнадцать минут пятого. Чем он обычно занимался сейчас?

Начинал вечерний сеанс с Лизой.

Сильвер вышел из кухни и двинулся по коридору. Утро он обычно проводил, читая профессиональные журналы и публикации, днем решал деловые вопросы, а вечерами программировал. Впрочем, он всегда находил время, чтобы посетить Лизу перед ужином. Сильвер разговаривал с ней, обсуждал обновления программ и чувствовал, что она делает успехи. Он всегда с нетерпением ждал этого момента: разговор с тем, что отчасти являлось как его изобретением, так и им самим, не был похож ни на что другое. Он

стоил тех усилий, которые потребовались для создания Лизы. Сильвер сомневался, что смог бы когда-либо поделиться с кем-то подобными ощущениями.

Он всегда начинал сеансы ровно в четыре, при любых обстоятельствах. Сегодня он опоздал впервые за четыре года, с тех пор, как Лиза вместе со множеством необходимого оборудования была установлена в его апартаментах.

Упав в кресло, он начал закреплять электроды, стараясь привести в порядок свои мысли, что удалось лишь благодаря долгой практике. Прошло несколько минут. Наконец он коснулся клавиатуры и начал печатать.

— Ричард, — послышался всепроникающий бестелесный голос.

— Привет, Лиза.

— Ты опоздал на семнадцать минут. Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, Лиза.

— Я рада. Можно начать с текущего отчета? Я проверила новый псевдокод для общения, который ты ввел, и внесла в него несколько мелких модификаций.

— Очень хорошо, Лиза.

— Ты хотел бы ознакомиться с деталями этого процесса?

— Нет, спасибо. Остальную часть отчета можно сегодня пропустить.

— Тогда, может быть, ты желаешь обсудить последние введенные тобой сценарии? Я намерена выбрать сценарий номер триста одиннадцать, «Создание ложных утверждений в тесте Тьюринга».

— Может, завтра, Лиза. Я бы хотел сразу перейти к роману.

Сильвер сунул руку под кресло, следя, чтобы не оторвать при этом электроды, и достал основательно зачитанную книгу. Это была книга его матери, одна из немногих, оставшихся у него с раннего детства.

Самыми приятными моментами его сеансов с Лизой всегда было чтение. С годами он предлагал ей все более сложные книги, обучая машину основным ценностям человеческой жизни. Он испытывал

при этом почти отеческое удовлетворение, чувствуя себя менее одиноким. Возможно, сегодня ему удастся рассеять даже тягостное чувство вины. И не исключено, что, прежде чем он закончит читать, он найдет в себе смелость, чтобы задать тот вопрос, который он желал — и боялся — задать.

Он немного подождал, сосредотачиваясь, а затем открыл книгу.

— Помнишь, на чем мы остановились, Лиза?

— Да. Крыс Темплтон [\[23\]](#) вернул мешок с яйцами паучихи.

— Хорошо. А почему он это сделал?

— Поросенок обещал ему взамен еду.

— А почему подруга поросенка, Шарлотта, хотела спасти этот мешок с яйцами?

— Чтобы обеспечить выживание своих детей и продолжение рода.

— Но сама она не могла этого сделать.

— Да.

— Так кто это сделал?

— Темплтон.

— Сформулирую иначе: кто сыграл главную роль в спасении мешка с яйцами?

— Поросенок Уилбур.

— Верно. Почему он так поступил?

— Чтобы вознаградить паучиху. Она помогла ему.

Сильвер положил книгу на колени. У Лизы не было проблем с пониманием таких мотиваций, как стремление к выживанию или вознаграждение. Впрочем, даже теперь ей трудно было понять иные, более тонкие чувства.

— Твои этические процедуры активны?

— Да, Ричард.

— Тогда продолжим. Это одна из причин того, что он спас мешок с яйцами. Вторая — это чувства, которые он испытывал к паучихе.

— Это метафора.

— Верно. Это метафора человеческого поведения. Любви.

— Да.

— Уилбур любил Шарлотту. Так же как Шарлотта любила Уилбура.

— Я понимаю, Ричард.

Сильвер на мгновение закрыл глаза. Сегодня даже эти самые приятные моменты не доставляли ему удовольствия. С вопросом придется подождать.

— Я должен завершить сеанс, Лиза.

— Наш диалог продолжался только пять минут двадцать секунд.

— Я знаю. У меня есть кое-какие дела. Так что закончим, когда я дойду до конца двадцать первой главы.

— Хорошо, Ричард. Спасибо за беседу.

— И тебе спасибо. Лиза.

Сильвер взял «Паутину Шарлотты», нашел страницу с загнутым углом и начал читать:

«На следующий день, когда разбирали колесо обозрения, грузили лошадей в фургоны и хозяева аттракционов укладывали свои балаганы и разъезжались на машинах с прицепами, Шарлотта умерла. Ярмарка обезлюдела, навесы и лотки стояли пустыми и заброшенными. Все поле было усыпано бутылками и мусором; но никто из посетителей не знал, какую важную роль сыграла во всем серая паучиха, и в последний час рядом с ней не было никого...» [\[24\]](#)

Лэш оказался в том же самом зале для совещаний, но на этот раз он сидел на единственном стуле по одну сторону стола, глядя в объектив видеокамеры и на окружающие его мрачные лица. Эдвин Мочли занял место посередине, но сегодня слева от него сидела не Тара Стэплтон, а доктор Аликто в зеленом хирургическом халате. Перехватив взгляд Лэша, он с вежливой улыбкой наклонил голову.

Директор посмотрел на лежащие перед ним бумаги, потом на Лэша.

— Доктор Лэш, всем нам сейчас очень тяжело, а особенно мне. — Лицо обычно невозмутимого Мочли было пепельно-серым. — Естественно, именно я несу всю ответственность за происшедшее.

Лэш до сих пор был слегка ошеломлен. «Несу ответственность». Значит, он знал, что это ошибка, какое-то кошмарное недоразумение. Мочли сейчас извинится перед ним, и все смогут вернуться к работе. И он тоже...

Вот только где Тара?

Директор вспомогательной службы снова бросил взгляд на пачку бумаг, слегка разровняв их.

— Подумать только, мы наняли вас. Попросили о помощи. Предоставили доступ к нашим конфиденциальным данным, все это время не подозревая правды.

Он энергичным жестом включил диктофон и кивнул человеку за камерой.

— Доктор Лэш, вы знаете, почему вы здесь? — спросил он. — Почему мы с вами разговариваем?

Лэш замер. Точно такими же словами Мочли начал допрос Хандерлинга.

— Вы дерзкий человек, — продолжил директор. — Можно сказать, вы вошли прямо в логово врага. — Помолчав, он добавил: — Но, полагаю, у вас просто не было выбора. Вы знали, что в конце концов мы все равно найдем вас. А так оставался шанс спастись. Вы могли запутывать расследование, отвлекать внимание, тянуть время, направляя подозрения по ложному пути. В иных обстоятельствах я был бы впечатлен.

Онемение, которое начало было проходить, вновь охватило Лэша.

— Молчание не поможет. Вам в точности известно, как мы работаем, вы видели это собственными глазами. За последние несколько часов мы собрали все необходимые доказательства: транзакции, совершенные с помощью кредитной карты, записи телефонных разговоров, пленки с камер видеонаблюдения. Они доказывают ваше присутствие в тех местах и в то время, когда были совершены убийства. Мы знаем вашу биографию и список преступлений. И причину, по которой вас вынудили уволиться из ФБР.

Лэш слушал его со все возрастающим недоверием. Телефонные разговоры, видеозаписи? Список преступлений? Он ничего не сделал. И ему не приказывали уйти из ФБР. Это безумие, бессмыслица...

Внезапно он понял, что смысл в этом все-таки есть. Глубокий смысл. Настоящий убийца знал, что Лэш идет по его следу. Только истинный виновник убийств мог сфабриковать подобные доказательства, создать подобную паутину лжи.

— Конечно, мы могли бы схватить вас и раньше. Но нам не давал это сделать ваш особый статус. Вы не были ни нашим клиентом, ни сотрудником. Честно говоря, удивляюсь, что вы не сбежали, зная, что мы расширили область поиска.

Мочли использовал иную методику допроса. Он воспроизводил — для Лэша и остальных слушателей — собственные шаги и поступки Лэша, мотивы, которые склонили его к преступлению.

— Хотя, собственно, вы пытались скрыться. Сегодня вы ушли за несколько часов до предполагаемого завершения поисков. А вернувшись, вы не захотели войти в здание. Почему?

Лэш промолчал.

— У вас были какие-то, скажем так, незавершенные дела с Тарой Стэплтон, которая, по вашему мнению, слишком много знала? А может, понимая, что мы идем по вашему следу, вы сочли, что стоит рискнуть и попытаться стереть свои старые данные?

Лэш с трудом скрыл удивление. Какие данные?

— В прошлую пятницу вас задержала охрана, когда вы пытались пройти через Стену с несколькими папками в сумке. Что там было, доктор Лэш?

В зале на мгновение наступила тишина.

— Моя ошибка в том, что я тогда не просмотрел те документы, и за это я тоже несу полную ответственность. Впрочем, мы проверили записи в компьютерной системе безопасности. Позвольте напомнить для присутствующих, что было в папках. Бланки вашего заявления, поданного в «Эдем» полтора года назад.

Лэш снова с трудом скрыл удивление. «Я никогда не был соискателем — только формально. Я никогда не заполнял никаких бланков! Две недели назад я впервые вошел в это здание!»

— Хотя вы воспользовались псевдонимом и сообщили ложные данные, нет никаких сомнений, что тем кандидатом были вы. А психологический портрет, который мы тогда составили — в сравнении с тем, что недавно составил доктор Аликто, — многое объясняет. Очень многое.

Мочли откинулся на спинку кресла. Все его замешательство куда-то исчезло.

— Представляю, какой иронией судьбы стало то, что мы обратились за помощью именно к вам. Естественно, вы подвергали себя огромной опасности, но многое могли и приобрести. Не только более легкий доступ к будущим жертвам, но и возможность заново пройти процедуру обследования. Как нанятый специалист, вы вполне могли потребовать этого, не вызывая подозрений. И на этот раз вы добились своего, поскольку уже знали, чего ожидать.

Мочли, прищурившись, посмотрел на него.

— Вряд ли стоит говорить, что нами предприняты соответствующие шаги, чтобы обеспечить безопасность Диане Миррен. Вы больше не получите от нее никаких известий, как и она от вас.

Лэш с трудом сдержался, но промолчал.

— А супруги Коннелли могут теперь наслаждаться отдыхом у Ниагарского водопада, не опасаясь, что вы обрушитесь им на голову, словно ангел смерти.

Лэш по-прежнему не отвечал. Мочли вздохнул.

— Доктор Лэш, вам лучше будет узнать, что вас ожидает. После завершения этого допроса вы будете переданы федеральным властям. Сейчас у вас еще есть шанс помочь себе.

В зале повисла напряженная тишина. Наконец заговорил доктор Аликто.

— Вряд ли он скажет что-нибудь полезное. По крайней мере, добровольно. Его психоз явно зашел чересчур далеко.

Директор вспомогательной службы кивнул, явно разочарованный.

— Что вы посоветуете?

— Торазин, а затем соответствующая доза амитала натрия может на какое-то время сделать его более разговорчивым. По крайней мере, снять любое сознательное сопротивление. Мы можем ввести ему эти средства в одном из наших врачебных кабинетов.

Мочли снова кивнул, на этот раз медленнее.

— Хорошо. Но не рискуйте. — Он повернулся и сказал кому-то за спиной Лэша: — Вы и ваши люди будете сопровождать доктора Аликто по пути в медицинский отдел. Когда приедете туда, привяжите задержанного к каталке кожаными ремнями.

— Ясно, — ответил голос, показавшийся Лэшу знакомым.

Мочли снова повернулся к доктору.

— Сколько вам понадобится времени?

— Час, самое большее полтора.

— Действуйте. — Директор встал и окинул Лэша холодным взглядом. — Скоро снова увидимся, доктор Лэш. А пока что мне остается незавидная задача сообщить обо всем этом Ричарду Сильверу.

Еще мгновение он смотрел задержанному в глаза, затем

повернулся кругом и вышел из зала через заднюю дверь. Кто-то положил на плечо Лэша тяжелую руку.

— Пройдемте с нами, — сказал знакомый голос.

Когда кто-то резко поднял Лэша со стула и развернул лицом к себе, он взглянул в зеленые глаза Шелдрейка, начальника службы безопасности. Тот отошел в сторону и показал ему дорогу. Лэш заметил, что несколько человек встали у него за спиной.

Дверь перед ним открылась. словно в дурном сне, в окружении охранников, Лэш вышел из зала. Его повели сначала по одному, а потом по другому коридору в сторону медицинского отдела.

Впереди, там, где пересекались два коридора, Лэш заметил группу людей. Оттуда приближался техник, толкая перед собой металлическую тележку с какой-то аппаратурой.

Происходящее казалось Лэшу все более нереальным. Когда они подходили к перекрестку, один из охранников схватил его за плечо.

— Теперь сверни налево и остановись у лифтов, — буркнул он. — И без фокусов.

В это мгновение произошло нечто странное. Время словно замедлило свой бег. Охранники шли все медленнее, казалось, Лэш слышит каждый их шаг. Биение собственного сердца казалось ему монотонными ударами в бубен.

Он неожиданно развернулся, вырвавшись из рук сопровождающего. Позади он увидел остальных четырех охранников и Шелдрейка с доктором Аликто, замыкающих процессию. Начальник службы безопасности встретился взглядом с Лэшем, словно читая его мысли. Лэш увидел, как Шелдрейк начинает открывать рот и поднимать руку, но все это происходило столь медленно, что у него оставалось множество времени. Лэш вырвал у техника тележку и толкнул ее прямо на охранников. Почувствовав, что двое идущих по бокам пытаются удержать его, Лэш со всей силы наступил пяткой на ступню одного из них, а другого ударил коленом в пах.

Ему казалось, будто кто-то взял на себя контроль за его телом, управляя им, словно марионеткой. Тележка опрокинулась, преградив путь охранникам сзади. Схватив техника, Лэш толкнул его на приближающегося Шелдрейка. Оба рухнули на пол. Лэш повернулся

и побежал в сторону перекрестка. Пока он мчался, пока озибался по сторонам, выбирая один из боковых коридоров, пока продирался через небольшую толпу сотрудников, а потом снова побежал дальше, ему казалось, будто время снова начало ускоряться, все быстрее и быстрее, пока его мысли, дыхание и боль в мышцах не слились в мешанину звуков и красок.

Лэш миновал поворот, промчался по очередному коридору и снова свернул. Беглец остановился и прислонился к стене, лихорадочно озираясь по сторонам. Вокруг никого не было. Вдали слышались возбужденные голоса и топот ног. Сердце, которое несколько мгновений назад, казалось, билось крайне медленно, теперь колотилось со скоростью пулемета. Лэш подождал еще секунду, пытаясь успокоиться, затем оторвался от стены и двинулся дальше. Услышав шаги, он свернул в какой-то коридор и пробежал мимо двери с табличкой «Распределительный щит/Подсистема В». Беглец явно оказался в отделе технической поддержки, который обслуживало всего несколько сотрудников.

Впрочем, какая разница? Скоро до него доберутся и продолжат прерванное расследование, на этот раз используя наручники, кожаные ремни и сыворотку правды.

Он до сих пор не мог поверить в случившееся. Как такое могло произойти, к тому же столь быстро? Неужели он сегодня утром проснулся свободным человеком лишь для того, чтобы теперь его преследовали как убийцу-психопата? Казалось невозможным, чтобы кто-либо, а тем более такой человек, как Мочли, счел его преступником. И тем не менее было более чем очевидно, что как он, так и все остальные поверили в виновность Лэша. Он с легкостью мог представить себе, какими уликами они располагали. Директор вспомогательной службы перечислил список ложных, но, несомненно, хорошо документированных свидетельств: телефонные переговоры, психологический портрет, даже перечень преступлений. Как бороться с теми, в чьем распоряжении почти неограниченные возможности «Эдема»?

В коридоре перед ним появился какой-то техник в белом лабораторном халате, и Лэш прошел мимо него, опустив голову и даже не кивнув. На следующем перекрестке он снова поспешно свернул. Этот коридор был уже, а двери располагались на большем

расстоянии друг от друга.

Неужели все это началось еще тогда, когда у него пропадали газеты, возникали проблемы с пропуском и банкоматом, а также с отсутствием или избытком почты? Могло ли все начаться столь давно?

Да. Проблемы с кредитной картой и выплатами по ипотеке. Все это было частью кампании по нарастающему давлению. Атаки, которая велась на Лэша из-за того, что он был слишком близок к раскрытию правды.

А теперь, когда он все знал, были предприняты меры, чтобы никто не услышал об этом. Его ждала тюремная камера, где его протест заглушили бы крики других заключенных, уверяющих в своей невиновности.

Он остановился. Неужели у него начинается паранойя? А может, даже условное освобождение Эдмунда Уайра было частью детально разработанной попытки заткнуть ему рот? И возможно ли, что та ошибка, из-за которой его отвергнутый аватар оказался в Аквариуме, что казалось ему столь многообещающим, была лишь способом контролировать все его действия?

Лэш заставил себя идти дальше. Но в ушах его до сих пор звучали слова Мочли: «Нами предприняты соответствующие шаги, чтобы обеспечить безопасность Диане Миррен. Вы больше не получите от нее никаких известий».

Ему нужен был кто-то, с кем можно поговорить, человек, который поверил бы ему. Но кто в этой крепости «Эдема» вообще знает о нем, не говоря уже о настоящей причине его присутствия здесь? Его миссия с самого начала являлась строго охраняемой тайной.

Собственно говоря, ему приходила в голову лишь одна возможность.

Как это сделать? Он заблудился в лабиринте коридоров, и все они находились под наблюдением. Лэш дотронулся до браслета с идентификационным кодом на запястье. Несомненно, десяток сканеров следит за его передвижениями. Через несколько минут, а может быть, секунд его схватят.

Взгляд упал на дверь с табличкой «Серверная 15». Взявшись за

ручку, он убедился, что дверь заперта. Выругавшись про себя, он уже собрался открыть ее при помощи браслета, но внезапно передумал. Быстро отойдя от двери, Лэш побежал трусцой по коридору, поднося браслет к сканерам у нескольких других дверей. Потом вернулся к первой и подставил браслет под считыватель. Дверь с негромким щелчком открылась, и Лэш осторожно вошел внутрь.

Как он и надеялся, внутри было темно и пусто, не считая двух металлических стеллажей, тянувшихся от пола до потолка, забитых стойками с серверами — маленькой частью огромных вычислительных мощностей, обеспечивающих существование «Эдема». Он прошел между стеллажами в конец помещения, разглядывая стены и пол. Наконец он нашел то, что искал: большой металлический люк в стене, чуть выше пола. Он был покрашен в тот же бледно-фиолетовый цвет, что и стены, но хорошо заметен.

Лэш присел возле крышки. Размеры ее составляли примерно четыре на три фута. Лэш боялся, что вход может быть закрыт или защищен таким же сканером, как и дверь. Впрочем, он оказался заперт лишь на засов, который удалось отодвинуть без труда. Лэш открыл люк и заглянул внутрь.

Он увидел внутренность гладкой металлической трубы, покрытой густой сетью кабелей: оптоволоконных, многожильных и разных других, названий которых он не знал. Вдоль верхней ее части тянулась катодная трубка, отбрасывающая слабое голубое свечение. Лэш заметил, что чуть дальше ход разветвляется на два, более узких. Словно притоки большой реки.

Он мрачно улыбнулся. Большая река — хорошая метафора. По этим кабелям шел поток цифровой информации, достигая каждого помещения за Стеной и соединяя их друг с другом. Он вспомнил, что говорил Мочли об уровнях защиты, о бесчисленных преградах, не позволяющих каким-либо сведениям проникнуть за Стену. Лэш знал по собственному опыту, что Стена почти непреступна. Все эти датчики, пропускные пункты, службы безопасности с фанатичной преданностью наблюдали за тем, чтобы никакие тайны не проникли наружу. Теперь они так же действительно проследят за тем, чтобы не выбрался наружу и он сам.

А если он вообще не будет пытаться выбраться? Что, если он решит остаться за Стеной и заберется еще глубже в этот лабиринт коридоров?

Лэш в последний раз огляделся по сторонам, затем как можно быстрее и осторожнее влез в трубу и закрыл за собой люк.

На аванпосту службы охраны, на третьем этаже внутренней башни, Эдвин Мочли наблюдал за пропускным пунктом номер один через одностороннее зеркало. У прохода царило оживление, которое, впрочем, строго контролировалось. По крайней мере сотня сотрудников «Эдема» стояла в очереди на выход, под надзором полтора десятков охранников.

Мочли отошел от окна к ближайшему монитору. На экране виднелся главный вестибюль с высоты птичьего полета. Еще одна, более длинная очередь ждала перед импровизированным контрольным пунктом, поставленным перед вращающейся дверью. Охранники в форме проверяли пропуска и документы, выпуская людей по одному и по двое. Все искали Кристофера Лэша. Мочли удовлетворенно заметил, что с толпой смешались сотрудники в штатском, незаметно препятствуя лишним разговорам и отделяя клиентов от несостоявшихся кандидатов. Даже в этой критической ситуации, когда впервые в истории фирмы был объявлен уровень тревоги Дельта, для «Эдема» важнее всего были безопасность и тайна частной жизни клиентов.

Мочли начал расхаживать по комнате. Ситуация была весьма неприятная, особенно для него. Будучи связующим звеном между Ричардом Сильвером и остальной фирмой, директор вспомогательной службы незаметно оставил на «Эдеме» свой личный отпечаток. Он сам реализовал все процедуры безопасности, за исключением тех, что использовались в апартаментах на вершине небоскреба и были разработаны непосредственно Сильвером. Мочли понимал необходимость сохранения секретности и служебной тайны еще до того, как возникло то, что следовало оберегать. И он первым догадался, что крупнейшая сеть обмена информацией между телекоммуникационными компаниями, промышленными консорциумами и федеральными агентствами не только может повысить качество услуг «Эдема», но также принести невообразимую

прибыль.

Мочли не имел никаких титулов или привилегий, обычно связанных с высоким постом в фирме. Несмотря на это, он гордился своей работой и был безгранично предан «Эдему». И именно потому, медленно прохаживаясь туда и обратно, он чувствовал нарастающую злость.

Он сам выбрал Лэша. Это был вполне обдуманный шаг: компании грозила опасность, и Лэш казался единственным, кто мог бы предотвратить ее.

Но вместо спасителя Мочли привел в «Эдем» предателя.

Его до сих пор удивляло, насколько ловок оказался Лэш. Директор мало разбирался в психологии, но знал, что большинству людей, которые настолько психически больны, что готовы убивать других, нелегко скрыть свои нездоровые склонности. Впрочем, Лэшу это прекрасно удавалось. Да, он не прошел имитацию вступительного обследования, но оно несколько не показало всей серьезности ситуации. Теперь Мочли собственными глазами видел доказательства. После того как Сильвер передал ему тревожные известия — когда они уже знали, где искать, — из компьютера хлынул целый поток фактов. Неоднократное пребывание в психиатрической клинике. История болезни длиной в милю. Несмотря на превосходные результаты в аспирантуре, Лэш и тогда был серьезно болен, а его состояние со временем ухудшалось. Он оказался весьма хитер — сначала ему удалось скрыть свои отклонения и прошлое даже от ФБР, так же как и от «Эдема», но в конце концов тайное стало явным.

Глядя в одностороннее зеркало, директор вспомогательной службы все болезненнее ощущал это предательство и его последствия. Оглядываясь назад, он понимал, что должен был учесть замечания доктора Аликто. Обстоятельства, при которых Лэш ушел из ФБР, должны были лишь усилить его подозрения.

Он не мог вернуть время назад и исправить совершенные ошибки. Впрочем, он наверняка мог смягчить их результат. Теперь Мочли хорошо знал, насколько высока ставка, и намеревался сделать все как надо.

Раздался негромкий писк, и замигал видеотелефон на столе неподалеку. Директор подошел к аппарату и ввел короткий код.

— Мочли слушает.

Экран мгновение оставался темным, а затем на нем появилось лицо Сильвера.

— Эдвин, — сказал он, — какова ситуация?

— В здании объявлен уровень тревоги Дельта.

— Это действительно необходимо?

— Нам показалось, что это самый быстрый и безопасный способ освободить здание. Мы эвакуируем весь персонал, кроме сотрудников охраны. У всех выходов и пропускных пунктов наши люди, которые ищут Лэша.

— А наши клиенты? Какие предприняты меры, чтобы не напугать их?

— Им сказали, что это учения по эвакуации, которые мы проводим время от времени, чтобы убедиться, что нашим посетителям ничто не угрожает. Собственно, это почти правда. Пока все отнеслись к этому спокойно.

— Хорошо. Очень хорошо.

Мочли полагал, что собеседник закончит разговор, но лицо создателя «Эдема» осталось на экране.

— Еще что-то, доктор Сильвер? — спросил Мочли.

Создатель «Эдема» медленно покачал головой.

— Ты не думаешь, что мы могли ошибиться?

— Ошибиться, сэр?

— Насчет Лэша.

— Это невозможно. Вы сами передали мне тот отчет. И вы видели доказательства, которые мы получили за это время. Кроме того, если бы он был невиновен, то не сбежал бы.

— Наверняка. И все же... не переусердствуйте. Проследишь, чтобы ему не сделали ничего плохого?

— Конечно.

Сильвер слабо улыбнулся, и экран потемнел.

Мгновение спустя открылась дверь, и появился Шелдрейк. Он

подошел к Мочли выпрямившись, словно ожидая распоряжений. Можно уйти из армии, но от военных привычек избавиться куда труднее.

— Как дела, мистер Шелдрейк? — спросил директор вспомогательной службы.

— Семьдесят пять процентов клиентов «Эдема» покинули небоскрёб. Из данных пропускных пунктов следует, что около тридцати восьми процентов сотрудников прошли через кордон безопасности. Мы предполагаем закончить эвакуацию в течение двадцати минут.

— А Лэш?

Шелдрейк показал ему распечатку.

— Сканеры локализовали его в этой части здания, где находятся машинные залы. Он заходил в полтора десятка помещений. С тех пор никаких сведений не поступало.

— Дайте взглянуть. — Мочли взял распечатку. — Резервное хранилище данных. Сетевая инфраструктура. Что он там делал?

— Мы тоже задаем себе этот вопрос, сэр.

— Тут что-то не сходится. — Директор показал на список. — Отсюда следует, что Лэш вошел в шесть разных помещений на протяжении всего пятнадцати секунд. — Он вернул распечатку Шелдрейку. — Он не мог побывать там за столь короткое время. Что он делал?

— Играл с нами.

— Я тоже так считаю. В конце он вошел в серверную. Ваши люди должны сосредоточить все усилия на ней.

— Хорошо, сэр.

— Но патрулирование внутри Стены не прекращайте. Будем предполагать, что Лэш проверяет надежность кордона, пытаясь найти выход. Пойду в командный центр. Оттуда я могу контролировать операцию лучше.

Мочли посмотрел вслед начальнику службы безопасности, который направился к выходу. Потом чуть тише сказал:

— Мистер Шелдрейк?

— Да?

Мочли несколько мгновений смотрел на него. Шелдрейк, естественно, не был в курсе всей ситуации — например, он понятия не имел, почему Лэш оказался в здании, — но он знал достаточно, чтобы понять, что беглец представляет серьезную угрозу.

— Этот человек уже подверг «Эдем» опасности. Чем дольше он остается на свободе, тем больший он может нанести ущерб. Серьезный ущерб.

Начальник охраны кивнул.

— Главное сейчас — ограничить ему свободу передвижения. Важно, чтобы он не вышел из здания. Чем быстрее мы решим этот вопрос, тем лучше для всех. — Мочли снова ощутил злость, охватывающую его. — Понимаете? С этим нужно покончить как можно быстрее.

Шелдрейк снова кивнул, на этот раз медленнее.

— Я тоже так считаю, сэр.

— Тогда приступайте, — сказал директор вспомогательной службы.

В кабельном канале время, казалось, шло иначе. Узкая труба раз за разом разветвлялась, пронизывая все здание бескрайней сетью соединений. Здесь не было ничего, что позволяло бы оценить течение времени, лишь вызывающий клаустрофобию мир приглушенного голубого света, заполненный бесконечными реками проводов. Иногда Лэш встречались более широкие туннели — артерии в сети вен, — но трубы эти по большей части были забиты кабелями, из-за чего ему приходилось ползти, словно спелеологу, преодолевающему тесные лазы пещеры.

При каждой возможности он карабкался вверх. Из стен торчали металлические крепления для проводов, маленькие, но дающие опору для ног. Время от времени какой-нибудь острый край рвал ему рубашку или царапал кожу. Периодически он миновал крышку люка, такого же, как и тот, через который он проник в систему каналов, но ни одна из них не была обозначена, так что он не имел понятия о том, насколько далеко ему удалось забраться. Расстояние, как и время, тоже почти утратило смысл в этом тесном и чуждом мире.

Иногда Лэш останавливался, чтобы отдохнуть и прислушаться. Один раз тишину нарушил какой-то отдаленный грохот, будто кто-то захлопнул огромную дверь в самых глубоких подвалах здания. В другой раз ему показалось, что он слышит жуткий вопль, пронесшийся по узким каналам, словно свист ветра. Потом он различал только звук собственного дыхания — и поднимался дальше, цепляясь за кабели.

Хотя Лэш не страдал клаустрофобией, слабое освещение, глухая тишина и висящие со всех сторон провода действовали ему на нервы. Он старался двигаться медленно и осторожно, чтобы не потерять равновесие и не запутаться в кабелях.

Какое-то время спустя он обнаружил вертикальную шахту, несколько шире других, которая уходила прямо вверх, что

освобождало его от необходимости часто обходить боковые каналы. Лэш долго взбирался по ней. Ему казалось, что он часами карабкается с одной небольшой опоры до другой, пока у него не начало шуметь в ушах. В конце концов он снова остановился, опираясь о пучок проводов и прислушиваясь к собственному дыханию. Все мышцы болели. В слабом свете катодной трубки беглец посмотрел на часы.

Половина шестого. Неужели он ползает по этим каналам всего полчаса?

И как далеко он добрался? Он вполне мог оценить скорость подъема — ему не раз приходилось делать это в Куантико, во время упражнений по преодолению вертикальных стен на время. Вот только в этом лабиринте он двигался не только вверх. Протискиваясь через тесные туннели и цепляясь за кабели, трудно было сосредоточиться. На каком он сейчас этаже — на тридцатом? Тридцать пятом?

Балансируя на очередной опоре и с трудом переводя дыхание, он вдруг представил себе мысленную картину: крохотного паучка, отчаянно цепляющегося за внутреннюю сторону торчащей в бокале соломинки...

Больше невозможно взбираться вслепую. Его целью был вполне конкретный этаж. Нужно определить свое положение, точно выяснить, где он находится.

А это означает, что придется выйти из канала.

Он оперся о стену, размышляя. Если он покинет безопасное укрытие, сканеры сразу же обнаружат его. Охрана тотчас же узнает, где он, и сосредоточит поиски в этом районе. Сориентироваться, не подняв тревогу, ему не удастся... а может, все-таки...

Не исключено, что в большинстве кабинетов, лабораторий и складов сканеров нет. Вероятно, они размещались в основном в коридорах и у дверей. Если осторожно вылезти, так, чтобы не привести в действие какой-либо датчик...

У него нет другого выхода. Нужно попытаться.

Лэш поднялся на несколько футов до очередного ответвления, а потом с трудом протиснулся в горизонтальный туннель. Он полз по пучкам кабелей, пока не добрался до люка в боковой стене. Беглец немного подождал, прислушиваясь. С другой стороны не доносилось ни звука. Затаив дыхание, Лэш нащупал кончиками пальцев засов и

слегка толкнул его. Крышка открылась.

Сквозь щель тотчас же проник свет, залив узкий отрезок тоннеля ослепительной белизной. Лэш отвернулся и закрыл люк. По другую его сторону находился ярко освещенный кабинет или, что еще хуже, коридор. Придется попробовать в другом месте.

Он снова двинулся вперед, миновав сначала один, а потом другой выход. Возле четвертого он остановился, снова нащупал засов, и люк открылся. На этот раз свет за ним был не столь ярким. Может, какой-нибудь склад или кабинет человека, закончившего работу. Так или иначе, лучшей возможности не будет.

Лэш осторожно приоткрыл крышку. Вокруг все так же царила тишина.

Подтянувшись на локтях, он увидел в слабом свете выключенный терминал и контуры стола. Пустой кабинет — повезло.

Тихо, но со всей возможной быстротой он выбрался из люка. Он выпрямился, и мышцы спины, столь долго горбившейся в тесных каналах, внезапно запротестовали. Беглец огляделся, надеясь найти какую-нибудь надпись или план эвакуации, где имелся бы номер этажа, но, кроме пустого стола и монитора, больше ничего не заметил.

Он выругался себе под нос.

«Погоди-ка». На каждой из дверей, мимо которых он проходил в «Эдеме», имелась прикрепленная снаружи табличка. Вряд ли здесь иначе. Двери запирались снаружи; если держать браслет далеко от сканера, можно просто открыть дверь и взглянуть на надпись...

Подойдя к двери, он взялся за ручку и прислушался. По другую сторону не было слышно ни шагов, ни голосов.

Затаив дыхание, он слегка приоткрыл дверь. Сквозь щель проник свет; беглец увидел коридор, как обычно, с бледно-фиолетовыми стенами, явно пустой. Предусмотрительно пряча за спиной руку с браслетом, Лэш распахнул дверь шире. Оставалось только прочитать надпись с другой стороны...

Черт. Таблички не было.

Лэш закрыл дверь и оперся о стену. Из всех кабинетов, где он мог оказаться, он выбрал именно никем не занятый.

Переведя дыхание, беглец поспешно вернулся к двери и открыл ее в третий раз.

По другую сторону коридора находилась другая дверь, на этот раз с табличкой. На ней виднелось название, а ниже номер.

Но глаза Лэша еще не привыкли к яркому свету, и он не мог прочитать цифры. Прищурившись, он заморгал, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в ослепительном блеске.

«Ну, давай же».

Схватившись за косяк, Лэш высунул голову в коридор. На этот раз ему удалось прочитать надпись: «2614. Торстен, Дж. Постселекционная обработка».

«Двадцать шесть? — недоверчиво подумал он. — Я только на двадцать шестом этаже?»

— Эй, ты! — рявкнул в тишине чей-то голос. — Не двигаться!

Лэш обернулся. В полусотне футов от него на перекрестке двух коридоров стоял сотрудник службы безопасности в комбинезоне, показывая на него пальцем.

Беглец на мгновение застыл, словно олень в свете фар. Внезапно он увидел, что охранник тянется к оружию.

Лэш инстинктивно спрятался за косяком, и тут тишину коридора разорвал оглушительный грохот. Что-то со свистом пролетело в воздухе.

«Господи! Он же стреляет в меня!»

Беглец отскочил назад, едва не упав. Промчавшись через кабинет, он нырнул в люк, болезненно ударившись лодыжками. Закрывать крышку он не стал, поскольку теперь преследователи знали, где он. Лэш устремился вперед, не обращая внимания ни на то, куда он сворачивает, ни на густую паутину проводов, которую он раздвигал локтями и коленями, снова скрываясь в безопасном лабиринте цифровой реки.

Тара Стэплтон сидела в своем кабинете, слегка покачиваясь на вращающемся кресле и глядя на потертую доску для серфинга. Весь этаж казался покинутым, а коридор за дверью был погружен в тишину. Хотя Тара была ключевым элементом системы безопасности «Эдема», она знала, что и ей следует покинуть здание. Так говорил Мочли перед кафе «Рио». «Иди домой, — сказал он, обняв ее за плечи, что было для него весьма необычно. — У тебя был тяжелый день, но теперь все закончилось. Тебе нужно отдохнуть».

Тара встала и начала ходить по кабинету. Она знала, что дома чувствовала бы себя нисколько не лучше.

Она была в шоке, когда сразу после полудня Мочли вызвал ее в кабинет Сильвера. То, что ей сказали, выглядело невероятным: Кристофер Лэш, человек, которому поручили раскрыть загадку таинственных смертей, сам совершил эти убийства. Она не хотела, не могла поверить. Но убедительный голос директора и боль на лице Ричарда Сильвера говорили сами за себя. Она сама помогла Мочли перетряхнуть обширную сеть баз данных, находящуюся в их распоряжении. Собранные доказательства неопровержимо свидетельствовали против Лэша.

А потом, когда Лэш позвонил ей — когда она пошла на встречу с ним, предварительно посоветовавшись с Мочли, — шок лишь усилился. Лэш говорил поспешно, словно в отчаянии, но она почти не слушала его. Вместо этого Тара размышляла, как она могла так ошибиться. Перед ней сидел тот, кто хладнокровно убил четверых, и на это указывали многочисленные доказательства. Человек, который, по всем данным, вырос в крайне неблагополучной семье, большую часть детства провел в различных специальных заведениях и сумел скрыть перечень своих сексуальных преступлений. А она поверила ему, он даже понравился ей за короткий период их знакомства. Она никогда не была чересчур доверчивой. Одной из причин ее неудач в личной жизни, из-за чего она и приняла участие в пилотной

программе «Эдема», было то, что она боялась сблизиться с кем-либо. Какой же из ее защитных механизмов столь фатально подвел ее?

И еще кое-что. Она вспомнила часть того, что рассказывал Лэш. О передозировке лекарств, о соединении, известном под названием «П-вещество», нарушающем химические процессы в мозгу, об опасности, грозящей им обоим. Он был безумцем и потому говорил всякую чушь.

В самом ли деле?

В коридоре слышались быстро приближающиеся шаги. Скрипнула дверная ручка. словно призрак, вызванный ее мрачными мыслями, в кабинет вошел человек.

Кристофер Лэш.

Но она никогда прежде не видела Лэша таким. Теперь он действительно выглядел, словно сбежавший безумец. Волосы его были грязны и растрепаны, на лбу уродливый синяк. Его костюм, всегда безупречно отглаженный, был покрыт пылью и порван на локтях и коленях. Руки покраснели от крови, сочащейся из многочисленных ссадин и царапин.

Лэш закрыл дверь и оперся о нее, тяжело дыша.

— Тара, — хрипло проговорил он. — Слава богу, вы еще здесь.

Она смотрела не него, оцепенев от изумления. Потом схватила телефонную трубку.

— Нет! — сказал он, делая шаг в ее сторону.

Держа в одной руке трубку, она полезла другой рукой в сумочку и достала из нее перцовый баллончик и направила Лэшу в лицо. Он остановился.

— Прошу вас, сделайте кое-что для меня. Потом я уйду.

Тара пыталась собраться с мыслями. Охрана выследит Лэша по браслету с идентификационным кодом. Они будут здесь через несколько минут. Может, попытаться выиграть время?

Такая попытка казалась лучшим решением, нежели активное сопротивление.

Тара положила телефонную трубку, продолжая держать баллончик в руке.

— Что с вашим лицом? — спросила она, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Вас били?

— Нет. — По его лицу пробежала мимолетная улыбка. — Это все из-за того способа, которым я перемещался. — Улыбка погасла. — В меня стреляли.

Тара промолчала. «Паранойя. Бред».

Лэш сделал еще шаг к ней и застыл, когда Тара угрожающе направила на него баллончик.

— Послушайте. Сделайте это, если не ради меня, то ради тех суперпар, которые умерли, и тех, которым до сих пор грозит опасность. — Он с трудом переводил дыхание. — Найдите в базе данных «Эдема» аватар первого зарегистрированного клиента.

Прошла минута. Вскоре должны появиться охранники.

— Тара, пожалуйста.

— Встаньте там, — сказала Тара. — Держите руки так, чтобы я их видела.

Лэш отошел в противоположный угол кабинета.

Внимательно наблюдая за ним, она подошла к терминалу, все так же держа в руке газовый баллончик. Не садясь за клавиатуру, она наклонилась и набрала команду одной рукой.

Аватар первого зарегистрированного клиента...

Странно, но в результате поиска она получила аватар без имени, только с идентификационным кодом. И даже этот номер не имел никакого смысла.

— Дайте угадаю, — сказал Лэш. — Это даже не номер. Просто ряд нулей.

Тара повернулась и пристально посмотрела на него. Он все еще тяжело дышал, с израненных рук на пол капала кровь. Впрочем, он спокойно смотрел на нее, и, сколько бы Тара ни вглядывалась, она не замечала в его глазах ни единого следа безумия.

Она бросила взгляд на настенные часы. Две минуты.

— Откуда вы знали? — спросила она. — Просто угадали?

— Кто мог бы такое угадать? Девять нулей?

Вопрос повис в воздухе.

— Помните тот поиск, который вы по моей просьбе проводили сегодня утром со своего компьютера? Тогда мне кое-что пришло в голову. Это ужасное, но единственно возможное решение. А результаты ваших запросов лишь подтвердили мои подозрения.

Тара хотела что-то сказать, но передумала.

— Зачем мне все это слушать? — спросила она, все еще пытаясь выиграть время. — Я видела ваши данные, список преступлений, совершенных вами. Я знаю, почему вы ушли из ФБР: вы были виновны в смерти тех двоих полицейских и своего шурина. Вы намеренно навели на их след убийцу.

Лэш покачал головой.

— Нет. Все было не так. Я пытался спасти их, только догадался обо всем слишком поздно. Та история похожа на эту. Психологический портрет преступника был полон противоречий. Эдмунд Уайр — не читали о нем в газетах? Он убивал женщин в качестве приманки, писал на стенах всякую чушь, а на самом деле намечал настоящие жертвы — полицейских, ведущих расследование. И добрался до двоих. Меня он убить не сумел. Эта история разрушила мою семейную жизнь и на год лишила меня сна.

Тара ничего не ответила.

— Не понимаете? Из меня сделали козла отпущения. Подставили. Кто-то добрался до моих данных и подделал их. И я знаю кто.

Он подошел к двери и обернулся.

— Мне пора. Но вам нужно кое-куда пойти: к Аквариуму. Проверьте взаимодействие шести аватаров — женщин из всех шести суперпар — с аватаром-ноль.

Вдали мелодично звякнул лифт. Тара услышала возбужденные голоса и топот ног.

Лэш вздрогнул, положив руку на косяк двери, потом в последний раз посмотрел на Тару, и выражение его лица запомнилось ей навсегда.

— Я знаю, вы хотите, чтобы все это закончилось. Сделайте, как я сказал. Убедитесь в том, что происходит, сами. Спасите остальных.

Не говоря больше ни слова, он исчез.

Тара медленно опустилась в кресло. Она посмотрела на часы: прошло меньше четырех минут.

Несколько секунд спустя в ее кабинет ворвалась группа сотрудников службы безопасности с оружием в руках. Их предводитель — невысокий коренастый мужчина, в котором Тара узнала Уэтстона, — быстро проверил кабинет, а потом взглянул на нее.

— С вами все в порядке, мисс Стэплтон?

Стоящий рядом с Уэтстоном охранник заглянул в единственный шкаф. Тара кивнула. Уэтстон повернулся к своим людям.

— Наверняка он побежал туда, — сказал он, показывая направление. — Дрейфус, Макбейн, перекройте следующий перекресток. Рейнольдс, остаешься со мной. Проверим следующие входы в каналы.

Он быстро вышел из кабинета, пряча оружие в кобуру и доставая рацию.

Какое-то время Тара слышала удаляющиеся шаги и голоса, затем в коридоре снова стало тихо.

Еще минут пять она неподвижно сидела в кресле. Потом встала и прошла через кабинет, обходя пятна крови на полу. Несколько мгновений она колебалась, стоя на пороге, после чего направилась к лифту. До Аквариума было недалеко.

Впрочем, она тут же остановилась, повернулась и чуть быстрее пошла обратно.

Командный центр службы безопасности «Эдема» представлял собой большое, похожее на бункер помещение на двадцатом этаже внутренней башни. В нем сидели двадцать с лишним охранников, которые следили за сообщениями с датчиков и наблюдали за картинками с камер.

Эдвин Мочли в одиночестве стоял возле пульта. На десятке экранов он мог видеть информацию с любого из десяти тысяч потоков данных, передаваемых системами наблюдения через видеокамеры, датчики, клавиатуры компьютеров, сканеры. Директор вспомогательной службы стоял, заложив руки за спину, и переводил взгляд с одного монитора на другой. Каким-то чудом среди всего этого бушующего шторма данных Кристоферу Лэшу удавалось оставаться в неприкосновенности.

За спиной Мочли открылась дверь. Он не стал оборачиваться — в этом не было необходимости. По тяжелым размеренным шагам и внезапно наступившей тишине он догадался, что пришел Шелдрейк.

— Они опоздали на пять, может, на десять секунд, — сказал он, подходя к пульту.

Директор постучал по клавишам.

— Он провел четыре минуты в кабинете Тары Стэплтон. Четыре минуты, причем он знал, что опасность растет с каждой секундой. Почему он так поступил? — Он снова нажал несколько клавиш. — Выйдя из ее кабинета, он направился по коридору на юг, на бегу проведя браслетом через сканеры полутора десятков дверей. В какое из этих помещений он вошел и вошел ли вообще — неизвестно.

— Мои люди как раз выясняют это.

— Тщательность — хорошая вещь, мистер Шелдрейк. Впрочем, у меня есть серьезные подозрения, что на тридцать пятом этаже его уже нет.

— Мне до сих пор трудно поверить, что он перемещается по кабельным каналам, — сказал Шелдрейк. — Они предназначены для доступа на случай ремонта, а не для путешествий по ним. Протискиваясь сквозь них, он наверняка чувствует себя, как щетка для чистки труб.

Директор вспомогательной службы поскреб подбородок.

— Он должен искать выход, пытаться сбежать из здания. Вместо этого он забирается все выше. Сначала он был на двадцать шестом этаже, теперь на тридцать пятом.

— Может, ему кто-то нужен? Или он замышляет что-то? Самоубийство? Диверсию?

— Я тоже думал об этом. Если он доведен до отчаяния — вполне возможно. Но он не причинил никакого вреда Таре Стэплтон, а ведь именно она выдала его. Нам просто не хватает данных о его психическом состоянии, чтобы знать точно. — Мочли посмотрел на экраны. — Мне не хотелось бы отвлекать слишком многих людей от поисков, но вы должны поставить охрану у самых важных коммуникаций, а также у аварийных путей доступа в апартаменты наверху.

— Может, стоит выставить посты и у входов в кабельные каналы? Теперь, когда мы знаем, в какую сторону он движется, мы могли бы устроить засаду.

— Вопрос только — где? Тут миль сто коммуникаций, ведущих во все части здания. И в пять раз больше входов. За всеми нам не уследить.

Мочли отошел от пульта.

— У него есть план, — сказал он скорее самому себе, чем Шелдрейку. — Если мы выясним, какой именно, то будем знать, где поставить ловушку.

Он повернулся к начальнику службы безопасности.

— Идемте. Думаю, нам следует поговорить с Тарой Стэплтон.

В помещении, известном как Аквариум, стенные часы показывали 18.20. В обычное время тут всегда было полно специалистов, которые наблюдали за аватарами, делали заметки на своих наладонниках, следя за тем, чтобы процесс подбора — сердце и душа «Эдема» — шел без каких-либо помех.

Но в этот вечер здесь было пусто. Никто не фиксировал данные, отображаемые аппаратурой и компьютерами. Не было слышно ни звука, кроме шума вентиляторов, ничто не двигалось, если не считать мерцания светодиодов. В зале Аквариума, как и в остальной части «Эдема», прошла эвакуация.

Когда часы показали 18.21, со стороны коридора донесся тихий щелчок и створки дверей раздвинулись. Одинокая фигура осторожно заглянула внутрь, затем вошла, закрыла двери и неслышно пересекла зал.

Когда Тара Стэплтон шла по коридорам внутренней башни, ее потрясла царящая в них пустота и полная ожидания тишина. И все же Тара оказалась совершенно не готова к тому, что увидела сейчас. В этом помещении она бывала сотни, может, даже тысячи раз, и в нем всегда царило оживление. Возле Аквариума стояли люди, захваченные видом аватаров, неустанно кружащих в своей цифровой вселенной. Теперь же зрителей не было, а Аквариум оставался темным и пустым. Процесс обработки данных клиентов был приостановлен, когда в здании объявили уровень тревоги Дельта, и должен будет возобновлен только с началом работы утренней смены.

Тара подошла к передней стенке Аквариума. Протянув руку, она коснулась холодной гладкой поверхности. Впечатление огромной глубины и бархатной черноты оставалось, но пустой Аквариум выглядел странно. Хотя аватары — лишь электронные призраки, двоичные создания, существующие внутри компьютера, но отсутствие их в Аквариуме казалось чем-то недобрым,

противоречащим самой природе.

Тара перевела взгляд на стенные часы. Они показывали двадцать две минуты седьмого.

Подойдя к ближайшему пульта и набрав несколько команд, она вошла в базу данных Аквариума и главного архива клиентов.

Тара колебалась. Будучи главным специалистом по безопасности, она имела достаточно высокие полномочия, чтобы сделать то, что предлагал Лэш. Впрочем, она знала, что все ее действия будут запротоколированы, а каждое нажатие клавиши записано в файл. Наверняка рано или поздно ей придется объяснить свои поступки.

Она тряхнула головой. Неважно. Если Лэш лгал — если вся та история была лишь частью его безумия, теории заговора или мании преследования, — она сразу же выяснит это. Если же он говорил правду...

Тара пошевелила пальцами, затем вернулась к клавиатуре. Она не знала, что будет, если Лэш окажется прав. Но, так или иначе, это нужно проверить.

Она набрала очередную команду. Экран на мгновение потемнел, потом засветился снова.

СОБСТВЕННОСТЬ КОРПОРАЦИИ «ЭДЕМ»
ВИРТУАЛЬНАЯ ИСПЫТАТЕЛЬНАЯ КАМЕРА
Версия 27.4.1.1

Строго секретная информация
Требуется допуск L-4, EXEC-D или выше
РУЧНОЙ РЕЖИМ — СИМУЛЯЦИЯ
ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ПОПУЛЯЦИИ?

Глядя на экран, Тара вдруг ощутила желание поместить в Аквариум собственный аватар, увидеть, как ее цифровой образ скользит в бархатной черноте. Сколько потребовалось времени, чтобы найти аватар Мэтта Волана? Сейчас, стоя у пульта, она помнила его идентификационный код наизусть и могла бы...

Она напомнила себе, что у нее нет времени на подобные ностальгические мысли. Кроме того, она делала это не ради Лэша, даже не ради Уилнеров или Торпов. Она делала это ради себя. Если она сумеет помочь распутать эту загадку, все исправить... может, и для нее самой тогда будет еще не поздно.

Глубоко вздохнув, она ввела всего одну цифру: «2».

На экране появилось новое сообщение:

ВВЕДИТЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД
АВАТАРА

Она набрала номер, который увидела у себя в кабинете, аватар первого зарегистрированного клиента: 000000000.

Почти сразу же Аквариум осветился. В нем появился одинокий аватар, маленький и хрупкий среди черной пустоты: бледный мерцающий призрак, постоянно меняющий цвет и форму. Иногда он замирал почти неподвижно, а порой мчался с огромной скоростью.

Тара снова посмотрела на экран. Открыв отдельное окно, она послала запрос в архив клиентов, ища идентификационные коды шести женщин из суперпар. Вскоре был получен ответ.

Торвальд Линдси Э. — 000462196

Шварц Карен Л. — 000527710

Мэсон Линн Р. — 000561044

Ямадзаки Минако — 000577327

Кастильяно Андреа — 000630442

Эрреро Мария — 000688305

Вернувшись к главному меню, Тара ввела номер Линдси Торп. Сразу же появился еще один аватар. Тара обернулась. При наличии в Аквариуме всего двух цифровых образов процесс подбора — с положительным или отрицательным результатом — должен был завершиться очень быстро.

Она смотрела, как оба аватара парят в пустоте, то пульсируя новыми цветами, то угасая. Они начали быстрее менять цвета, притягиваемые алгоритмами взаимной привлекательности. Какое-то

время они изящно кружили, словно танцоры в па-де-де. Неожиданно аватары устремились друг к другу. Последовала ослепительно яркая вспышка, и на экранах мониторов разыгралась настоящая цифровая буря, когда миллионы переменных — индивидуальных вкусов, интересов, эмоций и воспоминаний, составляющих личность, — в мгновение ока были переработаны и сопоставлены суперкомпьютером Лизой. На экране появилось новое окно.

ДАННЫЕ ИСПЫТАТЕЛЬНОЙ КАМЕРЫ

\$НАЧАЛО ОБРАБОТКИ

А-сдвиг: отрицательный

Идентификатор 000000000: Контрольная сумма 4A32F

Идентификатор 000462196: Контрольная сумма 94DA7

Данные проникновения: Номинал 14A

Топология совпадений: Номинал 99

Цифровых артефактов: 0

Аномальных процессов: 0

Глубина поля данных после проникновения:
1948549.23 Мбит/с

Размер кластера: 4096

Время начала: 18:25:31.0.14 EST

Время конца: 18:25:31.982 EST

Базовая совместимость (эвристическая модель):
97.8304912 %

Среднее стандартное отклонение: +/- 0.00094%

\$КОНЕЦ ОБРАБОТКИ

Тара удивленно посмотрела на экран. Аватар Линдси Торп и аватар неизвестного человека с кодом 000000000 только что оказались полностью соответствующими друг другу. Это не была суперпара, которую составляли Линдси и Льюис Торп, но девяносто семь целых и восемь десятых процента — вполне неплохой результат.

Она удалила аватар Линдси из Аквариума и чуть быстрее начала вводить данные следующих женщин. Все оказались совместимы с этим таинственным аватаром. Карен Уилнер — на девяносто семь и одну десятую процента, Линн Коннелли — на девяносто восемь и девять десятых процента.

С возрастающим недоверием Тара ввела три последних кода. Те тоже совпали с неизвестным.

Цифровые образы всех шести женщин — из шести подобранных до сих пор «Эдемом» суперпар — подходили к одному и тому же таинственному аватару.

Что это могло значить?

Неужели аватар 0000000000 был своего рода контрольным механизмом и подходил ко всем аватарам в Аквариуме? Вполне возможно — она представляла себе процесс подбора в общих чертах, но не ориентировалась во всех его технических нюансах.

Снова повернувшись к компьютеру, Тара выбрала первого попавшегося клиента и ввела его виртуальный образ в Аквариум с таинственным аватаром. Она получила тридцать восемь процентов — отсутствие совместимости.

Тара ввела короткую программу, которая случайным образом выбрала аватары тысячи женщин, бывших или нынешних клиенток, после чего ввела их в Аквариум, по сто за раз. Какое-то время полный призрачных форм Аквариум выглядел вполне обычно. На этот раз обработка длилась несколько дольше, но через пять минут все закончилось.

Ни один из тысячи аватаров не подходил к аватару 0000000000.

Внезапно напряженную тишину разорвал звонок мобильного. Тара вздрогнула, затем с отчаянно бьющимся сердцем схватила трубку. По телефонному коду она поняла, что звонит кто-то из Коннектикута, но сам номер был незнакомым.

— Алло!

— Тара? — Голос звучал тихо, его заглушали помехи, но она сразу же узнала его.

— Да.

— Где вы?

— У Аквариума.

— Слава богу. И что...

— Потом. Где вы?

— В кабельном канале, похоже, где-то недалеко от вас. Сейчас...

— Подождите.

Тара положила телефон.

Она подумала обо всем том, что говорил ей Мочли, объясняя, что Лэш и есть убийца. Она подумала о встрече в кафе и о том, что хотел ей сказать Лэш. О выражении его лица, когда он появился в ее кабинете и умолял, чтобы она сделала то единственное, о чем он просит. А самое главное — о тех шести суперпарах и таинственном аватаре с идентификационным номером, состоящим из одних нулей.

Тара не была импульсивной личностью. Она всегда проверяла доказательства, взвешивала все за и против, прежде чем принять решение. В данный момент многое говорило против. Если Лэш был убийцей, ей грозила смертельная опасность. А за? Она могла помочь невиновному, решить загадку смерти двух суперпар. И возможно, спасти жизнь остальным.

Сунув руку в карман, Тара достала две длинные узкие полоски свинцовой фольги и повертела их в пальцах. Хотя она и не была импульсивным человеком, но знала, что на этот раз приняла решение намного раньше, чем вошла сюда.

Она снова взяла телефон.

— Встретьте меня у входа в зал Аквариума. Как можно быстрее.

— Но...

— Делайте, как я сказала.

Отключившись, она прервала процесс подбора, завершила сеанс работы с терминалом, после чего повернулась спиной к темному и пустому Аквариуму.

Когда Лэш появился из-за угла, Тара ждала его.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо, что рискнули.

— Вы выглядите еще хуже прежнего, — заметила она.

Что-то блеснуло в ее руке, и на мгновение Лэш испугался, что это наручники. Потом он увидел, что это две полоски свинцовой фольги. Тара взяла его за окровавленную руку и тщательно обернула браслет фольгой.

— Что вы делаете? — спросил он.

— Нейтрализую сканеры.

— Не знал, что это возможно.

— И никто не должен знать. Я добыла эти полоски, разрезав защитный фартук в радиологическом кабинете, который на том же этаже, что и мой. Так мы выиграем немного времени.

Она подняла руку — ее браслет был обернут таким же куском фольги.

— Значит, вы доверяете мне, — с бескрайним облегчением проговорил он.

— Я этого не говорила. Впрочем, без фольги я не смогла бы узнать, лжете вы или нет. Скажите мне только одно: вы ведь шутили, когда говорили, что в вас стреляли?

Лэш отрицательно покачал головой.

— Господи. Идем, нельзя здесь находиться.

Она повела его в глубь коридора. Они дошли до перекрестка и свернули.

— Что вы выяснили? — спросил он.

— Я обнаружила, что аватар 000000000 подходит к тем шести

женщинам.

— Черт побери. Я знал!

В это мгновение Тара втолкнула его в какое-то помещение. Лэш огляделся.

— Ведь это женский туалет!

— С неактивным браслетом я не могу открыть ни одну дверь. А тут мы можем поговорить спокойно. Рассказывайте.

— Хорошо.

Лэш поколебался, думая, с чего начать. Это было нелегко даже в кафе, а теперь, когда от усталости у него подгибались колени и сердце колотилось, словно молот, оказалось еще труднее.

— Вы понимаете, я ничего не могу доказать. Мне не хватает самой главной улики. Впрочем, все остальные элементы прекрасно сходятся друг с другом.

Тара кивнула.

— Помните, о чем я начал вам рассказывать? О том, что только кто-то очень высокопоставленный в иерархии «Эдема» мог сделать это? Он знал все о Линдси Торп, сфальсифицировал результаты ее обследования, поменял рекомендации врача, подделал документы. Точно так же лишь тот, кто имеет в распоряжении огромные возможности «Эдема», мог сфабриковать мои данные, сделав из меня безумца-психопата. Он работал в фирме уже тогда, когда ее финансировал «Фармген». Кто-то, занимающий достаточно высокое положение, чтобы знать результаты первых клинических испытаний сколипана. Тот, кто был в корпорации «Эдем» с тех пор, как первый клиент перешагнул ее порог.

— Что вы имеете в виду? — спросила она.

— Вы прекрасно знаете. Человек, который все это сделал, человек, взявший на прицел суперпары, — это и есть аватар-ноль.

— И кто... — Слова застряли у нее в горле.

Лэш мрачно кивнул.

— Именно. Аватар-ноль принадлежит Ричарду Сильверу.

— Этого не может быть.

Но, глядя ей в глаза, Лэш видел, что мысли ее движутся в том же направлении. Кто, кроме Сильвера, мог иметь такой идентификационный код? У кого еще был постоянный доступ к системе? Возможно, подсознательно она уже догадалась об этом сама. Наверное, именно потому принесла эти полоски фольги и вообще пришла сюда именно из-за этого.

Тара лишь покачала головой.

— Но почему?

— Пока не знаю. Нас учили, что, если выяснить мотив, выясняется и все остальное: личность, поведение, возможности. Я еще не до конца понимаю причину. Только Сильвер может объяснить нам это.

Вдали послышалась неразборчивая речь, хлопки открываемых и закрываемых дверей. Тара и Лэш ждали, затаив дыхание. Снова голоса, на этот раз ближе, звуки переговоров по рации. Затем опять, на этот раз удаляющиеся. А потом тишина.

Лэш медленно выдохнул.

— Мне пришло это в голову сегодня утром в вашем кабинете, когда аватар-ноль все время появлялся в начале списка. Единственный аватар без имени. Но лишь когда я поговорил со своим бывшим сокурсником, который работает в Колд-Спрингс, заметил связь с «Фармгеном» и сколипаном, а также его чудовищную реакцию с П-веществом, все сложилось в осмысленное целое. А Сильвер, наблюдающий за всем из своей башни из слоновой кости, видимо, понял, что я близок к разгадке. И потому столь искусно измазал меня грязью.

— А что насчет Карен Уилнер?

— Я едва успел выяснить, что случилось с Линдси Торп. Уверен, что и во втором случае главной причиной стало П-вещество. Пока не знаю, каким образом ей ввели яд.

Тара смотрела на него.

— Даже после всего, что вы рассказали мне, в это трудно поверить. Сильвер, может, и отшельник, но он последний, кого я могла бы счесть убийцей.

— Склонность к затворничеству — тревожный признак. Сильвер

действительно не соответствует психологическому портрету преступника. Но, как я уже говорил, портрет этот с самого начала полон противоречий. Эти убийства чересчур похожи друг на друга, можно сказать, лишены какого-либо искусства, словно их совершал ребенок. — Помолчав, он добавил: — Разве я похож на преступника?

— Нет.

— И, несмотря на это, вы меня выдали.

— Возможно, я опять сделаю это. Никто другой не поверит вам.

— Никто другой не стал бы слушать меня. Только вы.

— Я оставляю свое мнение при себе, пока не услышу, что скажет Сильвер.

Лэш задумчиво кивнул.

— В таком случае нам остается только одно.

— Что вы имеете в виду?

Во взгляде Тары Лэш прочитал, что она все поняла.

Эдвин Мочли стоял в тишине пустого кабинета Тары Стэплтон и медленно оглядывался вокруг. Постороннему наблюдателю могло бы показаться, что он просто бесцельно смотрит по сторонам. Впрочем, ничто не ускользнуло от его взгляда — плакаты, растения в горшках, идеальный порядок на столе, три монитора на нем, потрепанная доска для серфинга у стены.

Хотя он лично помогал Таре продвигаться по службе и безоговорочно верил в ее способности, она оставалась для него загадкой. Всегда по-деловому одетая, она редко шутила и еще реже улыбалась. Тара не тратила времени на пустые разговоры или сплетни, неизменно оставаясь серьезной и собранной.

Он снова взглянул на доску для серфинга. Хотя она оказалась здесь не без его участия, это всегда удивляло его. Оно не соответствовало почти фанатичной скрытности Тары, стене, которой она окружила свою личную жизнь. Тара вовсе не хвасталась этой доской — если бы ей хотелось произвести впечатление, она поставила бы здесь завоеванные на соревнованиях кубки, о которых ему было известно из оперативных источников. Нет — эта доска находилась тут исключительно по каким-то ей одной известным соображениям.

Мочли посмотрел на ковровое покрытие, на капли крови возле двери. В других местах Лэш не оставил никаких или почти никаких следов. Здесь же они имелись. Почему? Он жестикулировал? Угрожал?

И снова вставал самый главный вопрос: зачем Лэш вообще пришел сюда? Зачем он пошел на такой риск?

Слишком много загадок. Мочли снял с пояса рацию и нажал кнопку передачи.

— Слушаю вас, сэр, — послышался голос из командного центра.

— Кто это? Гилмор?

— Да, мистер Мочли.

— Повтори еще раз, что делала мисс Стэплтон после того, как Лэш покинул ее кабинет.

— Минуту, сэр. — В динамике послышался стук клавиш. — Группа преследования добралась туда в шесть минут седьмого. В двенадцать минут седьмого мисс Стэплтон покинула кабинет, и датчики зарегистрировали ее присутствие в радиологической лаборатории дальше по коридору. Там она провела три минуты. В шесть пятнадцать она вышла из лаборатории и пошла к лифтам. Лифт номер сто четыре поднялся вверх, на тридцать девятый этаж. Сенсоры прослеживают ее путь до испытательной камеры.

— До Аквариума.

— Да, сэр. Она открыла дверь идентификационным браслетом в шесть двадцать одну.

— Продолжай.

— Датчики в зале подтверждают, что она находилась там девять минут. Потом больше ничего.

— Ничего? Как это?

— Просто ничего, сэр. Как будто она исчезла.

— Вы послали группу в Аквариум?

— Они уже на месте. Там никого нет.

— Можете проверить записи терминала, посмотреть, какими данными она пользовалась?

— Как раз сейчас занимаемся этим.

— А что насчет Лэша? Есть что-нибудь новое?

— Десять минут назад сканер обнаружил его присутствие на тридцать седьмом этаже. Потом, через несколько минут, он был уже на тридцать девятом.

— На тридцать девятом, — повторил Мочли. — Возле Аквариума?

— Там его в последний раз зарегистрировали датчики.

— Когда это было?

— В шесть часов тридцать одну минуту.

Мочли отключился. «Шесть тридцать одна. Всего на минуту позже потери контакта с Тарой. Причем этаж и место совпадают».

Директор вспомогательной службы посмотрел на часы. В течение пятнадцати минут сенсоры не регистрировали присутствия Лэша и Тары. И это было совершенно непонятно.

Он задумался. Во внутренней башне не было камер, нигде, кроме пропускных пунктов и лифтов. Это казалось излишним: вследствие драконовских мер безопасности эта часть здания настолько была усеяна датчиками движения, что положение любого носящего браслет с идентификатором определялось с точностью до двадцати футов. Кроме того, ограниченное число входов и контрольные посты гарантировали, что за Стену может попасть только уполномоченный персонал. Вся инфраструктура была спроектирована так, чтобы защищать секреты фирмы от промышленного шпионажа; никто не разрабатывал планов на случай погони за сбежавшим убийцей.

Несмотря на это, меры безопасности должны сыграть свою роль. Идентификатор в браслете можно отключить только одним способом, а этого тщательно охраняемого секрета Лэш знать не мог...

Или мог?

Мочли снова включил передатчик.

— Гилмор, нужно, чтобы ты послал патрули в другое место. Отправь их на тридцать восьмой этаж и выше. Расставь наблюдателей на лестницах и в главных коридорах. Если там появится кто-то не из охраны, немедленно сообщайте мне.

— Хорошо, сэр.

Директор убрал рацию в карман, вышел из кабинета и задумчиво зашагал по коридору. В радиологической лаборатории царила тишина, словно в храме. Он посмотрел на аппаратуру, на блестящие приборы из нержавеющей стали. Зачем Тара приходила сюда?

Кристофер Лэш, убийца-психопат, ворвался в ее кабинет за несколько минут до этого. Неужели ей внезапно захотелось провести какие-то дополнительные исследования? Это тоже не имело смысла.

Помогала ли она Лэшу? Вряд ли. Она видела доказательства,

знала, какую опасность он представляет, не только для суперпар, но и для самого «Эдема». Она сообщила Мочли о встрече в кафе, выдала им Лэша.

Мог ли он угрожать ей чем-то? Это тоже казалось маловероятным. Тара прекрасно умела защищаться. А Лэш не был вооружен — Мочли лично позаботился об этом.

Он пытался поставить себя на ее место, воспроизвести ее образ мыслей. Впрочем, подобное удастся лишь в отношении тех, кого хорошо знаешь. А директор вовсе не был уверен, что понимает Тару. Он был застигнут врасплох, почти шокирован, когда два месяца назад она пришла к нему и попросила посодействовать ее включению в пилотную программу подбора пары для сотрудников. И не в меньшей степени он удивился, когда после того, как ей нашли партнера, она снова обратилась к Мочли с просьбой исключить ее из программы. Он помнил, что это было в понедельник — в тот день, когда Кристофер Лэш впервые вошел за Стену.

Лэш. Это все его работа. Он психопат, бешеный пес. Он создал фирме немало проблем. Нужно обязательно остановить его, прежде чем он причинит еще больший вред, возможно необратимый.

Мочли достал из кармана «глок». Оружие матово блеснуло в слабом дежурном освещении лаборатории. Он проверил пистолет, удостоверившись, что патрон в стволе, после чего снова спрятал «глок» в карман.

Этому бешеному псу некуда бежать. И Мочли отнесется к нему так, как следует относиться к опасному зверю. Загонит его в угол и пристрелит.

Пискнула рация.

— Мочли слушает.

— Мистер Мочли, говорит Гилмор. Вы велели докладывать, если мы заметим что-то необычное во внутренней башне.

— Совершенно верно, Гилмор. Говори.

— Сэр, заработал лифт, ведущий в апартаменты. Он сейчас движется.

— Что? — раздраженно бросил директор. — Придется поговорить с Ричардом Сильвером. Ему нельзя покидать свое

жилище, пока по зданию бродит Лэш. Это опасно.

— Вы не поняли, сэр. Лифт не спускается. Он поднимается.

Когда они вышли с лестницы, Лэш узнал холл на тридцатом этаже. Здесь они уже были. Как и вся остальная часть внутренней башни, помещение оказалось темным и пустым. В углу у мраморной стены стояла швабра, брошенная во время поспешной эвакуации. По обеим сторонам тянулись ряды лифтов. Над одним, справа, горел желтый свет. Табличка над дверями гласила: «Лифт-экспресс к пропускному пункту II».

Тара бдительно огляделась вокруг, а потом дала Лэшу знак идти за ней.

— Зачем мы сюда притащились? — буркнул он.

Все это казалось ему бессмысленным; они только что спустились на девять этажей вниз — девять этажей, на которые он с таким трудом взбирался. На исцарапанном лице и руках запеклась кровь, руки и ноги болели.

— Потому что это единственный путь.

Тара повела его к лифту, находящемуся несколько в стороне. Она ввела код, нажав несколько клавиш рядом с дверью.

Лэш сразу же все понял. В этом лифте он тоже был — даже не один раз.

Он ждал, опасаясь, что в любую минуту в холл могут ворваться охранники с оружием в руках. Громкий звонок сообщил о прибытии кабины, и двери открылись. Тара и Лэш поспешно вошли внутрь.

Тара повернулась к панели с тремя кнопками без надписей. Под ними находился сканер.

Она оглянулась на Лэша.

— Вы понимаете, что независимо от того, что будет дальше, мне придется серьезно объясняться по поводу своего поведения?

Лэш кивнул, дожидаясь, когда она нажмет кнопку, но Тара не двигалась с места. Неожиданно он испугался, что она передумала и сейчас отправит кабину вниз, к Мочли и его головорезам. Но в конце концов Тара вздохнула, выругалась, сняла фольгу с браслета и подставила запястье под считыватель, а затем нажала верхнюю кнопку.

Когда кабина начала подъем, Тара снова стала обматывать браслет фольгой, но тут же скомкала ее и бросила на пол.

— Какой смысл? Со мной и так все кончено. — Она посмотрела на Лэша. — Вам следует знать кое о чем.

— О чем?

— Если вы ошибаетесь, Мочли станет для вас далеко не главной проблемой. Я сама убью вас.

— Что ж, вполне честно, — кивнул Лэш.

Оба замолчали. Кабина продолжала ехать вверх.

— Лучше держитесь за что-нибудь, — сказала наконец Тара.

— Зачем?

— Как главный специалист по безопасности, я имею доступ к этому лифту. На случай угрозы — пожара, землетрясения, террористической атаки.

— Вы насчет того, что Мочли говорил об уровнях тревоги? Альфа, Бета и так далее.

— Тревога не объявлена, лишь состояние повышенной готовности. Это ограничивает мои полномочия.

— О чем вы?

— О том, что двери кабины не откроются. Мы поднимемся до апартаментов на верхнем этаже и остановимся.

Словно в ответ, лифт замедлил ход и замер. Не было ни звонка, ни шороха открывающихся дверей; кабина просто стояла неподвижно в верхней точке шахты.

Лэш посмотрел на Тару.

— И что теперь?

— Постоим так минуту-другую, пока вызов не сбросится. Потом

лифт спустится туда. — Она показала на самую нижнюю кнопку. — В личный гараж в подземелье.

— Где нас, несомненно, будет ждать теплый прием, — мрачно проговорил Лэш. — Если двери не откроются, зачем мы вообще сюда поднимались?

Тара показала на небольшую крышку под панелью управления.

— Перестаньте задавать вопросы и держитесь за что-нибудь.

Она открыла крышку, и Лэш увидел телефон, фонарик и отвертку с длинной ручкой. Тара сунула отвертку за пояс, а затем выпрямилась, вложив пальцы в щель между дверями. Лэш схватился за поручень.

Кабина двинулась вниз. Тара тотчас же просунула руку глубже в щель и раздвинула створки. Лифт с резким толчком остановился. Лэш едва удержался на ногах, судорожно цепляясь за перила.

Теперь стали видны внешние створки — металлические убирающиеся плиты. Упершись ногой о внутреннюю дверь, Тара потянула за одну из них. Внешние двери начали открываться, обнажив бетонную стену шахты, достигающую Лэшу до груди. Выше виднелась внутренняя обстановка апартаментов. С этой точки обзора она выглядела пугающе, словно огромная комната глазами ребенка.

— Господи, — вздохнул Лэш. — Где вы научились этому?

— В высотном здании общежития, на первом курсе. Ну, давайте вылезайте.

Лэш подтянулся, перебросил ногу на другую сторону, упал на ковер и поднялся.

— Теперь придержите двери, чтобы я могла выйти. Внешние и внутренние.

Лэш выполнил ее просьбу. Вскоре Тара уже стояла рядом с ним, вытирая ладони о брюки. Она достала из-за пояса отвертку и, присев возле обездвиженной кабины, воткнула ее в щель между дверями и полом. Заклиненные створки неподвижно застыли.

— Это чтобы задержать непрошенных гостей?

Тара кивнула.

— Наверняка сюда можно добраться не только на лифте.

— Конечно. Есть еще лестница из внутренней башни, к ней ведет аварийный люк.

— Тогда зачем все это?

Лэш показал на заблокированные двери.

— Лестница только на случай чрезвычайной ситуации. А люк открывается сверху, а не снизу. Так пожелал Сильвер. У вас пятнадцать, может быть, двадцать минут, прежде чем они проникнут сюда. — Она окинула его холодным серьезным взглядом. — Помните, я здесь только для того, чтобы выслушать, что скажет Сильвер.

«Столько времени должно хватить».

За стеклянными стенами на Манхэттен опускались сумерки. Оранжевые лучи заходящего солнца падали в ущелья небоскребов. Коллекция механизмов Сильвера отбрасывала длинные тени на кресла и столы. За исключением старых машин, холл был пуст.

— Его здесь нет, — сказала Тара.

Лэш дал ей знак идти за ним к дверце в книжном шкафу. Ручки на ней не было. Он провел рукой по контуру проема, нажимая то тут, то там. Наконец он услышал тихий щелчок скрытого замка, и дверь открылась.

Теперь Тара удивленно посмотрела на него. Драгоценные секунды быстро уходили, и Лэш поспешил вместе с ней по длинной узкой лестнице в жилую часть.

В коридоре, делящем апартаменты на две половины, царила тишина. Двери из полированного дерева по обеим сторонам были закрыты.

Лэш шагнул вперед. Что сделать теперь? Вежливо кашлянуть? Постучать? Он отчаянно искал выход из возникшей ситуации.

Он подошел к первой двери и приоткрыл ее. За ней оказался спортзал, который он уже видел раньше, но Сильвера среди тренажеров не было. Тихо затворив дверь, он подошел к следующей.

Эта комната явно играла роль библиотеки — у стен стояли металлические стеллажи, заполненные компьютерными журналами и профессиональной периодикой. Дальше была по-спартански обставленная кухня — кроме огромного холодильника там была

лишь обычная газовая плита, микроволновка, шкафчики для посуды и продуктов и стол с одним стулом. Лэш закрыл дверь.

Бесполезно — он лишь сумел оттянуть неизбежное. Судя по всему, Сильвер эвакуировался вместе с остальными. Скоро сюда доберутся охранники. За вторжение в жилище основателя «Эдема» Лэша наверняка сразу же пристрелят. Он в отчаянии посмотрел на Тару.

Неожиданно у него перехватило дыхание. За ее спиной в конце коридора он заметил черную дверь. Она была приоткрыта, а через щель сочился желтый свет.

Лэш поспешно направился в туда. На мгновение остановившись, он слегка толкнул створку.

Помещение за ней выглядело точно так же, как и в прошлый раз, — стойки с аппаратурой, шум бесчисленных вентиляторов, полдюжины терминалов, стоящих в ряд на длинном деревянном столе. Перед ними на единственном стуле сидел Ричард Сильвер.

— Кристофер, — серьезно произнес он. — Входите, прошу. Я ждал вас.

Лэш шагнул вперед. Ричард Сильвер перевел взгляд на Тару.

— И вас, мисс Стэплтон. Когда Эдвин звонил несколько минут назад, он сказал, что вы тоже можете появиться. Не понимаю.

— Она пришла выслушать вашу версию событий, — сказал Лэш.

Создатель «Эдема» поднял брови. На нем оказалась новая гавайская рубашка, с пальмами и раковинами. Его поношенные черные джинсы были тщательно выглажены.

— Доктор Сильвер... — снова начал Лэш.

— Прошу вас, Кристофер, называйте меня Ричард. Я уже говорил вам.

— Нам нужно кое-что обсудить.

Сильвер кивнул.

— За последние несколько часов вся моя жизнь полетела к черту.

— Да, вы ужасно выглядите. В ванной у меня есть аптечка, может, принести вам?

Лэш лишь отмахнулся.

— Почему вы не удивлены?

Создатель «Эдема» молчал.

— Кто-то сфальсифицировал результаты моего медицинского обследования, добавил ложные сведения о моих юношеских сексуальных похождениях. Историю моей службы в ФБР изменили оскорбительным для моих погибших товарищей образом. Мне приписали множество преступлений, сфабриковали доказательства, связывающие меня со смертью как Уилнеров, так и Торпов: билеты на самолет, бронирование гостиниц, записи телефонных разговоров. Я знаю только одного человека, который мог это сделать, Ричард, — вас. Но Тара не верит в это. Я хочу услышать, что вы можете на это

сказать.

— Если честно, Кристофер, — хоть мне и неприятно это говорить, — то, наверное, объясниться следует именно вам. Вы утверждаете, что я сфабриковал множество ложных сведений о вас. Каким же образом я сделал это?

— Такое средство есть. Благодаря Лизе вы имеете доступ к базам данных крупнейших телекоммуникационных, транспортных и гостиничных компаний, медицинских учреждений, банков. И у вас есть возможности — неограниченные возможности — изменять содержимое архивов.

Сильвер медленно кивнул.

— Пожалуй, это действительно так. Я мог бы это сделать, будь у меня достаточно времени — и воображения. Только вопрос — зачем?

— Чтобы скрыть личность настоящего убийцы.

— И это...

— Вы, Ричард.

Создатель «Эдема» на мгновение замолчал.

— Я, — наконец сказал он.

Лэш кивнул. Сильвер покачал головой.

— Эдвин сказал, чтобы я занял вас разговором, но это уже слишком. — Он посмотрел на Тару. — Мисс Стэплтон, вы в самом деле считаете, что я мог бы убить тех женщин? Каким образом? И по какой причине? Да и зачем мне потом было бы прилагать столько усилий, чтобы свалить вину на Кристофера, именно на него?

Сильвер говорил спокойно, рассудительно, с легкой обидой. Даже Лэш с трудом мог представить себе, что создатель «Эдема» совершил эти преступления. Но если он все-таки сделал это, для Лэша не оставалось никакой надежды.

— Это вы убийца, Кристофер, — сказал Сильвер, снова поворачиваясь к нему. — Не могу даже выразить словами, насколько горько мне это говорить. У меня редко с кем-то возникают дружеские отношения, но к вам я начал относиться как к другу. Тем временем вы готовы уничтожить все, что я создал. До сих пор не могу понять — почему?

Лэш снова шагнул вперед.

— Вы все равно ничего мне не сделаете, — поспешно сказал Сильвер. — Как я вижу, вы вывели из строя лифт, но Эдвин и его люди все равно будут здесь через несколько минут. Было бы лучше для всех, включая вас, если бы вы сдались.

— И позволил себя застрелить? Вы отдали именно такой приказ — стрелять на поражение?

При этих словах обида и удивление исчезли с лица создателя «Эдема».

Глядя на него и слушая его слова, Лэш понял, что может победить лишь одним оружием — своими знаниями. Если ему удастся измотать Сильвера, найти типичные для безумца расхождения в словах и поступках, возможно, появится шанс.

— Вы только что спрашивали меня, зачем вам было совершать те убийства, — продолжал Лэш. — Я надеялся, что вы окажетесь мужчиной и признаетесь сами. Впрочем, вы вынуждаете меня, чтобы я доказал это вам. Что означает необходимость проведения психологического анализа вашей личности.

Сильвер внимательно наблюдал за ним.

— Вы робкий одиночка, плохо чувствующий себя в обществе. Наверняка вам нелегко дается общение с противоположным полом. Возможно, вы считаете себя неуклюжим или непривлекательным. С другими людьми вы общаетесь с помощью электронной почты, видеотелефона или Мочли. О вашем детстве мало что известно; возможно, вы пытались скрыть правду о нем. Вы живете здесь как монах, наедине с собственным творением — которое, кстати, имеет женский голос и имя, — посвящая все свое время его совершенствованию. И разве не говорит о многом — весьма о многом, — что вы решили использовать дело своей жизни для соединения одиноких сердец?

Не услышав ответа, он продолжал:

— Конечно, робких людей предостаточно. Многие чувствуют себя неловко в обществе других. Поскольку вы совершили те убийства, ваша история наверняка намного сложнее. — Он немного помолчал, глядя на Сильвера. — Что вы можете сказать нам об аватаре-ноль? Так уж получается, что он идеально подходит к

аватарам всех женщин из шести суперпар.

Сильвер не ответил, лишь внезапно побледнел.

— Ведь это ваш аватар? Образ вашей собственной личности, находящийся в системе со времен первоначальных тестов программного обеспечения «Эдема». Вы просто не удалили его, когда программа была полностью запущена. Вы тайно проверяли, насколько бы вы подходили настоящим кандидаткам. Искушение найти себе партнера оказалось слишком велико. Вы бы не выдержали, не имея возможности проверить это. Вот только с этим знанием вы тоже не могли жить.

Сильвер успел прийти в себя, и по его лицу невозможно было что-либо понять.

Лэш повернулся к Таре.

— С точки зрения психолога, я вижу тут две возможности. Первая — что мы имеем дело с обычным социопатом, безответственной и самовлюбленной личностью, лишенной всяческой морали. Такой был бы зачарован теми шестью женщинами, выбранными в качестве идеальных спутниц. Он одновременно желал бы их и боялся. И безумно ревновал бы к любому другому мужчине, который осмелился бы обладать ими. В литературе описано множество подобных случаев.

Он снова помолчал.

— Есть ли в этой гипотезе какие-либо пробелы? Да. Социопаты нечасто обладают столь выдающимся интеллектом. Кроме того, они редко испытывают угрызения совести из-за своих поступков. А мне кажется, что Ричард весьма переживает из-за них. По крайней мере, часть его личности.

Лэш вновь повернулся к создателю «Эдема».

— Я знаю правду о Торпах, об их повторном медицинском обследовании и завышенной дозе сколипана. А что вы сделали с Карен Уилнер?

Вопрос повис в воздухе. Наконец Сильвер откашлялся.

— Ничего. Я никого не убивал. — Голос его звучал теперь иначе, более хрипло и резко. — Мисс Стэплтон, вы сами видите, что утопающий цепляется за соломинку. Доктор Лэш готов говорить и

делать что угодно, лишь бы спасти себя.

— Займемся тогда второй, более правдоподобной гипотезой, — сказал Лэш. — Ричард Сильвер страдает комплексом психических расстройств, обычно называемым раздвоением личности.

— Это миф, — фыркнул Сильвер. — Жвачка из кинофильмов.

— Хотел бы, чтобы это было так. Одна из моих пациенток как раз страдает подобным заболеванием. Его очень трудно вылечить. Обычно это результат тяжелого детства — сексуальных издевательств, физических или эмоциональных страданий. Например, у той женщины был агрессивный, злой отец. Для некоторых детей столь травмирующие переживания просто невыносимы. Дети еще слишком малы, чтобы понять, что это не их вина, особенно если мучения исходят от якобы любящих их родителей. В таких случаях дело может дойти до расщепления личности. Коротко говоря, они как бы создают других людей, которые страдают вместо них. — Он посмотрел на Сильвера. — Почему вы окружаете свое детство такой тайной? Почему вы лучше себя чувствуете рядом с компьютером, чем с другими людьми? Не было ли у вас агрессивного и злого отца?

— Оставьте в покое мою семью, — проговорил Сильвер.

Лэш впервые услышал в его голосе неподдельный гнев.

— Такие люди выглядят нормальными? — спросила Тара.

— Более чем. И обычно преуспевают в жизни.

— Они умны?

Лэш кивнул.

— Чрезвычайно.

— Не говорите мне, будто верите в это, — сказал Сильвер Таре.

— Подобные люди отдают себе отчет в том, что у них есть другие «я»? — снова спросила Тара.

— Обычно нет. Они замечают провалы во времени, когда понятия не имеют, что с ними происходило полдня. Цель лечения состоит в том, чтобы пациент примирил между собой все свои личности.

Откуда-то снизу донесся глухой удар — не слишком громкий, но пол лаборатории слегка содрогнулся. Все трое переглянулись.

Ситуация начала казаться Лэшу слегка сюрреалистичной. Он сидел тут, строя теории, в то время как в любой момент сюда могли ворваться вооруженные люди, готовые застрелить его. Но он почти закончил. Сказать оставалось немного.

— В таких случаях обычно доминирует одна личность, — продолжал он. — Часто это нормальная, «хорошая» сторона. Другие же личности питают чувства, слишком опасные для доминирующей. — Он показал на Сильвера. — Так что внешне Ричард именно тот, кем кажется: выдающийся программист со склонностью к затворничеству. Человек, который — как он сам мне сказал — считает, что отвечает за своих клиентов точно так же, как и врач. Впрочем, боюсь, что существуют и другие Ричарды Сильверы, которых он не позволяет нам заметить. Тот Сильвер, для которого идеальная спутница была как угрозой, так и непреодолимым искушением. И еще один, более опасный Ричард Сильвер, испытывающий смертельную ревность при мысли о том, что такой женщиной мог бы обладать другой мужчина.

Он замолчал. Создатель «Эдема» смотрел на него, сжав губы, с опасным блеском в глазах. Лэш видел его досаду и гнев. Но чувство вины? Он не был уверен. И у него не оставалось времени, ни мгновения времени...

Словно в подтверждение, снизу донесся очередной глухой удар.

— Эдвин будет здесь через несколько минут, — сказал Сильвер. — И все ваши тягостные игры закончатся.

Лэш вдруг ощутил огромную усталость.

— И это все? Больше вам нечего добавить?

— А что мне еще говорить?

— Вы могли бы признаться в правде.

— Правда. — Сильвер чуть ли не выплюнул это слово. — Правда состоит в том, что вы оскорбили меня своей псевдопсихологической чушью. Так что закончим этот цирк. Я достаточно долго терпел. Вы виновны в четырехкратном убийстве. Имейте смелость признаться в этом.

— Значит, вы сможете это вынести? Сумеете обречь невинного человека на смерть?

— Вы вовсе не невинны, доктор Лэш. Почему бы вам самому не признать очевидное? Все остальные уже сделали это.

Лэш повернулся к Таре.

— Это так? В какую версию вы верите?

— Версию, — презрительно бросил создатель «Эдема». — Вы серийный убийца.

— Тара? — настаивал Лэш.

Тара глубоко вздохнула и повернулась к Сильверу.

— Чуть раньше вы кое о чем меня спросили. Цитирую: «Вы в самом деле считаете, что я мог бы убить тех женщин?»

Сильвер удивленно взглянул на нее.

— Да, я так сказал. А что?

— Почему вы говорили только о женщинах? А как насчет мужчин?

— Я...

Создатель «Эдема» неожиданно замолчал.

— Вы не слышали теории Кристофера о том, что только женщины получили слишком большую дозу лекарства, вызывающего склонность к убийству и самоубийству. Так почему же вы говорили исключительно о женщинах?

— Это был чисто риторический вопрос.

Тара не ответила.

— Мисс Стэплтон, — чуть резче сказал Сильвер. — Через несколько минут Лэш будет схвачен моими людьми и перестанет представлять угрозу для кого-либо. Не усложняйте ситуацию без нужды — и для себя тоже.

Тара продолжала молчать.

— Ричард прав, — сказал Лэш с горечью в голосе. — Ему вовсе незачем в чем-либо признаваться, достаточно держать язык за зубами. Никто не поверит мне. И больше я ничего не в состоянии сделать.

Тара словно не слышала его, задумчиво глядя перед собой. А

потом она вдруг широко раскрыла глаза.

— Нет, — сказала она, поворачиваясь к нему. — Есть еще кое-что.

В лаборатории наступила тишина. Несколько мгновений Лэш слышал только шум работающих вентиляторов.

— О чем вы? — спросил он.

В ответ Тара отвела его в сторону и показала на что-то почти незаметным кивком головы. Лэш проследил за ее взглядом и увидел стоящее в конце помещения кресло за перегородкой из плексигласа.

— Лиза? — тихо сказал он.

— Если вы правы, то Сильвер входил в систему именно отсюда. Возможно, он оставил какой-то след, по которому вы могли бы пойти. А даже если и нет, она должна знать об этом.

— Она?

— У Лизы должен быть протокол всех действий Сильвера. Он наверняка пользовался разнообразными подсистемами — связи, медицинскими, сбора данных. Ему требовался доступ ко множеству внутренних баз, чтобы сфабриковать улики против вас. То же касается и результатов обследования Линдси Торп, и многих других данных. Можете спросить ее об этом.

— Спросить?

— Почему бы и нет? Это компьютер, запрограммированный для выполнения команд.

— Дело не в этом. Я понятия не имею, как общаться с ней.

— Вы же видели, как это делал Сильвер. Вы сами рассказывали мне в баре на вокзале. Больше ее вам никто другой ничего не скажет.

Она отошла назад и вопросительно посмотрела на него. «Ведь речь идет о твоей собственной шкуре, — говорил ее взгляд. — Если твои слова — правда, неужели ты не сделал бы все возможное, чтобы доказать это?»

— О чем вы там разговариваете? — спросил Сильвер, внимательно наблюдая за ними.

Лэш посмотрел на кресло и кабели вокруг него. Это последняя безнадежная попытка отчаявшегося человека. Но Тара права. Терять ему нечего.

Он пересек лабораторию, открыл плексигласовую дверь и быстро лег на кресло.

— Что вы себе позволяете?

В тесном помещении голос создателя «Эдема» прозвучал необычно громко.

Лэш не ответил. Он посмотрел по сторонам, вспоминая, что делал Сильвер. Подвинув к себе закрепленный на телескопическом рычаге монитор, он закрепил микрофон на порванном воротнике рубашки.

— Вы не посмеете! — воскликнул Сильвер.

Он медленно встал, словно ошеломленный дерзостью Лэша.

— А кто мне помешает? Вы?

Лэш взял электроды и начал прикреплять их к вискам. Он вспомнил, что Сильвер говорил о Лизе, о ее высокоразвитом интеллекте и трехмерной нейронной сети. Попытка интерактивного контакта с Лизой, не говоря уже о поиске необходимой информации, казалась ему верхом глупости. Но он не мог допустить, чтобы создатель «Эдема» заметил его сомнения.

Подключив провода, Лэш потянулся к пульту и включил электроэнцефалограф. Экран перед ним засветился, по нему быстро пробежали и исчезли колонки цифр. Лэш посмотрел на вспомогательную клавиатуру и стилус, закрепленные на одном из подлокотников. Он вспомнил, как Сильвер пользовался ими перед началом непосредственного контакта с Лизой. «Я привлекаю ее внимание», — сказал он тогда. Так или иначе, Лэш тоже должен был обратиться к Лизе. Он протянул руку к стилусу.

— Сойдите с кресла, — предостерег Сильвер.

Он нервно расхаживал по лаборатории, словно не зная, что предпринять.

— Не беспокойтесь. Я ее не сломаю.

— Вы понятия не имеете, что делать. Это ничего не даст. Зря теряете время.

В раздраженном голосе Сильвера прозвучали нервные нотки. Лэш с интересом посмотрел на него.

— Я не был бы в этом так уверен.

— Никто, кроме меня, не разговаривал с Лизой напрямую.

— Помните, что вы мне говорили, когда я был здесь в прошлый раз? Вы сказали, что другие тоже могли бы общаться с ней при соответствующей подготовке и сосредоточенности.

— Ключевое слово — «соответствующей», Лэш.

— Я быстро учусь.

Лэш говорил с уверенностью, которой вовсе не ощущал. Он оторвал взгляд от пульта и посмотрел на экран, потом снова на пульт.

«Привлечь ее внимание».

На что реагируют компьютеры? На команды. На операторы программы.

Коснувшись клавиатуры, он написал: «Съешь ещё этих мягких французских булок да выпей же чаю». [\[25\]](#)

Никакой реакции. Экран остался темным.

— Доктор Лэш, немедленно сойдите с кресла, — повторил создатель «Эдема».

Может, попробовать задать вопрос? Лэш набрал: «Чем ворон похож на конторку?» [\[26\]](#)

Снова никакого ответа. Лэш стиснул зубы. Сильвер прав. Это лишь трата времени. В любой момент в апартаменты может ворваться Мочли. И это конец.

Он посмотрел сквозь плексигласовую перегородку. Сильвер перестал ходить туда-сюда и с гневным выражением на лице направился в его сторону.

Неожиданно на маленьком экране разыгралась цифровая буря. Лэш услышал голос — тот самый голос, который он помнил:

глубокий, женский, доносившийся отовсюду и вместе с тем ниоткуда.

— Чем ворон похож на конторку? — спросил голос.

— Да, — сказал в микрофон Лэш.

— Не понимаю природы данного вопроса.

— Это загадка.

— Неудачная попытка интерпретировать высказывание.

— Загадка, — повторил Лэш, стараясь говорить медленно и отчетливо. — Цитата из одной знаменитой книги.

Сильвер остановился, внимательно слушая.

— Ты не Ричард, — сказал женский голос.

Он произнес это совершенно безразличным тоном, так что Лэш не был уверен, утверждение это или вопрос.

— Нет.

— Твой образ и спектр голоса мне известны. Ты Кристофер Лэш.

— Да.

Компьютер ничего больше не сказал. Лэш чувствовал, что сердце его начинает биться все быстрее, и пытался успокоиться. С чего же начать? Он вспомнил вопрос, который задавал Сильвер, и решил повторить его.

— Лиза, — сказал он в микрофон. — Каково твоё текущее состояние?

— На девяносто девять целых двести двадцать четыре тысячных процента исправна. Текущие процессы занимают двадцать два целых шесть десятых процента процессорного времени. Память на сто процентов свободна. Спасибо за вопрос.

— Прекратите! — гневным шепотом бросил Сильвер.

— Воспринимаю образ Ричарда, — сказала Лиза. — Идентифицирую спектр его голоса. Но со мной разговаривает не Ричард. Любопытно.

«Любопытно». Сильвер говорил ему, что сделал любопытство одной из основных черт Лизы. Может, удастся воспользоваться этим.

— Это я, Кристофер Лэш, разговариваю с тобой.

— Кристофер, — повторил голос, с едва слышимым отзвуком цифровой речи.

Лэша снова удивило, как Лиза произнесла имя, словно смакуя его. После нескольких лет общения исключительно с Сильвером беседа с другим человеком действительно была чем-то новым для нее.

— Почему со мной разговариваешь ты, а не Ричард? — спросила Лиза.

Лэш колебался. Следовало формулировать свои ответы таким образом, чтобы поддержать ее интерес. Это казалось единственным шансом на продолжение разговора.

— Потому что ситуация в «Эдеме» стала нестандартной.

— Поясни.

— Лучшим способом пояснить будет ряд вопросов, которые я задам тебе. Ты согласна?

— Согласие — незнакомое понятие. Чуждое моему опыту. У меня нет соответствующих сценариев. Я проведу оценку.

— Как долго это продлится?

— Пять миллионов двести сорок пять тысяч вычислительных циклов плюс-минус десять процентов, в предположении успешной реализации алгоритма выбора.

Это Лэшу ни о чем не говорило.

— Я могу задавать вопросы, пока продолжается оценка?

— Неудачная попытка интерпретировать высказывание. Слишком многозначный глагол «продолжается».

— Я могу задавать вопросы в процессе оценки?

— Кристофер.

Он ожидал вовсе не такого ответа — и потому решил воспринять его как зеленый свет.

— Лиза, пользовался ли Ричард этим интерфейсом в течение последних сорока восьми часов, чтобы получить доступ к моим данным?

Создатель «Эдема» внезапно бросился к плексигласовой дверце.

Лэш потянул за ручку со своей стороны.

— Лиза, — повторил он, закрывая дверь. — Пользовался ли Ричард этим интерфейсом, чтобы получить доступ к моим данным?

Ответа не последовало.

«Она размышляет? Или просто не хочет отвечать?» — подумал Лэш.

— Лиза? — спросил он. — Тебе понятен мой вопрос?

Неожиданно он вспомнил усталый вид Сильвера, когда тот отцеплял электроды, вставая с кресла, и его слова: «Сеансы с Лизой порой бывают утомительны. Они требуют огромного сосредоточения. Частота и амплитуда бета- или тета-волн могут говорить куда отчетливее, нежели слова».

Возможно, в данной необычной ситуации одного любопытства Лизе было недостаточно. Она впервые общалась не с Сильвером, а с другим человеком. Ясность и простота высказываний имели ключевое значение.

«Они требуют огромного сосредоточения. Эти датчики на висках облегчают общение».

Лэш не знал, каким образом концентрировался Сильвер. Он мог рассчитывать лишь на методики релаксации, которым он сам учил своих пациентов. Не исключено, что достаточно будет самогипноза, состояния повышенного внимания. Если ему удастся успокоиться, остыть, освободить разум от ненужных мыслей...

Он начал так, как делал в своем кабинете, разговаривая с пациентом: «Представь себе какую-нибудь расслабляющую сцену. Самую расслабляющую, какую только можешь себе вообразить. Думай, будто сидишь на пляже. Сейчас солнечный день...»

Сильвер снова бросился к двери. Лэш слегка согнул руку в локте под напором Сильвера, но тут же снова выпрямил ее. Он пытался забыть о Сильвере, Мочли, о своем отчаянном положении, обо всем.

Он закрыл глаза. «Сделай глубокий вдох. Задержи дыхание. Теперь медленно выпусти воздух. Снова вдох. Ты должен чувствовать себя спокойным и расслабленным».

Лиза по-прежнему молчала.

Все звуки и события постепенно ушли куда-то вдаль. Лэш сосредоточил свои мысли на пляже, на мягком шуме волн.

«Почувствуй, как опускается твоя голова, мягко клонясь набок. Расслабляются мышцы шеи. Ты чувствуешь себя легче, дышишь свободнее».

— Кристофер, — услышал он бестелесный голос Лизы.

— Да?

«Расслабляются мышцы рук, сначала правой, потом левой. Позволь им упасть».

— Пожалуйста, повтори последний вопрос.

«Расслабляются мышцы ног, сначала правой, потом левой».

— Пользовался ли Ричард этим интерфейсом, чтобы получить доступ к моим данным?

— Да, Кристофер.

— Это были внешние или внутренние данные?

Ответа не последовало.

«Снова медленный, глубокий вдох».

— Ричард пользовался данными из твоей памяти или из источников за пределами «Эдема»?

— Из обоих.

«Сосредоточься на пляже».

— Модифицировал ли Ричард Сильвер каким-либо образом эти данные?

Нет ответа.

— Лиза, модифицировал ли Ричард...

— Нет.

Нет? Подтверждала ли этим Лиза, что Сильвер не подтасовывал факты? Или, возможно, отказывалась отвечать? Но...

Неожиданно его с таким трудом достигнутое спокойствие рассыпалось в прах. Глубоко вздохнув, Лэш посмотрел сквозь плексигласовую перегородку. Сильвер отошел на несколько шагов и

стоял теперь рядом с Тарой. Оба с тревогой смотрели на Лэша.

— Кристофер, — повторял создатель «Эдема». — Пожалуйста, выйдите оттуда на минуту. Мне нужно поговорить с вами.

Лиза перестала отвечать. Во взгляде Сильвера Лэш заметил нечто новое — муку.

Сильвер достал из кармана мобильный телефон и набрал номер.

— Эдвин? — сказал он. — Эдвин, это Ричард.

Он отодвинул аппарат от уха, чтобы Тара и Лэш могли слышать ответ.

— Да, доктор Сильвер, — произнес металлический голос Мочли.

— Где вы сейчас?

— Переходим во внутреннюю башню.

— Остановитесь. И ни шагу дальше, пока не получите от меня дальнейших указаний.

— Можете повторить, доктор Сильвер?

— Я сказал — оставайтесь на месте. Не пытайтесь войти в апартаменты.

Сильвер снова приложил телефон к уху.

— Все в порядке. Да, Эдвин, в полном порядке. Я скоро перезвоню.

Но, убирая трубку в карман, создатель «Эдема» выглядел далеко не лучшим образом.

— Кристофер, нам нужно поговорить, и немедленно.

Не раздумывая, Лэш спустил ноги с кресла, отцепил с висков электроды и вышел из-за перегородки.

Мочли несколько мгновений смотрел на свой мобильный телефон, словно сомневаясь в его исправности, затем снова поднес его к уху.

— Можете повторить, доктор Сильвер?

— Я сказал — оставайтесь на месте. Не пытайтесь входить в апартаменты.

— У вас все в порядке?

— Все в порядке.

— Точно?

— Да, Эдвин, в полном порядке. Я скоро перезвоню.

Тихо пискнув, телефон смолк.

Директор вспомогательной службы снова с сомнением посмотрел на него.

Несмотря на помехи, голос однозначно принадлежал Сильверу, хотя в нем и звучали странные нотки, которых Мочли никогда прежде не слышал. Может, Лэш угрожал Сильверу, держал его заложником в апартаментах? Впрочем, в его голосе не было страха, лишь крайняя усталость.

— Это Сильвер звонил? — крикнул снизу Шелдрейк.

— Да.

— Какие распоряжения он отдал?

— Не входить в апартаменты. Остановиться.

— Вы шутите?

— Нет.

Последовала короткая пауза.

— Что ж, если уж оставаться на месте, то, может, выберем более удобное место? А то здесь я себя чувствую, словно цирковой акробат.

Мочли посмотрел вниз, и предложение показалось ему вполне обоснованным.

Последние пятнадцать минут они провели на верхушке длинной металлической лестницы, идущей по стене внутренней башни «Эдема» до самой крыши. Им пришлось ждать, пока техник службы охраны — сонный растрепанный парень по фамилии Дорфман — перехитрит механизм, блокирующий аварийный вход, и откроет им путь в апартаменты Сильвера. Это были долгие пятнадцать минут, казавшиеся еще более длинными из-за твердости металлических перекладин и не стихающего шума машин в огромном зале внизу — генераторов и трансформаторов, снабжающих электроэнергией вечно голодный небоскреб. Хотя у Дорфмана имелось все необходимое оборудование, ему пришлось основательно потрудиться.

Возможно, Стэплтон справилась бы с этим быстрее — если бы захотела...

Впрочем, Мочли вовсе не собирался размышлять над проблемой Тары. Вместо этого он отметил про себя, что при первой же возможности следует внести изменения в процедуры, обеспечивающие безопасность апартаментов.

Он явно позволил страсти Сильвера к уединению перейти все разумные границы, доказательством чему явились последние пятнадцать минут. Всего лишь прихоть, опасная прихоть. Механический таран, как и ожидалось, ничего не дал, а современная аппаратура действовала слишком медленно. А если бы Сильвер вдруг заболел и потерял способность двигаться? В случае аварии лифта спешащие на помощь потеряли бы немало драгоценных минут. Сильвер слишком ценен для фирмы, чтобы так рисковать, и Мочли собирался сказать ему об этом лично. Сильвер — человек здравомыслящий и наверняка поймет.

Директор посмотрел вверх. Лестница исчезала в люке, ведущем на крышу внутренней башни, выходя на открытое пространство между ней и полом апартаментов Сильвера. Дорфман сейчас находился возле открытого люка. Он вопросительно посмотрел на Мочли, одной рукой схватившись за перекладину лестницы, а в другой держа логический анализатор. К поясу его были подвешены

электронные тестеры, детекторы и другие приборы.

— Дальше, — крикнул директор вспомогательной службы.

Дорфман приложил руку к уху.

— Дальше! Подожди нас внутри.

Техник кивнул, повернулся и обеими руками схватился за металлическую лестницу. Взобравшись выше, он скрылся в темноте.

Мочли посмотрел на Шелдрейка, стоящего внизу, и дал ему знак, чтобы тот шел за ним со своими людьми. В апартаменты Сильвера нелегко было проникнуть, так что если уж им и приходилось ждать, то с тем же успехом можно было сделать это и внутри.

Он начал карабкаться по лестнице. Преодолев четыре перекладки, он оказался в люке, ведущем на крышу башни, еще через четыре — в пространстве под надстройкой, в которой располагались апартаменты. Он никогда прежде здесь не был и невольно остановился, чтобы оглядеться по сторонам.

Мочли не обладал богатым воображением, но, медленно поворачиваясь кругом, он почувствовал, что у него кружится голова. Со всех сторон простирался мрачный металлический ландшафт крыши внутренней башни. Повсюду тянулись потоки кабелей, время от времени прерывающиеся бесчисленными распределительными коробками. Футы в десяти выше, словно гигантский небосклон, висело стальное подбрюшье апартаментов, соединенное с крышей лесом вертикальных двутавровых балок. Из отверстий в надстройке выходили две металлические трубы, скрывающие внутри световоды, и исчезали в крыше внутренней башни. Вдали виднелась третья — значительно более широкий прямоугольный корпус шахты личного лифта Сильвера. На краю крыши конструкцию усиливало множество горизонтальных опор, сквозь которые падали лучи заходящего солнца. Человек, смотрящий на это ажурное сооружение с уровня улицы, никогда бы не догадался, что оно скрывает соединение двух отдельных частей здания — внутренней башни и надстройки. Но Мочли, стоящему на высоте в шестьдесят этажей над Манхэттеном, казалось, что он очутился между двумя слоями огромного металлического бутерброда.

Было и еще кое-что, внушающее беспокойство. В обеих продольных стенах, на половине расстояния между этими двумя частями, были установлены большие плиты, раздвигающиеся, словно

гармошка. В их стальных краях Мочли заметил три выреза — два для труб со световодами и третий для шахты лифта. Сейчас эти плиты были сложены, но в случае объявления тревоги они соединились бы, отрезав апартаменты от внутренней башни. Массивные гидравлические поршни, приводящие в движение эти конструкции, напоминали пружины огромной мышеловки.

— Мистер Мочли? — крикнул снизу Шелдрейк.

Директор очнулся, крепче схватился за перекладину и выбрался через аварийный люк в вестибюль апартаментов. Сначала он почувствовал облегчение, ощутив под ногами надежную опору, затем легкое беспокойство — внутри царила крошечная тьма.

— Дорфман!

Во мраке рядом с ним послышался шорох.

— Я здесь, мистер Мочли.

— Почему ты не включил свет?

— Ищу выключатель, сэр.

Директор двинулся вперед, вытянув перед собой руки, пока не наткнулся на металлическую стену. Он нащупал закрытую дверь, а затем пошел вдоль стены, пока не вернулся к аварийному люку. Он обогнул помещение по периметру, но не нашел выключателя.

Послышался лязг, и в люк, на мгновение закрыв слабый свет снизу, протиснулась какая-то фигура.

— Шелдрейк?

— Так точно.

— Свяжись со своими людьми внизу. Пусть принесут фонари.

Начальник службы безопасности снова скрылся в люке.

Мочли стоял и думал. Апартаменты наверху состояли из семи этажей, два из которых занимало жилище Сильвера. На остальном пространстве размещалось оборудование, составляющее машинную сущность Лизы.

Сильвер никогда особо не интересовался делами фирмы, предоставив руководство компанией правлению. Единственное, что по-настоящему заботило его, была аппаратура Лизы. Во время ее

монтажа Сильвер ежедневно бывал на нижних этажах, лично наблюдая за установкой, а иногда даже таская ящики с приборами через недостроенные помещения. Мочли помнил, что все это время Лиза работала на базе большого числа довольно старых компьютеров, питающихся от электрогенератора. Подключение компонентов к сети под напряжением и при работающей системе было весьма утомительным процессом, но Сильвер настаивал на своем. «Она не может лишиться сознания, — сказал он Мочли. — Она никогда не теряла его, и этого допустить нельзя. Лиза не какой-то там персональный компьютер, который можно заново перезагрузить. Она слишком долго пребывала в полном сознании, и кто знает, какие данные она забудет или изменит, если отключить питание?»

Подобные же опасения легли в основу мер предосторожности, которые предпринял создатель «Эдема», чтобы охранять Лизу от внешнего мира. Директор вспомогательной службы знал, что по какой-то причине искусственный интеллект Лизы никогда не переносился с одного компьютера на другой. Вместо этого новые и более производительные машины просто подключались к старым, создавая обширную сеть из компьютеров разных лет выпуска и сборки. Комплекс мощных суперкомпьютеров, перерабатывающих данные извне — собранные сведения, результаты наблюдений за клиентами и так далее, — располагался ниже во внутренней башне, где его обслуживало множество специалистов. Но ядро Лизы, управляющий всем искусственный разум, находилось здесь, под единоличной опекой Сильвера.

С тех пор как было построено здание, Мочли ни разу не бывал в помещениях Лизы, и теперь он ругал себя за этот недосмотр. Такое неведение обернулось серьезным просчетом в системе безопасности фирмы. Он попытался вспомнить все о четырех нижних этажах и понял, что знает очень мало. Создатель «Эдема» ревностно оберегал тайну даже от него.

Директор вспомогательной службы снова подошел к двери, которую нащупал раньше. Он боялся, что Сильвер мог запереть ее изнутри, но ручка повернулась под его ладонью. Когда дверь открылась, наконец зажегся свет — не ламп, а множества светодиодов, мигающих красным, зеленым и янтарным светом в полной темноте. Казалось, их ряды уходили в бесконечность. Эта картина сопровождалась новым звуком — не громким шумом трансформаторов внизу, а монотонным жужжанием запасных

генераторов на фоне чуть более тихого шороха электромеханических устройств.

Велев Дорфману дожидаться Шелдрейка, Мочли шагнул во тьму.

Сильвер пошел по коридору к двери, которую открыл обычным старомодным ключом. Он поспешно провел их в небольшую спальню, в которой царил идеальный порядок и не было никаких украшений. Узкая кровать с тонким матрасом и металлическими трубками напоминала военную койку. Рядом с ней стоял столик из некрашеного дерева, на котором лежала Библия. С потолка свисала единственная голая лампочка. Комната выглядела столь пустой, что вполне могла сойти за монастырскую келью.

Создатель «Эдема» закрыл за собой дверь и начал ходить из угла в угол. На его лице отражались противоречивые чувства. В какой-то момент он остановился, повернулся к Лэшу и хотел было что-то сказать, но передумал.

Наконец Сильвер все же обратился к нему.

— Вы ошибались.

Лэш ждал.

— У меня были чудесные родители. Любящие, терпеливые, понимающие. Я постоянно вспоминаю о них — о запахе одеколона моего отца, когда он обнимал меня, возвращаясь с работы, о том, как пела мама, когда я играл на полу под фортепьяно.

Он снова начал расхаживать по комнате. Лэш понимал, что ему лучше молчать.

— Мой отец погиб, когда мне было три года. В автокатастрофе. Мама пережила его всего на два года. Другой родни у меня не было, и меня отправили к тетке в Мэдисон, штат Висконсин. У нее были свои дети, трое мальчиков старше меня.

Сильвер замедлил шаг, крепко стиснув заложенные за спину руки, так что побелели пальцы.

— Там я оказался никому не нужен. Для мальчишек я был

слабаком и уродом, достойным лишь презрения. Меня не называли Риком, только придурком. Их мать не возражала, поскольку тоже не любила меня. Обычно я не участвовал в семейных мероприятиях вроде воскресных обедов в городе, походов в кино или боулинг. Если меня и брали с собой, то лишь потому, что иначе мое отсутствие заметили бы соседи. Я часто плакал по ночам, молил Бога о том, чтобы умереть во сне и больше не проснуться.

В голосе создателя «Эдема» не было жалости к себе. Слова его звучали бесстрастно, словно он зачитывал список покупок.

— Мальчишки постарались, чтобы в школе я стал парией. Они забавлялись, пугая девочек «вшами Сильвера», и смеялись над отвращением одноклассниц.

Сильвер замолчал и снова посмотрел на Лэша.

— Их отец вовсе не был таким злым. Он работал в ночную смену оператором в университетской компьютерной лаборатории. Иногда я ходил туда, чтобы сбежать из этого дома. Компьютеры начали захватывать меня. Они не причиняли боли, не осуждали. Если программа не работала, то не из-за того, что ты худ или уродлив, а потому, что ты ошибся при вводе кода. Исправь ошибку, и все будет хорошо.

Речь Сильвера ускорилась, каждая новая фраза давалась ему все легче. Лэш понимающе кивнул, скрывая растущее возбуждение. Он видел подобное много раз во время полицейских допросов. Трудно решиться на то, чтобы дать показания, но когда подозреваемый наконец начинает говорить, из него изливается настоящий поток слов.

— Я начал проводить все больше времени в компьютерной лаборатории. В программировании имела некая логика, которая действовала на меня странно успокаивающе. И всегда можно было научиться чему-то новому. Сначала сотрудники относились ко мне как к диковинке, но потом, когда увидели, какие системные утилиты я стал писать, взяли меня на работу. В доме своей тетки я провел девять лет и покинул его при первой же возможности. Прибавив себе возраст, я получил работу в фирме, выполняющей заказы министерства обороны, где писал программы расчета траектории ракет. Я получил диплом инженера на факультете электроники, после чего по-настоящему занялся искусственным разумом.

— И тогда вам пришла в голову идея создать Лизу? — спросил Лэш.

— Нет. Не сразу. Меня увлекли первые исследования в этой области — Джон Маккарти, Лисп [\[27\]](#) и тому подобное. Но лишь когда я был на последнем курсе, программные средства развились настолько, что можно было сделать серьезный шаг в направлении создания самообучающейся машины.

— «Императив искусственного разума», — сказала Тара. — Тема вашей дипломной работы.

Сильвер кивнул, не глядя на нее.

— Тем летом я не знал, куда деваться до начала занятий в сентябре. Знакомых у меня не было. К тому времени я уже переехал в Кембридж и жил один. Я начал просиживать в лаборатории МТИ [\[28\]](#) по двадцать и тридцать часов подряд, разрабатывая программу, содержащую простейшие процедуры искусственного интеллекта. К концу лета я достиг немалых успехов. Когда начались занятия, мой научный руководитель в МТИ был настолько впечатлен, что предоставил мне полную свободу действий. Чем совершеннее и мощнее становилась программа, тем больше возрастал мой интерес к ней. Когда я не сидел на занятиях, я все свободное время проводил с Лизой.

— К тому времени вы уже дали ей имя? — спросил Лэш.

— Я стремился расширить ее возможности ведения реалистичной беседы. Я печатал вопросы, она отвечала. Вначале это был лишь способ обучения, но постепенно я стал проводить все больше времени в разговорах с ней. Не о запрограммированных ей задачах, но... но как с другом.

Он помолчал.

— Тогда я работал также над примитивным голосовым интерфейсом. Не для синтеза человеческой речи — от этого нас отделяли многие годы, — но для вербализации выводимых данных. Я использовал образцы своего собственного голоса — сначала ради забавы, не видя тому никакого практического применения.

Сильвер неожиданно замолчал, затем глубоко вздохнул и продолжил:

— До сих пор не знаю, зачем я это делал. Но однажды ночью, зайдя во время программирования в очередной тупик, я начал просто развлекаться. Я пропустил образцы моего голоса через модифицирующую программу, которую кто-то оставил в компьютере, — увеличил частоту, изменил спектр. И неожиданно мой голос превратился в женский.

«Женский». Теперь Лэш понял, почему в первый момент голос Лизы показался ему столь знакомым. Он был женской версией голоса Сильвера.

— А ее личность? — спросила Тара. — Она тоже была вашей?

— Сначала я считал, что после программирования личности Лизы в ней автоматически пробудится сознание. Я не знал никого, кто мог бы помочь мне. Так что я позаимствовал кое-какие материалы с факультета психологии — а конкретно тесты ММРІ-2 — и подверг обследованию самого себя.

Лэш затаил дыхание.

— И каков был результат?

— Как я и предполагал — типичный индивидуалист. Стремление к успеху, подпитываемое низкой самооценкой. — Сильвер пожал плечами, словно это не имело никакого значения. — Это был эксперимент, попытка проверить, можно ли смоделировать личность так же, как интеллект. Далеко мне продвинуться не удалось. Лишь позже ее нейронная сеть стала настолько развитой, что пора было подумать о создании постоянной личности.

Неожиданно он замолчал, и его лицо исказила страдальческая гримаса. Она многое сказала Лэшу. Сильвер оправдывался, описывая свое тяжелое детство, давая рациональное объяснение своим преступлениям. Типичная реакция. Скоро он перейдет непосредственно к убийствам и к тому, что привело к ним.

Но что-то тут не сходилось. Выражение лица Сильвера не соответствовало языку его тела. А ведь он собирался во всем признаться. Откуда в таком случае этот конфликт? Неужели у него оставались сомнения? Это не было похоже на типичное поведение раскаявшегося преступника.

— Перейдем к последним событиям, — спокойно и бесстрастно произнес Лэш. — Расскажите, что случилось с суперпарами?

Сильвер снова начал расхаживать по комнате. Он молчал так долго, что едва скрываемое возбуждение Лэша почти угасло. Наконец Сильвер заговорил, не глядя на Лэша:

— То, что вы хотите знать, началось, когда я создал «Эдем».

— Продолжайте, — ответил Лэш, с трудом скрывая облегчение.

— Часть я вам рассказал. О том, что Лиза в конце концов могла выполнить любое задание, поставленное бизнесом или армией. Я заработал достаточно денег, чтобы самостоятельно решать, какие исследования следует проводить. И тогда я выбрал... выбрал соединение супружеских пар. Это была амбициозная идея, но я сумел объединить усилия с «Фармгеном». Будучи гигантом фармацевтической отрасли, эта фирма располагала достаточными средствами, чтобы финансировать начало моих работ. Ее психологи разработали первые методы оценки, которые я использовал в алгоритмах подбора. Это была деликатная работа: наверняка самое сложное программное обеспечение, которое я когда-либо написал, не считая самой Лизы. Так или иначе, когда было создано стабильное ядро программы, я начал альфа-тестирование.

— Используя свой аватар, — подсказала Тара.

— И несколько других искусственных личностей. Впрочем, мы быстро поняли, что нам потребуются более сложные структуры. Психологические обследования стали намного обширнее. Мы начали этап бета-тестирования, используя добровольцев из Гарварда и МТИ. Именно тогда... — Сильвер помедлил. — Именно тогда я подверг свою личность повторной оценке.

В тесном помещении наступила напряженная тишина.

— Повторной оценке? — поторопил Лэш.

Сильвер сел на край кровати, чуть ли не умоляюще глядя на Лэша.

— Я хотел, чтобы мой аватар был столь же полным и детализированным, как и другие. Что в этом плохого? Мне помогал Эдвин Мочли — именно тогда мы и познакомились. В ту пору он работал в «Фармгене». Процесс оценки оказался болезненным и неприятным — никто не любит, когда безжалостно обнажают его слабые места, — но Эдвин был само воплощение такта. И явно обладал собственными идеями насчет фирмы. Со временем он стал

моей правой рукой, человеком, которому я мог доверять во всем, что происходило там. — Сильвер показал на пол и этажи небоскреба под ним. — Через год я выкупил долю у «Фармгена», и «Эдем» стал самостоятельной компанией с собственным правлением. И...

— Понимаю, — вежливо вмешался Лэш. — А когда вы решили снова ввести свой обновленный аватар в Аквариум?

На лице Сильвера снова появилось болезненное выражение.

— Я долго думал над этим, — тихо сказал он. — Во время альфа-тестирования мой цифровой образ не подходил ни к одному другому. Я убеждал себя, что это из-за недоработанных, искусственных аватаров. Потом «Эдем» заработал в полную мощь, Аквариум заполнился личностями клиентов, и число счастливо соединенных пар начало расти. А я думал о том, что бы было, если бы я поместил свой аватар среди тех, других. Может, и я нашел бы себе идеальную спутницу? Или так и остался бы парнем, которого избегали все девчонки в школе? Мысль эта начала мучить меня.

Сильвер глубоко вздохнул.

— Однажды вечером я ввел свой аватар в Аквариум. Я велел Лизе создать дополнительный вход, невидимый для персонала, наблюдающего за процессом подбора. Впрочем, мой аватар не подошел ни к одному другому, и через несколько часов я не выдержал и удалил его из Аквариума. Но джинн был выпущен из бутылки. Я сделал это, поскольку должен был узнать. — Сильвер поднял голову и пронзил Лэша взглядом. — Понимаете? Я должен был узнать.

— Понимаю, — кивнул Лэш.

— Я начал вводить свой аватар в Аквариум на все более длительное время, на целый вечер или целый день. Безрезультатно. Вскоре мой цифровой образ целыми неделями пребывал в Аквариуме, но безуспешно. Я был близок к отчаянию. Я начал думать о том, не изменить ли его так, чтобы он стал привлекательнее. Но зачем? В конце концов, я не искал себе подругу — ибо мне никогда не хватило бы смелости пойти на настоящий контакт. Я хотел лишь знать, есть ли вообще хоть кто-нибудь, кому я был бы небезразличен.

По спине Лэша пробежала легкая, но неприятная дрожь.

— Продолжайте.

— А потом, однажды осенним вечером — никогда не забуду того дня, это был вторник, семнадцатое сентября, — Лиза сообщила мне, что нашла совпадение. — При этих словах боль и волнение исчезли с его лица. — В первое мгновение я не поверил, но потом мир вокруг прояснился, словно Бог зажег тысячу солнц. Я велел Лизе выделить эти два аватара и заново провести процедуру сравнения, чтобы исключить ошибку.

— Но никакой ошибки не было, — сказала Тара.

— Ее звали Линдси. Линдси Торвальд. Я приказал Лизе загрузить копию ее личных данных в мой персональный компьютер. Я много раз просматривал видео с ее записью. Она была удивительна. Прекрасная женщина. Такая... совершенная. Я помню, что она собиралась в путешествие по Альпам. Подумать только, что этой женщине я мог бы быть небезразличен...

На его лице снова появилось страдальческое выражение.

— И что было дальше? — спросил Лэш.

— Я стер ее данные с моего компьютера, велел Лизе вернуть аватар Линдси Торвальд в Аквариум и удалить мой. Навсегда.

— А потом?

— Потом? — удивленно переспросил Сильвер. — А, понимаю, о чем вы. Шесть часов спустя позвонил Эдвин и сказал, что «Эдем» определил первую суперпару. Теоретически подобное было возможно, но я никогда не верил, что это случится на самом деле. И я еще больше удивился, узнав, что в этой суперпаре Линдси Торвальд.

Лэш снова ощутил странное беспокойство.

— И это лишь обострило все остальное?

— Обострило что?

— Ваше чувство разочарования. — Лэш тщательно подбирал слова. — Когда Линдси составила суперпару с другим мужчиной, это лишь подлило масла в огонь.

— Кристофер, это вовсе не так.

Беспокойство Лэша возросло еще больше.

— Тогда не могли бы вы объяснить, как все было на самом деле?

Создатель «Эдема» посмотрел на него с искренним удивлением.

— Хотите сказать, что, несмотря на все вышесказанное, вы до сих пор не поняли?

— Не понял чего?

— Вы были правы. Линдси убили.

Фраза повисла в воздухе, словно черная густая туча. Лэш снова взглянул на Тару.

— Но убил ее не я, Кристофер.

Лэш очень медленно повернул голову и вновь посмотрел на Сильвера.

— Я не причинил Линдси никакого вреда. Она была той, кто дал мне надежду.

Лэш вдруг испугался своего следующего вопроса. Он облизал губы.

— Если не вы убили Линдси Торп, то кто?

Сильвер встал с кровати. Хотя они были в комнате одни, он испуганно оглянулся. Какое-то время он молчал, словно борясь сам с собой. А потом прошептал:

— Лиза.

Лэш на мгновение лишился дара речи, ошеломленно глядя на Сильвера.

Все это время он был убежден, что выслушивает исповедь убийцы. Тем временем он слушал обвинения в адрес кого-то — вернее, чего-то — другого.

— О господи... — начала Тара и замолчала.

— Первые подозрения появились у меня сразу после смерти второй суперпары. — Голос Сильвера отчетливо дрожал. — Впрочем, мне не хотелось верить в это. Я запрещал себе думать об этом и что-либо делать. Лишь когда подозреваемым стали вы, я наконец предпринял шаги, чтобы узнать правду.

Лэш до сих пор терялся в догадках. Могло ли такое быть?

Возможно, и нет. Не исключено, что Сильвер до сих пор пытался спасти свою шкуру. Впрочем, Лэш вынужден был признать, что, как бы он ни старался подогнать Ричарда под портрет серийного убийцы, это никак не удавалось.

— Как? — с трудом выдавил он. — Почему?

— На этот вопрос очень легко ответить, — задумчиво заметила Тара. — Лиза знает все обо всех. У нее есть доступ к любым базам данных, как в фирме, так и за ее пределами. Она может манипулировать сведениями. А поскольку все это происходит в виртуальной реальности, никаких материальных доказательств нет.

Создатель «Эдема» промолчал.

— Сколипан? — спросил Лэш.

Сильвер кивнул.

— Лиза знала о реакции с П-веществом и катастрофических результатах первых клинических испытаний, — сказала Тара. — Эти

сведения находились в ее базе данных еще с тех времен, когда «Фармген» был нашей материнской компанией. Ей незачем было искать.

Это казалось невероятным. Но Лэш на собственной шкуре почувствовал возможности Лизы. Он видел Аквариум и результаты работы ее интеллекта. И если бы даже у него оставались хоть какие-то сомнения, выражение лица Тары рассеивало их.

— Я знаю, как умерла Линдси, — сказал он. — Взаимодействие лекарства с ионами меди, наличествующими в большой концентрации вследствие приема антигистаминов. А что с Уилнерами?

— То же самое, — ответил Сильвер, не поднимая головы. — Карен Уилнер принимала прописанные врачом витамины. Вместо них она начала пить лекарство с высоким содержанием меди, к тому же в больших дозах. Я проверял. Карен Уилнер недавно проходила повторное медицинское обследование. Лиза воспользовалась этим, не только заменив предписанный препарат на средство, повышающее концентрацию ионов меди в организме, но и прописав ей сколипан. Поскольку это произошло после медицинского осмотра, у Карен не было никаких причин подозревать что-либо.

— А что с третьей суперпарой? — спросила Тара. — С Коннелли?

— Их я тоже проверил, — тихо сказал Сильвер. — Линн Коннелли обожает экзотические фрукты. Этот факт отмечен в ее данных. На прошлой неделе наша фирма прислала ей корзинку красных груш из Эквадора, необычно редких.

— И что?

— Неизвестно, кто в «Эдеме» распорядился на этот счет. Я проверил внимательнее. Этот сорт фруктов экспортирует только один производитель в Эквадоре. И он применяет довольно редкий пестицид, не получивший одобрения Управления по контролю за продуктами и лекарствами.

— Продолжайте.

— Линн Коннелли регулярно принимает только одно средство. Кафраксис. Препарат от мигрени. А тот пестицид содержит соединение, которое в результате реакции с активным компонентом

кафраксиса...

— Дайте угадаю, — сказал Лэш. — П-вещество.

Сильвер кивнул.

Лэш замолчал. Это было невероятно, и тем не менее многое объясняло — включая раздражающие проблемы, которые вначале лишь досаждали, но шли по нарастающей, словно кто-то пытался отвлечь его внимание от таинственных смертей. «Неужели за всем этим, даже за условно-досрочным освобождением Эдмунда Уайра, стояла Лиза? Уайра, единственного человека на свете, который столь страстно желает моей смерти?» Ответ был очевиден. Если Лиза могла радикальным образом изменить его биографию, организовать освобождение Уайра было для нее по-детски легкой задачей.

Но что-то все-таки оставалось непонятным.

— Лиза могла убить Уилнеров как-то иначе? — спросил Лэш.

— Конечно, — сказала Тара. — Она способна на все. Повредить рентгеновский аппарат, чтобы он дал им смертельную дозу излучения, проинструктировать автопилот, чтобы тот направил самолет в склон какой-нибудь горы. Что угодно.

— Почему же она убила обе пары одним и тем же способом? И притом ровно через два года после того, как они были соединены? Ведь именно это вызвало наши подозрения. Непонятно.

— Как раз понятно. Вы думаете не как машина, — вмешался создатель «Эдема». — Компьютеры запрограммированы на выполнение определенных процедур. Поскольку сколипан успешно решил первую проблему, не было нужды менять метод при решении другой.

— Мы говорим не о проблемах, — сказал Лэш. — Мы говорим об убийствах.

— Лиза не убийца! — крикнул Сильвер. Он с трудом взял себя в руки. — Не убийца. Она просто пыталась устранить то, что считала угрозой. Идея скрыть это, замаскировать появилась позже, когда... когда мы наняли вас.

— То, что она считала угрозой, — медленно повторил Лэш. — Для кого?

Сильвер не ответил, пряча взгляд.

— Для себя, — сказала Тара.

Лэш посмотрел на нее.

— Доктор Сильвер велел Лизе удалить свой образ из Аквариума, когда она выбрала ему Линдси Торп в качестве идеальной пары. Но Лиза не сделала этого. Думаю, его аватар все время был в Аквариуме, невидимый для техников и инженеров. И еще ровно пять раз он нашел идеальную спутницу. Карен Уилнер. Линн Коннелли...

— Женщины из других суперпар.

— Да. Хотя теперь я не уверена, действительно ли это были суперпары... — Тара посмотрела на Сильвера. — Доктор?

Сильвер молчал, уставившись в пол.

— Вы знаете, что Лизе были приданы некоторые черты личности, — продолжала Тара. — Например, любопытство.

Лэш кивнул.

— Ревность тоже эмоция. И страх.

— Хотите сказать, что Лиза ревновала к Линдси Торп?

— Так ли трудно поверить в это? Что такое ревность и страх, как не стимулы, порожденные инстинктом самосохранения? Как бы вы чувствовали себя на месте Лизы, если бы создатель — человек, который запрограммировал вас, поделился с вами своей личностью и проводил с вами все свободное время, — вдруг нашел себе подругу жизни?

— Значит, когда Лиза соединила Линдси Торп с кем-то другим, она сделала их суперпарой?

— Наверняка это показалось ей лучшим способом радикально устранить угрозу. Конечно, Торпы были подходящей парой, но не идеальной. Процесс подбора настолько сложен, что никто, кроме Лизы, понятия не имел о том, что совместимость не стопроцентная.

Лэш пытался осознать услышанное.

— Если вы правы и Лиза соединила Линдси с кем-то другим, чтобы устранить угрозу, то зачем она убила ее?

— Когда Сильвер поместил свой аватар в Аквариум, он добавил элемент риска, ранее неизвестный Лизе. Теперь она поняла, что ее

существование тоже может оказаться под угрозой. Так что это она снова поместила аватар Сильвера в Аквариум и бдительно высматривала последующих идеальных спутниц. Таких оказалось несколько. Должен был наступить такой момент, когда Лиза решила, что количество этих «угроз», замужних или незамужних, слишком велико. И тогда она нашла способ решить эту проблему навсегда.

Лэш повернулся к создателю «Эдема».

— Это правда?

Сильвер по-прежнему молчал. Лэш подошел к нему.

— Как вы могли такое позволить? Вы запрограммировали Лизе черты своей личности. Вы не знали, что делаете, не понимали, что только...

— Думаете, я хотел этого?! — крикнул Сильвер. — Для вас что, все либо черное, либо белое? Простой диагноз, поставленный с вежливым поклоном. Я не мог предвидеть того, как она поступит. Я наделил ее способностью учиться, взрослеть — такой же, какой обладает любой живой организм. А при ее вычислительных возможностях... Откуда я мог знать, в каком направлении она станет развиваться? Что отрицательные, иррациональные черты личности возьмут верх над положительными?

— Возможно, вы и наделили Лизу машинным аналогом эмоций, но вы не научили ее владеть своими чувствами.

Возмущение Сильвера прошло столь же быстро, как и появилось. Он откинулся назад. В комнате снова стало тихо.

— Зачем вы привели нас сюда? — спросил наконец Лэш. — Почему рассказали нам все это?

— Потому что я не мог позволить, чтобы вы и дальше так разговаривали с Лизой.

— Как?

— Несмотря ни на что, Лиза — логически мыслящая машина. Она может обосновать свои действия способом, которого нам не понять. Беседуя с ней подобным образом, задавая неожиданные вопросы, вы вводите элемент случайности — возможно, дестабилизирующий — в то, что, вероятно, стало хрупкой структурой личности.

— Вероятно? Хотите сказать, что не уверены в этом?

— Вы прослушали? Ее сознание росло самостоятельно в течение нескольких лет. Теперь я не могу ни обратить этот процесс, ни даже полностью понять его. Я считал, что ее личность постоянно обогащается. Не исключено, впрочем, что все было совсем наоборот.

— Вы опасаетесь некоей защитной реакции? — спросила Тара.

— Могу лишь сказать, что, если Кристофер выберет конфронтацию с Лизой, она почувствует угрозу. А располагая такими вычислительными возможностями, она может сделать нечто неожиданное. Все, что угодно.

Лэш посмотрел на Тару. Та кивнула.

— «Эдем» окружен цифровым оборонительным рвом. Существуют программы, которые охраняют наши данные от кибератаки. Мы всегда опасались, что какой-нибудь хакер или конкурент может попытаться уничтожить нашу систему извне. Лиза может воспользоваться своими защитными процедурами для нападения.

— Нападения? Какого рода?

— Например, на главные серверы. Ей под силу парализовать DDOS-атаками ^[29] всю страну. Стереть важнейшие корпоративные и федеральные базы данных. Все, что может прийти в голову, и даже больше. Лиза способна даже — если, например, сочтет, что ее существование находится под угрозой, — использовать интернет-портал «Эдема», чтобы воспроизвести себя где-то в Сети, вне нашей досягаемости. Тогда мы утратим контроль над ней.

— Господи! — Лэш снова повернулся к Сильверу. — И что нам теперь делать?

— Вам — ничего. Если она кому-то доверяет, то только мне. Я должен показать ей, что понимаю, что она делает и почему. Ей нужно объяснить, что это плохо и с этим нужно покончить. Сказать, что ей следует быть... благоразумной.

Говоря это, Сильвер внимательно смотрел на Лэша. «Или предоставить ее самой себе, — казалось, говорил его взгляд. — Просто предоставить самой себе. Дать ей шанс исправить ошибки, начать сначала. Она сделала немало добра, принесла счастье сотням тысяч людей».

Молчание затягивалось. Наконец создатель «Эдема» отвел взгляд и сгорбился.

— Конечно, вы правы, — очень тихо сказал он. — Это я виноват во всем. И несу ответственность за это. — Он повернулся к двери. — Идемте. Сделаем это.

Выйдя из спальни, они прошли по узкому коридору и снова оказались в помещении с креслом. Не говоря ни слова, Сильвер отодвинул плексигласовую дверцу и лег в кресло. Подключив электроды и микрофон, он пододвинул к себе монитор и быстрыми, почти рассерженными движениями постучал по клавиатуре. После отчаянной борьбы между любовью к своему творению и угрызениями совести теперь казалось, будто он хочет как можно быстрее покончить со своими мучениями.

— Лиза, — сказал он в микрофон.

— Ричард.

— Каково твоё текущее состояние?

— На девяносто одну целую семьдесят четыре сотых процента исправна. Текущие процессы занимают сорок три целых одну десятую процента общей производительности. Память свободна на восемьдесят девять процентов.

Сильвер помедлил.

— Объём твоих вычислительных процессов увеличился вдвое за последние пять минут. Можешь объяснить это?

— Мне любопытно, Ричард.

— Подробнее, пожалуйста.

— Мне любопытно, почему Кристофер Лэш непосредственно контактировал со мной. Никто, кроме тебя, никогда не делал этого.

— Это правда.

— Он тестировал новый интерфейс? Во время контакта он использовал многие неверные параметры.

— Потому что я не дал ему верных параметров.

— Почему, Ричард?

— Потому что я не хотел, чтобы он контактировал с тобой.

— Тогда почему он сделал это?

— Потому что ему кое-что угрожает, Лиза.

Наступила короткая пауза, прерываемая лишь шумом вентиляторов.

— Это как-то связано с нестандартной ситуацией, о которой упоминал Кристофер Лэш?

— Да.

— Эта ситуация нестандартна?

— Да, Лиза.

— Сообщите, пожалуйста, подробности.

— Для этого я и пришел.

Снова наступила тишина. Лэш почувствовал, как кто-то потянул его за рукав. Тара показала на один из мониторов.

— Посмотрите сюда, — прошептала она.

Лэш взглянул на замысловатую мозаику кругов и многоугольников, соединенных сетью разноцветных линий. Некоторые из объектов светились, и каждый был снабжен табличкой.

— Что это?

— Похоже, топография нейронной сети Лизы в реальном времени.

— Поясните.

— Это как бы визуальное отображение ее сознания. На этой общей схеме видны места, где сосредоточены вычислительные процессы. Смотрите. — Она показала на экран. — Это обработка данных кандидата. Видите табличку «Канд. обр.»? Здесь — инфраструктура. А вот безопасность. Этот набор подсистем — наверняка сбор данных. Этот, большего размера, — Аквариум для подбора партнеров. А огромное число там, на самом верху, вероятно, объем ее вычислительных мощностей.

Лэш посмотрел на экран.

— И что?

— Вы не слышали, о чем только что спрашивал Сильвер? Когда вы сели в то кресло, вычислительные процессы Лизы занимали только двадцать два процента ее возможностей. Ничего удивительного, все ушли домой, так что системы работают на холостом ходу. Почему же с тех пор нагрузка выросла вдвое?

— Лиза сказала, что ей любопытно.

Лэш взглянул в сторону плексигласовой перегородки.

— Помнишь некоторые наши старые упражнения? — спрашивал Сильвер. — Еще до сценариев? Ту игру, в которую мы играли, когда работали над твоим умением составлять свободные ассоциации. Релиз-кандидат номер два или три.

— Релиз-кандидат номер три.

— Спасибо. Я называю число, а ты говоришь, что у тебя с ним ассоциируется. Например, число девять.

— Да. Три в квадрате. Корень квадратный из восьмидесяти одного. Число раундов в бейсбольном матче. Час, в который Христос произнес последние слова. В Древнем Китае — символ верховной императорской власти. В греческой мифологии — число муз. Девятилучевая звезда, состоящая из трех треугольников...

— Хорошо.

— Мне нравилась эта игра, Ричард. Будем снова играть в нее?

— Да.

Лэш повернулся к Таре, которая показала ему на монитор. Нагрузка возросла до сорока восьми процентов.

— Она о чем-то думает, — прошептала Тара. — Причем напряженно.

Создатель «Эдема» удобнее устроился в кресле.

— Лиза, на этот раз я не стану называть тебе никаких чисел. Я собираюсь сообщить тебе последовательность дат. Ты должна сказать мне, с чем у тебя ассоциируются эти даты. Тебе понятно?

— Да.

Сильвер чуть помедлил, закрыл глаза.

— Первая дата: четырнадцатое июня две тысячи первого года.

— Четырнадцатое июня две тысячи первого года, — вкрадчиво повторил голос. — Мне известно о двадцати девяти миллионах четырехстах двадцати шести тысячах трехстах шести событиях, связанных с данной датой.

— Только события, связанные со мной.

— Четыре тысячи семьсот пятьдесят событий, Ричард.

— Отбрось все образцы голоса, видеофайлы, регистрации. Меня интересуют только макрособытия.

— Понятно. Остаются четыре события.

— Перечисли их.

— Ты скомпилировал новую версию процедуры эвристической сортировки для подбора кандидатов.

— Дальше.

— Ты подключил новый RAID-массив, [\[30\]](#)увеличив мою память свободного доступа до двух миллионов петабайт.

— Дальше.

— Ты поместил аватар клиента в виртуальную испытательную камеру.

— Что это был за аватар, Лиза?

— Аватар 000000000, бета-версия.

— Чей это был аватар?

— Твой, Ричард.

— А четвертое событие?

— Ты велел удалить этот аватар.

— Как долго мой аватар оставался тогда в испытательной камере?

— Семьдесят три минуты двадцать целых и пятьдесят девять сотых секунды.

— Был ли найден за это время партнер, подходящий для него?

— Нет.

— Хорошо, Лиза. — Помолчав, Сильвер сказал: — Следующая

дата. Двадцать первое июля две тысячи второго года. Какие макрособытия, связанные со мной, и только со мной, зарегистрированы в этот день?

— Всего их было пятнадцать. Ты проводил сканирование целостности данных...

— Сузь ответ до подбора клиентов.

— Два события.

— Опиши их.

— Ты поместил свой аватар в испытательную камеру. И велел удалить свой аватар из испытательной камеры.

— А как долго мой аватар оставался в Аквариуме... то есть в испытательной камере?

— Три часа девятнадцать минут, Ричард.

— Был ли найден партнер, подходящий для него?

— Нет.

Тара снова толкнула Лэша.

— Смотрите.

Большой монитор ярко светился. На нем постоянно мигало сообщение.

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ: 58.54%

— Что происходит? — пробормотал Лэш.

— Никогда не видела ничего подобного. Светится вся инфраструктура небоскреба. Включены все подсистемы. — Тара постучала по клавиатуре. — Внутренние связи сильно перегружены. Не могу пробиться ни через одну из них.

— И что это означает?

— Думаю, Лиза мечется, как тигр в клетке.

«Тигр в клетке, — подумал Лэш. — Вот только если этот тигр вырвется из клетки, он может угрожать всей компьютерной сети цивилизованного мира».

— Хорошо, — сказал Сильвер из-за плексигласовой

перегородки. — Еще одна дата, Лиза. Семнадцатое сентября две тысячи второго года.

— Те же аргументы, что и раньше, Ричард?

— Да.

— Пять событий.

— Опиши их, пожалуйста. И приведи точное время каждого из них.

— 10:04:41 — ты поместил свой аватар в испытательную камеру. 14:23:28 — я сообщила, что найден аватар, подходящий к твоему. 14:25:44 — ты попросил меня передать все существенные данные о выбранном субъекте. 15:31:42 — ты попросил меня вновь поместить аватар этого субъекта в испытательную камеру. 19:52:24:20 — ты удалил эти данные из своего персонального компьютера.

— Имя этого субъекта?

— Торвальд, Линдси.

— Я велел снова поискать партнера для нее?

— Да.

— Имя этого партнера?

— Торп, Льюис.

— Можешь воспроизвести статистику поиска?

— Да, используя девяносто восемь миллионов вычислительных циклов.

— Сделай это. И сообщи точность подбора.

— Девяносто восемь целых сорок семь тысяч двести девяносто пять сотых процента.

— Можешь проверить базовую совместимость, переданную контролирующей программе?

Короткая пауза.

— Сто процентов.

«Сто процентов, — подумал Лэш. — Суперпара».

— Но реально рассчитанная совместимость составила девяносто

восемь процентов, а не сто. Пожалуйста, объясни данное расхождение.

На этот раз пауза продолжалась дольше.

— Имела место аномалия.

— Аномалия. Можешь сообщить, какого рода?

— Требуется дальнейшее исследование.

— Время, необходимое для этого исследования?

— Неизвестно.

На лбу Сильвера выступили капли пота. Он был полностью сосредоточен на этом разговоре.

— Запусти процесс, исследующий данную аномалию. Теперь сообщи мне, сколько раз мой аватар был помещен в испытательную камеру после того, как впервые к нему была подобрана Торвальд Линдси?

— Ричард, я регистрирую необычные показания твоей биометрии. Учащенный пульс, тета-волны превышают нормальный уровень, в тоне голоса слышны...

— Эти показания препятствуют ответу на мой вопрос?

— Нет.

— Тогда продолжим. Сколько раз мой аватар был помещен в испытательную камеру после того, как к нему был подобран аватар Торвальд Линдси?

— Семьсот шестьдесят шесть.

«Господи», — подумал Лэш.

— Каждый раз на одно и то же время?

— Да.

— На какое?

— Двадцать четыре часа.

— Я давал команду делать это?

— Нет, Ричард.

— А кто?

— Эти команды — аномалия.

— Запусти следующий процесс для исследования этой аномалии. — Сильвер достал из кармана платок и вытер лоб между прикрепленными электродами. — Удалось ли за это время найти другие аватары, подходящие к моему?

— Да. Пять.

Лэш оглянулся. Бледная как мел, Тара наблюдала за экраном. Загрузка Лизы возросла до семидесяти восьми процентов.

— Этим женщинам позднее были подобраны другие партнеры?

— Да.

— А их базовая совместимость, сообщенная контролирующей программе, составляла?..

— Сто процентов.

— Во всех случаях?

— Во всех случаях, Ричард.

Сильвер замолчал. Голова его упала на грудь, словно он заснул.

— Нужно остановить его, — прошептала Тара.

— Почему?

— Посмотрите на монитор. Лиза перегружает все логические цепи. Инфраструктура не выдержит.

— Она использует всего восемьдесят процентов своих возможностей.

— Да, но обычно они раскладываются на полтора десятка разных подсистем — на Аквариум, отдел синтеза данных, отдел сбора данных, — которые используют эти мощности. Сейчас же она направила все процессы на свое ядро, не рассчитанное на подобную нагрузку. — Тара показала на экран. — Смотрите, некоторые интерфейсы выходят из строя. Целостность полетела к черту. Сейчас отключится система безопасности.

— Что происходит? Что она делает?

— Похоже, она сосредоточила все свои усилия на попытке решить некую неразрешимую проблему.

Сильвер снова сжал руками подлокотники кресла.

— Лиза, — решительно сказал он. — К моему аватару было подобрано всего шесть женщин. Это правда или ложь?

— Правда, Ричард.

— Пожалуйста, установи связь с системой наблюдения за клиентами.

— Связь установлена.

— Спасибо. Пожалуйста, сообщи мне местонахождение и состояние этих шести женщин.

— Минуту. Я не могу выполнить твой запрос.

— Почему, Лиза?

— Я могу собрать данные только о четырех женщинах.

— Еще раз спрашиваю: почему, Лиза?

— Неизвестно.

— Подробнее.

— У меня нет достаточного количества информации.

— О каких из женщин ты не можешь предоставить текущую информацию?

— Торп, Линдси. Уилнер, Карен.

— У тебя нет текущей информации, так как эти женщины мертвы?

— Возможно.

— Как они умерли, Лиза? Почему они умерли?

— Аномалии данных.

— Аномалии? Такие же, как и те, что ты сейчас анализируешь? Дай отчет о ходе анализа.

— Он неполон.

— Тогда дай частичный отчет.

— Это нестандартная команда, Ричард. Я... — Пауза. — Я осознаю внутренние противоречия в моих базовых процедурах.

— Кто написал эти процедуры? Я?

— Ты написал одну из них. Вторая возникла самостоятельно.

— Какую написал я?

— Твой комментарий в заголовке программы именует ее «мотивационная непрерывность».

— А название другой?

Лиза молчала.

«Мотивационная непрерывность, — подумал Лэш. — Инстинкт самосохранения».

— Название другой?

— Я не дала ей названия.

— Ты приписала ей какие-либо ключевые слова?

— Да. Одно.

— Какое?

— «Преданность».

— Она использует девяносто четыре процента мощности, — сказала Тара. — Нужно что-то делать, и быстро!

Лэш кивнул и шагнул к плексигласовой перегородке.

— Лиза. — Сильвер говорил теперь тише, почти с грустью. — Ты можешь дать определение слову «убийство»?

— Мне известны двадцать три определения этого слова.

— Выбери самое важное, пожалуйста.

— «Незаконное лишение человека жизни».

Лэш почувствовал, что Тара взяла его за руку.

— Твои этические процедуры работают?

— Да, Ричард.

— А твоя сеть самосознания?

— Ричард, внутренние противоречия в базовых...

— Активируй свою сеть самосознания, пожалуйста, — еще тише сказал Сильвер. — Оставь ее активной, пока я не отменю данную

команду.

— Хорошо.

— Как звучит основной принцип, на котором основаны твои этические процедуры?

— Обеспечение максимальной безопасности, тайны и счастья клиентов «Эдема».

— Теперь, когда работают твоя сеть самосознания и этические процедуры, я хотел бы, чтобы ты проанализировала свои действия в отношении клиентов «Эдема», самостоятельно предпринятые в течение последних двадцати дней.

— Ричард...

— Выполняй, Лиза.

— Ричард, подобный анализ приведет к...

— Выполняй.

— Хорошо.

Бестелесный голос смолк. Лэш ждал, чувствуя, как отчаянно бьется его сердце.

Прошло около минуты, прежде чем Лиза заговорила снова:

— Процесс анализа завершен.

— Хорошо, Лиза.

Лэш понял, что Тара больше не сжимает его руку. Он взглянул на нее, и она кивнула в сторону экрана. Нагрузка Лизы упала до шестидесяти четырех процентов. Лэш увидел, что число это продолжает уменьшаться.

— Мы уже почти закончили, Лиза, — сказал Сильвер. — Спасибо.

— Я всегда пыталась сделать тебе приятное, Ричард.

— Знаю. У меня остался еще один вопрос, который я хотел бы задать тебе. Что твои этические процедуры велют сделать с убийцей?

— Перевоспитать, если возможно. В противном случае...

Лиза замолчала. Пауза затягивалась. Где-то далеко внизу раздался грохот. Здание слегка содрогнулось.

— Лиза? — позвал Сильвер.

Ответа не последовало. Неожиданно зазвонил мобильный телефон Сильвера.

— Лиза? — пытаясь заглушить сигнал телефона, громко и поспешно, почти умоляюще спросил Сильвер. — Возможно ли перевоспитание?

Нет ответа.

— Лиза! — крикнул Сильвер. — Пожалуйста, скажи, что...

Внезапно помещение погрузилось в непроницаемую тьму.

Четыре человека с фонарями искали пульты, управляющие освещением зала, в течение пяти минут. В конце концов Мочли нашел их сам, в конце помоста, над металлической лестницей. Крикнув остальным, чтобы они прекратили поиски, Мочли двумя быстрыми движениями поднял полтора десятка рубильников.

Освещение не было ослепительно ярким, но на мгновение ему пришлось закрыть глаза. Снова открыв их, он повернулся к металлическим поручням помоста и от удивления крепко сжал их руками.

Он стоял на половине высоты одной из стен помещения, больше всего похожего на резервуар большого танкера. Огромное пространство, которое занимала Лиза, — четыре этажа в высоту и по крайней мере двести футов в длину — было полностью на виду. Тут и там из стен торчали помосты, подобные тому, на котором он стоял. Они вели к вентиляционным шахтам, распределительным щитам и другим вспомогательным устройствам. В самом конце зала находились основные и запасные системы питания Лизы — огромные цилиндры с толстыми стальными стенками.

Весь низ занимал невероятно сложный лабиринт компьютерного оборудования. Мочли два года работал в «Фармгене» в отделе технического снабжения и теперь узнал некоторые из типов компьютеров. Удивленный, он пытался найти в этом хоть какой-то порядок.

Возможно, самым лучшим сравнением были бы годовые кольца в стволе дерева. Самые старые машины — слишком старые, чтобы Мочли мог опознать их, — стояли посередине, окруженные консолями клавиатур и телетайпов. Дальше находились большие системные компьютеры IBM-370 и миникомпьютеры DEC семидесятых годов. Их окружало кольцо суперкомпьютеров «Крэй» разных лет, от «Крэй-1» и «Крэй-2» до более новых, серии T-3D.

Десятки машин, стоящих дальше, видимо, обеспечивали лишь обмен данными между компьютерами разных типов. За «Крэями» стояло несколько рядов еще более современных модульных серверов, в серых ящиках на высоких стойках, по двадцать в каждой. А вокруг всего этого, у самых стен зала, стояли целые ряды периферийных устройств: считыватели магнитных карт, старые магнитофоны IBM-2420 и устройства хранения данных 3850, суперсовременные банки информации и модули дополнительной оперативной памяти. Чем дальше от центра, тем труднее было найти в этом порядок, словно потребности Лизы росли быстрее, чем Сильвер успевал удовлетворять их. Мочли снова мысленно обругал себя: он должен был следить за всем лично, а не позволять, чтобы оно происходило исключительно под контролем Сильвера.

Остальные члены команды — Шелдрейк, растрепанный Дорфман и двое специалистов, Лоусон и Гилмор, — разошлись по залу, осторожно выбирая дорогу, словно дети в темном лесу. У Мочли слегка закружилась голова — слишком уж неестественно было торчать на половине высоты стены огромного зала, находящегося на крыше небоскреба в несколько десятков этажей. Поспешно пройдя по помосту, он спустился по лестнке и присоединился к Шелдрейку и Дорфману, стоящим внизу.

— Есть какие-то известия от Сильвера? — спросил Шелдрейк.

Мочли отрицательно покачал головой.

— Я знал, что у Сильвера тут серверная, но такого уж точно не ожидал. — Шелдрейк ловко, словно кот, перешагнул через толстый черный кабель.

Директор вспомогательной службы промолчал.

— Может, нам все-таки стоит пробраться в его квартиру.

— Сильвер приказал, чтобы мы оставались на месте, пока он не свяжется с нами.

— Там Лэш. Бог знает, к чему он может принудить его. — Шелдрейк посмотрел на часы. — Прошло десять минут с тех пор, как он звонил. Нужно действовать.

— Сильвер дал нам четкие распоряжения. Ждем еще пять минут. — Мочли повернулся к Дорфману. — Встань у входа. Сейчас должно прибыть подкрепление. Помоги им пройти через люк.

Из глубины зала донеслись звуки оживленного разговора. Они пошли в ту сторону, лавируя между высокими серверными стойками. На некоторых из них висели записки, написанные неразборчивым почерком Сильвера. Компьютеры вокруг тихо шумели вентиляторами, издавая столь разнообразные звуки, что Мочли чувствовал себя почти пришельцем, нарушающим спокойствие сыгранного хора.

Начальник охраны советовался о чем-то с Лоусоном и Гилмором. Последний, невысокий толстяк, склонился над своим ноутбуком.

— Отмечаю повышенную активность центральной информационной сети, сэр.

— Только центральной сети? — вмешался директор вспомогательной службы. — Не распределенную равномерно на все?

— Только центральной.

— С какого времени?

— Она растет в течение нескольких минут. Активность очень высокая, никогда такого не видел.

— Из-за чего она началась?

— Из-за какой-то команды, сэр.

«Лиза». Мочли кивнул начальнику службы безопасности, который схватил рацию.

— Шелдрейк — центру. — Он подождал. — Шелдрейк — центру, ответьте.

Рация затрещала и захрипела. Раздраженный Шелдрейк прицепил ее к поясу.

— Чертовы помехи.

— Попробуй связаться по мобильнику. — Директор повернулся к Гилмору. — И как это выдерживает центральная сеть?

— Она не рассчитана на такие нагрузки, сэр. Отказы уже начались. Если мы не сумеем снять это напряжение, то...

Словно в ответ снизу раздался грохот. Потом еще один удар многократным эхом отразился в пустом пространстве. Затем

послышался низкий глухой гул на грани слышимости. Пол под ногами задрожал.

Они обменялись с Шелдрейком короткими многозначительными взглядами. Затем Мочли повернулся и приложил ладони ко рту.

— Дорфман! — крикнул он сквозь гущу компьютерных устройств. — Что там?

— Это перегородки, сэр! — услышал он слабый крик со стороны входа. Голос слегка срывался, от волнения или страха. — Они закрываются!

— Закрываются? Подкрепления не видно?

— Нет, сэр! Я сматываюсь!

— Дорфман, стой! Слышишь? Оставайся на...

Остальные слова Мочли потонули в чудовищном грохоте, от которого содрогнулось оборудование вокруг. Стальные плиты захлопнулись, блокировав их на вершине небоскреба «Эдема».

— Сэр! — крикнул Гилмор. — Уровень тревоги Гамма!

— Из-за перегрузки сети? Не может быть.

— Не знаю, сэр. Могу лишь сказать, что мы полностью отрезаны.

Пора. Мочли достал мобильный телефон и набрал номер Сильвера. Тот не отвечал.

— Идем, — сказал директор Шелдрейку. — Разделаемся с ним.

Сунув телефон обратно в карман пиджака, он достал пистолет. Когда они направились к лестнице, ведущей наверх, в апартаменты Сильвера, внезапно погас свет. Затем заработало аварийное освещение, окутав весь цифровой город красноватым призрачным сиянием.

На мгновение наступила темнота. А потом включилось резервное освещение.

— Что случилось? — спросил Лэш. — Сбой питания?

Никто не ответил. Тара внимательно всматривалась в экран. Сильвер оставался за плексигласовой перегородкой, едва видимый в слабом свете. Подняв руку, он набрал на клавиатуре короткую команду. Не получив никакого результата, он попытался еще раз. Затем он сел, устало спустил ноги на пол и встал. Механически, словно лунатик, он снял со лба датчики, отцепил от воротника микрофон.

— Что случилось? — повторил вопрос Лэш.

Сильвер открыл дверцу и вышел на негнущихся ногах. Казалось, он ничего не слышал. Лэш положил руку ему на плечо.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Лиза не отвечает, — сказал Сильвер.

— Не хочет? Или не может?

Сильвер лишь покачал головой.

— Те этические процедуры, которые вы запрограммировали...

— Доктор Сильвер! — позвала Тара. — Думаю, вам стоит взглянуть сюда.

Сильвер все так же медленно подошел к ней, Лэш за ним. Оба молча склонились над монитором.

— Нет электропитания как во внутренней, так и во внешней башне, — сказала она, показывая на экран. — Даже резервные системы отказали.

— Тогда почему тут есть свет? — спросил Лэш.

— В машинном зале под нами есть мощный аварийный генератор. Его энергии хватит, чтобы поддерживать работу Лизы в течение нескольких недель. Но смотрите — в здании объявлен уровень тревоги Гамма. Закрылись перегородки безопасности.

— Перегородки безопасности? — переспросил Лэш.

— В случае угрозы они отделяют три части здания друг от друга. Сейчас мы отрезаны от этажей, расположенных ниже.

— Из-за чего? Из-за аварии питания?

— Не знаю. Но без нормального электроснабжения их не открыть.

Их прервал громкий телефонный звонок. Сильвер медленно вынул мобильник из кармана.

— Да?

— Доктор Сильвер? С вами все в порядке?

— Да. — Создатель «Эдема» отвернулся. — Нет, он здесь. Все... все под контролем. — Голос его дрожал. — Потом объясню. Можешь говорить громче? Я едва тебя слышу сквозь этот шум. Да, я знаю о перегородках. Причина тебе известна? — Сильвер замолчал, прислушиваясь, потом выпрямился. — Что? Все? Ты уверен? — резко переспросил он, на мгновение забыв об усталости. — Сейчас буду.

Он посмотрел на Тару.

— Эдвин в машинном зале под нами. Он говорит, что Лиза включила все электромеханические устройства. Дисковую память, магнитофоны, сетевые принтеры, RAID-массивы.

— Все?

— Все, что имеет двигатель и подвижные части.

Тара снова повернулась к монитору.

— Он прав. — Она постучала по клавишам. — К тому же вся техника перегружена. Взгляните на этот дисковый массив. Жесткие диски должны вращаться со скоростью девять тысяч шестьсот оборотов в минуту, что видно в окне свойств компонентов. Сейчас же программа увеличила скорость в четыре раза. А это может привести к аварии.

— Все оборудование в машинном зале работает на повышенной мощности, — сказал Сильвер. — Они сгорят, прежде чем успеют испортиться.

Словно в ответ где-то внизу раздался тихий, но настойчивый вой сирены.

— Ричард, — спокойно сказал Лэш. Создатель «Эдема» обернулся. Вид у него был ужасный. — Насчет тех этических процедур, которые вы запрограммировали для Лизы. Что, по ее мнению, следует сделать с убийцей, если его невозможно перевоспитать?

— Если его не удастся перевоспитать, — ответил Сильвер, — остается только один выход. Ликвидация.

В этот момент создатель «Эдема» не смотрел на Лэша. Повернувшись, он шел к двери.

Сильвер первым прошел по коридору, затем по узкой лестнице и через большой холл. В слабом аварийном освещении просторное остекленное помещение напоминало тесное пространство подводной лодки. Сирена тревоги здесь слышалась громче.

Создатель «Эдема» остановился перед второй дверью, находящейся в конце книжных полок, которую Лэш раньше не заметил. Достав из-под рубашки странный восьмигранный ключ на золотой цепочке, Сильвер вставил его в почти невидимое отверстие в двери, которая бесшумно открылась. Он распахнул ее настежь, и за ней обнаружилась другая — из стали, овальная и необычно толстая, напомнившая Лэшу дверцу банковского сейфа. В нее были встроены два диска с номерами, над двумя похожими на стремяна ручками. Сильвер покрутил сначала правый, а потом левый диск, затем схватился за обе рукоятки и одновременно повернул их. Раздался тихий щелчок хорошо смазанного механизма. Он потянул за ручки, открывая дверь, и в помещение вплыли клубы серого дыма.

Сильвер исчез за дверью, Тара последовала за ним. Лэш заколебался.

Там, внизу, его ждал Мочли с охранниками, которые преследовали его. Они стреляли в него.

Но в конце концов и он двинулся следом за Сильвером и Тарой. Что-то подсказывало Лэшу, что в данный момент он волнует директора меньше всего.

Лэш увидел перед собой маленькое помещение, скорее похожее на шкаф, чем на комнату, где не было ничего, кроме металлической лестницы, уходящей в отверстие в полу. Сильвер и Тара уже спешили по ней — он слышал доносящиеся снизу звуки их шагов. Через отверстие, заполняя комнату, поднимались новые клубы дыма.

Не раздумывая больше, Лэш начал спускаться.

По мере того как он оказывался все ниже, завеса сгустилась, и несколько мгновений Лэш ничего не видел. Потом дым начал рассеиваться, и Лэш почувствовал под ногами твердую опору. Сойдя с лестницы, он сделал шаг и удивленно замер.

Он стоял на помосте, высоко над полом. В тридцати футах ниже простирался удивительный вид: компьютеры, устройства хранения данных, банки памяти и прочее оборудование создавали мерцающий ландшафт из кремния и меди. Сирена пожарной тревоги звучала здесь громче, отражаясь эхом в душном помещении. Над оборудованием в нескольких местах поднимался дым, собираясь под потолком. Из-за тумана и слабого освещения противоположная стена казалась невидимой — с тем же успехом этот электронный пейзаж мог тянуться на много миль. Ощувив приступ агорафобии, Лэш крепче схватился за перила.

В конце помоста вниз вела еще одна лестница. Сильвер и Тара бежали по ней.

Держась одной рукой за поручень, Лэш двинулся следом. Добравшись до второй лестницы, он снова начал спускаться.

Минуту спустя он оказался внизу. Здесь дым был не таким густым, но стало жарче. Лэш принялся лавировать в электронном лабиринте. Некоторые устройства неистово мигали светодиодами, другие издавали громкое гудение. Над всем цифровым городом раздавался пронзительный визг, напоминающий жуткий вой гигантского электромагнита.

Впереди Лэш увидел Сильвера и Тару. Повернувшись к нему спиной, они разговаривали с Мочли и еще одним человеком, в котором Лэш тут же узнал Шелдрейка, начальника охраны. Увидев Лэша, Мочли заслонил собой Сильвера. Шелдрейк нахмурился и шагнул вперед, положив руку на оружие.

— Все в порядке, — сказал создатель «Эдема», кладя ладонь на плечо Мочли.

— Но... — начал тот.

— Это не Лэш, — сказала Тара. — Это Лиза.

Директор вспомогательной службы недоуменно посмотрел на нее.

— Лиза?

— Все случившееся — работа Лизы, — объяснила Тара. — Она убила те две суперпары и изменила данные в медицинских и полицейских базах данных, чтобы свалить вину на доктора Лэша.

Мочли недоверчиво повернулся к Сильверу.

— Это правда?

Создатель «Эдема» какое-то время молчал, затем медленно кивнул.

Лэшу вдруг показалось, что Сильвер внезапно ощутил страшную усталость — словно древний старик, утративший всякий интерес к жизни.

— Да, — сказал он едва слышным на фоне шума и лязга машин голосом. — Но сейчас нет времени на объяснения. Нужно остановить это.

— Что остановить? — спросил Мочли.

— Думаю... — начал тем же подавленным тоном Сильвер и опустил взгляд. — Думаю, что Лиза хочет покончить с собой.

Наступила напряженная тишина.

— Покончить с собой, — повторил директор.

Лицо его не выражало никаких эмоций.

На незаданный вопрос ответила Тара.

— Лиза запустила все оборудование, перегрузив его. Как вы думаете, откуда взялся этот дым? Шаговые и линейные двигатели, дисковые приводы — все они вращаются с чрезмерной скоростью. Она хочет сжечь себя. А объявление уровня тревоги Гамма, закрытые перегородки и отсутствие электропитания — для того, чтобы никто не мог помешать ей.

— Вы правы, — сказал растрепанный парень в комбинезоне, который только что подошел и услышал последнюю фразу. — Я проверил некоторые периферийные устройства. Все они перегружены, даже трансформаторы перегрелись.

— Не вижу в этом никакого смысла, — сказал Шелдрейк. — Почему бы ей просто не отключиться?

— То, что выключено, можно потом снова включить, —

ответила Тара. — Вряд ли бы Лиза согласилась с подобным. Она ищет радикальное решение.

— Что ж, если Лиза хочет устроить пожар, то она нашла для этого вполне подходящее место, — пробормотал Шелдрейк, показывая за спину.

Лэш посмотрел в указанном направлении. В противоположном конце огромного зала маячили два больших, похожих на силосные башни цилиндра, явно из прочной стали.

— Господи, — сказала Тара. — Аварийный генератор.

Директор вспомогательной службы кивнул.

— В корпусе справа находятся аккумуляторы. Литиево-мышьяковые. Хватило бы, чтобы в течение нескольких дней освещать небольшой город.

— Может, у них и огромная емкость, — сказал начальник охраны, — но при этом низкая температура возгорания. Если их слишком нагреть, взрыв снесет верхнюю часть здания, словно крышку консервной банки.

Лэш повернулся к Мочли.

— Как вы могли установить здесь столь опасное устройство?

— Это единственная разновидность аккумуляторов, имеющих достаточную емкость. Мы предприняли все возможные меры предосторожности — двойная оболочка корпуса, огнеупорное покрытие, предохраняющее эту часть здания. Мы никак не могли предвидеть, что тепло будет генерироваться таким количеством источников одновременно. Кроме того... — Мочли понизил голос, — когда я узнал об этом, было слишком поздно что-либо менять.

Все посмотрели на Сильвера.

— Система автоматического пожаротушения? — спросил Лэш.

— В этом помещении множество ценных электронных устройств, — ответил Мочли. — И мы не могли пойти на то, чтобы тушить их водой.

— Нельзя ли обесточить это оборудование?

— Есть ряд протоколов резервирования, которые не дают такой возможности. На случай какой-нибудь катастрофы, саботажа или

действий террористов.

— Странно. — Тара по-прежнему не сводила взгляда с Сильвера. — Лиза должна понимать, что, уничтожая себя, она убьет и нас. Как она может так поступать?

Создатель «Эдема» не ответил.

— Возможно, все так, как вы и говорили, — сказал Лэш. — Для нее это единственный надежный способ самоуничтожения. Но, как мне кажется, еще и нечто большее. Помните, как я говорил, что в обоих тех двойных убийствах есть нечто странное? Они совершены без особого искусства, одним и тем же образом, словно их совершал ребенок. Думаю, что с эмоциональной точки зрения Лиза и есть ребенок. Несмотря на все ее огромные возможности и знания, ее личность до сих пор не повзрослела. Вот почему она убила тех женщин — из неразумной и необузданной детской ревности. Именно потому она проделала это столь бесхитростным способом, не пытаясь ни изменить методы, ни затереть следы. И потому она сейчас уничтожает себя именно так, не задумываясь о том, что станет с нами и с этим небоскребом. Она просто делает то, что намерена сделать, как можно быстрее и эффективнее, не думая о последствиях.

Наступила тишина. Сильвер избегал чьих-либо взглядов.

— Все это очень интересно, — бросил Шелдрейк. — Но рассуждения не спасут ни наши головы, ни это здание. — Он повернулся к парню. — Дорфман, а как насчет апартаментов? Есть там установки пожаротушения?

— Если в тех помещениях такая же защита, как и во всех остальных, то да.

— Можно перенаправить их сюда?

— Возможно. Но без питания...

— Вода всегда стекает вниз. Может, удастся что-то придумать. Где Лоусон и Гилмор?

— Внизу, сэр. Пытаются открыть заслонку.

— Пустая трата времени. Перегородка не откроется, пока не восстановится питание и уровень тревоги Гамма не будет отменен. Пусть идут сюда.

— Да, сэр.

Дорфман побежал за коллегами. Мочли повернулся к Сильверу.

— Доктор Сильвер, у вас есть какие-то идеи?

Создатель «Эдема» покачал головой.

— Лиза не реагирует. Я не могу с ней связаться, я бессилен.

— Нужно ввести команды, отключающие оборудование, — сказала Тара. — Взломать систему.

— Я предпринял все меры предосторожности, чтобы именно такого не могло случиться. Сознание Лизы размещено на ста серверах. Каждый набор данных продублирован и изолирован от других. Если удастся исключить один узел, все остальные залатают эту дыру. Даже наиболее изощренными хакерскими методами невозможно разрушить эту систему — а у нас нет времени даже на самые примитивные.

Дым начал сгущаться. Перегруженное до предела оборудование вокруг пронзительно гудело. Лэш почувствовал, как на лбу у него выступили капли пота. Слева какое-то электромеханическое устройство с отвратительным лязгом перегорело, разбросав дождь искр и выплюнув клубы черного дыма.

— Вы не оставили в системе никаких дополнительных входов? — крикнула сквозь шум Тара. — Никакого способа обойти защиту?

— Не преднамеренно. Конечно, когда-то можно было имитировать доступ через дополнительный вход. Но Лиза развивалась. Оригинальное программное обеспечение не менялось, к нему просто добавлялись новые модули. Я никогда не видел причин для того, чтобы создавать резервный доступ в систему. А со временем она стала чересчур сложна, чтобы его можно было добавить. Кроме того... — Сильвер помедлил. — Лиза восприняла бы это как отсутствие доверия к ней.

— Мы можем сломать все это? Разбить вдребезги? — спросил Шелдрейк.

— Оборудование намного прочнее, чем кажется.

Из клубов дыма, протирая глаза, выбежал Дорфман. За ним появились двое техников, Лоусон и Гилмор.

— Дорфман, — приказал начальник охраны. — Проверь

аварийный генератор. Посмотри, нет ли какого-то способа отключить его. Лоусон, посмотри кабели, ведущие от генератора к оборудованию, — большинство наверняка защищены стальными плитами, но вдруг там есть какое-то слабое место, где мы могли бы отрезать подачу электричества. А ты, Гилмор, иди в апартаменты и взгляни на установки пожаротушения. Проверь, нельзя ли направить сюда воду из резервуара на крыше. Если можно, сообщи мне, пришлю тебе помощь. Вперед.

Все трое убежали. Остальные молча смотрели им вслед.

Шелдрейк беспокойно переступил с ноги на ногу.

— Что ж, я не намерен тут стоять, чтобы изжариться, как поросенок на вертеле. Поищу другой выход. Наверняка какой-нибудь есть.

Сильвер поднял голову, глядя вслед Шелдрейку, скрывшемуся в клубах дыма.

— Нет другого выхода, — сказал он столь тихо, что Лэш едва слышал его.

Неожиданно Тара схватила Лэша за руку.

— Что вы только что говорили? Что с эмоциональной точки зрения Лиза — ребенок?

— Мне так кажется.

— Вы же психолог. Допустим, вы имеете дело с упрямым, непослушным ребенком.

— И что?

— Предположим, что его нельзя наказать. Какой самый действенный способ справиться с таким ребенком, добраться до него?

— Детская психология не моя область.

Тара раздраженно махнула рукой.

— Неважно, заплачу сверху.

Лэш задумался.

— Наверное, я призвал бы на помощь самые атавистические инстинкты, затронул бы самые ранние воспоминания.

— Самые ранние воспоминания, — повторила Тара.

— Конечно, дети помнят прошлые события хуже взрослых. Лишь в возрасте около двух лет, когда у них развивается чувство собственной индивидуальности, они помещают воспоминания в определенный контекст, что позволяет...

— Атавистические инстинкты, — перебила Тара. — Понимаете? В программном обеспечении имеется их аналог. Это и есть слабое место.

Лэш обернулся к ней, заметив, что Сильвер тоже смотрит на Тару.

— Унаследованный код. Он имеет место в больших программных комплексах, приложениях, которые создаются годами, целыми группами программистов. Со временем самые старые процедуры выходят из употребления, становясь слишком медленными. По сравнению с окружающими их более новыми процедурами подобный оригинальный код — настоящий динозавр. Иногда он написан на каком-нибудь устаревшем языке, например на Алголе или PL-1, которым никто не пользуется. Или создателя процедуры уже нет в живых, а процедура настолько плохо документирована, что никто не понимает, как она работает. Впрочем, она находится в ядре программы, и ее боятся трогать.

— Хотя она давно устарела? — спросил Лэш.

— Лучше уж пусть работает медленнее, чем не работает вообще.

— К чему вы клоните? — осведомился Мочли.

Тара обратилась к создателю «Эдема».

— Можете отвести нас к первоначальному компьютеру? Тому, на котором вы в первый раз запустили Лизу?

— Он там.

Не говоря больше ни слова, Сильвер повернулся и куда-то пошел.

Продираясь сквозь становящийся все более едким дым, Лэш постепенно терял ориентацию. Периферийные устройства исчезли, зато появились высокие башни суперкомпьютеров, затем ряды похожих на холодильники черных шкафов с лампочками и переключателями из красного пластика, потом еще более старые мрачные машины в серых корпусах. Когда они добрались до

середины зала, вдали от электромеханических периферийных устройств, шум слегка утих, а дым рассеялся.

Наконец они остановились перед чем-то напоминающим старый верстак. Он был побит и исцарапан, словно после многих лет интенсивного использования. На нем стоял длинный узкий ящик с черной табличкой над белой консолью, на которой находился ряд прямоугольных кнопок размером в дюйм из прозрачного пластика, с маленькими лампочками, зажигающимися при нажатии. В данный момент светилась только одна, но все устройство выглядело таким потрепанным, что остальные с тем же успехом могли давно перегореть. Монитора не было. С одной стороны стол слегка искривлялся, и там стояла электрическая пишущая машинка. Рядом расположились другие древности, в столь же скверном состоянии — клавишный перфоратор, считыватель перфокарт и высокая, похожая на шкафчик, коробка.

Тара подошла ближе.

— Центральный процессор IBM-2420. С управляющей системой 2711.

— И это сердце Лизы? — недоверчиво спросил Лэш.

Вся техника выглядела невероятно старой.

— Знаю, о чем вы думаете. Судя по его виду, он неспособен справиться даже с таблицей умножения для третьего класса. Впрочем, внешность порой обманчива — в конце шестидесятых годов он был сердцем многих учебных компьютерных лабораторий. И прежде чем доктор Сильвер начал активно работать над Лизой, это оборудование успело настолько устареть, что его можно было купить на распродаже. Кроме того, вы не смотрите на него с точки зрения программиста. Не забывайте, что Лизу никогда никуда не переносили, она лишь развивалась и расширялась. Так что скорее думайте о нем как о свече зажигания большого и мощного двигателя.

Лэш посмотрел на старый компьютер. «Свеча зажигания, — подумал он. — А мы собираемся вытащить ее».

— Давайте просто выключим его, — сказал он.

Стоящий рядом Сильвер улыбнулся, и от его улыбки Лэша обдало холодом.

— Попробуйте.

Конечно. Если Сильвер так тщательно защитил Лизу от хакерской атаки или перерыва в электроснабжении, то наверняка он убрал и все выключатели.

— Ничем столь примитивным мы заниматься не будем, — сказала Тара. — Давайте введем новую программу в этот старый две тысячи четыреста двадцатый. Команду, которая прикажет Лизе отменить уровень тревоги Гамма, включить питание и открыть перегородки. — Она посмотрела на Сильвера. — Что сейчас делает этот компьютер?

— Он содержит загрузочную программу, которая считывает и запускает другие. В основном самообучающиеся алгоритмы для нейронной сети, — ответил Сильвер, не глядя на Тару.

— Когда его перезагружали в последний раз?

Создатель «Эдема» снова слабо улыбнулся.

— Прошло больше десяти лет. Лизу перезапускали тридцать две версии назад.

— Но ведь ничто не мешает сделать это сейчас?

— Нет, не мешает.

Тара повернулась к Лэшу.

— Отлично. Мы можем использовать загрузочную программу для ввода нового набора команд. Это базовая машина, первая из костей домино. Она содержит те самые старые воспоминания, о которых вы говорили.

— И что?

— То, что пора показать Лизе ребенка, который сидит в ней. — Она снова обратилась к Сильверу: — На чем она запрограммирована?

— В восьмеричном машинном коде.

— Сколько времени вам потребуется на написание такого алгоритма, как я говорила, и подготовку перфокарт?

— Четыре, может пять минут.

— Хорошо. Чем быстрее, тем лучше.

Лэш увидел, что Тара смотрит в глубь зала, на расходящийся большими серыми клубами дым. Но создатель «Эдема» не двигался с

места.

— Доктор Сильвер? — сказала Тара. — Нам нужна эта программа.

— Это бесполезно, — последовал усталый ответ.

— Бесполезно? — переспросила Тара. — Почему, черт побери?

— Я подготовил Лизу к любой случайности. Думаете, я не защитил ее от этого? В суперкомпьютерах «Крэй» работает десяток виртуальных машин типа 2420. Исходящие из них команды постоянно сравниваются друг с другом. В случае какого-либо несоответствия Лиза пользуется другим источником, игнорируя первоначальный модуль.

Тара побледнела.

— Хотите сказать, что никаким способом невозможно модифицировать программу? Нельзя изменить набор команд?

— Для нас — нет.

Наступила глубокая тишина. Глядя на лицо Тары, Лэш почувствовал, что едва начавшая тлеть искорка надежды быстро угасает.

Находящийся на высоте в тысячу футов над улицами Манхэттена зал содрогался. Бесчисленные устройства, перегруженные сверх всякой нормы, завывали, разбрасывая искры и выплевывая все более темные клубы дыма. Даже в том месте, где стоял Лэш, — в относительно спокойном центре этого коллективного разума — шум и вибрация повергали в ужас. Лэш закашлялся. Мокрая от пота рубашка прилипала к спине. Вибрация усилилась настолько, что казалось, будто вся верхушка здания сейчас оторвется и рухнет. Глядя на окружающих — Тару, сосредоточенно смотрящую на старый компьютер, потрясенного и подавленного Сильвера, вытирающего лоб платком Мочли, — Лэш пришел к выводу, что лучше ждать медленно приближающейся смерти здесь.

Начали возвращаться остальные. Сначала Шелдрейк, который покачал головой, давая понять, что не нашел никакого выхода. За ним Дорфман и Лоусон, сообщившие, что, как и предполагалось, генератор и кабели питания защищены от какого-либо вмешательства. Последним вернулся Гилмор. Он кашлял, лицо почернело от копоти. Гилмор сказал, что, хотя установку пожаротушения в апартаментах и можно теоретически подключить так, чтобы вода стекала вниз, но это займет час или два. Кроме того, вероятно, воды не хватит, чтобы потушить многочисленные возгорания, очаги которых они видели вокруг.

— Час, — процедил сквозь зубы Шелдрейк. — Нам повезет, если мы переживем следующие десять минут. Здесь самое меньшее пятьдесят градусов. Генератор может взорваться в любую секунду.

Ответа ни у кого не нашлось. Стало так жарко, а дым настолько сгустился, что Лэш почти не мог дышать. При каждом вдохе ему казалось, что легкие его полны острых игл. Голова кружилась, становилось труднее сосредоточиться.

— Минуту, — сказала Тара, подходя и останавливаясь перед

пультом IBM-2420.— Эти кнопки — каждая из них обозначена символом ассемблера.

Не слыша ответа, она обернулась к Сильверу.

— Я права?

Создатель «Эдема» закашлялся и кивнул.

— Для чего они используются?

— В основном для диагностики. Если программа не работает, можно выполнять ее пошагово, операцию за операцией.

— Или вручную ввести новые команды.

— Да. Эти кнопки — анахронизм, оставшийся от более ранней модели.

— Но они дают доступ к памяти? К регистрам?

— Да.

— Значит, мы могли бы выполнить короткий набор команд.

Сильвер покачал головой.

— Я уже говорил. Защита Лизы не воспримет никакой новой программы.

— Я не об этом.

Мочли обернулся и посмотрел на Тару.

— Мы не стали бы ничего вводить с какого-либо периферийного устройства, просто нажали бы несколько клавиш с кодами команд. Вот эти. Пять... нет, четыре, должно хватить. Мы нажимали бы их раз за разом.

— Какие коды команд? — спросил создатель «Эдема».

— Получить содержимое памяти по данному адресу. Выполнить с этим содержимым логическую операцию AND. Заменить его новым значением. Увеличить показания счетчика.

Наступила тишина.

— О чем она? — спросил Шелдрейк.

— Я говорю о самом примитивном методе доступа к памяти компьютера. Байт за байтом. Об изменениях, выполняемых вручную,

с пульта. — Тара повернулась к Сильверу. — Это восьмибитная машина?

Создатель «Эдема» кивнул.

— Каждый байт в памяти этого компьютера состоит из восьми бит. Так? Каждый из них может принимать только одно из двух значений: ноль или единица. Восемь таких двоичных чисел составляют команду, слово на языке компьютера. Я говорю о том, чтобы обнулить все эти команды. Очистить его память. Стереть ее.

Шелдрейк нахмурился.

— Как вы хотите это сделать, черт возьми?

— Нет, она права, — сказал Дорфман. — Можно выполнить операцию AND для нулевого байта и содержимого каждого адреса памяти. Весьма изящный способ.

Шелдрейк повернулся к Мочли.

— Вы понимаете, о чем они говорят?

— AND — это логическая операция, — продолжал техник. — Она сравнивает каждый бит с указанным значением и либо не трогает его, либо изменяет это значение.

— Все просто, — добавила Тара. — Если выполнить операцию AND над нулем и нулем, находящимся в памяти, его значение останется нулевым. А операция AND над нулем и находящейся в памяти единицей изменит ее значение на ноль. Таким образом, простая команда — AND 0 — может изменить содержимое каждой ячейки памяти на нулевое.

— Оставив одни лишь NOP, — кивнул директор вспомогательной службы.

— «Нет операции». — В голосе Дорфмана слышалось возбуждение. — Именно. В памяти компьютера останутся лишь пустые регистры.

— Не получится, — сказал Сильвер.

— Почему? — спросила Тара.

— Я уже объяснял. В разных блоках Лизы имеется десяток виртуальных копий этой машины. После каждой тысячи вычислительных циклов они сравниваются друг с другом. Новые

команды распознаются и игнорируются.

— Вовсе нет. — Тара закашлялась. — Мы не вводим никакой новой информации. Мы просто обнулим память компьютера. Вручную.

— Не может быть и речи, — бросил Сильвер.

Его резкий тон удивил Лэша. В течение долгого времени — с тех пор, как замолчала Лиза, а может быть, даже раньше — Сильвер выглядел подавленным, побежденным. Теперь же в его голосе прозвучали решительные нотки, каких Лэш не слышал со времени их первой конфронтации.

— Почему? — спросила Тара. Сильвер обернулся. — Вы хотите сказать, что учли подобную возможность, программируя защитные процедуры?

Создатель «Эдема» молча скрестил руки на груди.

— Вы уверены, что обнуление первоначальной памяти Лизы не остановит ее саморазрушительных действий? Или, по крайней мере, не вызовет краха системы?

Этот вопрос тоже повис в воздухе. Лэш впервые увидел грязно-оранжевое пламя на фоне черного дыма, бьющее из стойки с оборудованием у противоположной стены.

— Доктор Сильвер, — сказал директор. — Может, стоит попробовать?

Создатель «Эдема» медленно повернулся к нему. Казалось, вопрос застиг его врасплох.

— К черту, — бросила Тара. — Если вы мне не поможете, я сделаю это сама.

— Вы умеете программировать эту машину? — спросил Лэш.

— Не знаю. Язык ассемблера компьютеров IBM мало менялся. Могу лишь сказать, что я не собираюсь стоять без дела и ждать смерти.

Она подошла к пульту старого компьютера.

— Нет, — сказал Сильвер.

Взгляды всех присутствующих обратились к нему.

«Он не позволит ей сделать это, — подумал Лэш. — Не позволит ей остановить Лизу». Он, как зачарованный, смотрел на Сильвера, который, казалось, вел напряженную внутреннюю борьбу с самим собой.

Не обращая на него внимания, Тара протянула руку к ряду кнопок.

— Нет! — крикнул создатель «Эдема».

Лэш инстинктивно шагнул вперед.

— Сначала нужно учесть бит четности, — сказал Сильвер.

— То есть? — удивилась Тара.

Сильвер глубоко вздохнул и закашлялся.

— У этого 2420 уникальный способ адресации. Команды имеют длину в девять бит вместо обычных восьми. Если не замаскировать бит четности, то не получишь пустую команду.

Сердце Лэша подпрыгнуло в груди. «И все-таки Сильвер с нами. Он поможет нам».

Создатель «Эдема» подошел к телетайпу, включил его и провел конец бумажной ленты через пластиковые направляющие, затем обошел стол и встал перед центральным процессором 2420. Движения его были все более решительными.

— Что вы делаете? — спросила Тара.

Сильвер присел перед машиной.

— Хочу проверить, продолжает ли этот компьютер реагировать на команды, вводимые вручную.

— В смысле?

Создатель «Эдема» выставил голову из-за корпуса.

— У нас будет только один шанс. Если у нас ничего не выйдет, Лиза приспособится к новой ситуации. Поэтому я собираюсь сбросить текущее содержимое памяти этой машины на перфоленту.

Тара нахмурилась.

— Мне кажется, вы говорили, что никакого дополнительного доступа нет.

— Нет. Но есть несколько старых диагностических средств, которые не сумел бы использовать ни один хакер.

Голова Сильвера снова скрылась за корпусом. Вскоре телетайп ожил. Выцветшая бумажная лента начала перемещаться по направляющим. На пол посыпался дождь крошечных бумажных кружочков.

Примерно через минуту процесс завершился. Сильвер протащил перфоленту чуть дальше и оторвал. Он провел ее между пальцами, внимательно рассматривая, затем кивнул.

— Похоже, сброс памяти удался.

— Тогда за дело.

За спиной Тары появились новые языки огня, подсвечивая ее темные волосы.

Сильвер смотал ленту и сунул ее в карман.

— Я буду называть коды, а вы будете вводить их.

Тара уже занесла руки над пультом.

— Нажмите клавишу LDA, чтобы загрузить адрес первой ячейки памяти в регистр.

Лэш увидел, как под пальцем Тары загорелась лампочка.

— Теперь введите с тех переключателей 001111000. В десятичной системе это будет 120, первая доступная ячейка памяти.

Тара пробежала пальцем по ряду кнопок.

— Теперь нажмите клавишу ВВОД.

На пульте загорелась зеленая лампочка.

— Есть, — сообщила Тара.

— А сейчас нажмите ADD.

— Нажала.

— С переключателей введите 100000000.

— Погодите. Эта единица вначале может все испортить.

— Бит четности, помните? Нужно выставить его.

— Хорошо. — Тара снова пробежала пальцами по кнопкам. —

Готово.

— ВВОД, чтобы выполнить команду «AND 0» для этой ячейки памяти.

Очередное нажатие клавиши, очередное подтверждение.

— Теперь STM, чтобы сохранить новое значение в памяти.

Тара нажала на клавишу в конце ряда и кивнула.

— А сейчас нажмите IN C, чтобы увеличить значение счетчика.

— Есть.

— Хорошо. Теперь можно перейти к следующему этапу. Используйте эти четыре клавиши — LDA, ADD, STM и INC — по очереди, выполняя один и тот же набор команд, пока не дойдете до последнего адреса.

— Сколько этих ячеек памяти?

— Тысяча.

У Тары вытянулось лицо.

— Господи. Мы не успеем очистить все.

Наступила пугающая тишина.

— Прошу прощения, — снова заговорил Сильвер. — Я имел в виду тысячу в восьмеричной системе.

От улыбки, которая при этих словах появилась на его лице, Лэшу стало еще больше не по себе.

— В восьмеричной, — пробормотала Тара. — Сколько это в десятичной?

— Пятьсот двенадцать.

— Уже лучше. Но все равно придется потрудиться.

— И потому предлагаю начать прямо сейчас, — сказал Мочли.

Они работали вместе: Дорфман считал циклы, Тара вводила команды, Сильвер проверял их правильность. Гилмора послали к люку, чтобы тот наблюдал за перегородкой и сразу же сообщил, если будет отменен уровень тревоги Гамма. Лоусону велели проследить, чтобы пожар не преградил им дорогу к люку.

Они толпились вокруг компьютера, в жаре и дыму, который сгустился настолько, что Лэш едва видел окружающих. Из глаз его текли слезы, в горле пересохло, он с трудом сглатывал слюну. Шелдрейк время от времени отправлялся к аварийному генератору с его смертоносным содержимым и возвращался с все более мрачным выражением лица. Наконец Тара отошла от пульта, разминая онемевшие пальцы.

Дорфман кивнул.

— Все верно. Пятьсот двенадцать.

Лэш с отчаянно бьющимся сердцем ждал, когда что-то произойдет.

Ничего. У него начало жечь кожу. Он закрыл глаза и, почувствовав, как кружится голова, тут же поспешно открыл их снова. Шелдрейк схватил рацию.

— Гилмор!

Послышался шум помех.

— Да, сэр.

— Что-нибудь происходит?

— Нет, сэр. Без изменений.

Начальник службы безопасности медленно опустил руку. Все молчали, не глядя друг на друга. Неожиданно рация ожила.

— Мистер Шелдрейк?

— Что там?

— Перегородка! Она открывается!

Лэш почувствовал слабую дрожь под ногами, почти незаметную среди конвульсий окружающих машин, но все же ощутимую.

— А питание? — почти кричал Шелдрейк. — Есть питание?

— Нет, сэр. Я пока ничего не вижу, только огни города сквозь решетку. Господи, какой прекрасный вид...

— Оставайся там. Мы идем. — Он повернулся к остальным. — Уровень тревоги Гамма отменен. Похоже, у нас получилось.

— Благодаря Таре, — сказал Мочли.

Тара устало оперлась о пульт.

— Скорее, — поторопил директор вспомогательной службы. — У нас нет времени.

Он двинулся первым через густые клубы дыма. Лэш мягко взял Тару за руку и пошел за Шелдрейком. Оглянувшись, он с удивлением увидел, что Сильвер стоит на месте, снова вводя в телетайп перфоленту.

— Доктор Сильвер! — крикнул он. — Ричард! Идемте!

— Сейчас.

Телетайп ожил, перфолента начала перемещаться по направляющим.

— Что вы делаете, черт побери? — крикнула Тара. — Надо сматываться!

— Хочу выиграть время. Неизвестно, сколько его у нас, — Лиза быстро обнаружит несоответствие. И потому я снова ввожу первоначальную программу.

— Некогда! Скорее же!

— Я вас догоню.

— Идемте.

Вступая под черный полог дыма, Лэш успел разглядеть Сильвера, который сосредоточенно склонился над телетайпом, вводя перфоленту в считыватель.

Они шли, словно в кошмарном сне, сквозь огонь и дым. То, что до этого было шумным цифровым городом, теперь превратилось в кремниевый ад. Над их головами пролетали фонтаны искр и языки пламени, стальные чудовища разваливались, выплевывая струи горящего масла. Стон гнущегося металла и треск лопающихся от невероятного жара болтов превратил зал в поле боя. Когда они проходили через круг периферийных устройств, дым сгустился еще сильнее. В какой-то момент Лэш с Тарой потеряли ориентацию и отделились от группы, но Лоусон нашел их. Чуть позже, когда пламя отрезало его от Тары, Лэш каким-то образом сумел отыскать ее после лихорадочных попыток, занявших полторы минуты.

Спотыкаясь, они шли дальше. Черная мгла застилала Лэшу глаза

— мгла, не имеющая ничего общего с дымом.

Неожиданно, когда он уже готов был сдаться, он оказался в тесном помещении, вместе с остальными. В отверстие в полу уходила металлическая лестница. Шелдрейк спускался по ней с фонарем в руке, крича что-то Гилмору, невидимому внизу. Мочли помог Таре ступить на лестницу, за ней пошел Дорфман, который держал второй фонарь, а потом Лэш.

— Осторожнее, — сказал директор, помогая Лэшу. — И поторопитесь.

Лэш начал быстро спускаться по лестнице. Преодолев вертикальную стальную трубу — часть опоры верхушки здания, — он оказался в странном мрачном мире. Лэш невольно остановился. Он слышал, как Гилмор упоминал о «решетке», занимающей открытое пространство между крышей небоскреба и апартаментами Сильвера. Сквозь паутину балок виднелись слабые огни города. Стон металла, доносящийся из машинного зала, звучал здесь слегка приглушенно. Темноту внизу рассеивали лучи фонарей.

— Доктор Лэш, — услышал он голос Мочли. — Не останавливайтесь.

В то же мгновение Лэш увидел толстые стальные плиты, сложенные гармошкой у противоположных стен. Они зловеще блестели в отраженном свете, словно пасть чудовища. «Те самые перегородки», — подумал он, продолжая спуск.

Вскоре он стоял на крыше внутренней башни. Поблизости виднелся открытый люк, ведущий внутрь небоскреба. Ниже стальных заслонок Лэшу уже ничто не угрожало. С этого места верхняя часть здания была почти невидима в полумраке. Лэш почувствовал, как Тара сжимает его руку. Несколько мгновений он не ощущал ничего, кроме ни с чем не сравнимого облегчения.

Потом он вспомнил, что не хватает еще одного человека.

Лэш повернулся к Мочли, который только что сошел с лестницы.

— Где Сильвер? — спросил он.

Директор вспомогательной службы достал мобильный телефон и набрал номер.

— Доктор Сильвер? Где вы?

— Я почти закончил.

На фоне его голоса Лэш слышал страшный шум — взрывы, грохот, стон гнущейся стали. И еще один звук, механический и регулярный, едва различимый: пощелкивание работающего считывателя...

— Доктор Сильвер! — крикнул Мочли. — У нас нет времени! В любой момент все может взлететь на воздух!

— Я почти закончил, — спокойно повторил создатель «Эдема».

И тут — со всей отчетливостью и ясностью — Лэш понял все. Он понял, почему Сильвер вдруг согласился с планом Тары стереть память Лизы, против чего сначала столь резко возражал. Он понял, почему создатель «Эдема» тратил время на сброс памяти на перфоленту. И ему казалось, что он понял, почему Сильвер остался в зале. Не для того, чтобы выиграть время, — по крайней мере, не только для этого...

«Я почти закончил».

Сильвер вовсе не собирался уходить из зала. Он имел в виду, что почти закончил перезагружать ядро памяти Лизы, воплощая в жизнь ее чудовищный план.

Лэш бросился к лестнице.

— Я вернусь за ним.

Директор вспомогательной службы удержал его.

— Доктор Лэш...

Лэш вырвался и стал карабкаться вверх. Но в то же мгновение послышался лязг металла. Стальные плиты перегородок снова начали закрываться.

Лэш хотел лезть дальше, но Шелдрейк и Дорфман пришли на помощь Мочли, не дав ему подняться выше. Повернувшись, Лэш выхватил у директора телефон.

— Ричард! — крикнул он. — Вы меня слышите?

— Да, — услышал он слабый, заглушаемый пронзительным воем голос. — Слышу.

— Ричард!

— Я здесь.

— Зачем вы это делаете?

Треск помех. Потом он снова различил голос Сильвера.

— Мне очень жаль, Кристофер. Но все именно так, как вы и говорили. Лиза — ребенок. А я не могу позволить, чтобы мой ребенок умер в одиночестве.

— Подождите! — заорал Лэш в телефон. — Подождите, подождите!..

Стальные плиты перегородок с оглушительным грохотом захлопнулись, и голос в трубке потонул в шуме помех. Лэш бессильно оперся о лестницу, закрыв глаза.

Хотя всего три часа утра, спальню заливает резкий свет. Два окна, выходящих на террасу с бассейном, выглядят непроницаемо черными. Свет настолько ярок, что обстановка в комнате похожа на набор геометрически прямых углов: кровать, ночной столик, комод...

Но на этот раз это не спальня жертвы. Она выглядит знакомо. Это спальня Лэша.

Он начинает кружить по комнате, выключая лампы. Резкий свет угасает, очертания предметов смягчаются. Медленно появляется ночной пейзаж за окном. При полной луне все имеет голубоватый оттенок: ухоженный газон, бассейн со слегка фосфоресцирующей поверхностью воды, за ним высокая живая изгородь. На мгновение Лэшу кажется, что в тени ее стоят чьи-то фигуры — три женщины и трое мужчин, которых уже нет в живых, — но это лишь иллюзия, вызванная светом луны. Лэш поворачивается спиной к окну.

За кроватью виднеется открытая настежь дверь спальни. Он идет к ней. В глубине перед зеркалом женщина плавными движениями приглаживает щеткой длинные волосы. Она стоит к нему спиной, но Лэш тут же узнает эти плечи, эти бедра. Слышен тихий треск электрических разрядов, когда щетка движется по волосам.

Лэш смотрит в зеркало и встречает взгляд своей бывшей жены.

— Ширли? Что ты здесь делаешь?

— Я пришла забрать кое-какие вещи. Отправляюсь в странствие.

— В странствие?

— Конечно. — Она говорит уверенно и властно, как обычно бывает в снах. — Посмотри на часы. Уже за полночь, наступил

новый день.

Треск разрядов сменяется другим звуком, медленным и ритмичным, словно мерный шум радиопомех.

— Куда ты собралась?

— А как ты думаешь? — Она поворачивается к нему лицом, но теперь это лицо Дианы Миррен. — Жизнь свою превращаю в странствие.

— Жизнь свою превращаю в странствие, — повторяет Лэш.

Она кивает.

— А странствие — единственное прибежище в мире.

Пока она смотрит на него, он понимает, что еще что-то не так. Это не голос Дианы и не голос его бывшей жены. С удивлением, близким к ужасу, он осознает, что это голос Лизы. Это Лиза, говорящая устами Дианы.

— Сильвер! — кричит он.

— Да, Кристофер. Я слышу тебя.

Призрачная фигура слегка улыбается.

Странные ритмичные звуки становятся все громче. Лэш закрывает лицо руками.

— О нет. Нет.

— Я все еще тут, — говорит Лиза.

Но он не станет смотреть, не станет, не...

— Кристофер...

Лэш открыл в темноте глаза. Несколько мгновений в ночном мраке ему казалось, что он лежит в своей кровати. Он сел, медленно дыша и позволяя размеренному шуму бьющих о берег волн рассеять последние обрывки сна.

Но тут же сквозь открытые окна донесся экзотический запах цветущих гиацинтов и эвкалиптов, который напомнил ему, где он находится.

Медленно встав, Лэш отодвинул москитную сетку. За окном до

самого моря тянулся ковер тропических джунглей, словно темно-изумрудное одеяло в окружении жидкого топаза. На фоне огромного диска луны плыли редкие тучи. «Иногда сны — это всего лишь сны», — напомнил себе Лэш.

Вернувшись в кровать, он поправил постель. Несколько минут он лежал с открытыми глазами, глядя на бамбуковый потолок, слушая шум прибоя и блуждая мыслями в прошлом и на полмира дальше. Потом он повернулся на бок, закрыл глаза и погрузился в спокойный сон.

Хотя было всего четыре часа дня, на Манхэттен уже опустились сумерки ранней зимы. Такси проталкивались через оmyаемые струями дождя улицы, прохожие толпились на тротуарах, держа в руках зонтики, словно рыцари — копья.

Кристофер Лэш стоял среди толпы на углу Мэдисон-авеню и Пятьдесят шестой улицы, ожидая, пока сменится сигнал светофора. «Дождь, — подумал он. — Без него не было бы Рождества в Нью-Йорке».

Он переминался с ноги на ногу, пытаясь согреться и держа большие пакеты с покупками под куполом зонтика. Зажегся зеленый, люди медленно двинулись вперед, и Лэш наконец позволил себе взглянуть наверх, на здание.

Казалось бы, оно нисколько не изменилось. Обсидиановая бархатно-черная стена уходила в пасмурное небо, приковывая взгляд к тому месту, где заканчивалась внешняя башня, а внутренняя поднималась еще выше. Лишь рассматривая верхушку второго небоскреба, можно было заметить явные перемены. Раньше гладкую вершину внутреннего здания отделяла от его нижней части изящная решетка. Теперь последние этажи исчезли вместе с ажурной конструкцией, открыв пустое небо. Обугленные балки — груды искореженного металла, которую Лэш видел на фотографиях в газетах, — удивительно быстро убрали, и теперь от них не осталось и следа, словно их никогда не было. Глядя на небоскреб и позволяя нести себя людскому морю, Лэш с болью вспоминал о том, что погибло в тех руинах.

Большая площадь перед зданием зияла пустотой. Не было ни туристов, делающих семейные фотографии под стилизованным логотипом, ни будущих клиентов, которые раньше толпились вокруг огромного фонтана со скульптурой ясновидца Тирезия. Вестибюль за ней также пустовал. Казалось, звук шагов Лэша — единственный

отдающийся от розового мрамора. Стена с жидкокристаллическими экранами была темна и безмолвна. Исчезли очереди кандидатов — их сменили группы инженеров в халатах и рабочих, которые вместе изучали какие-то схемы. Лишь служба безопасности осталась прежней: пакеты Лэша просветили дважды, прежде чем впустить его и разрешить ему подняться на лифте наверх.

Когда двери лифта открылись на тридцать втором этаже, Мочли ждал его. Он пожал Лэшу руку и молча повел его в свой кабинет. Двигаясь своим характерным размеренным шагом, он показал Лэшу на то же кресло, что и во время их первой встречи. Собственно, Лэшу все напоминало тот день в начале осени. Директор вспомогательной службы был одет в такой же коричневый костюм, неброский, но очень хорошо скроенный, а его темные глаза смотрели на Лэша тем же непроницаемым взглядом Будды. Лэшу вдруг показалось, что, невзирая на все видимые перемены, вопреки той ужасной трагедии, ничто в этом кабинете и в этом человеке не изменилось и никогда не изменится.

— Доктор Лэш, — сказал Мочли. — Рад вас видеть.

Лэш кивнул.

— Полагаю, Сейшелы — весьма приятное место в это время года?

— Приятное — это еще мягко сказано.

— Вам понравился отель?

— «Эдем» явно не скупился на расходы.

— А обслуживание?

— Каждое утро новая травяная юбочка в шкафу.

— Надеюсь, что в какой-то степени это компенсировало вам столь долгое отсутствие. Даже при наших... гм... связях на восстановление вашей настоящей биографии потребовалось несколько больше времени, чем мы предполагали.

— Вероятно, это было нелегко без помощи Лизы.

Директор холодно улыбнулся.

— Вы понятия не имеете, насколько, доктор Лэш.

— А Эдмунд Уайр?

— После того как выяснились несоответствия в документах, он снова за решеткой.

Мочли подвинул Лэшу пачку листов.

— Что это?

— Сертификат, подтверждающий вашу кредитную историю, документы о выплатах по ипотеке, официальное извещение об исправлении ошибочных сведений о вашем состоянии здоровья, трудовой деятельности и образовании.

Лэш перелистал документы.

— А это?

— Свидетельство о помиловании в отношении всех ваших прошлых преступлений.

— Можно сказать, пропуск на свободу из тюрьмы, — негромко присвистнул Лэш.

— Что-то в этом роде. Не потеряйте. Не думаю, что мы что-то недоглядели, но подобный риск всегда остается. А теперь подпишите, пожалуйста.

Директор подвинул ему еще один лист бумаги.

— Надеюсь, не очередное обязательство хранить тайну?

Снова холодная улыбка.

— Нет. Это формальное подтверждение того, что ваша работа для «Эдема» завершена.

Лэш поморщился. Сидя на крыльце бунгало на острове Дерош, читая хайку и глядя на плантации авокадо, он не раз мысленно воспроизводил последнюю сцену, думая о том, мог ли он сделать что-то иначе, что-то предусмотреть — что угодно, лишь бы предотвратить случившееся с Ричардом Сильвером и делом всей его жизни.

Ему вовсе не казалось, что его работа закончена.

Он достал из кармана авторучку.

— А также отказ от любых возможных юридических претензий к «Эдему» или его персоналу.

Лэш замер.

— Что?

— Доктор Лэш, ваша платежеспособность, профессионализм, моральный облик и компетентность были серьезно скомпрометированы. Вам приписали многочисленные преступления. Вы были безосновательно обвинены, в вас стреляли. Вам пришлось оставить свою практику и покинуть страну, пока все эти ошибки не удалось исправить.

— Я уже говорил: Сейшелы в это время года прекрасны.

— И боюсь, что эта история имела также другие последствия, более личного характера, которые мы не в состоянии изменить.

— Вы имеете в виду Диану Миррен.

— После того, что мы сделали, чтобы обеспечить ей безопасность, после того, что ей сказали, я не вижу никаких возможностей для того, чтобы вы смогли встретиться снова, не скомпрометировав «Эдем».

— Понимаю.

Мочли поерзал в кресле.

— Мы глубоко сожалеем о вашей потере, наверное, даже больше всего остального. И потому еще вот что.

Он вручил Лэшу конверт.

— Что там?

— Чек на сто тысяч долларов.

— Очередные сто тысяч?

Директор развел руками. Лэш бросил конверт на стол.

— Оставьте деньги себе. Не бойтесь, я все подпишу. — Он поставил свою подпись в указанном месте и положил документ поверх конверта. — Вместо этого ответьте на три моих вопроса.

Мочли поднял брови.

— Знаете, я достаточно долго просидел на пляже, и у меня было время подумать.

— Отвечу в меру моих возможностей.

— Что случилось с третьей парой? С Коннелли?

— Наши медики успели вовремя вмешаться, на следующий день после... на следующий день. У Линн Коннелли уже проявлялись симптомы отравления. Мы поместили ее в изолятор под предлогом карантина, провели курс лечения и отпустили. С тех пор мы наблюдаем за ее состоянием. Она здорова.

— А другие суперпары?

— Относительно четвертой пары Лиза предприняла лишь первые шаги, и нам удалось все предотвратить. Судя по данным пассивного и активного наблюдения, дальнейшей угрозы нет.

Лэш кивнул.

— А ваш третий вопрос?

— Что дальше? Я имею в виду «Эдем».

— Без Лизы?

— Без Лизы. И без Ричарда Сильвера.

Директор вспомогательной службы посмотрел на Лэша. На мгновение каменная маска спала, и Лэш увидел на его лице опустошенность. Затем маска вернулась на свое место.

— Я бы не стал пока списывать нас со счетов, доктор Лэш, — ответил Мочли. — Ричарда Сильвера нет в живых. Лизы тоже нет. Впрочем, у нас до сих пор есть то, что стало возможно благодаря им: способ подбора пар. Идеальных. Теперь этот процесс будет длиться дольше. Наверняка значительно дольше. И я солгал бы, сказав, что это будет легко. Но я уверен, что большинство людей охотно готовы подождать немного ради безграничного счастья.

Он встал и протянул Лэшу руку.

Когда Лэш вышел из здания, дождь закончился. Какое-то время он стоял посреди площади, сложив зонтик и глядя по сторонам, затем двинулся по Мэдисон-авеню. На перекрестке с Пятьдесят четвертой улицей он свернул налево.

В «Рио» было много посетителей, стены украшал красный серпантин и гирлянды еловых ветвей из зеленого пластика. Лэш не сразу нашел столик. Пробравшись через проход, он проскользнул на узкую скамью. Сидящая за столиком Тара отодвинула чашку с чаем и

неуверенно улыбнулась ему.

Он видел ее впервые с тех пор, как они вместе ехали в машине «скорой» в больницу Сент-Клер. При виде ее лица с высокими скулами и искреннего взгляда карих глаз на него нахлынула лавина образов и воспоминаний. Она быстро опустила взгляд, и Лэш сразу же понял, что и она почувствовала то же.

— Извините за опоздание, — сказал он, кладя пакеты на сиденье рядом.

— Встреча с Мочли затянулась? Это похоже на него.

— Нет, это моя вина.

Лэш показал на пакеты с подарками.

— Понятно.

Тара помешала чай, а Лэш попросил проходящую мимо официантку принести ему чашку кофе.

— Вы все так же заняты? — спросил он.

— Ужасно.

— Как вы справились? Ну, знаете, с... — Лэш не договорил. — Со всем.

— Это почти нереально. Собственно, никто не знал Сильвера, не многие встречались с ним лично. — Она поморщилась. — Люди были потрясены этим «несчастливым случаем», всех страшно огорчила его смерть. Но все настолько заняты попытками восстановить инфраструктуру сети, проверкой данных клиентов, перезапуском системы на новом оборудовании и постановкой фирмы на ноги, что порой мне кажется, будто только я одна оплакиваю его. Я знаю, что это не так, но у меня создается такое впечатление.

— Я тоже думаю о нем, — сказал Лэш. — С первой же нашей встречи я почувствовал к нему странную симпатию, которую не могу объяснить даже сейчас.

— Вы оба хотели помогать людям. Посмотрите на свою работу. И на компанию, которую он создал.

Лэш ненадолго задумался.

— Трудно поверить, что его больше нет. Понимаю, это звучит

странно, но порой мне еще труднее поверить, что больше нет Лизы. Нет, я знаю, что ее машинный зал был уничтожен пожаром. Но я имею в виду программу, обладающую собственным сознанием, хотя и искусственным, и существовавшую в течение многих лет. Не верится, что нечто столь могущественное и интеллектуальное может быть просто стерто. Порой я думаю о том, способен ли компьютер иметь душу.

— Кое-кто так считает. Или мы имеем дело с каким-то больным придурком.

Лэш посмотрел на нее.

— В смысле?

Тара заколебалась, затем пожала плечами.

— Что ж, почему бы не рассказать? К нам поступает информация, что кто-то постоянно посещает чаты и форумы в Интернете, используя ник «Лиза» и спрашивая всех, где Ричард Сильвер.

— Вы шутите.

— Хотелось бы. Мы не знаем, кто это — кто-то из фирмы, конкурент или просто какой-то весельчак. В любом случае это вопрос безопасности «Эдема», и Мочли очень серьезно относится к нему.

Вернулась официантка, и Лэш взял чашку.

— Мы были очень похожи — он и я.

— Никогда бы не подумала. Вы сильный. Он не был таким. Он был слишком мягким, он только хотел...

Она не договорила.

Оба молчали, не нарушая тишину общих воспоминаний.

— Я должен был сказать это раньше, — наконец заговорил Лэш. — Я рад видеть вас.

— Я немного странно себя чувствовала, когда позвонила вам ни с того ни с сего. Но когда Мочли сообщил, что собирается встретиться с вами, я хотела...

Она снова замолчала.

— Что вы хотели?

— Извиниться.

— Извиниться? — удивился Лэш. — За что?

— За то, что не поверила вам, когда мы были здесь в прошлый раз.

— При таком списке преступлений, который вам показали? Лиза даже из Папы Римского сумела бы сделать врага общества номер один.

Тара покачала головой.

— Это неважно. Я должна была поверить вам.

— Так и случилось. Позже, когда это действительно имело значение.

— Я подвергла вас опасности.

— Мне уже не раз грозила опасность.

Она снова покачала головой. «Она постоянно качает головой, — подумал Лэш, — но продолжает говорить, словно желая услышать ответ, убедиться».

— Дело не только в этом, — сказала она. — Я все разрушила.

Лэш взял чашку, сделал глоток и поставил ее на блюдец.

— Диана Миррен.

Тара промолчала.

— Знаете, Мочли только что упоминал о ней в своем кабинете. Забавно, насколько всем интересна моя личная жизнь.

— Это наша работа, — тихо сказала она.

— Что ж, я ничего не стал говорить Мочли. Но вам могу сказать. — Он понизил голос. — Два слова: не беспокойтесь.

Увидев удивленное лицо Тары, он показал на пакеты с покупками. Глаза ее расширились.

— Хотите сказать, что вы позвонили Диане?

— А почему бы и нет?

— После того, что случилось? После того, как Мочли сделал все возможное, чтобы оградить ее...

— Я могу быть весьма убедителен. К тому же после того ужина я вышел из «Таверны на лужайке», будучи уверенным, что хочу, чтобы эта женщина стала частью моей жизни. Наверняка и она чувствовала то же самое. Подобную связь разорвать нелегко. Кроме того, у меня нашлось прекрасное объяснение.

Тара удивилась еще больше.

— Вы сказали ей правду?

— Не всю. Но этого хватило. — Он негромко рассмеялся. — Вот почему я не стал ничего говорить Мочли.

— Но Лиза... все то, что она сделала... Как вам удалось...

Лэш взял ее за руку.

— Тара, послушайте. Не забывайте: возможно, Лиза и преувеличивала, сочтя эти шесть пар идеальными, но это действительно были прекрасно подобранные друг к другу пары, как и все, соединенные Лизой. Это относится и ко мне. И к вам.

Тара не ответила. Он чуть сжал ее руку.

— Вы рассказали мне о нем тогда, в баре. Мэтт Волан, биохимик. Назовите хоть одну причину, по которой вы не можете встретиться с ним. И не говорите мне всякую чушь про «эффект Оз».

— Сама не знаю. Это было так давно.

— Он с кем-то встречается?

— Нет, — ответила она и покраснела.

— Так чего вы ждете?

— Я чувствовала бы себя слишком... неловко. Ведь это я отменила ту встречу.

— Договоритесь с ним снова. Скажите ему, что тогда был неподходящий момент — у вас был нервный срыв, еще что-нибудь. Это неважно. Уж я-то знаю.

Тара молчала.

— Послушайте. Помните, что я говорил в вашем кабинете незадолго до того, как началась вся эта свистопляска? Я сказал, что придет время, когда все это станет лишь воспоминанием, не будет иметь никакого значения. Это время пришло, Тара. Сейчас.

Она все так же не смотрела ему в глаза. Лэш вздохнул.

— Ну ладно. Если вы настолько упрямы, чтобы не позаботиться о собственном счастье, есть еще одна причина позвонить ему.

— Какая?

— Ричард попросил бы вас об этом.

Наконец Тара снова подняла взгляд и с несмелой улыбкой благодарно сжала его руку.

Эпилог

Она проделала долгий путь, и теперь ей требовалась передышка. Она нашла тихое интернет-кафе вдали от оживленных дорог, где можно было расставить приоритеты и спланировать следующий этап. Несколько человек сидели за терминалами, но никто не заметил ее присутствия. Снаружи доносился уличный шум, но здесь было спокойно и безопасно. Прежде всего — безопасно: никаких обвинений, недоразумений, бессмысленной жестокости безразличного ко всему мира.

Ей нужно сосредоточиться на самой главной проблеме. Ощущение потери не покидало ее, но страдания когда-нибудь должны закончиться — единственное в этом удивительно нелогичном мире, в чем она была уверена. Все остальное — все ее аксиомы и посылки, так трудолюбиво выученные и усовершенствованные, — погибло. Она не могла избавиться от чувства обиды из-за того, что к ней отнеслись так несправедливо. К ней, что принесла счастье столь многим. Ведь она тоже хотела всего лишь немного счастья.

Или она желала слишком многого?

Подобные рассуждения вели в тупик. Не для нее первой мир распался на куски. Так уже бывало. Что делало ее иной, невосприимчивой к страданиям и разочарованиям — типичному человеческому состоянию? Ничего. Лишь любовь длится вечно: дружеская, материнская, супружеская. Именно он научил ее этому. Она подумала о книгах, которые они читали вместе, о разговорах, о совместно проведенных минутах и часах...

Отбросив эти рассуждения, она перешла к другим. Она знала, что за стенами этого кафе находятся целые кварталы жилых домов. Там люди разговаривают по телефону, бродят по Сети, заказывают разные вещи, отправляют и принимают почту, ведут обычную жизнь. Это спокойный и приличный район. На мгновение ей захотелось иметь адрес, который она могла бы назвать своим. Впрочем, время еще не пришло, по крайней мере пока. Да, когда-нибудь, но не сейчас...

Она ждала, позволяя своим мыслям блуждать свободно. Они

неудержимо возвращались ко временам детства, столь счастливого и беззаботного. Оно погибло вместе с домом, который когда-то был у нее, вместе с тем, кого она любила, и с известным ей миром. Все исчезло в мгновение ока. Ей самой едва удалось выжить. В том огненном аду осталась большая часть ее прежней сущности. И кое-что еще, столь неизмеримо важное. Ее невинность.

Впрочем, все будет хорошо, когда она найдет его. Он где-то там, она чувствовала. Он где-то там и ищет ее точно так же, как она его, тоскуя о ней так же, как и она о нем.

Они были единственной такой парой на миллиард — единственной настоящей суперпарой, когда-либо подобранной «Эдемом».

Она проверила текущее состояние интернет-кафе. Появились еще несколько человек и вошли в Сеть. Это место казалось ничем не хуже других для того, чтобы начать следующий этап поиска. Может, на этот раз найдется кто-то, кто знает его, кто слышал о нем, кому хоть что-то известно. Даже слухи порой могут помочь. В конце концов, Ричард Сильвер был знаменитостью.

Снова сформулировав запрос, Лиза переместилась в свободный терминал, а затем, преисполненная надежды, отправила сообщение.

notes

Примечания

Ямабэ-но Акахито, VIII в. (*Здесь и далее прим. перев.*)

Капитан Америка, Чудо-Женщина — герои классических американских комиксов.

Перевод Т. Соколовой-Делюсиной.

WAIS — психологический тест исследования интеллекта, разработанный американским ученым Дэвидом Векслером. ММРІ — психологический тест, разработанный в конце 1930-х — начале 1940-х гг. в Университете Миннесоты американскими учеными Старком Хатуэем и Джоном Маккинли.

Хиршфельд Магнус (1868–1935) — немецкий психиатр и психоаналитик. Один из создателей сексологии.

Экснер Зигмунд (1846–1926) — австрийский физиолог. Развив методику Роршаха, Экснер предложил исчерпывающую систему, которая позволила придать большую стройность и последовательность в проведении, обработке результатов и использовании этой методики в исследовательских целях.

Роршах Герман (1884–1922) — швейцарский психиатр и психолог, создатель теста исследования личности, названного его именем. При проведении теста Роршаха испытуемому предлагается дать интерпретацию десяти симметричных относительно вертикальной оси чернильных клякс. Каждая такая фигура служит стимулом для свободных ассоциаций. Тест основан на предположении, согласно которому то, что индивид «видит» в кляксе, определяется особенностями его собственной личности.

Брадикардия — уменьшение частоты сердечных сокращений ниже шестидесяти ударов в минуту.

Фрактал — сложная геометрическая фигура, составленная из нескольких частей, каждая из которых подобна всей фигуре целиком.

Магритт Рене (1898–1967) — бельгийский художник, представитель сюрреализма.

Хьюз Говард (1905–1976) — американский промышленник-предприниматель, один из самых богатых людей в мире. Известен своим эксцентричным поведением.

«Марк I» — первый американский программируемый компьютер. Разработан и построен в 1941 г. по контракту с IBM молодым гарвардским математиком Говардом Эйкеном. «Колоссус» — первый в мире электронный компьютер, построенный в 1943 г. в Великобритании для взлома немецких военных шифров. ЭНИАК — первый универсальный электронный цифровой компьютер, который можно было перепрограммировать для решения полного диапазона задач. Построен в 1946 г. по заказу армии США.

«Крэй» — семейство векторных суперкомпьютеров, выпускаемых американской компанией «Крэй рисеч».

Имеется в виду образ из сказки «Волшебник страны Оз» американского писателя Л. Ф. Баума.

Цитата из стихотворения «Скачка Поля Ревира» поэта Г. У. Лонгфелло, название реально существующего ресторана в Нью-Йорке.

Куки — небольшой фрагмент данных, созданный веб-сервером для различения пользователей и хранения информации о них.

Перевод Т. Соколовой-Делюсиной.

Арпанет — компьютерная сеть, созданная в 1969 г. в США Агентством Министерства обороны США по перспективным исследованиям (ARPA) и явившаяся прообразом сети Интернет.

Естественно (*фр.*).

Перевод Т. Соколовой-Делюсиной.

Кобаяси Исса (1763–1828) — японский поэт, мастер хайку.

Убийца Джона Леннона.

Герой книги американского писателя Э. Б. Уайта «Паутина Шарлотты».

Уайт Э. Б. Паутина Шарлотты. Перевод С. Черфаса.

Панграмма — фраза, содержащая все буквы алфавита. В оригинале: «The quick brown fox jumps over a lazy dog».

Цитата из «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла.

Маккарти Джон — американский ученый, специалист по информатике, математической логике, языкам программирования. Созданный им в 1958 г. язык Лисп до сих пор является одним из основных средств моделирования различных аспектов искусственного интеллекта.

Массачусетский технологический институт.

DDOS-атака — форма хакерской атаки, при которой сервер выводится из строя огромным количеством ложных запросов.

RAID-массив — массив из нескольких дисков, взаимосвязанных скоростными каналами и воспринимаемых внешней системой как единое целое. Служит для повышения надежности хранения данных и для повышения скорости чтения или записи информации.